

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 4

Кемерово 2008

ББК 77я43
А43

Научный редактор – доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ **Е. Л. КУДРИНА**

Редколлегия:

доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе КемГУКИ

В. И. МАРКОВ,

доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии КемГУКИ

Г. Н. МИНЕНКО,

доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой
и международной деятельности КемГУКИ **В. Д. ПОНОМАРЕВ,**

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой технологии
документальных коммуникаций КемГУКИ **И. С. ПИЛКО,**

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии,
права и социально-политических дисциплин КемГУКИ **Ю. В. КЛЕЦОВ**

А43 Актуальные проблемы социокультурных исследований [Текст]:
межрегиональный сборник научных статей / Кемеровский государ-
ственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ,
2008. – Вып. 4. – 370 с.

ISBN 5-8154-0056-4.

Рассматриваются вопросы философии культуры, культурологии, художествен-
ной культуры, эстетики, традиционной культуры и фольклора, социально-культурной
деятельности, музееведения и информационных технологий.

Предназначен преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

ББК 77я43

ISBN 5-8154-0056-4

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI века становится все более очевидным, что только интеллектуальный творческий потенциал является прочной основой как процветания государств, так и развития каждого отдельного человека. Очередная перекройка геополитической карты мира, разрушение финансовых систем, возрастание общей нестабильности жизни человека являются характерными чертами современного развития. Глобализационные процессы усиливают общую атмосферу непрекращающейся конкуренции. В этих условиях образование, образованность становятся главным капиталом человека на всю жизнь, и лишь информационно-интеллектуальные ресурсы могут обеспечить новый виток развития России. Творческий потенциал, культура, в самом широком смысле слова, становятся не только факторами устойчивого развития нашей страны, но и условиями обеспечения ей достойного места в ансамбле великих держав. Все эти моменты определяют то внимание и надежды, которые связываются сегодня с творчеством молодых исследователей.

Сборник научных работ аспирантов и соискателей Кемеровского государственного университета культуры и искусств, основанный на материалах ежегодной конференции, в четвертый раз выходит в формате межрегионального издания. Для внимательного и требовательно читателя, следящего за материалами этого сборника, несомненно, он ассоциируется с сохранением добрых традиций, заложенных в первом выпуске, и появлением новых тенденций в последующих выпусках.

Пятьдесят восемь авторов из различных регионов Сибири, представляющих разные этапы вхождения в науку, различный практический опыт в сфере культурно-образовательной деятельности, отразили в своих статьях умение осваивать классическое наследие гуманитарной мысли, анализировать инновационные процессы, предлагая свои решения дискуссионных проблем. Основной массив авторов составляют, естественно, аспиранты и соискатели КемГУКИ, преподаватели и сотрудники вуза, занимающиеся научной работой. Представлены также десять преподавателей и сотрудников других вузов, школьные учителя, тринадцать практических работников из самых различных отраслей культурно-образовательной деятельности, в том числе служители церкви.

Концепция сборника с самого начала основывалась на идее объединения различных поколений исследователей. Поэтому и в данном издании представлены, с одной стороны, статьи кандидатов наук, а с другой – будущих аспирантов, а ныне еще студентов. Таким образом, статус сборника приобретает новые оттенки. Сохраняя свое первичное и основное

назначение: представлять результаты научных изысканий молодых исследователей вуза, он от выпуска к выпуску постепенно превращается в более широкое издание, отражающее увеличивающееся разнообразие научно-практических интересов научной и культурной общественности Западной Сибири. Следует отметить, что ряд статей носит явно выраженный комплексный, междисциплинарный характер, освещающий актуальные проблемы современности.

Каждый из разделов предлагаемого читателям сборника имеет свои особенности. В первом разделе «Прагматика социального бытия: проблемы теории и практики» отражаются острые проблемы более общей теоретической направленности. В этой части издания наличествуют, прежде всего, статьи, посвященные классическим темам гуманитарного дискурса – социум как среда человеческой активности, истины, идеала, аксиологии бытия человека. Присутствуют и историко-философские штудии по Кьеркегору, философской мысли Древнего Китая.

С другой стороны, проявляется явное стремление авторов к осознанию, осмыслению новаций современного мира, к оценке возникающих перспектив, угроз и рисков для бытия человека в социуме. Отсюда интерес к проблемам новой идеологии для России, лингвистическим новшествам как фактору культурных изменений, проблематике коммуникации в киберпространстве, измененным состояниям сознания современного человека.

Работы второго раздела, более культурологического по сути, в каком-то смысле продолжают первый, акцентируя внимание на наиболее актуальных аспектах социокультурной динамики современности, но в несколько другой парадигме, исходя из идеи множественности культур. В них осмысливается глобальная культурная ситуация, вновь и вновь ставящая под знак вопроса сохранение культурной традиции, уникальности культурных миров человечества при их интеграции в глобальное культурное пространство. Авторы рассматривают сложность, противоречивость, неоднозначность этой ситуации и поэтому снова обращаются к проблематике как понятийного, так и феноменологического анализа, к уточнению исходных для дискуссии позиций и терминов научного дискурса – патриотизм, национализм, толерантность, ценности, самоидентификация и т. д. Общая идея, пронизывающая данные работы, состоит в том, что без теоретического различения исходных понятий и установок, при превышении меры происходит превращение позитивных процессов и лозунгов в собственную противоположность, и самые лучшие стремления человечества оказываются дорогой в ад. Особое внимание уделяется основной проблеме культурного кризиса современности – необходимости

сохранения уникальности и самобытности культур в условиях нарастающего культурного многообразия человечества.

В третьем разделе, посвященном проблемам эстетики и художественной культуры, прослеживается тенденция к сочетанию солидной философской фундированности анализа с интересом к новейшим феноменам художественной жизни – жанру фотографии, сочетающему черты фотоискусства и графического дизайна, к электронной музыке и взаимодействию в ней академического музыкального искусства с новыми техническими средствами. Авторы исследуют самые разнообразные виды художественной деятельности – от декоративно-прикладного до актерского и музыкального, вводят в научный дискурс проблемы практического опыта культурно-просветительских организаций.

Идея сохранения культурного многообразия, так или иначе, обозначается во всех статьях раздела, посвященного традиционной культуре, – в проблемах соотношения аутентичного обряда и псевдообряда, фольклора и постфольклора, сохранения культуры старожилов Сибири и традиций хакасского костюма, традиционного начала и новаций в детских обрядах, играх и фольклоре, сочетания новшеств и архаики в сознании детей. Авторы пристально вглядываются в современную действительность, анализируя соотношение традиции и новаций, трансформацию самих традиций, вызывающую как позитивные, так и негативные следствия.

В пятом разделе сборника «Социально-культурная практика на современном этапе: опыт и проблемы внедрения результатов научных исследований» представлены научные статьи, анализирующие организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона, особенности социокультурного развития информационного общества, социально-культурную практику формирования игровых сообществ в сфере досуга, интеграцию как инновационное средство праздничных форм досуга, проблемы релаксации человека в сюжетно-ролевых играх.

В статьях авторов этого раздела рассматриваются актуальные проблемы системы дополнительного образования детей в условиях модернизации современного образования, социально-педагогические основы формирования корпоративной культуры Государственной инспекции безопасности дорожного движения Российской Федерации, социально-экономические исследования в сфере дополнительного художественного образования детей.

Статьи шестого раздела сборника носят явно выраженный практический и, более того, – проектный характер, связанный с музееведческой направленностью. Авторы не только исследуют неоднозначную ситуа-

цию, связанную с развитием музейного дела, но и рассматривают проблемные ситуации, возникающие, например, в связи с передачей музейных ценностей церкви, предлагая обоснованные решения в виде сочетания музея и храма, создания епархиального музея в Кемеровской области. Рассматриваются история, функции и перспективы экскурсионного дела, выносятся на обсуждение модели организации маркетинговой службы при музеях. Вопросы развития школьных музеев рассматриваются в не-тривиальном аспекте – с точки зрения экологии культуры.

В седьмом разделе, исследующем проблематику информационно-образовательных ресурсов и технологий, акцент в большей степени делается на практический анализ соответствующей сферы деятельности. В основном исследования опираются на опыт конкретных библиотек и предлагают совершенно конкретные рецепты оптимизации их деятельности. Особо следует отметить работу, посвященную открытию современного информационного поля для незрячих пользователей, а также проблеме инновационных образовательных технологий. Для статей данного раздела характерна четкая постановка целей и задач, формулировка алгоритмов их решения.

Завершая обзор четвертого выпуска аспирантского сборника Кемеровского государственного университета культуры и искусств, хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Многие авторитетные ученые единодушно утверждают, что для российской культуры архетипическим, символическим значением обладает образ дороги, пути, ведущего в просторы неведомого. Данный сборник вольно или невольно также содержит в себе этот образ. В нем представлены и первые, во многом еще ученические опусы начинающих исследователей, и зрелые труды уже фактически состоявшихся ученых. Все эти авторы идут одним путем – путем знаний, науки, культуры. Пожелаем им успехов на этом нелегком, но благородном поприще.

**Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор,
В. И. Марков, доктор культурологии,
профессор**

Раздел 1. ПРАГМАТИКА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

С. И. Петрова

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

К числу наиболее важных и актуальных проблем, к которым постоянно обращаются ученые, можно отнести проблему социальной среды, ее влияния на личность и культурные процессы в целом.

Затрагивая этимологию понятия, можно отметить, что термин «среда» (от французского *milieu*), **введенный в научный оборот И. Тэнном**, истолковывается по-разному. В первом случае под «средой» понимается окружающий мир; во втором – окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества и организмов, то есть те из окружающих их условий, которые они способны переживать и от которых зависит их существование и продолжение рода [см.: 9, с. 435]. Причем вначале «теория среды» признавала человека всецело зависящим от окружающего его мира и поэтому морально совершенно неответственным. Сегодня же «среду», в основном, рассматривают в качестве противоположности врожденной способности – как пространство и материал для развития, с помощью которых субъект способен прокладывать себе путь прямо или окольно.

Следует добавить, что Я. Иксюль, например, установил, что среда у разных организмов различается не в количественном отношении, а в качественном – вплоть до несравнимости (это же имеет место и в отношении среды человека).

Кроме того, употребляют широкое и узкое толкование социальной среды. В широком смысле социальная среда («макросреда») охватывает общественно-экономическую систему в целом – производительные силы, совокупность общественных отношений и институтов, общественное сознание, культуру. В узком смысле («микросреда») – она включает непосредственное окружение человека – семью, трудовой, учебный и иные коллективы и группы [см.: 10, с. 651].

Рассматривая социальную среду, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о взаимодействии личности с социальной средой.

«Личность» (ср. латинское «*persona*») – **сложная категория и истолковывается по-разному**: и как общежитийский, и как научный термин, обозначающий в одном случае индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова), в другом – ус-

тойчивую систему социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества или общности. Несмотря на то, что эти два понятия – лицо как целостность человека (*persona*) и личность как его социальный облик (*personalities*) – **различимы терминологически**, они, тем не менее, иногда употребляются как синонимы [см.: 3, с. 314].

Известны два противоположных взгляда на развитие личности – «средовой» (личность формируется в ходе социального опыта) и «наследственный» (личность формируется и развивается исходя из ее врожденных качеств и способностей). При всей спорности этих позиций (вспомним хотя бы культуру, как фактор, оказывающий влияние на формирование личности, групповой и индивидуальный опыт и др.) представления о «наследственной» и «средовой» детерминации развития личности отличаются жизнестойкостью.

В последнее время спор между этими двумя концепциями был переведен в плоскость экспериментальных исследований – в частности, исследований проблемы устойчивости и изменчивости свойств личности в изменяющихся ситуациях, что, в конечном счете, как отмечает А. Г. Асмолов, привело к появлению различного рода *двухфакторных теорий детерминации развития личности*, которые до сих пор определяют постановку проблемы о соотношении биологического и социального в человеке, а также методы ее изучения [1]. Самыми распространенными среди них являются *теория конвергенции двух факторов*, *теория конфронтации двух факторов* и *концепция взаимодействия двух факторов*.

Суть этих теорий сводится к следующему.

Теория конвергенции двух факторов (В. Штерн) представляет компромиссный вариант между теориями «среды» и теориями «наследственности» – то есть, личность выступает как продукт и социальной среды, и биологического фактора. К приверженцам этой теории относят и Г. Оллпорта.

Теория конфронтации двух факторов (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, а также Э. Фромм, К. Хорни и др.) пыталась решить вопрос о детерминации развития личности, а тем самым – и вопрос о взаимодействии биологического и социального, как двух противоположных факторов, под знаком их противоборства.

Теория конфронтации двух факторов неоднократно подвергалась критическому анализу и в результате появилась концепция взаимодействия двух факторов [1].

Личность – не пассивный объект воздействия социальной среды. Первая активно влияет на последнюю, избирательно относится к внешним стимулам, предлагаемым нормам поведения. В повседнев-

ной жизни человек постоянно подвергается объективному влиянию многочисленных различных элементов социальной среды, а с другой стороны – сам участвует в ее преобразовании и усовершенствовании, изменяя тем самым и самого себя, свою физическую и духовную природу. То есть среда – это «источник материального “воспроизводства” человека, его познания и опыта; вместе с тем она объект преобразующего воздействия человека, цель и... поле приложения его усилий, его деятельности. Иначе говоря, изучая среду, мы получаем представление об источниках формирования духовного мира личности, условиях и мотивах ее деятельности и поведения» [7, с. 62]. Следовательно, личность во многом формируется во взаимодействии с социальной средой, в процессе социально-преобразующей деятельности.

Учет влияния социальной среды на личность и изучение характера их взаимодействия совершенно необходимы при исследовании как самой личности, так и культурных процессов в целом, их динамики. Ведь «...люди суть продукты обстоятельств и воспитания... следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания...» [4, с. 2].

Что же представляет собой социальная среда? По мнению Ю. В. Сычева, «категория социальной среды свидетельствует о существовании объективного социального окружения по отношению к индивиду, группе, классу. В структурном плане социальная среда представляет собой социально-экономические, политико-идеологические и бытовые условия, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий» [8, с. 9]. При этом известно, что человек не пассивно воспринимает воздействие среды, а активно и избирательно – в зависимости от социальной роли и своего места в системе общественных отношений.

Исходя из системного подхода, взаимодействие личности и социальной среды может иметь как энтропийные так и негэнтропийные тенденции [2]. Так, Н. И. Сарджвеладзе, основываясь на предельных абстрактно-возможных характеристиках личности и социальной среды, выделяет следующие конкретно-возможные паттерны социального и внутриличностного взаимодействия:

а) негэнтропийные тенденции социальной среды – негэнтропийные тенденции личности;

б) негэнтропийные тенденции социальной среды – рост энтропийных тенденций личности;

в) рост энтропийных тенденций социальной среды – негэнтропийные тенденции личности;

г) рост энтропийных тенденций социальной среды – рост энтропийных тенденций личности;

д) сосуществование или противоборство энтропийных и негэнтропийных тенденций в функционировании социума;

е) сосуществование или противоборство энтропийных и негэнтропийных тенденций в жизнедеятельности личности.

Таким образом, устойчивое развитие социальной системы лучше всего реализуется в условиях, когда и у личности, и у социальной среды преобладают негэнтропийные тенденции, иными словами, когда «организованная личность действует в социально-организованной и структурированной среде». Но следует иметь в виду, что социальная среда и ее структура формируется из личностей и при непосредственном участии личностей, поэтому тенденции социальной среды определяются соотношением тенденций составляющих ее личностей [2].

Сегодня довольно часто высказывается мысль, что среда создается в значительно большей степени спонтанно, нежели по плану. Карл Поппер, к примеру, считал: «...Структура нашей социальной среды в некотором смысле продукт человеческой деятельности, наши институты и традиции не есть дело Бога или природы, а представляют собой результаты человеческих действий и решений и изменяются под их влиянием. Однако это не означает, что все они сознательно спроектированы и их можно объяснить на основе человеческих потребностей, ожиданий или мотивов. Наоборот, даже те институты, которые возникают как результат сознательных и преднамеренных человеческих действий, оказываются, как правило, непрямыми, непреднамеренными и часто нежелательными побочными следствиями таких действий. Только немногие институты сознательно спроектированы, тогда как их абсолютное большинство просто “выросло” как не спроектированные результаты человеческих действий... Теперь мы можем добавить, что даже большинство тех немногих институтов, которые были сознательно и успешно спроектированы (скажем, новый университет или профсоюз), никогда не функционируют в соответствии с планом их создания – и это обусловлено непреднамеренными социальными последствиями, которые неминуемо возникают в ходе их целенаправленного конструирования» [5]. Приведенное высказывание свидетельствует о том, что сегодня некоторые ученые довольно скептически относятся к возможности сознательного конструирования социальной среды и ее институтов. Но это вовсе не означает, что формирование среды невозможно. Просто изменение (формирование) социальной среды – процесс длительный.

Таким образом, подводя итог сказанному выше, можно утверждать, что проблема изучения социальной среды является важной и актуальной и заслуживает пристального внимания. Сама же социальная среда пред-

ставляет собой сложную систему факторов, оказывающих влияние на формирование личности, ее предпочтения и поведение. В свою очередь, влияя на личность, среда сама претерпевает ее творческое воздействие, то есть прослеживается их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Литература

1. Асмолов, А. Г. Движущие силы и условия развития личности [Электронный ресурс]. – Электр. текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.psy-files.ru/2007/10/05/asmolov-a.g.-dvizhushhie-sily-i.html>.
2. Богомолова, М. А. Устойчивое развитие социальных систем [Электронный ресурс]. – Электр. текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.ephes.ru/articl/content/article.php?art=5bogomolova.htm>.
3. Кон, И. С. Личность [Текст]: философский энциклопедический словарь / И. С. Кон. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – М., 1955–1981. – Т. 3. – 629 с.
5. Поппер, К. Открытое общество и его враги [Текст] / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 2. – С. 111.
6. Сарджвеладзе, Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой [Текст] / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси: Мецниерба, 1989. – 341 с.
7. Смирнова, Г. Л. Социалистическая культура и личность [Текст] / Г. Л. Смирнова // Духовный мир развитого социалистического общества. – М., 1987. – С. 62.
8. Сычев, Ю. В. Микросреда и личность [Текст] / Ю. В. Сычев. – М., 1974. – С. 9.
9. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
10. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
11. Штерн, В. Психология раннего детства [Текст] / В. Штерн. – Петроград, 1915. – С. 20.
12. From Э. The Crisis of Psychoanalysis. Essays on Freud, Marx and Social Psychology. [Текст] / Э. From. – L., 1978. – P. 164.

В. Е. Лякин

МЕСТО ИСТИНЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ

Одной из актуальных проблем современной философии является вопрос о возможности дать исчерпывающее определение концепту истины, установить ее относимость к тому или иному способу представления действительности. Эта актуальность обусловлена тем, что представление классического рационализма о существовании некоторого единственно

возможного способа осмысления действительности, по отношению к которому все остальные являются ошибочными, подвергается вполне обоснованному сомнению. Представление о самой возможности постижения отдельным ученым (пусть даже таким, как Аристотель) абсолютной истины позволяет претендовать на нормативное регулирование деятельности прочих теоретиков, закрывая возможности критики.

Размышления об истине являются неотъемлемой частью работ всех философов. Выделяются несколько наиболее существенных (то есть поддерживаемых философскими школами и их группами) концепций истины: классическая-корреспондентская, диалектико-материалистическая, релятивистская, прагматическая, конвенциональная, априористская, когерентная, экзистенциальная. Эти концепции группируются, классифицируются по разным признакам исследователями, порой упускающими важное, на наш взгляд, обстоятельство: в каждой из концепций происходит подмена *определения* понятия истины его *трактовкой* с точки зрения соответствующего философского учения. Еще древнегреческие скептики отмечали, что все философы почти во всем противоречат друг другу, невольно доказывая тем самым невозможность единственного способа познания мира.

Можно согласиться с Альфредом Тарским: фраза «правильная концепция» имеет почти мистический смысл, проистекающий из убежденности в том, что каждое слово имеет лишь одно «подлинное» значение и что все концепции пытаются выразить это единственное значение. Поэтому необходимо признать, что различные философские учения имеют дело не с одним, а с различными понятиями, которые необходимо назвать индивидуальными именами и исследовать по отдельности [см.: 8, с. 109–110].

Исследованию значимости понятия истины для отдельного человека уделялось много внимания в философской ретроспективе. Так, во времена античной философии истина рассматривалась как возможность и осуществимость знания о мире и человеке в их «космическом» целом. В Средние века проблематика истины сводится к обсуждению проблем понимания человеком божественного откровения. Философия Нового времени ищет несомненные основания всеобщего и необходимого знания. Начиная с конца XIX века, философия на передний план выдвигает представление об относительности знания и саму возможность познания истины ставит под вопрос [3, с. 17–33; 4, с. 11–12; 10, с. 337–343].

Однако вопрос о значимости понятия истины для человека не раскрывается в мере, достаточной для полной убежденности в том, что истина для человека вообще существует (несмотря на то, что философия

устанавливает предельные значения *человеческого* существования, ее понятия не могут устанавливаться для кого-либо иного, кроме как самого человека).

Цель настоящей статьи – удостовериться в существовании истины в бытии любого человека, найти общие компоненты истины в различных подходах и определить место истины в бытии (существовании, экзистенции) человека.

Достижение этой цели требует, прежде всего, ответа на вопрос о том, является ли истина концептом только профессионального сознания мыслящего субъекта, который само это слово каждый раз специально представляет перед своим мысленным взором как категорию, или истина присуща любому человеку, в том числе не занятому рефлексией.

Негативный ответ на предлагаемый вопрос дан в работах представителей аналитической философии. А. Тарский прямо указывает, что споры вокруг верного представления об истине «встречаются повсюду, где вместо точной научной терминологии используется обыденный язык с его неопределенностью и многозначностью» [8, с. 110], и предлагает ограничить область применения понятия истины «дедуктивными науками». До этого Платон также указывал на необходимость для познания истины обеспечить правильность взгляда. Рационалисты Декарт, Бэкон и другие вновь ставят возможность познания истины в зависимость от специальной подготовки субъекта (принцип методического сомнения). Гегель говорит о демонстрации (не познании) истинного содержания вещи при удержании в мышлении всей дедукции «от абстрактного к конкретному». Фейербах, хотя и связывает всякую идею с человеком, рассматривает все же последнего не как носителя истинного знания, а как объект философской рефлексии.

Близко к решению рассматриваемой проблемы подошел Брэдли, выдвинувший положение о едином источнике происхождения всех возможных истин – об интеллектуальном удовлетворении как критерии истины (истинно то, что непротиворечиво и реально для индивидуума) [см.: 11, с. 54]. Прагматисты также утверждают, что истинное знание – это знание, оптимизирующее человеческий опыт.

Тем не менее, указанные выше подходы не дают удовлетворяющего нас ответа на вопрос о наличии истины в человеческом знании. На наш взгляд, такой ответ можно получить либо логическим способом, либо доказав способность человека в принципе получать знание, соответствующее действительности (познавать действительность). Нашу интерпретацию истины представим во второй части работы, возможность

же познания истины человеком установим вслед за автором диссертационного исследования «Истина в историческом познании» А. В. Тищенко [9, с. 15] – через общую теорию эволюции.

Человеческий вид существует, по последним данным, 150–200 тысяч лет. Следовательно, мы приспособлены к существующим условиям и можем адекватно реагировать на действие внешней среды. Мышление и познание являются одним из проявлений адаптации к внешней среде и обеспечивают существование человека. Существование *homo sapiens* как вида в течение многих тысячелетий означает, что его познавательные способности успешно функционируют, позволяя решать многочисленные проблемы, встающие на его пути, реагировать на разнообразные явления окружающего мира. Следовательно, познание сообщает верную информацию, и человек способен получать знание, соответствующее действительности.

Поскольку цели настоящей работы не предполагают определение понятия истины или способов ее нахождения, ограничимся сделанным выше выводом и перейдем к необходимым аспектам (компонентам) истины [см.: 6, с. 74–78].

Содержанием истины является знание, к решающему признаку которого относится уверенность субъекта в том, что нечто существует определенным образом. При этом уверенность имеет двоякую природу: чистую веру и опосредованную (логическую) веру. Эти убежденности имеют место, поскольку любое знание, полученное рациональным способом, в своей основе имплицитно опирается на недоказуемые положения («аксиомы»), которые считаются само собой разумеющимися в силу их «очевидности», «по умолчанию». Уверенность – это то, что объединяет все концепции истины.

В каждом конкретном учении уверенность конкретизируется, дополняется своими атрибутами, которые и отличают одну трактовку истины от другой (истина достижима или недостижима, является гносеологическим или нравственно-социальным понятием и т. д.).

Особенность знаний в качестве «истины» состоит в том, что они занимают особое место среди прочих представлений, являясь мерилем отношения человека к окружающему миру. Можно утверждать, что истина является не только связующим звеном любой концепции познания, но и любой философии вообще. Сложнее обстоит дело с истиной как понятием обыденного сознания, поскольку социальное конструирование реальности не всегда предполагает концептуализацию того, во что человек верит, в чем убежден (подробнее об этом: [1]). Однако, как отмечено нами выше, знания, верно отражающие действительность и называемые

«истиной», являются необходимым условием выживания человеческого вида и ежедневно генерируются многими людьми. На познавательном уровне сознания формируется знание об объективной реальности (через чувства, через логические формы мышления и пр.). На эмоциональном уровне сознания полученное знание переживается, после чего осмысленное знание задает программу действий человека (мотивационно-волевая сфера сознания) [3, с. 13–16].

Традиционные эпистемология и онтология ставят вопрос о таком атрибуте истины, как ее объективность. Здесь возможны два класса представлений. Первый из них объединяет в себе представления, сторонники которых считают, что принадлежность знаний к истине определяется *исключительно* субъектом. *Любое* истинное знание – субъективно¹. В концепциях второго класса подчеркивается, что истинное знание наделено *объективным* содержанием, адекватно отражает явления и связи окружающего мира такими, какие они есть сами по себе, субъект просто воспроизводит их. То есть достаточным условием принадлежности к этому классу является признание исследователем хотя бы одной объективной истины².

Следует отметить, что необходимые признаки истины как феномена человеческого существования зависят от уровня понимания (обретения) истины. В связи с этим в заключительной части статьи рассмотрим уровни истины в бытии (существовании) человека.

Все уровни понимания истины могут быть разделены на гносеологические (когнитивные) и негносеологические. «Лучше всего различие в понимании истины прослеживается при сравнении западной и восточной философских традиций: в отличие от спекулятивного, умозрительно-философского понимания истины в западной философии, раскрывающегося с чисто эйдетической стороны, религиозно-философское постижение истины в восточной традиции укоренено в самом сущем» [5, с. 11].

Первым из рассмотренных негносеологических уровней является онтологический. На этом уровне человек понимает истину как свойство бытия или как подлинное бытие, противостоящее иллюзорному. Онтологический уровень понимания истины подразумевает под ней некую сущность, к которой можно свести все эмпирические метаморфозы и которая стоит за явлениями и обуславливает их, поскольку она бесконечна, неисчерпаема, вечна и вездесуща (то есть обладает онтологическими характеристиками).

¹ К этим представлениям относятся прагматизм, софисты, экзистенциализм, конвенциональные и когерентные концепции.

² Все классические концепции истины.

Истина здесь постигается в мистической традиции – путем трансцензуса, под которым можно разуметь выход за пределы пространственно-временного мира – «погружение субъекта в мистическую тьму парадоксов» [7, с. 107]; феноменологическую редукцию сущности «Я» к сущности «Абсолют» [2, с. 123].

В качестве отдельного негносеологического уровня понимания истины выделяется и ценностно-экзистенциальный³. Критикуя западноевропейский рационализм, экзистенциалист утверждает, что его экзистенция является фрагментарной, разорванной, иррациональной, а потому она в принципе не может вписаться в какую-либо логическую систему. Отсюда истина – субъективно переживаемый жизненный парадокс, формой постижения которого может быть не систематическое рациональное мышление, но только вера, причем «вера посредством абсурда» [цит. по: 5, с. 28]. Истина – это событие открытости мира.

Главная особенность всех негносеологических пониманий истины – то, что истина понимается не как характеристика знания, а как ценностное отношение к бытию, существованию.

В отличие от описанной выше, гносеологическая модель понимания истины на смену жизненной, «бытийной» приверженности истине приводит логическую, систематическую приверженность знанию. Духовная активность субъекта определяется в целом как познание. Идеальные продукты этой активности – знания, внешние действия и их объективированные результаты (реализация и опредмечивание знаний). Истина трактуется как содержательная характеристика человеческих знаний, которые фиксируются языковыми средствами и исследуются как языковые выражения. При этом все многообразие гносеологических пониманий истины может быть сведено к концепту «соответствие знания»: опыту⁴; другому знанию, которое является критерием истинности⁵ или разделяется большинством⁶; рассудочным категориям⁷; между помысленным и имеющим-ся в наличии⁸; наконец, между знанием и его предметом⁹ [5, с. 37–68].

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет прийти к следующим выводам. Истина как концепт (событие) человеческого существо-

³ Его придерживаются представители философии жизни, экзистенциализма, персонализма и пр.

⁴ Принцип верификации неопозитивистов и фальсификации К. Поппера.

⁵ Теория когерентности.

⁶ Конвенционализм.

⁷ Априористская теория.

⁸ Феноменология Э. Гуссерля.

⁹ Корреспондентская теория.

вания – реальна и необходимо существует. Главным источником любого понимания истины является убежденность человека в существовании предмета его мысли. Истина понимается человеком как источник и сущность всех вещей, либо как лично пережитый им фрагмент мира, либо как характеристика его знания. При этом мы полагаем, что лишь истинные знания, являющиеся продуктом трех сфер сознания, задают установку, возможность и способы познания человеком мира.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного Эроса [Текст] / Б. П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – 368 с.
3. Красильников, М. Г. Истина в науке и культуре [Текст]: монография / М. Г. Красильников. – Барнаул: Издательство БГПУ, 2005. – 183 с.
4. Куликов, С. Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / С. Б. Куликов. – Томск, 2004. – 138 с.
5. Савельев, И. А. Проблема истинности морального суждения [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / И. А. Савельев. – Магнитогорск, 2006. – 144 с.
6. Скоробогатых, М. В. Анализ концепций истины: гносеологические и логикоматематические аспекты [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / М. В. Скоробогатых. – Магнитогорск, 2006. – 135 с.
7. Стрельцова, Г. Я. Парадокс философии С. Кьеркегора [Текст] / Г. Я. Стрельцова // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – М., 2004. – № 4. – С. 106–120.
8. Тарский, А. Семантическая концепция истины и основания семантики [Текст] / А. Тарский // Аналитическая философия: Становление и развитие (онтология). – М., 1998. – С. 90–129.
9. Тищенко, А. В. Истина в историческом познании [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / А. В. Тищенко. – Йошкар-Ола, 2005. – 131 с.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
11. Хилл, Т. И. Современные теории познания [Текст] / Т. И. Хилл. – М.: Изд-во «Прогресс», 1965. – 535 с.

Т. А. Харламова

ИДЕАЛ – УСТОЙЧИВЫЙ ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

В механизмах обеспечения устойчивости заключено, может быть, самое радикальное отличие человеческого от дочеловеческого. С функциональной точки зрения, основа стабилизационного механизма в биоте – генетическая память. В человеческом обществе как надбиологичес-

кой структуре она дополнена «внегенетической» памятью – культурой. «Культура есть система всеобщих принципов смыслообразования и самих феноменологических продуктов этого смыслообразования, в совокупности определяющих иноприродный характер человеческого бытия» [5, с. 10]. В данной дефиниции, по сути, культурой считается мера человеческого в человеке, это – мера нашего совершенства в качестве людей. Предчувствие и проекция совершенной человечности в действительной жизни – это идеал, поэтому культура есть идеалотворческая сторона человеческой жизни.

Идеал проявляет себя как устойчивый фактор культуры в разных аспектах. Докажем, что устойчивость идеала коренится в структуре «сущностных сил человека».

В философском осмыслении, культура возникает постольку, поскольку человек становится деятельным существом. Ведь исходный пункт формирования культуры – и логически, и исторически – человек. Он должен обладать качествами, чтобы осуществить культурологическую функцию, чтобы быть способным творить культуру. Способность деятельности во всех ее проявлениях должна проистекать из неких присущих ему, человеку, качеств – «культура делает *реальным* то, что в человеке находится в *потенциальном* состоянии» [2, с. 143] (выделено автором). Этот ансамбль качеств исследователи называют «сущностными силами человека». Речь идет о «пучке» мотиваторов и реализаторов поведения, которые не даны человеку биологически, которые выработались в многотысячелетнем процессе очеловечивания животного предка людей и которые располагаются иерархически на трех уровнях:

- *потребностей* человека – пускового механизма любой деятельности;
- *способностей*, позволяющих удовлетворять и развивать потребности;
- *умений* превращать эти способности в реальные поступки.

Эта цепочка «потребности – способности – умения», утверждает М. С. Каган, «фиксирует механизмы, *необходимые и достаточные* для порождения деятельности, выявляя структуру того деятельностного механизма, который является прерогативой человека и обеспечивает ему истинно человеческое существование» [2, с. 143] (выделено автором). Проанализируем «набор» тех потребностей, способностей и умений, которые необходимы и достаточны для порождения культуры.

Потребности, как внутренний стимул всякой жизнедеятельности, должны охватить нужды людей в том, без чего невозможен человеческий образ жизни.

1. Прежде всего, это нужда в *новой искусственной среде*, во «второй природе». Ее можно символически определить известной антитезой К. Леви-Стросса – потребность в «вареном», вытесняющая нужду в «сыром». Она становится все более широкой и все более разносторонней, важно подчеркнуть, что она является культурной, потому что не врождена ни индивиду, ни роду человеческому, она благоприобретается. «Вторую природу» люди должны сами и целенаправленно создавать. Создание это предполагает другую культурную потребность.

2. Потребность в *знаниях*, опосредующих предметное творчество. Созидание нуждается в знании – знании свойств той реальности, с которой имеет дело практическое умение, знании инвариантных повторяющихся качеств, скрывающихся в многообразных по облику предметах, знании связей сущности и явления, причины и следствия, содержания и формы – таково условие успешного творчества. На этом уровне зарождается взаимодействие теории и практики. Однако от знания к его воплощению нет прямого пути: человек может многое и хорошо знать, но никак не реализовать эти знания, а когда он их реализует, результаты его практических действий могут быть различными, в зависимости от целей, преследуемых этими действиями; вместе с тем, одни и те же знания и умения могут служить добру и злу, прогрессу и реакции, возвышению человека и его унижению, объединению и разобщению людей, свободе личности и порабощению человека человеком. Это значит, что наряду со знаниями людям нужны вырабатываемые в их жизни ценностные ориентиры – именно вырабатываемые, так как «врожденных ему инстинктов недостаточно для того, чтобы мотивировать широкий круг генетически непрограммируемых действий» [2, с. 144].

3. Так выделяется третья сущностная потребность человека – потребность в *ценностях*. Еще раз уточним, что в отличие от представлений о ценностях, отождествляемых с носителями ценностей, культурфилософское понимание ценности трактует ее как значение предмета для человека как субъекта. «Система таких значений и становится необходимой ему культурной силой, – как утверждает М. С. Каган, – диалектически взаимосвязанной и взаимодействующей с его потребностями в творимых им предметах и служащих этому знаниях» [2, с. 145].

4. Претворение знаний в созидание, направляемое ценностями, нуждается еще в одном опосредующем звене – в «*проекте результата совершаемого практического действия*, в “модели потребного будущего”, как называл это Н. Бернштейн. Результат деятельности человека возникает *идеально* прежде, чем он будет существовать реально» [2, с. 145] (выделено автором). Следовательно, в ансамбле потребностей, образующих

сущностные силы человека, есть необходимый компонент – это потребность в предвосхищающих действие моделях, в образах созидаемого, предвещающих его появление, в идеалах, которые должны превратиться в реальность, в проектах того, что должно быть создано на основе знаний и под направляющим руководством ценностей.

5. Еще один компонент ансамбля потребностей в системе человеческих сущностных сил – потребность в другом человеке как со-участнике моего бытия. Человеческая жизнь и деятельность по природе своей коллективны и поэтому предполагают взаимодействие между участниками данных процессов. Так или иначе, но человек испытывает *нужду в себе подобных* как соучастниках единых материально-практических, практически-духовных и чисто духовных действий.

6. Потребность *в образах, удваивающих реальность*. Как показывает история мировой культуры, человечеству необходимо дополнение его реальной практической жизни жизнью воображаемой, иллюзорной, потому что таким образом он обретает способность бесконечно раздвигать границы своего жизненного опыта опытом воображаемой жизни. О том, что речь здесь идет о такой потребности, которая принадлежит к сущностным силам человека, свидетельствует тот факт, что «миры» мифологических образов рождаются в глубочайшей древности, по сути дела вместе с человеком, с обществом, с культурой и, превращаясь в художественные «миры», сохраняются на всех последующих ступенях истории человечества и у всех населяющих Землю народов. Значит, человечество не может обходиться без такого «удвоения» своего реального бытия воображаемым, или, как называет это М. С. Каган [2], «иллюзорным квазибытием».

Мы рассматриваем идеал, включенный в ансамбль внебиологических, культурных потребностей человека, как закономерную потребность. Данная структура потребностей отвечает критерию необходимости и достаточности, заложенной в самой структуре человеческой деятельности.

Правомерно будет сказать, что «блок» способностей человека изоморфен «блоку» потребностей – ведь всякая способность и является не чем иным, как способностью удовлетворять соответствующую потребность. Так, потребность в искусственных предметах, вещах предполагает существование способности создавать их; потребность в знаниях может удовлетворяться лишь благодаря способности человека познавать мир; потребность в ценностях – благодаря способности оценивать все то, что входит в орбиту человеческого бытия; потребность в проектах несуществующего, но желаемого – благодаря способности человека к «опережающему отражению» (П. Анохин); потребность в Другом – благодаря

способности к общению с себе подобными; потребность в дополнительном иллюзорном опыте «жизни в воображении» – благодаря нашей способности создавать художественную реальность и жить в ней при ясном сознании ее иллюзорности. Уточним, что каждая способность человека имеет специфичное психологическое обеспечение.

Культура, которую несет в себе человек, выражается, наконец, в совокупности его *умений*. Именно в них в чистом виде проявляется то, что обретается им прижизненно. Все они искусственны, благоприобретаемы. Культура выступает здесь как механизм социального наследования, ибо, начиная с раннего детства – и человечества, и личности, – люди получают свои умения в процессе приобщения к уже накопленному опыту. Вполне естественно, что структура умений должна отвечать структуре способностей и потребностей, – ведь умения и нужны для того, чтобы реализовывать способности, переводя деятельность из потенциального состояния в актуальное.

Соответственно человек должен уметь – и он стремится уметь – изменять мир своей практической деятельностью и обращаться с другими людьми в этом процессе, а для этого – уметь проектировать свои действия и действия партнеров, уметь познавать мир, оценивать его и художественно удваивать. Уточним, что творческие потенции личности обеспечиваются *врожденными ей потребностями и способностями*. Речь идет не о витальных потребностях и способностях, инстинктивно-биологических по своим функциям, но об очеловеченных, социальных, духовных – то есть *культурных по происхождению и содержанию сущностных сил человека*. Об этих корнях диалектики объективного бытия культуры рассуждает М. С. Каган [см.: 2, с. 140–174]. Такова структура сущностных сил человека, делающая его «культурогенным» субъектом. Мы рассмотрели, сколь закономерное и необходимо место идеала в данной структуре. Мы – люди тогда, когда культурны, а культурны, когда в нашей жизни присутствует идеал. И если понимать под культурой смыслообразующую сторону человеческого разума и жизни [см.: 5, с. 7–33], то идеал выступает формой жизненного смысла.

В жизни человек всегда к чему-нибудь стремится; объект устремлений дан ему в мечтах, в идеалах. Идеал был и остается своеобразной линией горизонта, с которой сравнивал его И. Кант, без которой человек утратил бы чувство перспективы в своем развитии. При этом идеал является не абстрактным представлением о «потребном будущем», а образом этого желанного будущего. Желание человека воплотить идеал (мечту) придает его жизни смысл.

Проблема смысла жизни важна для каждого человека. Прав Ф. Ницше, утверждавший, что «если есть Зачем жить, можно вынести почти любое Как». «Смысл жизни – прежде всего стратегическая цель жизни человека, то есть задача на длительный период или на всю жизнь, в той или иной степени им осознаваемая», – рассуждает В. Ф. Сержантов [6, с. 295]. Это зависит от того, как же понимает человек цели – ближние и дальние – своего развития.

Ответ на вопрос о смысле своей жизни оборачивается подчас для личности мучительными поисками выбора приоритетов. Русский религиозный мыслитель Е. Н. Трубецкой [7] в работе «Смысл жизни» писал, что искание смысла оборачивается жестокими страданиями от окружающей нас бессмыслицы. Бессмысленность нашей жизни осознается особенно остро, когда жизнь представляется в виде замкнутого в себе порочного круга, или в связи с недостигнутой целью, или при ограничении смысла своей жизни сохранением ее любой ценой, когда человек отдает свой дух в рабство биологическим потребностям. Трубецкой видит выход из ценностного вакуума в сознании: осознавая бессмыслицу жизни, личность вырывается из нее. Мыслящее существо подвержено сомнению, которое является внутренним двигателем, подталкивающим нас к интуиции безусловного смысла.

Смысл заложен в самых глубинных основаниях жизни. Жизнь – это бесценный дар, и она сама по себе является носителем глубинного смысла. Российский философ в изгнании С. Л. Франк [8] указывал, что смысл жизни определен ее Творцом, Богом. Однако это не значит, что жизнь каждого человека станет осмысленной без его участия. Человек сам является творцом собственной жизни, осознает ее смысл и созидает ее в соответствии с собственными ценностными приоритетами. Смысл жизни каждого человека, пишет Н. Ф. Бучило, это «реализация своей самобытности, воплощение лучшего, что в нем есть» [1, с. 386]. С этим высказыванием нельзя не согласиться. Ведь путь к пониманию смысла своей жизни – пристальное внимание к движениям своей души, успехам и просчетам, способностям и предпочтениям. Привычка к углубленному самоанализу позволяет человеку открыть в себе истоки собственной оригинальности и самобытности, а оставаться самим собой – важное условие осмысленности жизни. *Быть самим собой – значит прежде всего быть человеком.* Универсальность смысла жизни человека состоит в воплощении высшей человечности своего бытия: любви, красоты, сострадания, добра, мудрости...

Чтобы иметь смысл жизни, человек должен быть личностью, *могу-щей* его иметь. Иначе говоря, он должен быть способен *реально* напол-

нить свою жизнь смыслом, а не просто сформулировать словесно, в чем этот смысл состоит (такая формулировка – дело вторичное и даже необязательное; многие люди живут полной смысла жизнью, обходясь при этом без всяких словесных выражений его). Личность, умеющая наполнить смыслом жизнь, – это личность, несущая в сердце любовь к людям. Такая личность находит смысл жизни в деятельности, которая представляет ценность и для нее самой, и для других. Только в сообществе с другими людьми, заботе о ближнем и ответственности за него человек обретает смысл своего существования. «Индивидуальная жизнь получает смысл как частица совместной, общей жизни людей» [3, с. 145].

Американский психолог А. Маслоу утверждает, что высшие ценности есть неотъемлемая часть человеческой природы и человек обладает врожденной способностью стремиться к идеалу. Однако у современного человека эта способность может быть приглушена или задавлена «страхом не выдержать требований высшего, страхом возможного несоответствия» [4, с. 337]. Отказ от «метамотивации» высшими ценностями, отказ от идеалов – это отказ от проецирования своей природы по вертикали, отказ от возможности расширить свое существование, свой метафизический горизонт.

За свою историю человечество нашло множество механизмов прямой и косвенной стабилизации социальной жизни. Устойчивость проявляется и передается как посредством объективных форм (язык, искусство, традиции и др.), так и глубинными психологическими механизмами, связанными с духовной идентификацией. Выделяя в качестве сущностной характеристики культуры развитие самого человека, его сил и способностей, нужно сказать, что самосовершенствование человека, его рост над самим собой возможен только в единстве общественного развития с культурным. Их единство возникает в том случае, когда общественным прогрессом будут обеспечены такие условия, которые создадут возможность полноценного, то есть разностороннего развития человека.

Литература

1. Бучило, Н. Ф. Философия [Текст] / Н. Ф. Бучило, А. Н. Чумаков. – СПб.: Питер, 2004. – 428 с.
2. Каган, М. С. Философия культуры [Текст] / М. С. Каган. – СПб.: ТОО «Петрополис», 1996. – 416 с.
3. Кармин, А. С. Культурология [Текст] / А. С. Кармин, Е. С. Новикова. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
4. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 424 с.

5. Пелипенко, А. А. Культура как система [Текст] / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
6. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия [Текст] / В. Ф. Сержантов. – Л.: ЛГУ, 1990. – 359 с.
7. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни [Текст] / Е. Н. Трубецкой. – М.: АСТ, 2003. – 396 с.
8. Франк, С. Л. Смысл жизни [Текст] / С. Л. Франк. – Минск: Полифакт, 1992. – 46 с.

О. В. Редько

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Метод – один из важных, но не единственный компонент дискурса. Соответственно, метод, ориентирующий на поиск истины, – важный, но не единственный компонент спекулятивно-теоретического и логико-гносеологического дискурса, а ориентирующий на поиск Блага – важный, но не единственный компонент морального и аксиологического дискурса. Вслед за М. Хайдеггером эти различные виды дискурсов мы будем называть эйдетическим и аксиологическим. Соответственно, дискурс не ограничивается лишь методом или образом мысли. Он включает в себя целый ряд пластов – от теоретических систем до реальных практик (в том числе практик познания и поведения), от регулятивов теоретического знания до навыков личностного знания, от норм теоретического постижения истины до регулятивов таких областей профессиональной деятельности, как педагогика, медицина и другие, где знание неразрывно связано с компетентной искусностью и профессиональными навыками [см.: 10, с. 278].

В чем различие эйдетического и аксиологического подходов? При эйдетическом подходе, который берет свое начало с Платона и находит свое выражение в философии духа Гегеля и в феноменологии Э. Гуссерля, истина рассматривается как объективно-идеальное образование. Она образует идеальный мир, противопоставляемый материальному миру или воплощающийся в нем. Мир истины, понятый как духовно-идеальный мир, интерпретируется как мир смыслов, идеальных сущностей, идеальных объектов и образцов, устойчивых и инвариантных по сравнению с лабильным миром явлений.

Аксиологический подход, трактуя культуру как мир особой, ценностной предметности, на деле субъективизирует ценности. Ведь ценности (а именно так здесь трактуется Благо) укоренены в оценках, в актах оценивания, полезности, утилитарности тех или иных свойств оцениваемого предмета. Взгляд на мир сквозь призму утилитарной полезности, харак-

терный не только для эпохи Просвещения, но и для утилитаризма в его различных вариантах, – взгляд весьма односторонний и плоский. Он не только антропоморфизует всю предметную реальность, но и обесцвечивает ее, лишая ее собственных оснований [см.: 10, с. 279].

Сразу же возникает вопрос: «Как же можно говорить о расхождении и даже разрыве эйдетического и аксиологического дискурсов?». Ведь и Истина, и Благо представляют собой фундаментальные ценности культуры, и, понимая их как особый тип культурных ценностей, мы сможем преодолеть это расхождение и навести мосты между этими двумя подходами и фундаментальными философскими категориями. Однако трактовка истины как ценности означает, что ядром философствования оказывается именно аксиологический подход, что мы мыслим все и вся в категориях ценности. Такая экстраполяция аксиологического подхода на область, ему не подвластную, приводит к релятивизации истины и способов ее достижения, к отождествлению регулятивов познания и оценки, к подмене познавательных актов актами оценки, эйдетического дискурса этико-аксиологическим дискурсом. Абсолютизация аксиологического подхода, превращение истины в ценность определенной культуры, отождествление двух различных видов дискурсов чревато и тем, что истина подменяется какими-то другими, праксеологическими по своему содержанию, регулятивами. На место истины как регулятива познания выдвигаются новые весьма прагматичные критерии и регулятивы – полезность, эффективность, правдоподобие, приложимость, простота, точность и пр.

Превращение истины в одну из ценностей культуры и, тем самым, абсолютизация аксиологического подхода нерелевантны хотя бы потому, что культура стала объектом философского исследования лишь на рубеже XIX и XX веков. В нашем веке произошло не только «открытие» культуры, но и сформировалось то, что называется ныне «философией культуры». Культура стала мыслиться как фундаментальная система отсчета для всех форм философского анализа, познания, поведения и оценки.

Когда мы говорим, что культура стала фундаментальной системой отсчета для анализа процесса познания лишь в наше время, это отнюдь не означает, что какие-то модусы культуры не были предметом изучения в античности или в Средние века. Речь идет о том, что культура не мыслилась как единственная и исключительная система отсчета для философского осмысления познания, оценки, поведения. Для того, чтобы культура смогла стать такого рода системой отсчета и трансцендентальным идеалом, должны были произойти весьма существенные процессы – секуляризация мысли, выдвижение на первый план субъективных

актов оценки, релятивизация и субъективизация истины, отказ от анализа предметности как таковой (безотносительно к человеческой субъективности, ее потребностям и способам удовлетворения этих потребностей), акцент на иных, чем истина, регулятивах познания вообще и научного познания – в частности. Для того, чтобы утвердился аксиологический подход, потребовалась радикальная трансформация в европейской культуре и цивилизации – открытие культуры как предельного основания и начала.

Говоря о понятии «дискурс» как исходном в данном анализе, мы уже отмечали, что дискурс включает в себя различные пласты и, вместе с тем, образует определенное единство. Этико-аксиологический дискурс основывается на актах, непосредственно связанных с удовольствием, желаниями, целями, признанием благ в качестве избранных, заслуживающих высокой оценки, похвалы и пр. Поэтому уже в античной философии, начиная с Платона и Аристотеля, этические размышления о Благе всегда включали в себя не только подробное описание различных видов добродетелей, но и детальную классификацию удовольствий, имеющих отношение к раскрытию понятия «благо» [см.: 10, с. 283].

При всем многообразии этических и философских систем, при всей их конкуренции и взаимной критике в каждой из них можно выявить эти уровни анализа морального опыта и нравственности, эти пласты этической рефлексии и морального действия. Этико-аксиологический дискурс как определенная целостность существует лишь в единстве вышеотмеченных пластов. Дивергенция, дифференциация и противоречия, существовавшие и существующие между различными этическими философскими системами, относятся не только к этико-аксиологическому дискурсу в целом, но и к его уровням, которые, развертываясь в ходе истории мысли и анализа морального опыта и поведения, наращиваются, усложняются, модифицируются.

Историю этики можно проанализировать как историю морально-аксиологического дискурса, как дифференциацию и усложнение уровней анализа морального опыта и поведения личности. Причем ее предметом окажется не только философско-этическая рефлексия, но и формы реального поведения личности, соответствующие или не соответствующие кодифицированным нормам и правилам, – не только морально-этические установления, касающиеся семьи, общежития в социальных общностях и сексуального поведения, но и механизмы социального признания и одобрения тех или иных установлений и ценностно-нормативных структур.

В качестве материала исследования структуры и особенностей этико-аксиологического дискурса, его соотношения с тем, что называется «эйдетическим дискурсом», выберем античную философию. Своеоб-

разие античной философской мысли заключается в том, что при всей своей цельности и социокультурной определенности, она смогла построить различные варианты этико-аксиологического дискурса и выявить различные формы связи между эйдетическим и этико-аксиологическим дискурсами.

Для Сократа характерно отождествление эйдетического и этико-аксиологического дискурсов. Хотя он, как и все философы античности, исходит из осознания принципиальной связи понятий блага и добродетели с понятиями пользы и счастья («Благо есть не что иное, как удовольствие, и зло – не что иное, как страдание»), все же добродетель для него – это знание.

Этика Аристотеля – наиболее развернутая и разработанная система, в которой представлены все компоненты этико-аксиологического дискурса – от начала моральных поступков до раскрытия фундаментальных ценностей (многообразия блага, по его терминологии), от классификации и описания различных добродетелей до выявления способов социального признания моральных поступков и добродетелей.

Критика Аристотелем платоновской трактовки соотношения блага и истины относится, прежде всего, к его учению о едином Благе и к пониманию Блага как идеи. Для Аристотеля неприемлема исходная позиция Платона, согласно которой помимо «многочисленных благ есть и некое другое, благо само по себе, служащее для всех этих благ причиной, благодаря которой они суть блага». Согласно Аристотелю, «благо» имеет столько же значений, сколько и «бытие». Однако если в «Никомаховой этике» он подчеркивал, что не имеет смысла говорить об идее блага безотносительно к конкретным вещам, познание же имеет дело с конкретными вещами и конкретными видами блага, то в «Большой этике» этот аргумент дополняется другим: нельзя принимать идею блага за первоначало, поскольку первоначало должно быть сообразным предмету и связанным с ним; идея блага самого по себе чужда конкретным предметам и формам деятельности.

Что же выступает регулятивом добродетельности поступков и деятельности? Если для Сократа таким регулятивом выступает знание, а для Платона – мировая душа, объективный разум, то Аристотель в качестве такого регулятива выдвигает благой разум, благой смысл, справедливое суждение, используя термин *orthos logos*. Этот термин переводится в русских изданиях этических работ Аристотеля как «верное суждение», причем в примечаниях Н. В. Брагинской правильно подчеркивается, что это понятие соответствует нравственной добродетели и принципиально отличается от правильного и истинного суждения в научном знании.

Теперь обратимся к тому, как определяет Аристотель критерии моральных навыков. Он видит их в удовольствии или страдании, которые вызываются делами. Нравственно-добродетельные поступки обладают определенными качествами: во-первых, сознательное совершение поступков, которое избрано преднамеренно и ради самого поступка, а потому – уверенно и устойчиво.

Аристотель неоднократно подчеркивал, что добродетель связана с обладанием серединой, которая избегает крайностей и выражает собой моральную середину [см.: 6, с. 142]. Аристотель говорит о «срединном навыке», необходимом при анализе различных видов добродетелей и вообще этических проблем, о середине как цели философского размышления о моральности поступков. Введение самого понятия «середина» при определении регулятивов моральности поступков предполагает выявление границы между двумя крайними и альтернативными стилями – навыками поведения (то есть между избытком и недостатком определенной добродетели), а само выявление этой границы должно быть согласовано с праведно-благим разумом, с верным суждением.

Одно из важных разграничений блага, проводимых Аристотелем, – благо как состояние удовольствия и благо как удовольствие, получаемое при различных видах деятельности. Это принципиальное для этики Аристотеля разграничение, поскольку все остальные так или иначе связаны с этим разграничением. Так, в «Большой этике» он различает внешние блага (богатство, власть, почет, друзья, слава), блага, необходимые человеку для удовлетворения телесных потребностей (т. н. чувственные удовольствия), и блага, заключенные в душе. Это уже второе разграничение различных видов блага – внешних, телесных и душевных. Кроме того, подчеркивая многообразие подразделений блага, он проводит различие между благами ценимыми, хвалимыми, благами-возможностями и благами, сохраняющими или создающими другие блага. Аристотель включает в этический анализ целый ряд компонентов, которые характерны именно для деятельности, – цель, сознательный выбор цели и средств ее осуществления, принятие решения, акт решения и поступок, устойчивая цепь которых и формирует определенный навык, склад, способ поведения.

Высшей и совершенной целью, согласно Аристотелю, является такая, которую преследуют саму по себе, а удовольствие, цель которого не отличается от него самого, тождественно созерцанию, созерцательной деятельности. Именно созерцательной деятельности присущи самодостаточность, сосредоточенность, непрерывность и автономность относительно всех внешних целей [см.: 6, с. 145].

Начав с критики интеллектуализма Сократа и неприятия того введения единой идеи Блага самого по себе, которая была выдвинута Платоном, Аристотель придал теоретическому созерцанию (то есть теоретико-познавательной деятельности) и жизни мудреца высший, даже религиозный ценностный статус. «Жизнь, подчиненная уму, божественна в сравнении с человеческой жизнью»; она «...выше той, что соответствует человеку...» [6, с. 148].

И хотя Аристотель вначале проводит различие между мыслительными и нравственными добродетелями, между дианоэтическими и этическими добродетелями, в учении о созерцании как высшем благе, высшей добродетели и высшей деятельности это различие «смазывается», и он возвращается к выдвиганию разума, понятого как созерцание, в качестве высшего регулятива не только знания, но и морали.

Учение Аристотеля о калокагии нельзя, однако, сводить лишь к утверждению совокупности добродетелей, при которой человека не испортят внешние блага. В свою интерпретацию понятия калокагии Аристотель включил гораздо более глубокий смысл – созерцающий разум одновременно оказывался и эстетически-чувствующим; он не редуцируется до рассудительного или истинного интеллекта, а пронизан эстетическими интуициями, которые имеют дело с предельными данностями и не подвластны опосредствованному знанию и логическим рассуждениям. Нравственность, трактуемая Аристотелем как деятельное осуществление разума во всей его полноте, включает в себя и дианоэтические добродетели, и эстетическое созерцание. Ум, понимаемый Аристотелем как самодовлеющая ценность, как мышление мышления, как непрерывная деятельность, как форма форм, или эйдос эйдосов, оказывается вместе с тем и перводвигателем, божественной сущностью, имеющей космическое значение и представляющей собой тождество мышления и бытия, субъекта и объекта, мышления и мыслимого. Поэтому не зря А. Ф. Лосев, сопоставляя учения Платона и Аристотеля (особенно учение о мировой Душе Платона с учением о космическом Уме Аристотеля), обратил внимание на неологическую основу эстетики Аристотеля, то есть на то, что эстетика основывается на учении о космическом Уме. Этот же вывод можно сделать и относительно его этического учения – прежде всего, относительно таких его компонентов, как понимание высшего Блага, калокагия, умное созерцание. Эти же компоненты составляют средоточие этики Аристотеля, задают высшие этические регулятивы для человеческого поведения, деятельности, для определения моральности поступков и добродетелей.

Литература

1. Введенская, Л. А. Культура и искусство речи. Современная риторика для высших и средних учебных заведений [Текст]: учебное пособие / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 412 с.
2. Григорян, Б. Т. Введение. Философия как способ практически-духовного освоения мира [Текст] / Б. Т. Григорян // Философия и ценностные формы сознания: (Критический анализ буржуазных концепций природы философии). – М., 1978. – 524 с.
3. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) [Текст] / М. С. Каган. – М., 1974. – 328 с.
4. Каган, М. С. Системный подход и гуманитарное знание: Избранные статьи [Текст] / М. С. Каган. – Л., 1991. – 384 с.
5. Козырева, М. Н. Красноречие. Быть или не быть? [Текст] / М. Н. Козырева. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 310 с.
6. Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки [Текст] / П. В. Копнин. – М., 1974. – 567 с.
7. Максименкова, М. В. Риторический жанр – центральная категория современной частной риторики [Текст] / М. В. Максименкова // X Кирилло-Мефодиевские чтения: Материалы научно-практической конференции. – Смоленск: Изд-во «Универсум», 2005. – 289 с.
8. Максименкова, М. В. Риторика в вузе как парадигма культурных ценностей [Текст] / М. В. Максименкова // Язык. Человек. Культура: Материалы международной научно-практической конференции, 22 октября 2004 г. – Смоленск: СГПУ, 2004. – 364 с.
9. Мейер, А. А. Философские сочинения [Текст] / А. А. Мейер. – Париж, 1982. – 376 с.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. – М., 2004. – 447 с.

М. В. Куликова

КОНТУРЫ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ДЛЯ НОВОЙ РОССИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Современный мир живет в условиях глобализации. Речь идет о сложном, противоречивом процессе становления новой социальной mega-структуры – «глобального общества». В этот процесс сегодня вовлечены, практически, все участники мирового сообщества – государства и конфедеративные образования, военные (военно-политические) блоки, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и монополистические объединения.

Указанный выше процесс, развивающийся под знаком умножения глобальных рисков, вызовов и противодействий, ведет, с одной стороны, к интернационализации различных сфер и сторон общественной жизни,

созданию единого мирового экономического, информационного и образовательного пространства, а с другой стороны – к перераспределению ресурсов и пересмотру границ влияния между основными «игроками» на международной арене, что чревато ростом напряженности в отношениях между ними и усилением общей нестабильности в динамично меняющемся мире.

Непрерывные социальные изменения, сопровождающие процесс глобализации, способствуют, помимо прочего, усилению роли идеологии в общественной жизни. Это обусловлено, прежде всего, тем, что именно идеология, являющаяся продуктом осознания и формой выражения коллективных интересов, обеспечивает связь социальных реалий с их отражением в общественном сознании и ориентирует последнее на выработку единой, консолидированной позиции по важнейшим проблемам общественной жизни. Особую остроту «вопрос об идеологии» приобретает в условиях масштабных и динамичных перемен в странах и регионах, вступивших в период системных социальных трансформаций, где сталкиваются самые различные интересы, традиции и новации. Одной из таких стран является современная Россия.

Перед лицом непрерывных глобальных изменений наша страна может и должна выработать собственную систему ориентиров, позволяющую адаптироваться к новым реалиям. На протяжении всей своей истории Россия демонстрировала готовность вступать в диалог и совместное творчество с различными цивилизациями и культурами. Уже поэтому процесс глобализации не противоречит ее культурно-историческому опыту и долгосрочным, стратегическим интересам. В то же время нельзя не учитывать и то обстоятельство, что «глобализация вызывает напряженность и конфликты на почве как экономических, так и политических интересов, идеологических предпочтений и приоритетов» [2, с. 77].

Идеология – это система ценностей, взглядов и убеждений, выражающих отношение классов, групп, обществ, наций к действительности, их жизненно важные интересы и цели. В общественной жизни она играет большую роль, выполняя аксиологическую (формулируя систему ценностей и норм), мировоззренческую (интерпретируя мир и ориентируя человека в нем), мобилизующую и организующую (побуждая людей к активным совместным действиям) функции.

Сегодня в России нет официальной, общеобязательной идеологии. До недавнего времени общественные убеждения россиян складывались под воздействием пропаганды преимуществ «реального социализма». Система используемых при этом доводов и аргументов рухнула вместе с последним, оставив после себя «идеологический вакуум». Между тем,

«общество, в котором исчезло представление о высших ценностях, неминуемо становится ареной самого необузданного индивидуального и группового эгоизма, приводящего к распаду социальных связей» [3, с. 15].

Вместе с тем, в современном российском обществе существует реальное множество различных, подчас прямо противоположных идеологических ориентаций, элементы которых оказывают заметное влияние на образ мыслей и поведение граждан. Отмечая это обстоятельство, В. П. Макаренко подчеркивает, что ни одна из них «не дает окончательных ответов ни на вопросы сегодняшнего дня, ни на мировоззренческие поиски. Каждая ... содержит недоказанные посылки, сомнительные аргументы, неразрешенные проблемы и двусмысленные ответы» [5, с. 457]. В сложившейся ситуации особую актуальность и значимость приобретает вопрос о формировании новых идеологических ориентаций, отвечающих действительным, а не мнимым интересам основных групп и слоев трансформирующегося российского общества, современным реалиям и стратегическим ориентирам развития обновляющейся России.

Любая идеология влиятельна и действенна (эффективна) только при том условии, что она обеспечивает идейное единство класса, группы, социального слоя, общества в целом, объединяя их представителей в целях решения наиболее значимых практических задач на основе общих мировоззренческих и жизненных позиций. В связи с этим В. В. Ильин справедливо отмечает: «Следовательно, должна быть идеология с включенным в нее развернутым понятием наиважнейшего – тех фундаментальных ценностей, идеалов существования, которые целеориентируют, регулируют, мотивируют жизнь» [1, с. 35].

Разумеется, новые идеологические ориентации не могут базироваться исключительно на идейном наследии прошлого и, тем более, – ограничиваться им. Исходя из него и от него отталкиваясь, они должны не только обогащаться новыми, современными представлениями (в том числе – научными), но и вызывать отвечающие «новой чувственности» (Т. Адорно) глубокие, искренние совместные переживания людей. При этом они, в отличие от «классических идеологий» прошлого, совсем не обязательно должны (а может быть, и вовсе не должны) быть облечены в строгую доктринальную форму монополизированного государством, партией или «государством-партией» единого и единственного, «всеобъясняющего и всепобеждающего» учения.

С учетом сказанного выше, можно предположить, что в условиях непрерывных и разнонаправленных социальных изменений «новая идеология» для новой России будет представлена комплексом взаимно согласующихся, взаимодополняющих идейных ориентаций, психологических реакций и моделей поведения, сближающих различные социаль-

ные нормы, не отменяя и не подчиняя их старым или новым «измам». В связи с этим заслуживает внимания позиция М. Б. Кругова: «Человек и общество возвращают себе возможность осмысленно действовать только после того, как обретают новую веру – более совершенную идеологию. В результате к человеку и обществу вновь возвращаются успех и благополучие. Естественно, это происходит только в том случае, если новая идеология действительно более совершенна» [4, с. 15].

Как показывает опыт, сегодня практически все основные «классические» идеологии прошлого бесперспективны, однако они подсказывают, какой не должна быть «новая идеология». Думается, что главная задача последней – обеспечение духовной, культурно-исторической самоидентичности и суверенности России. Сегодня такая суверенность «есть нечто большее, чем территориально обозначенный барьер; это – скорее источник и ресурс отстаивания прав и привилегий в пределах общей политической системы» [7, с. 67]. Но при этом, разумеется, необходимо учитывать опыт и современные тенденции мирового развития.

В связи со сказанным выше заслуживает внимания точка зрения В. Т. Пуляева: «В этих условиях нужна новая философия, новая методология, новая идеология, которые примиряли, объединяли, обеспечивали бы диалог культур и сотрудничество между различными странами, народами, нациями» [6, с. 14]. Такая идеология должна не только представлять, но и оберегать, сохранять Россию как страну равных возможностей для разных народов и культур. Как представляется, именно в этом – главный завет нашего прошлого и залог нашего будущего.

Литература

1. Ильин, В. В. Россия: Опыт национально-государственной идеологии [Текст] / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 231 с.
2. Кессиди, Ф. Х. Глобализация и культурная идентичность [Текст] / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 76–80.
3. Киссель, М. А. Историческое сознание и нравственность [Текст] / М. А. Киссель // Новое в жизни, науке, технике. – М.: Знание, 1990. – № 3. – С. 64. – (Серия «Этика»).
4. Кругов, М. Б. Политическая анатомия (...1612, ...1917, ...2000?) [Текст] / М. Б. Кругов, Ю. Б. Бубнов, А. Н. Зацепин, В. Ю. Калмыков, А. А. Маргиев, В. В. Назаров, Б. Н. Рыжкова, И. В. Распопов. – М.: ИНПИНО, 2004. – 248 с.
5. Макаренко, В. П. Главные идеологии современности [Текст] / В. П. Макаренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 480 с.
6. Пуляев, В. Т. Российская культура и реформирование общества [Текст] / В. Т. Пуляев // Социально-политический журнал. – 1998. – № 2. – С. 3–18.
7. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление [Текст] / А. И. Уткин. – М.: Логос, 2002. – 253 с.

ИННОВАЦИОННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Время быстрых социально-политических изменений обычно становится и временем ускорения языковой динамики. Бурно растет масса новаций, неизбежно меняющих нормы языка путем приобретения литературного статуса и возникновения новых соотношений литературных и внелитературных языковых явлений. События второй половины 90-х годов прошлого века, по мнению Е. А. Земской, по своему воздействию на язык и общество «подобны революции».

Особенно большой вклад в формирование современных представлений о теории неологии внесли крупнейшие русские лингвисты И. А. Бодуэн де Куртене, А. А. Потебня, М. М. Покровский, Л. В. Щерба, А. М. Селищев, В. И. Чернышев.

Основные термины науки о языковых новациях вошли в русский язык на рубеже XVIII–XIX веков. Уже в словаре Н. М. Яновского (1804 год) зарегистрированы греческие по происхождению слова «неолог», «неология».

Среди новаций словарного состава социально обусловленные новообразования и иностранные заимствования в том или ином языке являются наиболее заметными. Одним из наиболее ярких периодов в истории, когда иностранная лексика проникала в русский язык, можно считать XVIII век. Осваивается западноевропейская терминология – административная, общественно-политическая, военно-морская, производственно-техническая. Значительный слой новаций в русском языке этого времени был представлен в многочисленных словарях иностранных слов, которые преследовали обычно две цели: одна – объяснять новые иноязычные термины для скорейшего их усвоения обществом, другая – противопоставить излишним иностранным словам русские с целью показать ненужность первых.

Большое значение для развития ряда важных положений неологии имело учение из сферы лексикологии А. А. Потебни о закономерности изменений значений слов и выражений. Изучение изменений «рядов представлений» в языке в связи с развитием культуры и мышления, открытие «законов перехода представлений», по мысли Потебни, являются главными задачами историко-лексикологического исследования. Он писал: «Изменение значений одного и того же слова и образования от из-

вестного слова новых слов устанавливает прежде всего связь представлений, а потом – всего того, что мыслится под представлениями» [5, с. 30].

Новые формы общественных отношений в 90-х годах прошлого столетия нашли отражение в разных языковых процессах: в появлении словообразовательных неологизмов, в освоении большого количества заимствований, стилистическом транспонировании, процессах деархаизации и разнообразных семантических изменениях разных групп лексики русского языка.

Лингвисты, исследующие основные тенденции в современной неологии, отмечают, в частности, следующие явления:

1) активное пополнение неологизмами различных групп лексики: экономической терминологии, языка информатики, языка современной прессы, различных жанров разговорной речи;

2) активизацию заимствования и употребления иноязычных слов; семантическую и стилистическую динамику лексики русского языка в конце XX века;

3) возникновение культурно-речевых проблем под влиянием огромной массы неологизмов, особенно относительных.

Традиционно неологизация отражается, прежде всего, в средствах массовой информации. Инновации фиксируются в общеупотребительном словаре. Вопрос о языковой изменчивости, составляющей постоянное свойство языка, является одним из основных в лингвистической науке. Функционирование языка в процессе коммуникации – основа движения языка, его постоянного изменения. Один из авторитетных российских исследователей Р. В. Будагов отмечает, что язык постоянно совершенствуется, не в том смысле, что он становится более изящным, а в том, что он всегда отражает состояние социума и позволяет уловить общий социокультурный фон и своеобразный дух времени. Этот процесс ученый иллюстрирует на примере 60–70-х годов XX века.

Большинство исследований русских лингвистов посвящено обновлению лексики в разные периоды развития языка. Это характеризует лексику как наиболее динамичную составляющую системы языка, являющуюся отражением в нем многообразных изменений реальной действительности, деятельности человека.

Как отмечает Н. З. Котелова (1975), ученые издавна акцентировали внимание «на высоком уровне как содержательности лексики вообще, так и в особенности экстралингвистической информативности ее изменений...» [2, с. 10].

Методологической основой работ, посвященных новациям в языке, являются современные лингвофилософские концепции, касающиеся об-

щих сущностных характеристик языка – тесной связи и взаимообусловленности языка, мышления и культуры, опосредованного представления действительности в языке, коммуникативной предназначенности языка и его системности, взаимоотношений языка и речи и др.

Одним из основных вопросов неологии является вопрос о факторах, способствующих появлению новых слов. В общем, можно выделить экстра- и интралингвистические (внешние и внутренние) факторы неологизации. Развитие языка – явление многоаспектное. Известно, что словарный состав языка непосредственно и тесно связан с историей народа; что он отражает историю взглядов и верований людей, их мировоззрение, запечатлевает в словах моральные оценки, социальные явления, особенности производства, быта и культуры – одним словом, лексический состав специфически отражает все многообразие жизни человеческого общества. Отмечая сложность и многогранность процессов прямого и косвенного воздействия социальных факторов на язык, необходимо учитывать то, что различные социальные факторы по-разному влияют на язык. При этом, появление нового слова, например, может быть вызвано как прямыми потребностями общества в новом обозначении, так и действием внутриязыковых стимулов, в конечном итоге вызванных все же опосредованным воздействием социальных причин

К экстралингвистическим условиям развития языка относятся, в первую очередь, общественно-политические факторы. Новые реалии вносят в язык свои наименования. Данный процесс можно обозначить формулой «новые явления – новые слова».

Рассмотрим, какое значение в появлении новых слов имеют внутриязыковые процессы, приводящие к образованию устойчивых сочетаний слов разных типов в результате их многократной реализации в речи. Внутриязыковые изменения связаны также с пополнением литературного языка словами, значениями, сочетаниями из устной речи, специальных языков, жаргонов, диалектов. Сюда же относятся слова, связанные с актуализацией понятий, определенных сфер жизни и т. д. Таким образом, очевидно, что без учета внутриязыковых причин, воздействующих на развитие словарного состава, изменения в составе лексико-фразеологических новаций литературного языка не могут быть проанализированы объективно. Без учета второго (помимо социального) фактора языкового развития не учитываются действующие в каждом национальном языке определенные лингвистические законы и правила образования новых номинаций. Именно в этом смысле исследователи отмечают те или иные преобладающие языковые тенденции.

Рассмотрим, какие же конкретно потребности совершенствования системы обозначений способствуют появлению новообразований. Значительная часть лексических инноваций, возникших для переименования уже известных понятий, есть результат действия порождающей функции языковой системы, которая делает возможным появление тех или иных членов словообразовательного звена, никогда не бытующего в языке в своем полном составе. До своего появления подобные инновации существовали как бы потенциально, в силу чего те или иные реалии обозначались в течение какого-то периода времени описательно. Так, в 70-е годы, благодаря порождающей функции языковой системы, словарный состав русского языка пополнился рядом слов, производных от ранее известных. Те или иные лексические единицы, получив в свое время самостоятельность, становятся базой новых словообразовательных рядов. Например, «бездуховность» (отсутствие духовного, нравственного, интеллектуального начала) или «ветеранка» (старая заслуженная деятельница в какой-либо области).

Одним из мощных внутриязыковых стимулов, обеспечивающих появление новых словарных элементов, является также тенденция, получившая название «языковой экономии». Действие этой закономерности проявляется в том, что в процессе употребления языка говорящие осуществляют отбор наиболее рациональных для целей общения языковых средств. Это отвечает культурному стремлению современного общества к увеличению информативности текста за счет его сокращения, а также определенным прагматическим устремлениям – экономии площади печатной продукции и времени устных сообщений.

Указанный внутренний стимул находит свое выражение в замене словосочетаний, имеющих, как правило, характер устойчивой языковой номинации, однословными наименованиями как более экономичными по своей форме.

Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса служит появление новых слов, когда в форме одного знака можно выразить понятие, соответствующее синонимичной описательной конструкции. Например, «тележанр» (телевизионный жанр); «телесериал» (телевизионный сериал); «телешоу» (телевизионное шоу);

Широко известно и другое явление словообразовательного порядка, служащее источником значительного количества внутрисистемных новообразований, – аббревиация, которую также связывают с рационализацией языка. Например, «ОМОН» (отряд милиции особого назначения); «БОМЖ» (лицо без определенного места жительства).

Экономия языковых средств может проявляться не только в появлении новообразований, но и в заимствовании слов из других языков. Процесс заимствования в этом случае осуществляется не с целью номинации новых для российской действительности реалий, а для более рационального выражения тех или иных уже известных понятий – то есть, связан с законом экономии. Например, повествование в картинках с минимальным сопроводительным текстом именуется «комикс», жаренный ломтиками картофель – «чипсы», демонстрация популярных песен – «хит-парад»; управляющий предприятием – «менеджер», наемный убийца – «киллер».

Стремление к экономии языковых средств выражения смыкается с другим внутренним стимулом словарного обогащения языка – тенденцией к регулярности (однотипности) внутриязыковых отношений. Она выражается в стремлении говорящих к сокращению сложных, составных наименований, расчлененная форма которых вступает в противоречие с целостностью и единством их номинативной функции.

Этот процесс приводит к возникновению в недрах разговорной и специально-профессиональной речи слов-универбатов, представляющих собой краткое неофициальное наименование понятия. Например: наличные деньги – «наличка»; безналичный расчет – «безналичка»; минимальная зарплата – «минималка»; оптовый магазин – «оптовик».

Несмотря на отрицательное отношение ревнителей нормы к подобного рода образованиям, производство таких слов можно назвать массовым. Такие слова играют важную роль в современной разговорной и газетно-публицистической речи, где стремление к оперативности изложения особенно ощутимо.

В качестве причины, обуславливающей появление новообразований, не обозначающих новые реалии, выделяют и стремление к обобщению. Данное явление определяется тенденцией дать общее родовое название однотипным явлениям, видам, понятиям. Так, направления различных видов искусства и литературы, посвященные морской тематике, стали именоваться в своей совокупности «маринистикой».

Семантические инновации рассматриваемого типа демонстрируют один из общих законов развития языка – закон абстрагирования, согласно которому на основе одних конкретных элементов языковой структуры развиваются другие, менее конкретные.

К своеобразной избыточности ведет и действующая в языке потребность в новых эмоционально-экспрессивных обозначениях известных явлений, во многом обусловленная духом нового времени. Причиной возникновения новых слов следует назвать стремление говорящих нару-

шить языковой автоматизм («один знак – одно значение»). С этой целью говорящие и пишущие нередко прибегают к обновлению значения ранее известных слов, их переносно-расширенному употреблению, обеспечивающему свежесть и выразительность речевого общения. Как синоним к слову «откровенность» возникает слово «исповедальность», к слову «лестность» – «комплиментарность». Появление таких слов – закономерное явление, вызванное действием экспрессивной функции языка.

Итак, пополнение лексического фонда новообразованиями связано с факторами не только внешнего, но и внутреннего порядка. При этом действия внешних факторов, как правило, выражены достаточно ярко, напрямую соотносятся с происходящими процессами в жизни общества. Внутренние же преобразования в языке менее заметны, но не менее разнородны как по своей природе, так и по своей функции.

Таким образом, жизнь языка заключается не только в ответной перестройке в связи с изменениями в мире реалий. Разными путями, под влиянием различных тенденций язык все более приспосабливается к потребностям эпохи, совершенствуется как сложный инструмент человеческого общения.

Итак, можно сделать следующие выводы. Наиболее яркое проявление инноваций в языке – это неологизмы, которые образуют своеобразный участок лексической системы русского языка, отражающий интересы человека конца XX – начала XXI века. Интенсивность процесса неологизации тесно связана со стимулами появления инноваций. При этом социальный характер носит не только возникновение номинации в ответ на запрос общества при появлении новой реалии или понятия, но и собственно внутриязыковые процессы, так как вся речевая практика является социальной, в том числе и совершенствование способов выражения.

Активизация той или иной словообразовательной модели обусловлена экстралингвистическими причинами, в частности – способностью морфем определенного семантического содержания отражать явления реальности. Изменения в семантической структуре неологизмов, относящихся к политической и экономической сферам, связаны с экстралингвистическими причинами – коренными переменами в политической жизни России конца XX – начала XXI века. Оценочный компонент таких инноваций может быть как системным, так и речевым. Продолжая активно функционировать в СМИ, инновации развивают новые значения, обрастают новыми коннотациями, служат словообразовательной базой для новых производных.

Новации воспринимаются общественным вкусом по-разному в зависимости от ряда причин и условий (степени и сферы распространения,

возникновения, соответствия языковой системе и др.). Не всякая массовая новация замечается и обсуждается обществом. Наиболее заметными оказываются иноязычные и прежде внелитературные лексические заимствования (внешние и внутренние): жаргонизмы, вульгаризмы, варваризмы.

Литература

1. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ проблемы обучения [Текст]: учебное пособие / Е. А. Земская. – М., 1987. – 240 с.
2. Котелова, Н. З. Значение слова и его сочетаемость [Текст] / Н. З. Котелова. – Л., 1975. – 162 с.
3. Покровский, П. П. Избранные работы по языкознанию [Текст] / П. П. Покровский // Соображения по поводу изменения значения слов: избранные статьи. – М., 1959. – 382 с.
4. Детяриев, Ю. Д. Влияние социального фактора на функции и развитие языка [Текст] / Ю. Д. Детяриев, М. В. Панов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.
5. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст]: собр. соч.: в 5 т. / А. А. Потебня. – М., 1999. – Т. 2. – С. 3–114.
6. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
7. Шемчук, Ю. М. Переименование как результат лексической инновации (на материале немецкого языка) [Текст] / Ю. М. Шемчук // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 116–123.

И. Б. Югай

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Современная информационная революция и развитие сети Интернет породили целый спектр утопических ожиданий и опасений: от ожиданий, связанных с формированием на основе Интернета «электронной агоры» и электронной прямой демократии, до апокалипсических опасений, связанных с пришествием «божественного Разума Сети», который подчинит себе человечество. Образы мужественных «киберпанков», воюющих со всемогущими электронными корпорациями, успешно эксплуатируются массовой культурой и уже успели лечь в основу нескольких голливудских фильмов. С этим обобщением можно, в целом, согласиться [5].

Информационная среда – наряду с природной, пространственно-географической, социальной, культурной – играет все более значительную роль в профессиональной деятельности и в повседневной жизни современного человека. Информационная среда (ноосфера) неоднородна: с недавних пор в ней принято выделять среду Интернета, или «киберпространство».

Метафора киберпространства подразумевает наличие некоего мира, обладающего протяженностью и представленного в сознании (вполне возможно, в сознании разных людей представленного по-разному). Этот мир «заполнен» хранилищами информации и развлечений, а также презентациями людей [6].

Киберпространство, как виртуальная реальность, социально, поскольку заполнено людьми – точнее, проекциями людей – и порожденными ими текстами, изображениями – от реалистических до фантастических. Кроме того, в нем можно натолкнуться на продукты искусственного интеллекта – образы ирреальных, несуществующих, иной раз монстроподобных существ, с которыми, тем не менее, можно вступить в контакт, пусть даже несколько ограниченный в содержательном плане.

Киберпространство в значительной степени состоит из текстов – и социальная виртуальная реальность не составляет исключения. Тем самым, любая индивидуальность в Интернете редуцирована до набора вербальных сообщений (вообще говоря, разной степени истинности, подробности и ответственности). Ранжируя в той или иной мере пользователей в Интернете, представленных набором текстов, и делая это целеустремленно или от случая к случаю (в том числе ранжируя потенциальных коммуникативных партнеров либо тех, с кем установление контакта нежелательно), каждый человек строит свой фрагмент социальной виртуальной реальности. Причем строит (разумеется, не задаваясь такой целью) в форме гипертекста: отображающие конкретных людей наборы текстов разнесены в воображаемом пространстве и соединены между собой значимыми отношениями. Эти отношения – параметры классификации текстов – столь же разнообразны, сколь причудлива человеческая субъективность [7].

Интернет – это не только технология, система распространения и хранения информации, но прежде всего – новая среда обитания современного человека. Виртуальная реальность, создаваемая глобальной сетью, позволила огромному числу людей найти новые интересы, сформировать иные социально-психологические формы активности, непосредственно связанные с киберпространством. Одной из таких форм проявления жизни в виртуальной реальности является процесс удаленного общения в системе Skype, ICQ [1].

Общение в Интернете часто принимает личный характер, форму специфической личной коммуникации. Исследователи выделяют в качестве особенности такого общения анонимность. Иными словами, человек может выступать под своим именем, придумывать себе разнообразные псевдонимы, менять пол, возраст и пр. Иногда возможно предоставление

ложных сведений. Анонимность влечет раскрепощенность, ненормативность, безответственность, она снижает психологический и социальный риск в общении.

Помимо анонимности выделяют также регрессию (реакцию переноса на компьютер бессознательных фантазий о силе, смешивание понятий человека и машины, бессознательное восприятие машины в виде живого человека); идентификацию (различные эксперименты с самоотождествлением, выражающиеся в выборе любого имени, манеры поведения, пола), смену пола (в процессе общения можно идентифицировать себя с любым полом), реакцию переноса (модели поведения, основанные на антропоморфизации компьютеров, которые рассматриваются как «думающие машины», при этом нередко «думающие» подобно человеку). Компьютер устанавливает и фиксирует зависимость от киберпространства в процессе интерактивного общения с другими людьми [1].

Кроме указанных выше особенностей также выделяются добровольность (контакты устанавливаются в свободном порядке, пользователь может прекратить их по своему желанию в любой момент), смена стандарта, роли поведения (в процессе Internet-коммуникации индивид ведет себя не так, как в аналогичных условиях в обычной социальной реальности), стремление к нетипичному, ненормативному поведению, преобладание знаковости над вербальностью (отсутствие вербального момента общения влияет на создание образа собеседника), особые способы выражения эмоций – эмоциональное наполнение текста специфическими средствами [8].

Важно заметить, что общение в виртуальной реальности осуществляется посредством специфического набора знаков – языка общения, который носит по преимуществу визуальный, а не вербальный характер. Как же в виртуальной реальности информация передает эмоциональное содержание сообщения и роль личности?

В процессе общения люди сопровождают свою речь мимикой и жестикой, которые способствуют осмыслению сказанного. Виртуальная коммуникация (электронная почта, телеконференции, чаты) в Internet, в основном, представляет обмен печатными фразами. В электронной коммуникации нет выражения лица, цвета глаз, тембра и интонаций голоса, нет бороды, модной прически или косметики, ничто не указывает на наличие или отсутствие очков – одним словом, нет человека, есть только информация. Стремясь как-то выделить важность сообщения или подчеркнуть голос, эмоцию, отношение, отправитель использует различные графические эффекты (курсив, подчеркивание, выделенный шрифт). Есть еще один способ: повторить один и тот же символ несколько раз.

Для эмоциональной окраски текста используются «смайлики». «Смайлик» (англ. smile – «улыбка») – это набор текстовых символов, образованных из букв, знаков препинания, специальных маркеров клавиатуры персонального компьютера. Символ или набор символов может быть подвергнут семиотизации, в результате чего он утрачивает свое основное значение и предстает изображением, за которым стоит определенная характеристика человека.

В силу особенностей расположения знаков в строке «смайлик» представляет собой символическую конструкцию. Для ее понимания нужно мысленно повернуть эту графическую конструкцию на 90 градусов по часовой стрелке, и в простейшей картинке откроется скрытый образ, (например: :-) – знак основной улыбки, который используется для фиксации шуточного утверждения, радостного приветствия, оживленной реакции и пр.). При актуализации этого образа в воображении читающих электронный текст могут возникать квазивизуальные превращенные образы – то есть «смайлик» образует виртуальный слой, который несет в себе аксиологическое, эмоциональное содержание. При создании «смайликов» не используются метафоры, аллегории и другие художественные приемы. «Смайлики» сразу переходят в развитие образа человека и его качеств, состояний, но выраженных необычным способом и потому забавных.

В общем виде «смайлик» – это упрощенный способ, схематизированное изображение человека, частей его тела, мимики лица, эмоциональных состояний, окружающих его вещей. Набор «смайликов» выступает как своеобразный коммуникативный язык, состоящий из антропоморфных образов-символов. Важно заметить, что таким способом невозможно передать информацию адресату в полном объеме: он получает лишь сокращенное, сжатое сообщение. Преодоление этого недостатка осуществляется с помощью процесса моделирования. Данный процесс восполняет информационные лакуны сообщения за счет создания, моделирования мира виртуального. Первичная информация, например, касающаяся внешности человека и воспринимаемая органами чувств, семиотически кодируется, переводится на уровень символа как некой модели мира или модели человека. Эта «человекомодель» воспринимается и понимается как виртуальная или желаемая, даже если она и не походит на реального человека. Именно «смайлики» представляют подобный вариант «моделирования» человека, самообозначения, самоидентификации во время обмена информацией.

При написании очередного текста «смайлик» помещается в нем, придавая тексту художественно-эмоциональную окраску. Ассортимент

«смайликов» значителен. Он призван придавать тексту уникальность, изящество или, наоборот, избавить автора от размышления над стилистическими особенностями и отделаться стереотипным знаком. Данный вариант Internet-коммуникаций представляет собой специфический текст со своим особым языком.

«Смайлики» есть сетевая мимика, эмоционально-компенсаторный механизм, построенный иконическим способом: :-) – «основная улыбка»; ;-) – «улыбка с подмигиванием». Преимущество «смайлика» состоит в том, что он в прямом смысле интернационален. Существуют «смайлики», подчеркивающие какую-либо особенность в человеке: :- t – «злой, раздраженный»; :- * – «пьяный», и другие.

«Смайлики» могут также указывать профессию человека: E-:-) – радиооператор; C=:-) – шеф-повар; :- % – банкир; d8 – – сварщик; :- o) – клоун; :- % – бюрократ; +:-) – священник; наконец, +-:-) – папа римский; обозначать мифологического персонажа или животного: O:-) – ангел; C=:-) – черт; O-) – циклоп; :-: – мутант; :-[– вампир; 3:-O – корова; V – утка; 8:] – горилла. «Смайлики» могут выразить многие психологические состояния человека, его отношение к собеседнику.

Набор «смайликов» – это несистематизированная, эмпирически полученная или созданная информация; совокупность многокодовых знаковых систем, клишированных фразеологизмов Internet-коммуникаций, продукт массового творчества, возникший в эпоху информационных технологий. Этот набор символов выполняет важную роль в создании и функционировании Internet-коммуникаций; это – своеобразная игра интеллекта и воображения.

Процесс электронной коммуникации помимо «смайликов» дополнился еще одним вариантом сетевых сокращений. Сокращение – это единица письменной речи, созданная из отдельных элементов более сложной исходной формы, с которой эта единица находится в лексико-семантической связи. В качестве таких сетевых сокращений выступают акронимы, которые также можно отнести к явлению смайлографии. Акроним – слово, образованное путем сложения начальных букв слов или начальных звуков. «Электронные» акронимы в основном обозначают действия, пожелания, обращения, приветствия, вводные слова: AFAIK (as far as I know) – «насколько мне известно»; IYO (in your opinion) – «по вашему мнению»; FYI (for your information) – «к вашему сведению»; BTW (by the way) – «кстати». Таким образом, пользователь может принимать участие не только в распространении, воспроизводстве смайлографической продукции, но и в ее производстве. Представленные выше средства сете-

вых коммуникаций есть и язык общения, и способ приобщения к Internet; это – один из способов создания **Internet-соборности**, который служит выражением особого группового духа, присущего только членам Internet-сообщества [см.: 9, с. 247–261].

Недостатки подобной презентации состоят в том, что она препятствует адекватной, всесторонней оценке партнеров по общению. Но, с другой стороны, она не лишена позитивных моментов, среди которых опора в общении на легко актуализируемые и часто обновляемые сведения о партнерах, а не на ранее сложившиеся и, может стать, устаревшие стереотипы.

В виртуальной реальности представлено все разнообразие человеческих типов, интересов и увлечений, а потому киберпространство сворачивается в набор своего рода клубов и компаний, в которых с легкостью найдет себе место каждый новый посетитель. Киберпространство в настоящее время имеет в основном текстовый характер и организовано в форме гипертекста – информационных массивов, игр и развлечений, презентаций и самопрезентаций.

Степень эффективности самого общения во многом зависит от степени владения представленными в Интернете вербальными средствами самоописания, выражения своих мыслей, а также от обычной грамотности, в том числе при использовании неродного (обычно английского) языка. Немаловажным фактором представляются честность и корректность по отношению к другим людям – отсутствие в самоописаниях похвальбы, неточностей, пустого оригинальничания, приписывания себе «модных» или, напротив, относительно редких качеств и/или познаний. Продуцирование вербальных сообщений и самоописаний в Интернете подчиняется тем же морально-этическим правилам и обычаям, что и традиционное человеческое общение [8].

Виртуальная реальность представляет собой особую среду, для которой характерен превращенный способ существования, а именно операциональная трансформирующаяся форма.

Коммуникация в Интернете сопровождается появлением превращенных объективированных феноменов, специфического набора знаков, языка общения, который носит по преимуществу визуальный характер. Подводя общий итог: на наш взгляд, есть все основания считать аудиторию Интернета сформированной общностью со схожими качественными и количественными характеристиками и признаками ее членов. Доступ к ресурсам Интернета является важным признаком социальной стратификации: для аудитории Интернета характерна особая культура потребления массовой информации, или информационная культура.

Литература

1. Алексеева, И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ [Текст] / И. Ю. Алексеева. – М.: Наука, 1992. – 210 с.
2. Алексенко, Н. Н. Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (28304 bytes). – Режим доступа: http://www.psychol.ras.ru/ippf_pfr/journal/numbers/20002/papers/07.htm.
3. Аршинов, В. И. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (16378 bytes). – Режим доступа: http://sky.kuban.ru/socio_etno/iphrRAS/~mifs/adtmet.htm.
4. Друк, В. Я. Возможные миры и виртуальные реальности / [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (5718 bytes). – Режим доступа: <http://www.relis.ru/MEDIA/pwvr.html>.
5. Дацюк, С. И. Ноу-хау виртуальных технологий [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (37972 bytes). – Режим доступа: http://www-koi.zhurnal.ru/5/vir_tech.htm.
6. Карпицкий, Н. А. Онтология виртуальной реальности [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (27891 bytes). – Режим доступа: <http://tvfi.narod.ru/virtual.htm>.
7. Петрова, Н. Л. Первобытное киберсознание, или виртуальная реальность как опыт расставания с собой [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (23456 bytes). – Режим доступа: <http://www.tretyakov.ru/Russian/Events/eva98/Event04/first/doc107.htm>.
8. Шевченко, И. С. Психологические особенности Интернет-общения [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (8745 bytes). – М.: ГПНТБ РФ, 2000. – Режим доступа: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/h1.htm>.
9. Орехов, С. И. Виртуальная реальность: исследование онтологических и коммуникационных основ [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / С. И. Орехов; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2002. – 325 с.

И. А. Пивень

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Интерес ученых (психологов, философов, культурологов) к измененным состояниям сознания и его формам в наши дни довольно неоднозначен. С одной стороны, долгое время было принято считать, что экстатическая сторона функционирования культур, неразрывно связанная с массовыми практиками измененных состояний сознания (ИСС) – это явление, свойственное архаическим обществам, а также некоторым культурам Востока (буддизм или даосизм). С эволюционистской точки зрения, оно рассматривалось в контексте европейской культуры как не-

кий анахронизм. С другой стороны, способность к переживанию ИСС является одним из основополагающих свойств человеческой психики, а соответствующая потребность – одной из базовых человеческих потребностей. По словам М. Элиаде, «опыт экстаза неотрывен от человеческой сути» [1, с. 87]. Исследования значительного количества различных культур показали, что девяносто процентов обществ институционализировали не одно, а несколько состояний сознания. Американский психолог Э. Вейл пришел к заключению, что «желание периодически изменять состояние сознания является нормальной врожденной склонностью, аналогичной голоду или сексуальному влечению» [цит. по: 2, с. 126].

Нам представляется интересным показать, что практики по изменению сознания не только имеют место в современном обществе, но и выполняют важную социальную функцию.

Общую классификацию, предложенную Ф. Ницше, который выделил в человеческой культуре два основных начала (аполлоновское и дионисийское) [см.: 3, с. 96], использовали для конкретных исследований Р. Бенедикт, К. Юнг и многие другие ученые. С анализом дионисийского элемента в истории культур связано изучение феноменов озарения, прозрения, мистического опыта, интуитивного мышления вообще. Широко известны случаи мистических видений, происходивших с людьми в состоянии религиозного возбуждения (Магомет, Жанна д'Арк, св. Тереза и др.). В этих видениях им была доступна истина откровения, полученная ими путем озарения, интуитивного проникновения в суть вещей, а не путем познания, осмысления.

Конец 1960-х годов характеризуется в западноевропейской культуре переходом от господства рационально-практического, «прагматического» отношения к действительности к созерцательно-чувственному типу восприятия и социального поведения. Важнейшей особенностью орфической культуры было раскрепощение телесных сил индивида и личностное духовное самосовершенствование. Возникли медитативно-созерцательные методы развития способностей. Проявившись в молодежных движениях в рамках так называемой «контркультуры» развитых стран Запада, эта тенденция получила массовое распространение [см.: 4, с. 244].

С развитием рок-культуры обычными стали коллективные вхождения в транс на концертах звезд эстрады. Десятки тысяч человек оказываются охваченными одновременно единым ритмом и чувством восторга при виде своего кумира. В современной культуре распространились явления массовой одержимости в поклонении идолам спорта, рок-музыки и киноискусства. Тем самым подтверждается всеобщность экстатически-эмоционального компонента во всех культурах.

Что касается религиозных практик, то, анализируя различные мистические источники, можно отметить, что практически все религиозные системы включают описания ИСС. Между тем одним из наименее изученных вопросов психологии религий является вопрос о роли и сущности ИСС в религиозной жизни.

В европейской культуре признавался лишь ограниченный набор состояний сознания – бодрствование, сон, экстаз, эйфория и др. Кроме того, европейская культура создала достаточно своеобразные способы интеграции опыта измененных состояний сознания в общественную жизнь без нарушения принципа «монофазности» культуры. В качестве одного из них можно выделить метод маргинализации, заключающийся в отторжении людей, обладающих способностью к достижению ИСС, за пределы общественной жизни. В последнее время в западной культуре делаются попытки институализации ИСС в рамках специфических психологических тренингов – прежде всего, в системе трансперсональной психологии и психоанализа. В культурном аспекте это проявляется в появлении различных форм психоделического искусства, основанного на приведении зрителя или слушателя в измененное состояние сознания либо на демонстрации тех или иных явлений реальности в принципиально ином феноменологическом ключе.

Первые исследователи ИСС, вызванных медитативными или йоги-ческими практиками, предполагали, что все ИСС более или менее эквивалентны друг другу. Однако это абсолютно неверно. Например, ИСС, связанные с индийской медитативной практикой, включают целый спектр различных состояний: от *пратьярхары*, когда исчезает реакция на какие-либо внешние раздражители, до состояния экстатического принятия всех элементов бытия, практикуемого в Бхакти-йоге. Некоторые практики – отдельные дзенские *сатори* – ведут к состояниям единства, когда исчезает чувство разделения себя и мира. В других состояниях исчезают все объекты (как в буддийской *нирване* или ведической *нирвикальпа-самадхи*), или все явления воспринимаются как модификации сознания (сахадж-самадха и др.).

До недавнего времени многие из этих состояний считались на Западе патологическими [см.: 2, 145]. Однако исследования, проведенные в рамках гуманистической психологии, полностью опровергают эту концепцию. Так, Абрахам Маслоу, опросив сотни людей, которые пережили спонтанные мистические переживания (или, как он их называл, «пиковые переживания»), показал, что мистические переживания не являются симптомами патологии и не имеют отношения к психиатрии. Более того, если эти переживания происходят в благоприятной обстановке и хоро-

шо усваиваются, они могут дать весьма полезные результаты – улучшить жизнедеятельность, повысить творческие способности и жизненную активность [5].

Таким образом, оценка ИСС западными учеными претерпела серьезные изменения. Если вначале их просто считали патологическими, то сегодня многие доказывают их благоприятные возможности. «Вообще же роль мистических состояний, – писал Джеймс, – сводится к тому, что они придают сверхчувственное значение обычным данным сознания. Они представляют собой возбудителей духовной жизнедеятельности, подобно чувствам любви и честолюбия; это благодать, которая озаряет новым светом наш старый мир и обновляет наши жизненные силы» [6, с. 333].

Проблема ИСС тесно соприкасается с проблематикой мистического опыта и имеет культуuroобразующее и онтологическое значение. В связи с этим заслуживает внимания следующий вывод: «Такой опыт онтологичен: является “опытом бытия”, выражением первичной бытийной установки, глобальной антропологической ориентации; имея же энергичную, деятельностную природу, он наделен возможностью практического претворения, развертывания этой ориентации и установки во всех, вообще говоря, существующих формах: что и есть самоосуществление человека. Поэтому всякий развитый, проработанный род мистического опыта есть порождающее ядро определенной антропологической стратегии, или же сценария самоосуществления человека, кратко – определенной антропологии. В свою очередь, реализация определенного антропологического сценария, концепции или модели человека – широкий, многомерный процесс, в котором, в частности, конституируются адекватные данному сценарию версии, выводы различных дисциплин, связанных с антропологической сферой: наук о духе и человеке» [2, с. 164].

Новые аспекты в изучении экстатических состояний появились в связи с межкультурным анализом этого феномена в психологической антропологии, начиная с 1960-х годов, возникшим как реакция на массовое распространение «орфической» культуры в странах Запада. Важной особенностью такого подхода было использование понятия «ИСС», описывающего все виды мистических состояний. Такие особые состояния касались не только сознания, но и особенностей функционирования человеческого организма. Антропологи анализировали ИСС не только как состояния индивида, но и как особые феномены культуры, которые выражались в специфических ритуалах и традициях.

Особого внимания заслуживает компенсаторная функция «измененных состояний сознания» в современной культуре. С середины XX века в современной культуре существенно ослабло влияние религии – едва

ли не основной регулятивной силы, осуществляющей психотерапевтическую, компенсаторную функцию в культуре. Классические религии были заметно потеснены в этой области квазирелигиозными культами. Значительную роль в выполнении компенсаторной функции играет современная массовая культура в лице рок- и поп-музыки, кино, спорта, и др. В традиционных обществах (и в доиндустриальных тоже) дефицит общения, эмоциональности во многом преодолевался в коллективных ритуалах. Их важнейшим следствием была психотерапевтическая компенсация, состоящая в выработке коммуникации, объединении людей, в преодолении одиночества, тревожности, отчужденности, дававшая чувство принадлежности к группе – социальной, половозрастной, профессиональной.

В современных индустриальных странах появилось «психоделическое движение», или «психоделическая культура». Был основан журнал «Психоделическое обозрение» и даже образована Международная федерация внутренней свободы. Один из «отцов-основателей» этого движения Т. Лири экспериментирует с наркотиками (ЛСД) с целью изучить особые состояния сознания, путешествия в глубины подсознания.

Изучение ИСС не сводится к одним лишь экспериментам с наркотиками-галлюциногенами. Наряду с этим растет интерес к восточным системам философии (даосизм, дзен-буддизм, древнеиндийская философия) и ритуальной практике созерцания (медитация). Немалое значение здесь также имеет распространение восточных систем боевых искусств, которые широко пропагандируются в киноискусстве.

С научной точки зрения ИСС есть специфическая форма единства субъективных ощущений человека и внутриорганических преобразований. Наиболее разнообразные и разносторонние работы в этой области связаны с именем Э. Бургиньон. В книге «Психологическая антропология» (1979) она выделяет следующие особенности измененных состояний сознания: изменения в ощущениях, восприятии, мышлении; потерю ощущения времени, контроля; изменения в выражении эмоций, восприятии собственного тела; сужение или расширение границ «Я» (например, акцентированное чувство единства с людьми, природой), растворение собственного «Я», сверхвнушаемость и др. [7].

Перечисленным признакам соответствуют религиозный и сексуальный экстаз, ритуальный транс, состояние гипноза; сон в активной фазе, когда мы видим сны; состояния просветления, озарения в восточных культах (сатори); ощущения, испытываемые человеком в кризисных состояниях (перед смертью); состояния, переживаемые в трансперсональной медитации; а также комплекс явлений, названный американским

психологом А. Маслоу «высшими переживаниями». К ним относятся высшие моменты творческого озарения, вдохновения, мгновения экстаза от постижения красоты природы или высот духа [5].

В современном обществе постоянно воспроизводятся условия, необходимые для изменений состояний сознания: это сенсорный голод, стресс, отчуждение человека от человека, недостаток эмоционального общения. Технократическая идеология в западном обществе способствует блокировке эмоций. Эмоции, являющиеся энергетическим фундаментом человека, ищут обходной способ высвобождения, который, как правило, ведет не к гармонизации, а к разбалансированию отношений индивида с самим собой и с его окружением.

Одна из функций ИСС – противостоять патологическим тенденциям, стремиться преодолеть непонимание, несогласованность, десинхронизацию человека с самим собой, с окружением, повысить уровень коммуникативности, развить способность к общению [7].

Основная цель экстатических состояний – психологическая защита общества. Так в культурно-приемлемой форме разрешается внутренний конфликт между индивидуальными желаниями и культурными нормами, уменьшается вероятность психологических дисфункций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что практики по изменению состояний сознания пронизывают всю ткань социального бытия от молодежной субкультуры и религиозных практик до психологических тренингов трансперсональной психологии и психоанализа. Кроме того, в научном сообществе возрастает интерес к ИСС не как к патологии, а как к своеобразному жизненному ресурсу. Следует также заключить, что современное общество продуцирует условия для формирования ИСС, и в контексте этого экстатические состояния сознания выполняют важные социальные функции – психотерапевтическую, компенсаторную, защитную.

Литература

1. Элиаде, М. Мифы, сновидения, мистерии [Текст]: монография / М. Элиаде. – М.: Рефл-бук, 1996. – 286 с.
2. Сафронов, А. Г. Религиозные психопрактики в истории культуры [Текст]: монография / А. Г. Сафронов. – Х.: ХГАК, 2004. – 304 с.
3. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм [Текст]: монография / Ф. Ницше. – М.: АСТ, 1990. – 414 с.
4. Кнабе, Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима [Текст]: учебное пособие / Г. С. Кнабе. – М.: Индрик, 1994. – 528 с.
5. Мотивация и личность [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (464532 bytes). – К.: PsyLib, 2004. – <http://psylib.org.ua/books/masla01>

6. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта [Текст]: монография / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993. – 416 с.
7. Измененные состояния сознания в свете исследований культурной антропологии [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (45937 bytes). – М.: Credo New, 2003. – Режим доступа: <http://credonew.ucoz.ru/publ/22-1-0-179>

С. А. Пушненкова

ПРОБЛЕМА ОТЧАЯНИЯ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕРЕНА КЬЕРКЕГОРА

Интерес к глубинным переживаниям личности, ее кризисным состояниям наметился еще в середине XIX века в философии позднего романтизма и иррационализма. С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, а позже В. Дильтей, А. Бергсон, О. Шпенглер и другие мыслители этого времени вводят категорию переживания в научно-философский контекст. Мы остановимся на категории «отчаяние» в философии Серена Кьеркегора.

Нужно отметить, что эта категория имеет ярко выраженный психологический характер и связана, прежде всего, с теми науками, которые ставят перед собой цель преодоления этого состояния. Но именно экзистенциализм в лице С. Кьеркегора впервые поставил вопрос о важности проблемы отчаяния именно в философии. Позже на основе теории Кьеркегора появляется учение Карла Ясперса о «пограничных ситуациях», которые переживает человек в контексте трагических и кризисных событий XX века. Вопрос об отчаянии как состоянии, потрясающем глубинные основы человеческой экзистенции, особо актуален в наше время, когда в обществе наблюдаются феномены массовой и индивидуальной депрессии, сущность которой кроется как раз в экзистенциальном переживании отчаяния.

В своем творчестве Кьеркегор выделяет три «стадии на жизненном пути»: эстетическую, этическую и религиозную – все они являются особыми неповторимыми типами экзистенции личности. По мнению Кьеркегора, каждый индивид, становясь личностью, начинает свое развитие со стадии эстетической. На этой стадии человек обращен к внешнему миру, погружен в жизнь чувства, ведет себя по принципам гедонизма. Он стремится узнать все, испытать все виды наслаждения: от непосредственно-чувственного до высокоинтеллектуального.

Но, осознавая непригодность эстетического образа жизни, человек порывает с ним и выбирает более высокую позицию – переходит на этическую стадию. На этой стадии господствует не стремление к наслажде-

нию, а чувство долга и ответственности. Человек отказывается от свободной игры чувств и добровольно подчиняется нравственному закону. Принципиальное различие между категориями этического и эстетического заключается в том, что первая ориентируется на внешний мир, тогда как последняя – на внутренний. Человек, живущий этическим идеалом, всеми возможными способами старается познать и улучшить себя – он хотел бы стать «идеальным». Выбор, который он совершает, состоит в том, что он выбирает себя как нравственное существо, знающее различие между добром и злом, сознающее себя греховным.

Однако этическая стадия тоже не окончательная. Здесь человек еще не полностью реализует все свои возможности и не полностью выполняет свое назначение. Он может достигнуть этого только на стадии религиозной. На религиозном уровне человек уже не подчиняется всеобщему закону, а вступает в прямое общение с Богом, с подлинным Абсолютом. Здесь он может даже переступить через всеобщий моральный закон, выйти за его рамки, подняться выше его. Так происходит с кьеркегоровским Авраамом: с помощью веры он способен перебороть всеобщее и встать на путь общения с Богом. На религиозной стадии возникает парадокс, который характеризует конфликт между экзистенцией и «всеобщим» этическим законом, а разрешение этого конфликта у Кьеркегора происходит в пользу экзистенции.

В работе Кьеркегора «Болезнь к смерти» мы сталкиваемся с религиозно-психологической версией идеи Кьеркегора о трех стадиях человеческого существования, но здесь нам представлена аналитика этих стадий в их связи с категорией отчаяния.

В основу тематического зачина, давшего название всей книге, положена евангельская притча о воскрешении Лазаря. История эта повествует о том, как Иисус воскресил Лазаря, сказав вначале: «...эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий», а затем уже после погребения Лазаря, добавив: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек».

Причину использования этой новозаветной притчи Кьеркегором С. А. Исаев понимает так: «Само чудо воскресения понимается, прежде всего, буквально – как обетование, данное всякому человеку Христом, как наглядное доказательство вечной жизни, спасающее случайно усомнившегося от бездны отчаяния. Вместе с тем, чудо о Лазаре несет в себе и определенную метафорическую нагрузку: бездыханность, безжизненность мертвеца символизируют здесь оцепенение воли человека, скованной отчаянием, когда надежда потеряна и все тонет во мраке безразличия,

циничной опустошенности, того, что средневековые схоласты называли смертным грехом, то есть апатичной лености, уныния, безнадежной меланхолии. Спасение из этого состояния внутреннего саморазрушения, тлена и гибели возможно лишь с приходом Христа, который должен всякий раз заново отваливать могильный камень со склепа, где томится каждая человеческая душа. Вот почему Кьеркегор не устает повторять, что отчаяние – это грех, но отчаяние перед Богом – уже надежда на исцеление, противоположность же греху – это не добродетельное поведение, но вера» [1, с. 377–378].

Кьеркегор начинает свое повествование исходя из того, что человек есть дух, а дух есть Я человека. Отчаяние же является болезнью духа, или Я, где «Я – это отношение, относящее себя к себе самому». А раз сам «человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости» [2, с. 255], значит, в отношении между двумя субъектами само это отношение выступает как нечто третье – таким образом, «Я человека: это отношение, которое относится к себе самому и вместе с тем к другому» [2, с. 255].

По мысли Кьеркегора, подверженность отчаянию является не пороком, а преимуществом человека: «То, что мы подвержены этому, возвышает нас над животными, это преимущество, которое отличает нас совершенно иным образом, чем прямая походка, ибо оно служит знаком нашего бесконечного превосходства или величия нашей духовности» [2, с. 256]. Принимая во внимание христианское определение человека как греховного существа, Кьеркегор считает человека, безразличного к выяснению вопроса о смысле собственного существования и возможности спасения, этически неразвитым, или «естественным». Превосходство христианина над «естественным человеком» в том, что христианин осознает свое положение в мире как отчаянное и находит возможность исцеления от отчаяния, то есть путь к спасению.

Говоря о наличии неистинного (неосознанного, скрытого) отчаяния и о настоящем (осознанном) отчаянии, Кьеркегор различает два вида настоящего отчаяния:

1) отчаянное нежелание быть самим собой, желание избавиться от своего Я, или «отчаяние-слабость»;

2) отчаянное стремление быть самим собой, или «отчаяние-вызов».

Первый вид отчаяния, «отчаяние-слабость» (или, как еще его называет Кьеркегор, «женственное отчаяние»), еще не выводит человека из сферы эстетического существования. Ему свойственно желание избавиться от собственного Я, желание обрести вместо него другое Я. Такое отчаяние Кьеркегор называет «отчаяние в непосредственном», потому

что «непосредственность в основе своей не имеет никакого Я, не осознает себя» [2, с. 286]. Человек непосредственности в час отчаяния желает быть в прошлом или стать другим. В этом Кьеркегор видит слабость эстетического существования. Хотя, когда присутствует некая доля рефлексии, такое отчаяние несколько видоизменяется: человек уже обнаруживает нечто в самом себе, что могло бы вывести его из непосредственности, так непосредственное смешивается с некоторой долей рефлексии о себе самом, но разрыва с непосредственностью не наступает, потому что для этого у человека еще недостает этической рефлексии. Такой формулой «отчаяния-слабости» является «отчаяние во временном или же во временных вещах».

Следующая формулировка «отчаяния-слабости» – «отчаяние относительно вечного или же в себе самом» – является существенным продвижением вперед. Если раньше человек имеет дело с отчаянием-слабостью, то здесь человек отчаивается в своей слабости: «Отчаявшийся сам видит свою слабость в том, чтобы принимать слишком близко к сердцу временное, то есть собственную слабость, в силу которой он отчаивается. Однако вместо того, чтобы искренне повернуть от отчаяния в веру, унижаясь перед Богом в этой слабости, он еще глубже погружается в отчаяние и отчаивается в этой слабости» [2, с. 294]. Это отчаяние по степени своей более глубокое, чем предыдущее, и его Кьеркегор относит уже к сфере этической.

Качественно новую и более высокую ступень развития человека представляет «отчаяние-вызов», или «мужественное отчаяние». Диалектика этого отчаяния такова: «Сначала происходит отчаяние во временном или во временных вещах, затем отчаяние в себе относительно вечности. После этого идет вызов, который в основе своей причастен к отчаянию благодаря самой вечности, когда отчаявшийся отчаянно злоупотребляет вечностью, внутренне присущей его Я, чтобы быть собою» [2, с. 298]. Такое отчаяние, по сути, должно вести человека к истине, то есть к вере, но из-за своей самонадеянности «он идет бесконечно дальше», преувеличивая свои силы в ущерб «возвышению до Бога». К числу таких ярких проявлений нерелигиозного этического существования Кьеркегор относит демонический «герметизм» личности, поставившей своей главной жизненной задачей «существовать благодаря самому себе». Здесь стремление к самосовершенствованию вызывает у самого индивида наслаждение собою, а у окружающих – восхищение его самообладанием и последовательностью. Кьеркегор называет такого человека «постановщиком опытов» с собственным Я. Но печальным результатом таких опытов оказывается его одиночество и гипертрофированная, обманчивая серьезность.

Предлагая свою диалектику отчаяния, Кьеркегор поясняет, что наряду с возрастанием отчаяния, переходящего от пассивности к активному действию, возрастает и степень осознания отдельным человеком своего Я. Но, оставаясь в рамках сугубо этического или эстетического взгляда на свое положение, пребывающий в отчаянии не сможет выйти из этого состояния естественным путем, и главным риском для него будет самоубийство. И только тогда, когда человек возвышается до понимания себя как отчаявшегося перед Богом, он приходит к осознанию своей греховности, то есть к христианству. И именно на этом религиозном уровне возможно спасение.

В интерпретации Кьеркегора отчаяние – это такое экзистенциальное состояние, которое приводит человека на путь постижения религиозной истины и обретения смысла жизни. Такое понимание отчаяния чрезвычайно важно для современного состояния общества, поскольку освобождает человека от массового нивелирования личности и помогает раскрыть истинное «Я» как собственный, подлинный способ бытия индивида.

Литература

1. Исаев, С. А. Этика отчаяния и веры [Текст] / С. А. Исаев // Этическая мысль. – М., 1990. – С. 471–476.
2. Кьеркегор, С. Страх и трепет [Текст] / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

С. П. Елин

ОСОБЕННОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ВОЗЗРЕНИЯ О КОСМОСЕ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Одним из регионов, где в глубокой древности была достаточно развита философия, является Китай.

Воззрения философов Древнего Китая существенно отличались от воззрений философов Индии и Европы. В то время как Индия развивала мистически-религиозное начало, а Европа – рациональное, китайская философская мысль часто рассматривалась как стихийно-диалектический путь познания явлений действительности в их развитии.

Задача настоящей статьи – рассмотреть особенности и истоки этого мировоззрения, которые стали неким прообразом традиционного китайского мышления о космосе.

«Сильнейшее влияние на развитие китайской философии оказала изолированность Китая от остального мира. На востоке и на юге простирались воды океанов, а на западе и севере располагались непреодолимые

горы и пустыни. Таким образом, китайская философия развивалась еще более изолированно и независимо, чем индийская. Это имело свою положительную сторону: китайская культура на протяжении тысячелетий сохраняла свою целостность. С другой стороны, недостаток изменений означал отсутствие многообразия, и даже своеобразный застой в культуре. Тем не менее, не вызывает сомнений то, что китайская культура породила одну из трех величайших философских традиций мира» [1, с. 118].

Философская мысль китайцев о космосе отличается рядом особенностей. «Одной из особенностей является зооморфный характер богов и духов; многие древнекитайские божества были похожи на животных, птиц, рыб, часто мыслились как полулюди, полуживотные. Верховным божеством являлся Шан-ди – первопредок и покровитель китайского государства. Ему подчинялись и боги, и духи. Часто в образе Шан-ди выступала персонифицированная сила Неба. По представлениям древних китайцев, безличное, но всевидящее Небо управляло всем ходом событий во вселенной, а его первосвященником и единственным представителем на земле являлся император, носящий титул Сына Неба. Претендуя на родство с Небом, чжоуские правители стали именовать свою страну Поднебесной, а себя – “сыновьями Неба”» [2, с. 28–29].

«В “Книге перемен”, включающей в себя учение о триграммах, моделируется устройство космоса, в виде трех уровней. Небо (тянь) и Земля (ди) – это принципы “ян” и “инь”, перенесенные на космический масштаб. Между ними находится уровень человека (“жень”), связанный с принципом середины (“чжун”).

Эта трехуровневая структура космоса была зафиксирована в символике позиций триграмм: верхняя позиция – Небо, средняя позиция – человек и нижняя позиция – Земля.

В эпоху Западного Чжоу набор триграмм был осмыслен китайцами как удобная классификационная система, отражающая фундаментальные принципы устройства мира. Однако уже в начале эпохи Восточного Чжоу эти правила по определенным причинам стали забываться» [3, с. 2].

Другой отличительной особенностью китайского мировоззрения являлось отсутствие Бога-творца. Китайцы не считали, что мир был создан и сотворен богом. Они считали, что мир является живым организмом и насыщен непрерывной энергетической субстанцией «ци» – энергией, жизненной силой, универсальной основой вселенной, проявляющейся в виде движения, тепла и света. Она вечна, а само ее существование выводится как необходимое для обеспечения различных явлений. Китайские философы считали, что субстанция «ци» способна разряжаться, сгущаться, опускаться, подниматься, приходить и уходить. Она присутствует в со-

знании и поддается манипуляциям в процессе духовных практик. Также большую роль играет «ци» в медицине и в оздоровительных практиках.

«Ци» – одна из важнейших категорий философии, близкая к понятию «субстанция». В зависимости от философской ориентации различных школ «ци» выступает в трех главных смыслах: универсальной субстанции, жизненной энергии и проявления психического начала. Наиболее распространенным было первое значение – универсальная, вечная субстанция, наполняющая весь мир.

Основой мировоззрения жителей Китая была дуалистическая космологическая концепция существования двух противоположных сил «инь» и «ян», возникших из первоначально единой энергии «ци». Это произошло под действием первоматерии «Тай цзи» (буквальное значение – Великий Предел).

«Символ Великого Предела Тай Цзи объединяет две противоположные, взаимодополняющие категории инь и ян в единое целое. Эта монада является дуальной. Считается, что этот символ отражает фундаментальный принцип мироустройства. Он отражает гармоничное единение противоположностей по типу темное и светлое, мужское и женское. Основными признаками этого символа являются бинарность и зеркальная симметрия. Инь и ян выражают идею универсального дуализма мира. Это два начала, выступающие всегда в парном сочетании. Этот символ воспринимается как эстетически совершенный образ» [5, с. 1].

В результате «сгущения» ци произошло разделение на светлые и легкие ян-ци, поднявшиеся вверх и образовавшие Небо, и мутные, тяжелые инь-ци, опустившиеся вниз и образовавшие Землю.

Чередование инь (пассивной силы) и ян (активной силы) задает цикличность всех процессов в природе: ночь и день; утро и вечер; зима и лето; холод и тепло и т. д.

Весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций, происходящих в результате взаимодействия сил света и тьмы, напряжения и податливости.

Любое единое целое (явление, существо, состояние и т. д.) состоит из двух этих противоположных начал – «инь» и «ян», соперничающих и дополняющих друг друга. Являясь тончайшими субстанциями, они способны видоизменяться, но никогда не исчезают полностью. Эти две энергии постоянно находятся в состоянии взаимовлияния, перетекают одна в другую, замещают друг друга. Эти процессы и вызывают различные фазы, (в том числе в космосе) и именуются в восточной философии инь- и ян-ритмами.

Взаимодействие инь и ян рождает все движение в мире и пять первоэлементов (первоначал, первостихий): воду, огонь, дерево, землю и металл. Эти пять первоэлементов являются основой всех вещей и последовательными состояниями природы.

«Каждый из первоэлементов связан с другими посредством продуктивных и разрушающих процессов. Последовательность взаимопорождения первоэлементов: дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл порождает воду, а вода порождает дерево и так далее. Цикл взаимопорождений замыкается в бесконечности» [6, с. 2].

Каждый первоэлемент – это символ жизненных процессов, протекающих как в природе, так и в человеке. Из первоэлементов слагаются тела и вселенная. Из этого вытекает понятие единого целого, объемлющего всю вселенную и человека. В окружающем мире (макрокосмосе) человек является миром в миниатюре (микрокосмосом), отражением Вселенной, и состоит из тех же пяти первоэлементов.

На основе этих представлений в Китае возникло множество философских школ. Однако только одна из них – даоская – приложила максимум усилий к познанию космоса.

Основателем даоской школы считается Лао-цзы, который жил примерно в VI–V веках до н. э.

Иероглиф Дао состоит из двух частей: шоу – голова и цзоу – идти, поэтому основное значение этого иероглифа – «дорога, по которой ходят люди», но в дальнейшем этот иероглиф приобрел переносный смысл и стал означать «закономерность, закон». Лао-цзы, приняв Дао за высшую категорию своей философии, придал этому понятию не только смысл всеобщего закона, но и рассматривал Дао как источник происхождения мира.

Основным относительным признаком философии Лао-цзы, характеризующим последователей даосизма, является то, что Дао рассматривается как Абсолют, источник происхождения всего сущего, как всеобщий закон, управляющий миром. Согласно даоской космологической модели мира, именно хаос есть недифференцированное начало, породившее все сущее. Из неупорядоченного хаоса Дао формирует упорядоченный универсум, Вселенную.

Существование мира циклично. В начале каждого цикла в хаосе возникает поляризация, образование «инь – ян», а затем первоэлементы материи и все разнообразие вещей эмпирического мира.

Разрушаясь, мир в конце цикла переходит в состояние «ци», которая сохраняется в хаосе, являясь универсальной основой вселенной.

Об этом говорится в книге «Дао дэ цзин», в части второй («Космология и управляющий принцип»), где в изречении первом говорится:

«Есть форма, возникшая из хаоса, рожденная прежде вселенной; безмолвная и пустая, одиноко стоит она неизменная; ее можно считать матерью мира. Хотя мы не знаем ее имени, мы можем назвать ее Дао; вынужденные дать ей имя, мы можем назвать ее великой» [4, с. 48].

Согласно даосам, этот исконный хаос также имеет внутренний принцип, ответственный за самоорганизацию всего космоса, состоящего из бесчисленных взаимосвязанных индивидуальных вещей и существ. Поскольку это именно фундаментальный принцип, структурирующий мир, постольку его присутствие является очень тонким и трудноразличимым. Поскольку Дао было трудно постичь и назвать, древние описали первичные силы, происходящие из него. В книге «Дао дэ цзин» (изречение десятое) говорится:

«Дао порождает одно,
одно порождает два,
два порождает три,
а три порождает мириады вещей.
Мириады вещей отвергают инь
и принимают ян – благодаря поглощению жизненной энергии они уравниваются» [4, с. 54].

Единица – это высшая энергия космоса, его первичная энергия, где «инь» и «ян» находятся в совершенном равновесии и полном единстве. Это единство можно представить как готовое взорваться, в результате чего возникнет мир. Когда «инь» и «ян» разделились, появилась двойка. «Инь» и «ян» образовали три основные силы, получившие название «трех чистых», которые создали пять основных энергетических фаз вселенной. Эти пять сил (пять элементов) произвели все необозримое множество существ и сущностей – то есть все известные формы проявления, которые можно встретить в природе и во всей Вселенной.

Действительно, это внутреннее Дао, благодаря которому вещи становятся существующими и беспрепятственно взаимодействуют друг с другом, часто упускалось из виду другими древнекитайскими философами. Эти философы обычно трактовали космос как полярность, сформированную небом и землей, с людьми, служащими посредниками между ними.

Лао-цзы напоминает нам о том, что внутренний, естественный принцип упорядочения назван «великим» потому, что он тождествен сам-

му источнику индивидуализированного существования. Весь космос, в котором мы живем, появляется из этого источника и развивает все более сложные формы присутствия.

В другом (пятом) изречении говорится:

«Дао пусто; и в использовании оно неисчерпаемо. Безмолвная бездна! Оно похоже на прародителя бесчисленных вещей. Прозрачная глубина! Оно кажется просто смутно присутствующим. Я не знаю, чье оно порождение! Вероятно, оно предшествует даже Богу» [4, с. 50].

Уже в ранний период Чжоу китайская религиозная мысль развилась до исключаящего идею личного бога образа безличного Неба. Даосы пошли еще дальше: они усматривали источник всего сущего в исконном Дао.

Материальный мир, возникающий во вселенной, является результатом естественного процесса, протекающего без всякого «контролирующего творца». Возникнув, бесчисленные явления Вселенной действуют в гармонии с исконным Дао, которое является не Богом, а естественным процессом «самоуправления Вселенной».

В заключение хочется сказать, что величайшая заслуга китайской культуры в том, что она выработала свою особенную структуру ценностей, сохранив при этом для цивилизации высочайшие достижения философской мысли древности (в том числе космологической).

Литература

1. Адамчик, М. В. Восточная философия [Текст] / М. В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2006. – 320 с.
2. Кохановский, В. П. История философии [Текст]: учебник для вузов / В. П. Кохановский, В. П. Яковлев. – Ростов н/Д: Феникс, 2004 – 736 с.
3. Еремеев, В. Е. Триграммы «Книги перемен» как символы взаимодействий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kogni.narod.ru/trigrams.htm> – 14.03.2008.
4. Ходж, С. М. Дао дэ цзин [Текст] / С. М. Ходж. – Москва: Омега, 2006. – 176 с.
5. Принцип инь и ян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/philosophy/11031> – 14.03.2008.
6. Основы философии Даосизма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://show-m-dao.narod.ru/philos.htm> – 14.03.2008.

Раздел 2. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Д. В. Думанский

ПОНЯТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ: ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понятие научно-исследовательской программы, введенное Имре Лакатосом, весьма интенсивно используется в научном обиходе. И это не случайно. Оно очень удачно отражает некоторые аспекты сущности как самого научного знания, так и его истории. Применение данного понятия для объяснения динамики науки является крайне актуальным для современной философии науки. Однако, при этом, в отечественной науке наблюдается разногласие в интерпретациях научно-исследовательской программы как понятия. Поэтому цель данной работы – прояснить ситуацию, связанную с использованием данного термина, а именно дать краткий обзор некоторых вариантов интерпретации понятия научно-исследовательских программ. Достичь поставленной цели невозможно без обращения к самому Имре Лакатосу и его пониманию введенного им понятия.

Поскольку концептуализация понятия была проведена И. Лакатосом в его работе «Методология научных исследовательских программ», к ней мы и обратимся. В данной работе автор, вслед за Т. Куном, предлагает при изучении динамики научного знания использовать более обширное и долговечное концептуальное образование, чем теория, – научно-исследовательскую программу. Научно-исследовательская программа есть не что иное, как совокупность непрерывно сменяющих друг друга теорий, объединенных базисными положениями и образующих некую целостность [см.: 1, с. 25]. У программы есть «твердое ядро» и «защитный пояс». «Твердое ядро» – это ряд исходных и неизменных положений (нефальсифицируемых, если пользоваться терминологией К. Поппера), методологических правил. Причем эти методологические правила «...могут формулироваться как метафизические принципы. Например, общее правило анти-конвенционалистов, по которому исследователь не должен допускать исключений, может быть записано как метафизический принцип: “Природа не терпит исключений”» [1, с. 25]. «Твердое ядро» предполагает защиту от изменений «отрицательной эвристикой». «Отрицательная эвристика» – это, по сути, указание на то, каких путей надо избегать при исследовании в рамках определенной программы. Однако то, какими путями все же следует идти, являет собой «положительная эвристика». «Отрицательная» и «положительная эвристики» – это своего рода два уровня

методологических принципов. «Положительная эвристика» направлена на конструирование защитного пояса той или иной программы. Если отрицательная эвристика определяет «твердое ядро» программы, которое, по решению ее сторонников, полагается «неопровержимым», то положительная эвристика складывается из ряда доводов, более или менее ясных, и предположений, более или менее вероятных, направленных на то, чтобы изменять и развивать «опровержимые варианты» исследовательской программы, модифицировать, уточнять «опровержимый» защитный пояс [см.: 1, с. 26]. Дело в том, что, по И. Лакатосу, аномалии в науке никогда не исчезают. Поэтому ученый должен работать на «опережение» таких «контрпримеров», ведя дальновидную политику. Мыслитель считает, что редко ученый, работающий в рамках прогрессивной исследовательской программы, занимается «опровержениями». «Положительная эвристика выручает ученого от замешательства перед океаном аномалий. Положительной эвристикой определяется программа, в которую входит система более сложных моделей реальности; внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы. На известные “контрпримеры” и наличные данные он просто не обращает внимания» [1, с. 26]. По характеристике Лакатоса, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями, и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем. Программа прогрессирует, пока наличие жесткого ядра позволяет формулировать все новые и новые гипотезы «защитного поля». Когда продуцирование таких гипотез ослабевает, и оказывается невозможным объяснить новые, а тем более адаптировать аномальные факты, наступает регрессивная стадия развития. То есть, в первом случае ее теоретическое развитие приводит к предсказанию новых фактов, во втором – программа лишь объясняет новые факты, предсказанные конкурирующей программой либо открытые случайно. Исследовательская программа испытывает тем больше трудности, чем больше прогрессирует ее конкурент, и наоборот, если исследовательская программа объясняет больше, нежели конкурирующая, то она вытесняет последнюю из оборота сообщества. Это связано с тем, что предсказываемые одной программой факты всегда являются аномалиями для другой. Таким образом, по И. Лакатосу, наука предстает как поле конкуренции научно-исследовательских программ.

Для достижения наибольшей ясности необходимо показать разницу между рассматриваемым нами понятием и введенным Т. Куном понятием «парадигма». Это необходимо сделать в связи с тем, что последнее время термин «парадигма» используется расширительно. И более того,

в научном дискурсе он может выглядеть как синонимичный научно-исследовательской программе. Итак, хронологически первым концептуальным образованием была «парадигма». Поэтому И. Лакатос разрабатывал свою методологическую концепцию с учетом куновской. Сам он по этому поводу пишет следующее. «Догматическая установка науки, которой объясняются ее стабильные периоды, взята Куном как главная особенность “нормальной науки”. Концептуальный каркас, в рамках которого Кун пытается объяснить непрерывность научного развития, заимствован из социальной психологии; я же предпочитаю нормативный подход к эпистемологии. Я смотрю на непрерывность науки сквозь “попперовские очки”. Поэтому там, где Кун видит “парадигмы”, я вижу еще и рациональные “исследовательские программы”» [1, с. 26]. Для Т. Куна важно то, что парадигма «вплетена» в социальный и культурный контекст, зависима от него, в то время как для Лакатоса более важны чисто научные положения. Таким образом, принципиальным различием можно считать критерий отбора, работающий в ходе «революционных» изменений: иррациональных (зависимых от социально-психологического контекста) у Куна и рациональных (опирающихся на «чистые» научные положения) у Лакатоса. Для Куна смена парадигм – это своего рода смена религий [см.: 2], для Лакатоса – рационально реконструируемый процесс регрессивного сдвига науки, в случае, когда «положительная эвристика» не выдерживает конкуренции с другой научно-исследовательской программой.

Итак, конкретизировав понятие научно-исследовательской программы, перейдем к вариантам его интерпретации. Прежде всего, необходимо отметить, что в отечественной науке понятие научно-исследовательской программы довольно активно используют и развивают М. Д. Ахундов, С. В. Илларионов, В. Г. Федотова, П. П. Гаденко. При этом стоит констатировать, что часто в контексте одной и той же работы можно встретить использование терминов «научная программа» или «исследовательская программа», как синонимичных научно-исследовательской программе (или научной исследовательской программе) Имре Лакатоса.

В отношении использования данного понятия, ближе всех к И. Лакатосу оказалась П. П. Гайдено. Если обратиться к ее монографии «Эволюция понятия науки. XVII–XVIII вв.» **нетрудно будет заметить, что динамику научного знания она рассматривает исключительно через призму понятия научно-исследовательской программы.** Так, например, исследуя период становления новоевропейской науки, П. П. Гайдено останавливается на четырех основных научных программах. А именно: атомистиче-

ской, картезианской, ньютонианской и лейбницевой [см.: 3, с. 1]. Выделение данных научных программ в полной мере соответствует принципам И. Лакатоса. Однако при этом П. П. Гайденко сильно акцентирует внимание на мировоззренческой основе научно-исследовательской программы, которая создается в культуре, философии, искусстве эпохи. И это в какой-то степени роднит ее с Т. Куном, ибо И. Лакатос не акцентировал на этом никакого внимания. Для Гайденко же этот вопрос является принципиальным. Так она пишет: «Ведь именно научно-исследовательская программа представляет собой ту “точку”, в которой смыкаются теоретические и мировоззренческие установки ученых» [3, с. 2]. Подчеркнутое значение мировоззрения для зарождения определенной научно-исследовательской программы мы можем заметить и в следующем ее высказывании. «Чтобы соединить в нечто целое научные программы Платона и Демокрита, необходимо создать новую основу для такого соединения – слишком уж различны принципы этих двух античных научно-исследовательских программ. А эта новая основа создается в культуре, философии, искусстве эпохи Возрождения – идеи неоплатонических школ XV–XVI веков представляют собой серьезную трансформацию учений античных неоплатоников и самого Платона...» [3, с. 3–4]. Кроме того, интересен и контекст использования понятия. Гайденко его расширяет, используя применительно к социально-гуманитарным наукам. Проиллюстрировать это утверждение можно следующим высказыванием П. П. Гайденко: «Харизматик как бы заменил собой – в веберовском мировосприятии и в его научно-исследовательской программе – Провидение: это, если можно так выразиться, секуляризованный, “внутримирской” Бог» [4, с. 512]. Таким образом, можно заметить, что, несмотря на серьезную близость в использовании данного понятия к И. Лакатосу, П. П. Гайденко демонстрирует «взаимодополняемость» вышеуказанных концептуальных образований Т. Куна и И. Лакатоса. Более того, П. П. Гайденко расширяет контекст использования понятия научно-исследовательской программы.

Не меньший интерес с точки зрения интерпретации исследуемого понятия представляет работа М. Д. Ахундова и С. В. Илларионова «Премущественность исследовательских программ в развитии физики». Отмечая актуальность исследования динамики научного знания и научных революций, авторы анализируют понятия парадигмы и научно-исследовательской программы применительно к развитию физики. С их точки зрения, парадигма «...оказалась чересчур аморфным образованием, чтобы “схватить” механизм развития такой структурированной и математизированной науки, как физика» [5, с. 59]. Лакатос же, считают авторы, попытался преодолеть ряд дефектов «куновского парадигмального подхода».

А именно, недостаточно ясное понятие «парадигма» было заменено понятием исследовательской программы с достаточно четко определенной структурой, а на смену представлению о внезапном гештальт-переключении парадигм пришла попытка вскрыть рациональность перехода в реальном развитии науки. Однако, несмотря на положительные моменты, М. Д. Ахундов и С. В. Илларионов отмечают и некоторые, на их взгляд, методологические дефекты данного понятия. Среди них основным является представление И. Лакатоса о жестком ядре как о совокупности конвенционально не критикуемых (нефальсифицируемых) положений. «Такие конвенционально нефальсифицируемые положения объявляются Лакатосом метафизическими, и тогда получается, что метафизика помещается внутрь “твердого ядра” исследовательской программы» [5, с. 60]. А это, считают авторы, попытка изменить общепринятое понятие рациональности. Таким образом, постулируют они, требуется рациональная модификация лакатосовского понятия. Интерпретируя данное концептуальное образование, авторы пришли к выводу о том, что «...основные положения твердого ядра программы формируются не на основе конвенции, а будучи организованными в определенную целостную систему, которая выступает как некая абстрактная физическая теория (с комплексом методологических принципов ее построения) – базисная теория физических исследований» [5, с. 60–61]. Именно базисная теория обеспечивает преемственность фундаментальных физических теорий. Интересен и факт того, что данная интерпретация позволила авторам доказать тезис о существовании принципиально новой физической исследовательской программы, базисная теория которой возникла в результате «...нетривиального синтеза классической квантовой теории поля с идеями симметрии, локальной калибровочности ряда симметрий...» [5, с. 62]. Таким образом, мы можем констатировать, что Ахундовым и Илларионовым была проведена рациональная модификация научно-исследовательской программы с целью доказать наличие принципиально новой программы в физике.

Особый интерес в контексте данной работы представляют труды В. Г. Федотовой. Именно она попыталась использовать понятие научно-исследовательской программы применительно к социально-гуманитарным наукам. Более того, опираясь на него, она предложила различать социальное и гуманитарное знание. Для этого она использовала понятия натуралистической и культурцентристской научно-исследовательской программы. По мнению автора, именно эти две программы являются основными в социально-гуманитарных науках. Натуралистическая исследовательская программа характеризуется тем, что часто предмет наук об

обществе отождествляется с предметом естественных наук или же используются идентичные методы исследования. Натуралистическая программа была генетически первой, и поэтому именно она «...формировала идеал и нормы научности наук об обществе по образцу естественных наук» [6, с. 124]. Культурцентристская исследовательская программа характеризуется тем, что опирается на идею культуры как самостоятельной реальности. Таким образом, это утверждение формирует отличные от естественных наук объект, предмет и методы наук об обществе. «С позиции этой программы явления не самотождественны, они всегда другие... Мы сами всегда другие. В отличие от уподобления социального мира вещам, теперь он уподобляется субъекту, человеку» [6, с. 126]. По мнению В. Г. Федотовой, культурцентристскую научно-исследовательскую программу применяют в основном гуманитарные науки, а натуралистическую – социальные. При этом мыслитель считает, что обе программы являются потенциально взаимодополняемыми. Однако при положительных результатах использования исследуемого понятия, следует отметить, что В. Г. Федотова отлична от Лакатоса в понимании научно-исследовательской программы. Часто в тексте она использует его как синонимичное парадигме [см.: 6, с. 122–123].

Итак, проведя краткий обзор вариантов интерпретации понятия научно-исследовательской программы, необходимо отметить, что в отечественной науке оно не только используется, но и подвергается рациональной модификации. Более того, данное понятие используется применительно к социально-гуманитарным наукам. И. Лакатос же применял его исключительно к естественным наукам. Таким образом, в целом, мы можем констатировать наличие положительных тенденций в области интерпретации исследуемого понятия, а именно, эвристичность понятия научно-исследовательской программы в области социально-гуманитарных наук.

Литература

1. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: www.matlab.mgppu.ru/book/0025.html Monday, 17 March 2008 18:32:08.
2. Кун, Т. Логика и методология науки. Структура научных революций [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: www.i-u.ru/biblio/archive/kun_logika Monday, 17 March 2008 18: 45: 21.
3. Гайденок, П. П. Эволюция понятия науки. XVII–XVIII вв. [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: window.edu.ru/window_catalog/files/r27681/05110118.pdf Monday, 17 March 2008 18:34:39.

4. Гайдено, П. П. Научная рациональность и философский разум [Текст] / П. П. Гайдено. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
5. Ахундов, М. Д. Преемственность исследовательских программ в развитии физики [Текст] / М. Д. Ахундов, С. В. Илларионов // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 56–65.
6. Федотова, В. Г. Социальная философия и науки об обществе [Текст] / В. Г. Федотова // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 2, № 2. – С. 119–135.

М. В. Межова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время приобретают актуальность вопросы, связанные с эффективностью межкультурной коммуникации, главным условием которой является взаимопонимание представителей разных культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. Приоритетными становятся вопросы установления взаимопонимания между народами, обеспечения доступа к многообразию мировой политики и культуры, то есть расширяющиеся международные контакты актуализируют межкультурную коммуникацию. Межкультурная коммуникация представляет собой процесс взаимодействия культур, которое осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и коммуникативного поведения, что влияет на взаимопонимание и взаимоотношения между общающимися сторонами.

Первой попыткой изучения лингвокультур в отечественной методике стала теория лингвострановедения, сформулированная Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым: «Две национальные культуры никогда не совпадают полностью, – это следует из того, что каждая состоит из национальных и интернациональных элементов. Совокупности совпадающих (интернациональных) элементов и расходящихся (национальных) единиц для каждой пары сопоставляемых культур будут различными» [1, с. 26]. По определению Т. Г. Грушевицкой, «межкультурная коммуникация на индивидуальном уровне представляет собой столкновение различных взглядов на мир, при котором партнеры не осознают различия во взглядах, считают свое видение мира “нормальным”, видят мир со своей точки зрения» [2, с. 32]. А. П. Садохин утверждает, что «признание существования различий дает возможность осознать, что у каждого человека существуют свои правила, модели поведения, отличающие людей друг от друга и результат общения (успешность-неуспешность) зависит от того,

как человек воспринимает эти различия» [5, с. 99]. Боязнь таких трудностей и неудобных ситуаций, свойственная многим людям, может стать причиной отсутствия межкультурных контактов. Именно этим вызвано всеобщее внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации, поэтому так остро встала «проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от избыточности, недостаточности или просто непохожести других культур» [7, с. 9].

Другими словами, основа межкультурной коммуникации – это толерантность, которая в современном философском энциклопедическом словаре трактуется как «терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции» [3, с. 457]. Психологический словарь трактует толерантность как «терпимость, снисходительность человека к кому-либо или чему-либо; установка на либеральное отношение и на принятие (понимание) поведения, убеждений и ценностей других людей» [4, с. 435].

В контексте межкультурной коммуникации толерантность означает уважение многообразия иных культур, иных правил речеповедения, самовыражения, образа мысли и действий.

Анализируя философские и психолого-педагогические определения, можно сформулировать вывод о том, что толерантность есть свойство личности, которое представляет собой единство двух аспектов: пассивно-адаптивного и активно-конструктивного. Под пассивно-адаптивным аспектом понимается способность личности к терпимому, уважительному отношению к позиции представителя другой культуры (как представителя иных общностей, культур, этносов) при сохранении собственной позиции; под активно-конструктивным – готовность к взаимодействию, к участию в открытом диалоге с другим представителем для расширения собственного опыта.

Отсюда вытекает понятие «межкультурная толерантность». Под межкультурной толерантностью следует понимать толерантность, представляющую собой комплекс свойств и способностей личности, позволяющих ей проявлять терпимость, уважение и доброжелательное отношение к представителям других этнокультурных общностей и феноменам других этнокультур. Данный комплекс предполагает, с одной стороны, понимание значимости другой культуры. Это означает восприятие ее представителя как равноправного субъекта взаимодействия, признание

его права на непохожесть и своеобразие, отказ от сиюминутных оценок его проявлений, а также способность защитить себя от негативного воздействия представителя другой культуры на основе терпимости, ненасилия. С другой стороны, межкультурная толерантность предполагает также готовность партнеров межкультурной коммуникации, осознавая собственную культурную идентичность, понять и обозначить активную позицию взаимодействия по отношению к представителю иной культуры. Принимая и уважая другую культуру, образ мышления, языковое сознание, нормы поведения и личную свободу ее представителей, участники межкультурной коммуникации, тем самым, расширяют свой социальный опыт и приобретают новое культурное достояние.

Несоблюдение принципа толерантности в межкультурной коммуникации может привести к подавлению одной культурой всего многообразия культур.

Хотелось бы привести два примера из новой книги С. Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков культур», где она приводит пример несоблюдения принципа межкультурной толерантности на государственном уровне: «В Бельгию приехала правительственная делегация Ирана. Ее визит закончился полным фиаско из-за конфликтов культур. Глава иранской делегации отказался пожать руку мадам Лизен, члену бельгийского парламента, и она отменила встречу. А когда иранцы потребовали, чтобы на официальном обеде не было никакого алкоголя, бельгийцы отменили обед. Глава делегации Ирана выразил сожаление по поводу того, что бельгийцы живут в такой стране, где не знают о разнице культур. На что бельгийцы возразили, что их государства должны уважать их традиции, как они уважали бы их традиции, если бы они приехали в Иран» [6, с. 81]. Или другой пример: «Во время экскурсии, в которой принимали участие группы англичан, немцев, японцев и американцев, актер закурил, хотя в автобусе курить было запрещено. Англичане вежливо попросили его потушить сигарету. Японцы, не желающие нарушать гармонию, предпочли промолчать. Немцы сначала устроили голосование и только потом выразили недовольство, а американцы стали курить сами» [6, с. 61].

Приведенные примеры говорят о том, что вопросы межкультурной коммуникации необходимо исследовать в иной парадигме, в которой она трактуется как двусторонний процесс. При этом, каждая сторона (то есть партнер) имеет установку на взаимопонимание, иначе говоря, желание, стремление, готовность понять и бесконфликтно, толерантно принять иную точку зрения, факты иной культуры. В противном случае в процессе межкультурной коммуникации неизбежно возникает невидимая преграда к взаимопониманию.

Таким образом, стержнем межкультурной коммуникации должно являться толерантное стремление к взаимопониманию. Если оно имеется, то будут легко прощены (если вообще будут замечены) и языковые ошибки, и отличия в культуре (манере) общения, и естественные социокультурные различия.

Обращает на себя внимание тот факт, что все авторы, исследующие проблемы межкультурной коммуникации и проблемы обучения ей, не рассматривают вопрос о языке, на котором реализуется межкультурное общение. Если собеседники не владеют одним языком, то реальная межкультурная коммуникация может состояться лишь с помощью специалиста по межкультурной коммуникации – переводчика, который адаптирует их общение и обеспечивает взаимопонимание. Межкультурная толерантность специалиста должна включать стремление к осуществлению профессиональной деятельности без ущерба национальных чувств и национальной гордости партнеров, к внесению вклада в позитивное решение вопросов межкультурного взаимодействия.

Априори считается, что именно российский партнер по межкультурной коммуникации в реальных условиях общения со своим зарубежным коллегой (другом, случайным собеседником) пользуется иностранным языком. И, соответственно, он должен быть подготовлен к потенциальной межкультурной коммуникации, то есть должен владеть иноязычной коммуникативной компетенцией, социокультурной компетенцией и целым рядом других составляющих коммуникативной компетенции.

Партнеру по межкультурной коммуникации, если он является носителем языка, на котором она реализуется, не нужна дополнительная подготовка к потенциальной межкультурной коммуникации. В связи с этим обнаруживается усердие со стороны одного и индифферентность со стороны другого партнера, в то время как межкультурная коммуникация представляет собой речевое взаимодействие ее участников.

Сравнительно-сопоставительный подход к проблеме межкультурной коммуникации также нельзя признать адекватным целям толерантного межкультурного взаимодействия, ибо чем больше находится различий в культурах, менталитетах, традициях и языках партнеров по межкультурному общению, тем меньше вероятность их взаимопонимания.

Профессор С. Г. Тер-Минасова, заканчивая свою книгу «Язык и межкультурная коммуникация», призывает всех быть «терпеливыми, уважать чужие культуры, чтобы жить стало легче и спокойнее. Терпимость, Терпение и Толерантность – вот формула межкультурной коммуникации» [7, с. 260].

Формирование межкультурной толерантности предполагает умение видеть в чужом не только то, что нас отличает, но и то, что объединяет;

менять оценки в результате постижения другой культуры, отказываться от стереотипов, использовать знания о чужой культуре для более глубокого познания своей.

Литература

1. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова [Текст]: учеб. пособие / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1980. – 380 с.
2. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации [Текст] / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
3. Губский, Е. Ф. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
4. Немов, Р. С. Психологический словарь [Текст] / Р. С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
5. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. пособие / А. П. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с.
6. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков культур: вопросы теории и практики [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
7. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 260 с.

О. Г. Громова

ПАТРИОТИЗМ И НАЦИОНАЛИЗМ КАК ГРАНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Сила национальных движений в современном мире, острота национальных конфликтов есть яркое свидетельство того, что национализм как идеология и нация как идея, лежащая в его основе, по-прежнему остаются силой, одновременно объединяющей и разъединяющей наше общество.

Изучение данной проблемы имеет вполне практическое значение, так как его конечной целью является выработка социально-политических механизмов, способных регулировать межнациональные взаимодействия, формировать установки толерантного сознания и предотвращать проявления экстремизма в обществе.

Следует признать, что с 1990-х годов и до настоящего времени Россия находится в переходном периоде, который Н. В. Солнцев определяет как «процесс... всеобщей модернизации... общества» [12, с. 27–28].

Этот переходный процесс, происходящий в контексте глобализации мирового сообщества, актуализировал вопрос самоопределения России. Вследствие усиления тенденций глобализации, которыми, по мнению Н. Е. Покровского, являются всеохватность и комплексность изменений,

доминирование глобального над локальным, гибридизация культуры и ослабление национально-государственного фактора, закономерно возрастает сопротивляемость со стороны социума, что выражается в росте национализма и патриотизма [см.: 11, с. 35–37].

Зарубежные исследователи национализма, такие как Е. Кедури, Л. Гринфелд и другие, полагают, что подъем национализма – это всегда ответ на реструктуризацию общества, на ситуацию, когда нации необходимо обрести новую идентичность [цит. по: 7, с. 150]. Следовательно, национализм – это определенное мировоззрение, которое позволяет индивиду ассоциировать себя со своей нацией на основе культурно-исторического, языкового и геополитического единства.

В основе национализма лежит идея нации как исторической общности людей, складывающейся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера (психического склада народа), которые составляют ее признаки [см.: 2, 3, 13, 14].

В рамках конструктивистского и натуралистического подходов к исследованию национальной идеи национальная идентичность рассматривается как важный социальный конструкт, осознание индивидом собственной принадлежности к великому и уникальному сообществу, «коллективной душе» или общности «Мы».

Есть основания утверждать, что национализм и патриотизм, по сути, являются двумя гранями проявления национальной идентичности, этнической и государственной. Данное утверждение базируется на обобщенных определениях этих понятий [см.: 4]:

Патриотизм	Национализм
Нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами нации, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа.	Идеология и политика, базовым принципом которых является тезис о высшей ценности нации и ее первичности в государствообразующем процессе. В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, ее территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей.

Таким образом, в основе того и другого лежит принцип идентификации себя с другими членами нации, то есть осознание индивидом своей принадлежности к ее культурному, историческому, экономическому, территориальному наследию в их совокупности, а также готовность защищать интересы своего народа и своей Родины.

Любовь к родине непременно имеет национальный характер, поскольку субъект патриотических чувств и взглядов всегда принадлежит к определенной национальности, этносу.

Национализм и патриотизм имеют две ипостаси: одна – нравственно-чувственная, то есть нерациональное ощущение индивидом принадлежности к национальной «коллективной душе» и родной земле; другая – политическая, использующая национально-патриотическую идею как инструмент в достижении определенных государственных интересов либо в борьбе властных структур.

Патриотизм и национализм – не идентичные феномены, имеющие разные объекты устремления: с одной стороны, «родной край», «родная страна»; с другой – «нация», «народ». «Обыкновенно патриотизм сочетается со здоровым национализмом, чувством и сознанием национального достоинства, некичливым уважением к самому себе как представителю определенной национальной общности. И наоборот, здоровый национализм предполагает любовь к родной стране» [см.: 10].

Формирование «образа Мы», базового компонента патриотизма/национализма, происходит на основе «национального характера» (менталитета нации), объединяющего этнические группы и служащего средством их идентификации.

На данный момент, благодаря работам этнологов, психологов, социологов, культурологов, лингвистов, общепризнано существование национальных особенностей, которые представляют свойственное только одному народу сочетание национальных черт, которые проявляются как определенные нормы и формы реакции на окружающий мир, а также как нормы поведения и деятельности.

В культурологии термин «национальный характер» означает «наличие у представителей той или иной культурной традиции таких общих личностных элементов и структур, которые обеспечивают общие для всех них (или доминирующие у них) формы мировосприятия, поведения и мышления» [8, с. 74].

Отечественный исследователь В. В. Воробьев полагает, что специфическими чертами русской национальной личности являются:

«– **духовность, то есть способность индивида выходить за рамки своей собственной жизни, ставить перед собой задачи и цели, не связанные с улучшением условий своей индивидуальной жизни;**

– “мобилизационный” коллективизм и общинность, то есть стремление к единению, самопожертвованию ради всеобщего блага, проявляющийся в экстремальных условиях, требующих максимального напряжения духовных и физических сил;

– стремление к свободе и независимости в органичном сочетании со стремлением к сильному (“самодержавному”) государству;

– “всечеловечность” (по определению Ф. М. Достоевского) – толерантность к другим народам, культурам и религиям, а отсюда свобода взаимообмена культурными и техническими достижениями» [5, с. 101].

Исходными предпосылками различия между душами народов Гегель называл географический и религиозный факторы. Н. О. Лосский, наряду с другими русским философами, называл религиозность корневой, смыслообразующей чертой русского национального характера.

А. Н. Малинкин отмечает, что у всех народов мира религия была исторически первичным интегративным фактором, под воздействием которого формировалось национально-этническое единство, особенно в эпоху, предшествующую возникновению государства. В течение веков религиозные верования и национальные особенности сплавлялись в единое целое, определяя своеобразие национального мироощущения и мировоззрения, традиций и обычаев, обрядов и ритуалов, нравственных устоев и всего уклада жизни. «Принадлежность к религиозной общности, несомненно, укрепляет любовь к родине, в особенности там, где эта религиозная общность охватывает большую часть населения страны, отделенную государственными границами от общности иноверцев. Вот почему патриотизм традиционно понимают, прежде всего, как любовь к родной земле, земле предков, которые как бы освятили ее “истинной” верой» [10]. При этом религиозная общность понимается как общность традиционно связанных с определенной религией людей, среди которых могут быть и верующие и неверующие. Так, несмотря на утрату религиозных традиций за период советского атеизма, мы, русские, по-прежнему причисляем себя к «православным», подразумевая историческую принадлежность к данной религии, объединяющую русский народ и служащую его культурно-дифференцирующим признаком.

Издrevле Россия являет собой пример многонационального, полиэтнического государства. А. Н. Малинкин пишет: «Мировой опыт свидетельствует о том, что многоэтнические мультикультурные суперэтносы, построенные по типу “salad bowl” (салатницы) могут быть не менее жизнеспособными, чем построенные по типу “melting-pot” (плавильного котла). Но если западные общества сравнительно недавно, с 1970-х годов, осознали бесперспективность попыток добиться этно-

культурной гомогенности и провозгласили своим идеалом интеграцию без ассимиляции, то российские традиции терпимости в межнациональных отношениях уходят в глубь веков» [9].

Именно в православии реализуется такая черта «русской национальной личности», которую Ф. М. Достоевский назвал «всечеловечностью», то есть толерантностью к другим народам, культурам и религиям [см.: 5, с. 101]. Глубокая специфическая религиозность развилась, по его мнению, во «всемирную отзывчивость» русского народа. Так, евангельский завет «Люби ближнего как самого себя» у русских трансформируется в стремление «сочувственно вживаться в чужие культуры», постигать их как собственную.

Русский философ В. С. Соловьев полагал, что истоки патриотизма лежат в благочестии. Он выводит истинную идею патриотизма из сущности христианского начала: «В силу естественной любви и нравственных обязанностей к своему отечеству полагают его интересы и достоинство главным образом в тех высших благах, которые не разъединяют, а объединяют людей и народы» [цит. по: 1].

С точки зрения христианства, достоин осуждения и опасен не национализм как *любовь* к своей нации, народу, роду и племени, а национализм как *ненависть* к чужой нации, иному народу, роду и племени.

Основой русского патриотизма и национализма, помимо общинности, соборности и религиозности, является также черта, которую можно назвать государственностью.

Исторически и традиционно русское православие отличала размытость границ между государственной и церковной властью. Церковь была духовной опорой сильной централизованной авторитарной власти государства, а царь земной являлся аналогом Царя Небесного.

Одним из основных компонентов парадигмы русского религиозного характера В. В. Воробьев называет триаду «православие – самодержавие – народность». Сочетание в ментальности россиян религиозности и государственности (а для верующего христианина высшими ценностями были Вера, Царь и Отечество) наложило определенный отпечаток на российский патриотизм.

Таким образом, обостренные проявления национализма и патриотизма при модернизации общества – это закономерная реакция на возможную «конвергенцию» различных культур, особенно в условиях мировой глобализации, которая представляет угрозу самобытности национальной культуры. В таких условиях почти неизбежен так называемый «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Вследствие этого для народа становится необ-

ходимым выработать «скрепляющие узы», то есть сформулировать идеи, основанные на общих представлениях о прошлом и будущем, благодаря которым будет сохраняться национальная самобытность [см.: 6, с. 10].

Очевидно, что в своих крайних проявлениях патриотизм и национализм могут принимать формы шовинизма, ксенофобии, нацизма, которые делают акцент на превосходстве одной определенной национальности над всеми остальными. Вместе с тем, здоровые их проявления являются необходимым условием сохранения национальной идентичности.

Литература

1. Баранов, Н. А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей [Электронный ресурс]. – www.edus.ru/109/read7407.html. 18 КБ
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]: Словарь. – www.bse.sci-lib.com. 9 КБ
3. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]: Словарь. – slovari.yandex.ru/dict/jurid. 12 КБ
4. Википедия [Электронный ресурс]: Энциклопедия. – ru.wikipedia.org. 881 байт
5. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: теория и методы [Текст]: монография / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во: РУДН, 1997. – 331 с.
6. Касьянова, Ксения. Особенности русского национального характера. – М.: Библиотека Якова Кротова, – 1993. www.krotov.info/libr_min/k/kasyanov/kas_00.html. 17 КБ
7. Кошман, А. Л. Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии [Текст] / А. Л. Кошман // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2002. – № 3. – С. 147–157.
8. Культурология. XX в. Энциклопедия: в 2 т. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998.
9. Малинкин, А. Н. Новая российская идентичность [Электронный ресурс]. – www.nationalism.org/library/science/nationalism/malinkin/malinkin-sj-2001.htm. 92 КБ
10. Малинкин, А. Н. Социальные общности и идея патриотизма [Электронный ресурс]. – www.coren.ru/books/154.doc. 123 КБ
11. Покровский, Н. Е. Глобализация. Модернизация. Россия. Круглый стол [Текст] / Н. Е. Покровский // Полис. – 2003. – № 2. – С. 35–37.
12. Солнцев, Н. В. Переходный период как адаптация к новым реалиям [Текст] / Н. В. Солнцев // Национальные интересы: Русский язык: живой как сама жизнь. – М.: Институт национальной стратегии реформ, 2007. – № 4 (51). – С. 27–30.
13. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс]: словарь. – slovari.yandex.ru/dict/ushakov. 11 КБ
14. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]: словарь. – justit.ru/encyclop/0/0/10642. 19 КБ

ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦЕННОСТЕЙ

*«Человек есть существо оценивающее...
Определение ценностей и установка их
иерархии есть... функция сознания».*

Н. А. Бердяев [1, с. 473]

Цель данной статьи состоит в анализе проблемных ситуаций в исследованиях ценностей.

Понятие «ценность» – одно из наиболее употребляемых не только в современной социальной философии, но и в ряде наук, так или иначе обращающихся к анализу специфики человека и человеческой деятельности, – антропологии, социологии, культурологии и др. Характеризуя ту или иную культуру, эпоху, социальную общность, говорят о свойственных им ценностях. Ценности являются сущностным основанием отношения человека как к природе, так и к обществу, поскольку они обуславливают целеполагание и выбор способов деятельности по достижению поставленной цели, направление социальной активности.

Философское учение о ценностях и их природе называется аксиологией (от греч. *axiós* – ценность и *logos* – учение). Аксиология рассматривает понятие «ценность» в трех, частично пересекающихся смыслах: 1) в повседневном обиходе, обозначая способность вещей и явлений окружающего мира воздействовать на нас таким образом, что они становятся благами; 2) в политэкономическом смысле – обозначая то, благодаря чему вещи обладают признанной стоимостью, вынуждая людей, желающих обладать или пользоваться ими, платить за них определенную цену, обменивая одни вещи на другие; 3) в философском, обозначая самые общие принципы целесообразной деятельности, отправляясь от которых человек вообще приписывает тем или иным объектам как материального, так и духовного мира практическую значимость для него, побуждающую его действовать и вести себя определенным образом [см.: 2, с. 62].

Ценности – это важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами, поэтому в изучении проблемы ценностей должны быть использованы данные общественнознания в целом. При этом аксиология, возникшая в рамках философского знания, должна обобщить данные антропологии, культурологии и других наук, обращающихся к проблематике ценностей.

На уровне теоретико-методологического анализа ценностей необходимо различать три взаимосвязанных аспекта их рассмотрения:

1) *Историко-антропологический*. Наличие ценностей и ценностных ориентаций отличает человека от животного: нет ни одной культуры, которая бы обходилась без системы ценностных ориентаций. Ценности обеспечивают человека жизненными ориентирами, определяют жизненно важные цели деятельности и, в конечном итоге, придают человеческой жизни определенный смысл.

2) *Социолого-культурологический*. Культуре каждого этноса присущ уникальный набор ценностей. При этом в разных культурах одно и то же явление может иметь разную, и даже противоположную, ценностную окраску. Это вызвано тем, что явление получает в культуре ценностную нагрузку не само по себе, а во взаимосвязи с другими явлениями, в рамках определенной картины мира. У каждого народа, этноса, социальной группы и индивида складывается собственная картина мира, сквозь призму которой и воспринимается реальный мир. Ценности при этом оказываются необходимым условием и одновременно результатом формирования картины мира. В узком смысле слова в картине мира ценности представлены ценностными ориентациями, нормами, собственно ценностями и идеалами. В широком смысле ценности являются основанием картины мира личности, включающей мировосприятие, мироощущение и мировоззрение, определяют ее характер и последующее развитие. Ницше устами Заратустры говорит: «Жить не мог бы народ, не умея он оценивать»; «Скрижаль высших благ висит над каждым народом. Вглядишься, то скрижаль его преодолений... То похвально, что ему трудно дается; что непреложно и трудно, то называет он добром; а что из крайней нужды вызывает: самое редкое, самое трудное он нарекает священным». И потому у каждого народа свои, особенные ценности, «хочет он сохранить себя, так не должен он оценивать так, как оценивает сосед. Многое, что одобрял один народ, в глазах другого было посмешищем и позором... Впрямь, люди сами дали все их добро и зло... Человек впервые вложил ценности в вещи, чтобы сохранить себя, — он создал смысл вещей и человеческий смысл!» [3, с. 175]. Поэтому место и роль ценностей в картине мира невозможно свести к отношению «часть — целое»: ценности представляют собой необходимое условие и в то же время результат формирования картины мира.

3) *Философско-культурологический*. В современных отечественных исследованиях по проблематике ценности имеют место два подхода: 1) подход, утверждающий субъектно-объектный характер ценностей (М. С. Каган, Л. Н. Столович, О. М. Бакурадзе и др.); 2) подход, согласно

которому специфику ценностей следует искать в межсубъектных отношениях (О. Г. Дробницкий, Г. П. Выжлецов и др.). Эти два подхода на самом деле не являются взаимоисключающими, а наоборот, акцентируя внимание на разных моментах ценностного отношения, они фактически взаимодополняют друг друга. Кроме того, и та и другая концепции невольно выходят за рамки собственно философского подхода к анализу ценностей, опираясь также, в большей или меньшей степени, на психологический, социологический, культурологический подходы. Это не случайно и обусловлено предметом исследования. Ценности возникают и функционируют в рамках определенных социокультурных систем, и функционирование ценностей не может не опираться на носителей ценностей [см.: 4, с. 221–222].

Таким образом, структура ценностного взаимодействия включает в себя следующие компоненты: 1) субъекты ценностного взаимодействия (или же субъект – в случае эстетического восприятия природы); 2) объект – носитель ценности; 3) значение как идеальный аспект ценности; 4) ценность как предпосылка и результат ценностного взаимодействия. Рассмотрим каждый из этих компонентов.

Субъектами ценностного взаимодействия выступают личность, социальная группа, этнос и другие социальные общности. Знания, которыми обладает субъект-человечество (гносеологический субъект), имеют свойство всеобщности, необходимости и общезначимости. Ценности различаются при переходе от культуры к культуре и связаны с локальными и региональными социокультурными образованиями. При этом важнейшей характеристикой субъекта ценностного взаимодействия является наличие у него определенной картины мира, на основе которой и происходит постижение ценности того или иного явления. Например, нельзя не согласиться с мнением французского экзистенциалиста Жан-Поля Сартра: «Моя свобода – единственное основание ценностей, и ничто, абсолютно ничто не может оправдать меня в принятии той или другой ценности, той или другой определенной шкалы ценностей... Моя свобода вызывает у меня тревогу потому, что она лежит в основе ценностей, а сама лишена основания» [5, с. 325]. Смысл этого тезиса состоит в том, что человек сам определяет свои поступки, изменяя или конкретизируя свою систему ценностных ориентаций. Человек свободен в отношении к миру, в выборе ценностей.

Второй элемент ценностного взаимодействия – *объект* – носитель ценности. Разграничение ценности и носителя ценности является общепризнанным. Не включенный в сферу культуротворческой деятельности человека, предмет природы не обладает ценностью и не является ее но-

сителем. Только оказываясь значимым для человеческой деятельности, потребностей субъекта деятельности предмет природы приобретает социальную или индивидуальную ценность. Свойства объекта – носителя ценности – несводимы к его собственным свойствам: химическим, физическим, биологическим (если носителем предстает предмет природы), или к свойствам идеального (если носителем выступает явление идеального порядка, например, знание). Носителем ценности объект становится благодаря своим социокультурным характеристикам; в нем, как предмете культуры, «кристаллизуются» определенные типы отношений между людьми, типы отношения человека к миру [см.: 6, с. 100–101].

В процессе ценностного взаимодействия социокультурные свойства объектов – носителей ценностей – распредмечиваются и обнаруживаются для субъекта ценностного взаимодействия как *значение* объекта-носителя. При этом значение не тождественно ценности. Термин «значение» следует употреблять, лишь характеризуя план осознания ценности субъектом. Причем степень осознания ценности оказывается зависимой от потребности и способности субъекта к распредмечиванию социокультурных свойств объектов-носителей (например, отдельные индивиды или даже социальные общности оказываются не в состоянии на протяжении десятилетий освоить целые пласты духовных ценностей). Наконец, сами *ценности* одновременно являются и предпосылкой, и результатом ценностного взаимодействия. Неверно было бы рассматривать ценностное взаимодействие как одноразовый акт – на самом деле оно представляет собой постоянный процесс производства и воспроизводства ценностей определенной социокультурной системы. Этот процесс оказывается возможным благодаря наличию в картине мира субъекта ценностей-идеалов, ценностей-норм и ценностных ориентаций (и в этом смысле ценности – предпосылка взаимодействия), которые опредмечиваются либо в произведениях материальной, художественной и духовной культуры, либо в человеческих поступках и деятельности. В процессах ценностного взаимодействия картина мира субъекта (включая ее ценностные компоненты) обогащается, конкретизируется, подвергается трансформации или коренным преобразованиям (в этом смысле ценности – результат взаимодействия) [см.: 4, с. 224].

Завершая рассмотрение трех взаимосвязанных аспектов изучения ценности (историко-антропологического, социолого-культурологического, философско-культурологического), можно сделать следующие выводы: отдельное явление приобретает ценностную окраску не само по себе, а как элемент целостной картины мира определенной социокультурной общности, личности. Ценностное взаимодействие включает в себя субъ-

ектов взаимодействия, объекты – носители ценности, значения и сами ценности; все эти элементы оказываются связанными между собой и не существуют вне этой неразрывной связи.

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие проблемные ситуации в исследованиях ценностей: 1) проблема объективности ценностей; 2) проблема значения ценностей; 3) проблема взаимодействия ценностей.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Сварог и К., 1997. – 540 с.
2. Шохин, В. К. Аксиология [Текст] / В. К. Шохин // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. I. – С. 62–67.
3. Ницше, Ф. Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. Так говорил Заратустра. Казус Вагнер. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Антихрист. Ессе Номо [Текст]: сб.: пер. с нем. / Ф. Ницше. – М.: АСТ, 2004. – 758 с.
4. Лукьянов, В. Г. Изучение проблемы ценностей в современной философии [Текст] / В. Г. Лукьянов // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». – СПб., 2001. – Вып. 12. – С. 221–224.
5. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–345.
6. Миронов, А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей [Текст] / А. В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. – М., 2007. – № 1. – С. 92–105.

А. В. Медведев

ИНСТИТУТ СЕМЬИ: СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

Уже стало привычным называть ушедший XX век **веком революции**: социальной, научно-технической, космической. С полным правом его можно назвать и веком революции семейно-брачных отношений. Семья – одно из основных понятий современной общественной науки, которое равно рассматривается и анализируется социальной философией, социологией, педагогикой, психологией, социальной и культурной антропологией. Все эти науки, как правило, находят свое собственное, специфическое видение и понимание института семьи. «Именно семья признается всеми исследователями основным носи-

телем культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение, а также необходимым условием социализации личности» [1, с. 161].

Развитие семьи тесно связано с прогрессом культуры и цивилизации. Это обуславливает актуальность исследования семьи в системе человеческой культуры. Семья же со своей стороны выступает как один из главных хранителей и трансляторов традиций, ценностей, норм, моральных и нравственных установок – всего, что мы называем культурой, в ее духовном смысле. На ней отражаются все достижения культуры и цивилизации.

Начало теоретического изучения семьи было заложено древнегреческим философом Аристотелем. Согласно его мысли, основной «клеточкой» общества всегда являлась патриархальная семья. Семья для человека, по Аристотелю, первый вид общения и соответственно важнейший элемент государственного устройства. Он придает большое значение законодательству о браке, обеспечивающему рождение здоровых детей, предписывающему пути воспитания будущих граждан.

В Новое время и в эпоху Просвещения патриархальная теория была еще широко распространена. Так, для Ф. Бэкона семья являлась, с одной стороны, «помехой для великих свершений», с другой – «школой человечности» [2]. Т. Гоббс видел в семье «маленькую монархию» [3]. Юм резко критиковал многоженство и свободу разводов. Ж.-Ж. Руссо, отвергая равенство полов в семье, утверждал господство мужа.

Социология семьи как специальная отрасль социологического знания берет свое начало в эмпирических исследованиях европейских ученых-статистиков Рилза и Ле Пле. В середине XIX века они независимо друг от друга предприняли попытку изучить влияние таких социальных факторов, как индустриализация, урбанизация, образование, религия, на формы семейного общежития, структуру семьи, экономические отношения в ней. С тех пор проблемы семьи и семейно-брачных отношений постоянно находятся в центре внимания социологии, поскольку семья представляет собой специфическое, во многом уникальное образование: малая группа и социальный институт одновременно.

В России проблемы семьи были подняты мыслителями второй половины XIX века. Представитель русской идеалистической мысли В. С. Соловьев рассматривал в качестве оснований семьи материнскую любовь и человеческую любовь в целом. Н. А. Бердяев уделял особое внимание изучению духовной природы семьи. Заметный вклад в изучение проблемы семьи внесли Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, П. А. Сорокин, крупные ученые XIX–XX веков: Э. Тэйлор, К. Штарке, Э. Вестермарк, В. Шмидт и даже К. Каутский, в его знаменитой для своего времени работе «Происхождение брака и семьи».

Проблемы семьи в советский период исследуются в работах А. Г. Харчева, С. И. Голода, Т. М. Афанасьевой, Н. Я. Соловьева, В. Д. Попова, А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, И. В. Бестужева-Лады, Э. К. Васильева, А. Г. Вишневого, А. Г. Волкова, В. Б. Голофаства, И. С. Кона, Б. С. Павлова, Н. М. Римашевской, Ю. Б. Рюрикова, Н. Г. Юркевича, З. А. Янкова и других.

В конце 1990-х годов большинство исследователей пришли к выводу, что современная российская семья претерпевает процесс серьезной трансформации, и большинство ученых пришли к выводу о связи культурной традиции с новацией. Так, Б. С. Ерасов обращал внимание на то, что «во всякой культуре существует некое динамическое соотношение традиционности (благодаря которой поддерживается стабильность) и новаций или заимствований (через которые общество изменяется). И то, и другое существуют как различные стороны культурного организма, имеющего свою самобытность (идентичность)...» [4, с. 306].

По мере становления и развития культурологии в качестве самостоятельной науки открываются возможности для рассмотрения семьи как культурного явления.

Особое место в определении культуры и ее отношения к институту семьи принадлежит основоположнику функциональной школы в этнологии Б. Малиновскому, который определил культуру как инструментальную систему. Посредством нее человек решает задачи по преобразованию окружающей его среды в процессе удовлетворения своих потребностей.

Семья существует со времен первобытнообщинного строя до нынешних дней. Конечно же, она не была однообразной – с течением времени, с изменением экономического строя семья изменялась. Основная масса современных исследователей отмечают, что в примитивном обществе семья есть единственно функционирующий институт, так как порядок в ней поддерживается без участия формальных законов, средствами, имеющими отношение не к политике и праву, а к культуре [см.: 1].

Среди современных отечественных исследователей широко распространена точка зрения, согласно которой Россия – как культура и как цивилизация – переживает острый идентификационный кризис: разрушив свою прежнюю «советскую» идентичность, она оказалась на перепутье между постиндустриальным и традиционным обществом [см.: 5].

Перспективы развития института семьи в 1920-х годах в Советской России были неутешительными. Речь шла о разрушении института семьи. В первые годы Советской власти коренные реформы в области государственно-правового регулирования брачно-семейных отношений принципиально по-новому решали наиболее существенные вопросы, связанные

с браком и семьей. Были упрощены процедуры брака и развода, уничтожено понятие «внебрачного ребенка», было провозглашено семейное и политическое «равенство» женщины с мужчиной.

Как отмечал П. А. Сорокин, «в первые послереволюционные годы коммунистическое правительство намеренно стремилось подорвать моногамный брак и семью, рассматривая их как краеугольный камень частной собственности и капиталистической системы» [6, с. 24].

Видных деятелей коммунистического общества не устраивала семья патриархального типа. А. М. Коллонтай, **вынося на обсуждение общест-**венности свои взгляды по поводу семьи, отмечала, что в коммунистическом обществе семья сохранится, но в новой форме. В условиях равноправия полов и вовлечения женщин в профессиональную деятельность частное домашнее хозяйство уступит место общественному, что «раскует домашнее рабство женщин». Суть изменений семьи выразится, по представлениям А. М. Коллонтай, **в отмирании ее основной функции** – хозяйственно-бытовой. Что же касалось детей, то они должны были перейти на всестороннее и полное воспитание общества. В результате этих преобразований должна была возникнуть семья как новая форма общения мужчин и женщин, вполне свободных и самостоятельных, объединенных товариществом, профессиональными интересами.

А. В. Луначарский пропагандировал кардинальное изменение понятия семьи. «В нашем коммунистическом обществе, – утверждал он, – чтобы помочь женщине, надо убить кухню, и мы это сделаем. Убить маленькую прачечную, маленькую детскую, нерационально устроенную, с усталой матерью, отнюдь не педагогом, с рахитичными детьми» [цит. по: 7, с. 5].

Наряду с трансформацией семейных функций и обязанностей была широко распространена идея о полном искоренении семьи. Семья считалась пережитком прошлого, «ячейкой» капиталистической частной собственности. Если был свергнут капитализм, то нужно было «свергнуть» и семью. Больше всего от новых реформ пострадали крестьянские семьи, которые сохраняли многопоколенность. Неудовлетворенность патриархальной моногамией способствовала поиску альтернатив. Предлагалось раздельное проживание супругов, обобществление ухода за детьми, создание общественных семейных кухонь и молодежных коммун.

Социально-экономическая политика, проводимая в этот момент, сопровождалась массовой антисемейной пропагандой: широкое распространение получили теории раскрепощения полов и свободной любви, популяризация которых использовалась с целью ослабления традиционных социокультурных ценностей и норм, объявлявшихся патриархаль-

ными пережитками. «В целом особенностью данного периода является предпринятая впервые в истории попытка сознательной деинституционализации семьи» [8].

Только позднее, в 1930-е годы, государство признало семью как одну из основных хозяйственных единиц и важность социального института семьи. Однако реформы, проведенные в области семейных отношений, сильно повлияли на формирование семейных ценностей. В позднейших поколениях возникло устойчивое отрицательное отношение к браку, которое выражалось в росте добровольного безбрачия.

В настоящее время мы живем в переходный период, когда формируется новый тип семейных отношений. На смену «патриархальному» типу отношений между членами семьи идет новый – «эгалитарный». Он основан не на отношениях господства и подчинения, заданных традицией и возведенных в ранг «естественного» закона, а на отношениях равенства. В их основе лежит желание или способность каждого члена семьи исполнять те роли или обязанности, которые наиболее соответствуют его возможностям.

По русской традиции обряды, предшествовавшие созданию семьи, сопровождавшие заключение брака, органично сочетали в себе светские и церковные ритуалы. Рождение новой семьи Церковь скрепляла венчанием. Оно означало, что создается не просто гражданская ячейка, но возникает духовный союз, несущий в себе высокие обязанности не только в отношении друг к другу, но и к Богу. Через венчание молодожены принимали в свою семью самого Христа в соответствии с евангельской заповедью: «...Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» [Мф. 18:20]. Религиозно-нравственное значение венчания состояло в том, что именем Христа утверждалась богоучрежденность брака, его нерасторжимость, ибо «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» [Мф. 19:6].

Конечно, венчание само по себе еще не является гарантией прочного и счастливого семейного союза. Сегодня венчание становится таким же традиционным ритуалом, как посещение свадебным поездом «вечного огня» и других памятных мест. При этом таким же обыденным явлением продолжают оставаться массовые разводы, взаимоотношение супругов. Обычаи и традиции, утратившие внутреннее содержание, перестают играть регулятивную роль, точно так же, как и венчание для тех молодоженов, которые не приняли в душу священное таинство брака, остается не более как экзотическим ритуалом. И только в том случае, когда обычаи и традиции составляют суть национального самосознания, включают в себя родовой опыт народа, они становятся духовно-нравственными ориентирами.

Современная семья оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, вся традиция семейного уклада остается христианской по своему происхождению и в силу спасительной в данном случае исторической и природной инерции. С другой стороны, сам институт семьи качественно изменился, так что существующая в общественном сознании модель давно перестала соответствовать христианской. В результате семья, живущая по принятым в обществе стандартам, которые, казалось бы, не противоречат христианству, на самом деле не является таковой. В частности, современные семьи, к сожалению, зачастую не обеспечивают христианского воспитания детям. Поэтому перед молодоженами, вступающими в брак, стоит некая дополнительная задача – построение семьи, уклад которой будет существенно отличаться от принятых на уровне массового сознания норм семейной жизни.

Современная семья, по оценкам исследователей, принимает новую форму, где на первый план выходят межличностные отношения супругов, отсюда и название, данное этому типу семьи, – супружеская.

Семейный союз – прежде всего союз мужчины и женщины, именно от этих двух начал рождается новая семья, и именно в их руках содержится счастье друг друга и их детей, поэтому роль взаимоотношений мужчины и женщины многократно возросла. Трансформация общества вносит и изменения в традиционные представления, связанные с ролью и значением того и другого пола.

Современный мужчина, требуя от женщины самостоятельности, независимости, инициативности, силы, одновременно ожидает от нее покорности, слабости и признания его – мужчины – главой. И традиционные патриархальные модели вступают в конфликт с современными условиями, в которых женщины и мужчина становятся на один уровень.

Супружеская семья – это союз двух равноправных личностей. Но гендерные стереотипы не дают полноценно развиваться таким отношениям в современных условиях. Веками мужчина был главой семьи, женщина находилась в подчиненном положении и материально зависела от мужчины. В наши дни женщина вышла на новый ролевой уровень. Теперь она часто не зависит от мужчины, она сама зарабатывает себе на жизнь и на жизнь своих детей. Мужчина потерял свой авторитет кормильца семьи, а это была его основная задача на протяжении столетий. В мусульманском мире мы до сих пор можем наблюдать этот тип иерархии в семье.

Функциональные и структурные изменения привели к ломке традиционного отношения «родители-дети», которое было стержнем расширенной семьи. Семья перестала быть сферой включения молодого поколения в профессиональную и культурную традиции. Значительно возросла социализирующая функция общественных институтов – де-

тских воспитательных учреждений, школ, вузов, средств массовой информации. Создался дефицит живого контакта детей с родителями, следствие – возрастающее влияние на социализацию неформальных групп. Изменения функциональных родительских ролей повсеместно связано с доминированием матери в уходе за ребенком, воспитании, ведении домашнего хозяйства и, следовательно, преобладанием контактов с ребенком. Внутрисемейная феминизация воспитания снизила социализирующую роль отца во многих семьях. С другой стороны, в эгалитарных семейных союзах воспитательная роль отца в последнее время серьезно возросла. При этом демократизация семейных отношений тесно связана с демократизацией и гуманизацией воспитания детей. Наше общество ориентировано на внесемейные сферы деятельности, как профессиональные, так и досуговые. Сложившийся образ жизни представляет семье мало возможностей для общения: по утрам – нервная спешка всех членов семьи, по вечерам – поглощенность взрослых мало устроенным бытом и общая для всех членов семьи усталость. Возрастает дефицит свободного времени у родителей, а дети обделены вниманием, они недополучают необходимую эмоциональную поддержку, не формируется культура общения. Постоянная озабоченность родителей насущными проблемами быта приводит к излишнему прагматизму. У детей в таких условиях формируются стойкие нормы поведения, внесемейные ценностные ориентации, которые наложат отпечаток на всю последующую жизнь. Таким образом, снижается вероятность воспитания будущих поколений с семейной ориентацией, а это может привести к дальнейшей дезорганизации семьи, если общество не предпримет определенные меры по изменению условий жизни современной семьи, поддержанию ценностей и традиций семьи и культуры.

Литература

1. Фролов, С. С. Основы социологии [Текст] / С. С. Фролов. – М.: Гардарики, 1997. – 344 с.
2. Бэкон, Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
3. Гоббс, Т. Левиафан. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 735 с.
4. Ерасов, Б. С. Социальная культурология: учебное пособие: в 2 ч. – М: Аспект Пресс, 1994. – Ч. 1. – 591 с.
5. Здравомыслова, О. М., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). – М.: Эдиторал УРСС, 1998. – 176 с.
6. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – 351 с.
7. Голод, С. И. Будущая семья: какова она? (социально-нравственный аспект). – М.: Знание, 1990. – 63 с.

8. Сорокин, С. А. Российская семья и три законопроекта по ее охране. – М.: Экономика, 1999. – 25 с.

А. А. Маликова

ИСТОРИЯ РУССКО-ТУВИНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Социальная значимость темы определяется как прогрессивными тенденциями современной гуманитарной науки, так и состоянием собирательской и издательской деятельности. На рубеже XX–XXI веков **оживилось** исследование культуры двуязычной среды. При этом определились новые подходы к рассматриваемым проблемам, которые продиктованы специфическими условиями изучаемой среды – многонациональным составом России в целом и отдельных ее регионов, каким, к примеру, является Тыва.

Все вышедшие до настоящего времени работы по исследуемой теме представляют собой разделы или главы отдельных трудов по разным проблемам истории Тывы и не дают целостного представления о закономерностях развития и взаимодействия тувинского языка с русским.

Таким образом, давно назрела необходимость исследования, посвященного истории русско-тувинских языковых контактов.

В данной работе использованы следующие понятия:

Билингвизм (двуязычие) – функциональное владение двумя языками.

Билингв – человек, способный при определенных функциях и ситуациях использовать два языка [см.: 6, с. 303].

Чтобы ясно представить себе характер билингвизма в Тыве, необходимо провести анализ языковых контактов в историческом аспекте.

С этой целью нами устанавливается их периодизация, основанная на том, какой тип билингвизма существовал или был преобладающим в тот или иной период.

В социологическом плане билингвизм подразделяют, в соответствии с количеством билингвов, на *индивидуальный, групповой и массовый*. К групповому билингвизму можно отнести так называемый «культурный билингвизм», или «билингвизм образованных людей» [см.: 4, с. 4].

В зависимости от того, двуязычны ли оба языковых коллектива или только один из них, билингвизм делится на *двусторонний и односторонний* [см.: 12, с. 20].

В лингвистическом аспекте типы билингвизма выделяются в частности:

- а) по уровню умения билингва пользоваться вторым языком,
- б) по способу сосуществования языков [см.: 11, с. 9–10].

По уровню умения пользоваться вторым языком различается *рецептивный* билингвизм, когда билингв может только понимать речевые высказывания, принадлежащие вторичной языковой системе, и *продуктивный*, когда билингв способен порождать речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе. Продуктивный билингвизм делится на *координативный* и *субординативный*, в зависимости от правильности и неправильности речевых произведений [см.: 4, с. 4–5].

Продуктивный билингвизм по способу сосуществования языков подразделяется на *чистый* и *смешанный*. Двужычие считается чистым, когда оба языка в сознании говорящего существуют независимо, изолированно друг от друга и между ними не устанавливается никаких сравнений, никаких параллелей. При смешанном же двужычии существует параллельная связь двух языков с соответствующими понятиями [см.: 1, с. 50].

В данной работе выделены следующие четыре периода развития билингвизма:

1. Конец XIX – начало 30-х годов XX века – период индивидуального билингвизма.
2. Начало 30-х – середина 40-х годов XX века – период группового (культурного) билингвизма.
3. Вторая половина 40-х годов XX века – к XX веку – период массового билингвизма.
4. 90-е годы XX века – начало XXI века – период группового билингвизма (билингвизма образованных людей).

1. Период индивидуального билингвизма.

Русские люди впервые встретились с предками современных тувинцев в начале XVII века. К началу 60-х годов XVII века часть тувинских племен платила ясак русским. Хотя большинство их находилось под властью монгольских государств Алтын-ханов, а затем Джунгарии, но отдельные племена оставались в русском подданстве вплоть до демаркации границы России с Китаем в 1727 году.

С разгромом Джунгарии и захватом ее земель войсками Цинской (Маньчжурской) династии Китая связи русских с тувинцами были прерваны. В середине XVIII в. русские ясачные люди, перекочевавшие в Тыву, считались перебежчиками. Туда за ними посылались казаки.

Отношения русских с тувинцами возобновились только с 70-х годов XVIII века, но уже в иной форме, чем прежде. В это время по Саянскому хребту были поставлены пограничные казачьи караулы. Между казаками, несшими пограничную службу, и тувинцами возникла пограничная торговля. Такие обменные операции продолжались до второй половины XIX века.

С конца 30-х годов XIX века в Тыве появились первые русские прииски, основанные в верховьях р. Сыстыг-Хем (северо-восточная Тыва). В 60–70-х годах XIX века в Урянхайском крае (так называлась Тыва) появились русские торговые заведения.

В последующие годы, особенно с установлением протектората России над Тывой (1914), русское население стало расти более быстрыми темпами: в 1916 году в крае числилось 8108 русских переселенцев, а в 1918 году – 11958 человек, что составляло примерно 1/5 часть всего населения края [см.: 2, с. 11–13].

Такое положение, когда русским языком владели лишь отдельные тувинцы, вполне укладывается в понятие «индивидуального билингвизма».

В то же время русское население Тывы в той или иной степени знало тувинский язык. Известно, что еще в 30-х годах XIX века большая часть казаков, несших караульную службу, владела тувинской речью.

Следовательно, в данном периоде преобладает двусторонний рецептивный билингвизм.

2. Период группового (культурного) билингвизма.

В следующем периоде тувинско-русский билингвизм постепенно становился групповым. В основном знание русского языка было распространено среди государственных и общественных деятелей, писателей, отдельных газетных работников, переводчиков, учителей и т. д. Эта группа пополнялась, главным образом, за счет лиц, получивших образование в Советском Союзе. Тувинско-русский билингвизм являлся, таким образом, культурным билингвизмом.

В 30 – начале 40-х годов появился тот тип билингвизма, который сопутствовал начавшемуся формированию тувинского литературного языка и определил характер русского языкового влияния не только на данный период, но и в большой степени на следующий.

Итак, можно охарактеризовать групповой билингвизм как односторонний, продуктивный.

3. Период массового билингвизма.

Для этого периода характерно развитие русско-тувинского билингвизма тувинцев и превращение его в массовое явление.

В 1944 году Тыва вошла в состав СССР на правах автономной области, которая позже (1961 год) была преобразована в АССР. Этот период ознаменовался дальнейшим ростом культуры тувинцев, приобщением их к жизни народов Советского Союза, растущей духовной общностью между тувинским и русским народами. В этот период началось повсеместное изучение русского языка в школе.

В послевоенные годы резко возросла численность русского населения ТНР, и она составляла 14229 человек, или 15 % всего населения Тувы. К 1970 году, по данным Всесоюзной переписи, численность русских жителей выросла до 88,4 тыс. человек, или 38 % всего населения Тувы.

В данный период уровень тувинско-русского билингвизма является более высоким, чем в предшествующий период. Знание русского языка вышло за пределы сравнительно узкой группы и приобрело массовый характер.

Тувинско-русское двуязычие этого периода – быстро прогрессирующее общественное явление, охватывающее все новые слои коренного населения Тувы. Вместе с тем, оно, по-видимому, не носило одностороннего характера, поскольку часть русского населения Тувы, в свою очередь, практически владела тувинским языком.

Оценивая двуязычие тувинского населения можно считать, что здесь преобладает двусторонний продуктивный субординативный билингвизм. По способу сосуществования языков продуктивный билингвизм тувинцев следует охарактеризовать как смешанный.

4. Период билингвизма образованных людей.

Начало 1990-х годов вошло в историю Тывы как период всплеска националистических взглядов и русско-тувинского конфликта. Появился даже лозунг «Русские! Вон из Тувы!», повлекший массовый исход русскоязычного населения из республики.

Если в 1970-е годы русских было около 30 %, то по переписи населения 2002 года их осталось 20,1 %. Пик массового оттока русских из республики приходится на 1990 год – более 10 тыс. человек [см: 5, с. 250–251].

Сегодняшние социально-политические факторы способствуют возрастанию тенденции сохранения тувинского языка, так как во всех школах республики созданы классы с обучением всем предметам на тувинском языке. Однако эта тенденция относится прежде всего к носителям тувинского языка, так как в отдаленных районах с преимущественно тувинским населением, многие дети до поступления в школу говорят только на обиходном тувинском языке и мало знакомы с русским языком.

Следовательно, можно прийти к выводу, что в процессе взаимодействия русского и тувинского языков за последние годы по объективным и субъективным причинам стало замечаться сужение функционирования русского языка. Иноязычные вкрапления попадают в речь случайно или употребляются в ней вполне сознательно и намеренно, например, при желании показать знание русского языка. Русским языком владеют лишь

образованные люди, получившие образование в столице республики и за пределами Тывы, а значит, билингвизм данного периода можно охарактеризовать как билингвизм образованных людей.

Таким образом, в настоящее время в республике преобладает односторонний билингвизм, по уровню умения пользоваться вторым языком – рецептивный, при котором знание второго языка ограничивается лишь пониманием русской речи и способностью произнести немногочисленные русские слова или отдельные фразы. Такой вид билингвизма наиболее присущ жителям районов республики. В Кызыле доминирует продуктивный субординативный билингвизм, который по способу сосуществования языков можно считать чистым.

Главным результатом проведенного анализа истории языковых контактов в Тыве, следует считать, что судьба тувинского билингвизма в полиэтническом регионе определяется комплексом внешних факторов: историей заселения, этнической принадлежностью носителей культуры, типом хозяйственной деятельности, этнокультурными процессами в новых условиях проживания. Внутренними факторами, определяющими состояние двуязычия, является его способность к консервации, адаптации к новым условиям и трансформации.

Усвоение языка другой национальности и общение на этом языке иногда приводит к смене своего родного языка. Признание языка другой национальности своим родным свидетельствует о преодолении важного психологического барьера. Однако это возможная, но далеко не всегда обязательная крайняя точка развития билингвизма.

Двуязычие, во-первых, не обязательно ведет к смене языка; во-вторых, смена языка не означает автоматической смены этнического самосознания или других этноопределителей.

Литература

1. Аврорин, В. А. Двуязычие и школа [Текст] / В. А. Аврорин // Проблемы двуязычия и многоязычия: Материалы конф. – М., 1972. – С. 50.
2. Быконя, Г. Ф. Заселение русскими приенисейского края в XVIII в. [Текст] / Г. Ф. Быконя. – Новосибирск, 1983. – С. 35.
3. Вайнштейн, С. И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С. И. Вайнштейн. – М., 1970. – 17 с.
4. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) [Текст] / Е. М. Верещагин. – М., 1969. – С. 19–42.
5. Кужугет, А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация [Текст] / А. К. Кужугет. – Кемерово: Кем ГУКИ, 2006. – 320 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Текст]. – М., 1990. – С. 303.

7. Монгуш, Д. А. Тувинская письменность (современные составляющие и перспективы) [Текст] / Д. А. Монгуш // Гуманитарные исследования в Туве: по материалам конф. – М., 2001. – С. 4.
8. Нимаева, И. Б. Социально-культурные факторы бурятско-русского двуязычия [Текст] / И. Б. Нимаева // Традиционный фольклор в полиэтнических странах: по материалам конф. – Улан-Удэ, 1998. – С. 262–265.
9. Седакова, И. А. К проблеме заимствований и балканославянский язык в этнокультурных системах [Текст] / И. А. Седакова // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением: Материалы конф. – М., 2002. – 565 с.
10. Сердобов, Н. А. История формирования тувинской нации [Текст]: учеб. пособие / Н. А. Сердобов. – Кызыл: Тув. кн. изд, 1971. – С. 249.
11. Сердюченко, Г. П. Лингвистический аспект двуязычия [Текст]: учеб. пособие / Г. П. Сердюченко. – Алма-Ата, 1963. – С. 9–10.
12. Суник, О. П. Проблемы двуязычия народов СССР [Текст] / О. П. Суник, Ю. Д. Дешериев // Тезисы докладов конференции, посвященной вопросам взаимодействия и взаимообогащения языков народов СССР: по материалам конф. – Казань, 1964. – С. 20.
13. Татаринцев, Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику [Текст]: учеб. пособие / Б. И. Татаринцев. – Кызыл: Тув. кн. изд, 1976. – С. 37–74.

А. Ж. Матевосян

РОЛЬ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В УКРЕПЛЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

Термин «диаспора» имеет греческое происхождение (*diaspora*), и обозначает рассеяние, пребывание определенной части народа вне страны его происхождения. Появление диаспор на исторической арене относится к VI веку до н. э., когда вавилонский правитель Навуходоносор II после завоевания Палестины насильно переселил евреев в Вавилонию, где они жили до завоевания персидским властелином Киром. Это понятие, употребленное к конкретному народу, в дальнейшем стало применяться ко всем этническим группам, которые по тем или иным причинам были оторваны от своего народа и продолжали не просто жить, но и сохраняться как особая этническая общность. В дальнейшем понятие «диаспора» использовалось по отношению к религиозным и культурологическим группам населения, вынужденным жить среди представителей другой религии и другой культуры.

В средневековье число диаспор постоянно возрастало, особенно после завоевательных походов и войн, этнических или религиозных пре-

следований, притеснений и ограничений. Примечательна судьба армянского народа: его диаспора берет начало в XIV веке, после того как орды Тимура вторглись в пределы Армении и истребили значительную часть населения. В новой и новейшей истории диаспоры стали появляться в связи с экономическими преобразованиями, потребовавшими значительных трудовых ресурсов (США, Канада, Латинская Америка, Индия, Австралия) [7].

В современной России наблюдается процесс роста, укрупнения и организационного укрепления старых диаспор: армянской, еврейской, татарской, греческой. Только в Москве существует около 30 армянских организаций самой различной направленности, оберегающих и пропагандирующих культуру, язык, религию, а также содействующих развитию экономических связей и выполняющих различные социальные функции.

История диаспор показывает, что религия в ряде случаев стала доминирующим фактором в консолидации представителей единоверцев (часто совпадающих с определенной национальностью). Так, греко-католическая церковь играет огромную роль в сплочении украинцев в Канаде, Латинской Америке. Особенно заметно роль религии проявляется в жизни армянских общин.

Обратимся к истории. Важнейшим обстоятельством, в громадной степени определившим судьбу армянского народа, был монофизитский выбор, сделанный армянской церковью в V веке н. э. **Монофизитство** представлялось еретическим как для католиков, так и для православных, и потому оно окончательно выделило армян в этнос-религию. Подобно другим народам, у которых существовала связь этноса и религии (евреи, например), у армян она привела к особой устойчивости этноса, его сопротивляемости ассимиляции. В средние века этнические барьеры были очень слабыми, а переход из одного этноса в другой – делом относительно легким. Но для армян, как и для евреев, хотя и в меньшей степени, он наталкивался на необходимость перехода в другую веру [7].

Примечательна судьба Армянской церкви в России. В 1836 году было принято «Положение об управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России». Согласно данному положению армянское население империи получило религиозную автономию, и в России было создано 7 епархий Армянской церкви: Ереванская, Карабахская, Шемаханская, Грузинская, Бессарабская, Ново-Нахичеванская и Астраханская.

После октября 1917 года Армянская церковь, как и другие религиозные организации России, подвергалась гонениям. Следствием репрессий и депортаций явилась практически полная ликвидация структуры Армянской церкви на территории Российской Федерации.

Лишь на рубеже 80–90-х годов XX века религиозная жизнь армян в России начала восстанавливаться. Этому способствовали, с одной стороны, начало крушения тоталитарной системы, с другой – многократное увеличение армянского населения России. Сейчас на территории России зарегистрированы 22 общины Армянской церкви, входящие в состав Ново-Нахичеванской и Российской епархии с центром в Москве [8].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что у Армянской церкви в России нет каких-либо конфликтов с представителями других российских конфессий. История Армянской церкви тесно связана с судьбой армянской диаспоры на территории страны. Армянская церковь сыграла большую роль в консолидации армянского населения России, сохранении его культурного наследия. Она является важным фактором стабилизации межнациональных отношений и много делает для утверждения мира среди народов.

Армянский народ – один из наиболее дисперсно-расселенных народов мира. Исторически армянская диаспора образовалась в результате национальных и религиозных преследований, массовых гонений и насильственного переселения армян из Армении в связи с многочисленными войнами, опустошительными набегами, которые пришлось пережить армянскому народу, начиная с глубокой древности. Значительные перемещения армянского народа принес XX век. Массовый исход на чужбину сотен тысяч армянских беженцев, рассеявшихся по миру, произошел вследствие организованного в 1915–1923 годах правящими кругами Турции геноцида армян в Западной Армении. Новый этап вынужденной эмиграции армян пришелся на конец 1980-х начало 1990-х годов, и был обусловлен тяжелейшим положением в Армении в связи с разрушительным землетрясением 7 декабря 1988 года, глубоким экономическим кризисом, армяно-азербайджанским конфликтом и многолетней транспортной, энергетической блокадой со стороны Азербайджана и Турции [6].

В результате на начало XXI века численность армянской диаспоры по некоторым данным составляет от 4 до 7 млн человек, расселенных более чем в 100 странах мира, что превышает население самой Армении. Наиболее крупные армянские общины существуют в России, США, Франции, Грузии, Иране, Ливии, Сирии, Аргентине, Канаде, Австралии [4]. Пространство диаспоры имеет тенденцию к расширению за счет эмиграции из стран традиционного проживания (Иран, Ливан, Сирия) в Германию, Англию, Грецию, Израиль, Польшу. При этом для мировой армянской диаспоры характерна достаточно высокая степень раздробленности. Это связано со значительными различиями между странами про-

живания, разной степенью адаптации к этнокультурной среде у «старых» и «новых» эмигрантов, сохраняющимися языковыми различиями между западноармянским и восточноармянским языками.

Самая крупная армянская диаспора проживает сейчас в России, где ее численность по некоторым данным доходит до 2,5 млн человек и, таким образом, по сравнению с данными переписи 1989 года (532,4 тыс.) она увеличилась в несколько раз. И это не случайно, поскольку именно в России как близком по духу христианском государстве с **X–XI веков** начинают создаваться первые армянские поселения. А с начала **XIX века** жизнь восточных армян была уже непосредственно связана с судьбой России [6].

Вплоть до последнего времени, считалось, что по сравнению с диаспорой в странах дальнего зарубежья, армянская община России не обладает столь сильным политическим, финансовым, организационным потенциалом и, скорее, сама является объектом патронажа со стороны мировой армянской диаспоры [5].

Основными причинами данной оценки ситуации можно назвать следующие. Во-первых, армянская диаспора России достаточно неоднородна как в социальном, так и в этнокультурном смысле. Так, большая часть армян, обосновавшихся в России в «доперестроечный» период, адаптировалась в правовом и социально-экономическом плане. Значительную же часть тех, кто приехал в РФ в конце 80-х – в 90-х годов **XX века**, составляют люди с неопределенным гражданским статусом, испытывающие затруднения в трудоустройстве и другие социально-экономические трудности. Процесс их адаптации к новым реалиям протекал достаточно болезненно, хотя именно среди армянских эмигрантов 1990-х годов есть немало тех, кто сумел создать эффективные коммерческие структуры. Соответственно, на первоначальном этапе для эмигрантов постсоветской волны политические, общенациональные задачи имели второстепенную значимость. В то же время армяне, относящие себя к «коренным россиянам», настороженно отнеслись к армянским мигрантам 1990-х годов, считая, что в их среде немало криминальных личностей и групп, чья деятельность отрицательно влияет на отношение русского населения и властей к выходцам из республик Закавказья.

Этнокультурная неоднородность армянской диаспоры проявляется в том, что определенная дистанцированность существует между армянами – выходцами из Армении и из других республик бывшего СССР, особенно азербайджанскими и среднеазиатскими. Вследствие этих причин армянская диаспора России менее консолидирована, чем в странах дальнего зарубежья.

Во-вторых, несмотря на то, что экономический потенциал выходцев из Армении, проживающих в России, достаточно высок, особенно в сфере среднего бизнеса (рестораны, магазины, мастерские), финансирование армянских диаспоральных объединений осуществлялось ими крайне редко.

«Среди наиболее заметных армянских диаспоральных объединений в России следует выделить Центр русско-армянских инициатив г. Москвы, созданный в 1994 году. Ключевыми функциями Центра являются содействие развитию двухсторонних армяно-российских отношений, осуществление контактов с государственными организациями России, средствами массовой информации с целью формирования общественного мнения о ситуации в Армении, о политике России в отношении Армении. Основной формой осуществления поставленных задач явилась издательская деятельность (журналы «Диалог», «Армянский вестник» – в настоящее время выпуск этих изданий по финансовым причинам приостановлен); подготовка и издание аналитических докладов, издание архивных документов, касающихся истории армяно-российских отношений» [6, с. 76].

Решающим шагом на пути консолидации многочисленных армянских общин и общественных объединений в Российской Федерации стало создание в июне 2000 года Союза армян России. «Среди наиболее актуальных задач, стоящих перед Союзом, выделяются: разработка программ, направленных на привлечение инвестиций в экономику Армении, налаживание деловых связей с представителями российской и армянской бизнес-элиты. Необходимо отметить, что потенциал любой диаспоры определяется не только состоянием диаспоральных объединений. Не менее важную роль играет деятельность отдельных представителей диаспоры, занимающих влиятельное положение в политических, деловых, культурных кругах страны. В этом смысле, в качестве яркого лидера армянской диаспоры России выступил известный предприниматель Ара Абрамян» [4, с. 43].

Роль отдельных лидеров в способности объединить разрозненные и разбросанные по всему миру многочисленные армянские общины для реализации совместно и взаимосогласованной деятельности во благо защиты общearмянских интересов трудно переоценить. Но тот факт, что учредительный съезд Всемирной Армянской организации прошел в Москве, а ядром новосозданной организации стала армянская община России, имеет объективные предпосылки:

1. Армянская община России является самой крупной в мире, численность которой по некоторым данным составляет примерно 2,5 млн. человек.

2. В сравнении с государствами Европы и Америки, где армянская диаспора в основном сформировалась как одно из следствий геноцида армян в начале XX века, в России история формирования армянских общин насчитывает примерно тысячелетие.

3. Являясь по существу самой старой, армянская диаспора России в то же время является наиболее молодой в мире. Действительно, значительная часть российских армян – это именно те, кто выехал из Армении за последнее десятилетие.

4. Армянская община России – следствие постоянных миграционных потоков между двумя странами, при этом эти процессы особо чувствительны в отношении динамики развития двухсторонних связей. Другими словами, российские армяне наиболее полно и глубоко, в большинстве случаев непосредственно на личном опыте, ощущают те проблемы и трудности, которые стоят перед исторической Родиной, в том числе и в вопросах отношений между Россией и Арменией.

5. Россию и Армению связывает единое культурное пространство, что в значительной степени облегчает процесс адаптации к инородной среде, но в то же время создает возможности для сохранения национальных традиций.

Все эти факторы, безусловно, выделяют армянскую диаспору России в сравнении с другими странами. Такой положительный потенциал диаспоры не может не оказывать качественное влияние на укрепление армяно-российских культурных отношений.

Наличие диаспоры является для всестороннего развития межгосударственных отношений важным фактором, обеспечивающим экономическое, культурное, языковое присутствие в странах, имеющих для государства стратегическое значение. Армянская диаспора России сегодня переживает качественную трансформацию, которая делает ее место и роль в системе мировой армянской диаспоры все более значимой и во многом лидирующей. Это обстоятельство в значительной степени положительно влияет на динамику армяно-российских отношений, обогащая их новым содержанием и одновременно создавая широкую гуманитарную основу для расширения и углубления армяно-российских культурных взаимосвязей по всему спектру составляющих.

В отличие от мировых диаспор, имеющих длительный исторический опыт организационного функционирования, обладающих финансовым потенциалом, влиянием в политических и деловых кругах различных государств мира, российская диаспора в Армении находится в стадии становления. Современное состояние русского общественного и общественно-политического движения в Армении, как впрочем и на всем постсоветском пространстве, характеризуется продолжающимся раско-

лом, соперничеством между различными крупными и мелкими структурами, отсутствием лидеров, способных сплотить вокруг себя наиболее активную часть диаспоры в республике.

Наличие национальной диаспоры за пределами страны может и должно служить не противостоянию, а взаимосближению. Нет сомнения в том, что как Россия, так и Армения обязаны защищать права своих зарубежных соотечественников, если они подвергаются дискриминации в странах проживания. Но одновременно нельзя забывать, что армянская диаспора в России и российская диаспора в Армении, несмотря на все издержки переходного периода, связанные с ростом национального самосознания, объективными проблемами политического, культурологического, социально-экономического характера, способны стать прочным связующим звеном между Москвой и Ереваном, способствуя активизации взаимовыгодного сотрудничества и союзнических отношений.

Литература

1. Агаян, Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении [Текст] / Ц. П. Агаян. – М.: Наука, 1978. – 317 с.
2. Казарян, П. Л. Историко-демографический облик армянской диаспоры в Якутии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zaimka.ru/05_2002/Kazarian_armenians/1/doc.html Monday, 24 May 2004, 15:05:01
3. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст] / С. В. Лурье. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 350 с.
4. Мартиросян, А. Диаспора [Текст] / А. Мартиросян, Е. Хаджян. – Ереван: Армения 2020, 2003. – 150 с.
5. Полоскова, Т. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты [Текст] / Т. Полоскова. – М., 1999. – 223 с.
6. Тер-Саркисян, А. Армянская диаспора России: история и современность [Текст] / А. Тер-Саркисян. – Рязань, 2002. – 280 с.
7. Тощенко, Ж. Т. Диаспора как культурное явление [Текст] / Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова. – М.: Академический проспект, 2000. – С. 199–204.
8. Цатурян, С. Трансформация отношения русского православия к Армяно-Григорианской церкви в XIX веке [Текст] / С. Цатурян. – Ереван: Айастан, 1988. – 145 с.

Я. Г. Кочеткова

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ КЕМЕРОВСКОЙ ЕПАРХИИ В РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Обстановка в России сегодня характеризуется снижением жизненно-го уровня части населения и серьезными изменениями в общественном сознании.

Огромную важность приобретают вопросы социально значимых проблем, духовно-нравственного возрождения России. На наш взгляд, Русская православная церковь, с ее уникальным опытом в социальном служении, способна стать связующим звеном в консолидации социальных институтов и представляет несомненный научный и практический интерес.

Цель данной работы – представление и обобщение опыта социального служения Кемеровской епархии в социокультурном контексте.

Чтобы ясно представить социальное служение Кемеровской епархии, мы используем метод сравнительного анализа социальной деятельности Кемеровской, Тобольской и Екатеринбургской епархий.

На основе изученного материала в наши задачи входит выявить общие и отличительные особенности епархий и проанализировать значимость Кемеровской епархии в вопросах укрепления духовно-нравственных ценностей.

Основополагающей базой в деятельности социального служения епархий является «Социальная Концепция Русской Православной Церкви», включающая ряд следующих, наиболее значимых положений:

- консолидация здоровых сил для духовно-нравственного возрождения общества;
- пропаганда здорового образа жизни;
- содействие развитию и укреплению семьи;
- охрана духовного здоровья населения;
- воспитание чувства патриотизма и любви к ближнему и Родине;
- осуществление профилактической службы, направленной против суицидов, преступности, различных видов зависимости: никотиновой, алкогольной, наркотической;
- раскрытие содержания и смысла вероучения православной Церкви;
- оказание помощи в реабилитации нарко-алкоголезависимых, суицидентов, трудных детей, правонарушителей и жертв деструктивных культов и сект;
- оказание помощи населению: в преодолении чувства одиночества, отчаяния, в обретении смысла вероучения Православной церкви [см.: 1, с. 38–148].

Для реализации «Социальной концепции Русской Православной церкви» создаются православные сестричества, братства, реабилитационные центры, православные движения и общества, дома сестринского ухода, патронажные службы, благотворительные трапезные и телефоны доверия.

Социальное служение Церкви в Сибирско-Уральском регионе тесно связано с социальными проблемами населения.

Тобольско-Тюменская епархия – самая древняя на Сибирской земле. Ее история неразрывно связана с Тобольской духовной семинарией, центром всего духовного образования в Сибири.

Важная отличительная особенность епархии – 12 православных гимназий, среди которых особое место занимает мужская православная гимназия в городе Тобольске, в которой организован интернат для детей из детских домов.

Основное население Тюменской области составляет молодежь, поэтому не случайно большое внимание епархия уделяет привлечению молодого поколения к социальной работе. Широкое распространение получило Межрегиональное молодежное движение «Сибирь молодая Православная», при котором создано «Сестричество милосердия». Участники движения осуществляют практическую деятельность в социальных учреждениях и учреждениях здравоохранения города Тюмени [см.: 4, с. 63–90].

Хосписная служба на дому как явление социально значимое в деятельности *Екатеринбургской епархии* занимает особое место. Специфика социальной помощи онкологическим больным определяется драматизмом ситуации, в которой оказывается обреченный человек. Задача хосписной службы – облегчить душевные и телесные страдания больного, подготовить его дух к предстоящим испытаниям.

Реабилитационные центры для наркозависимых, профилактики ВИЧ/СПИДА, жертв нетрадиционных религий, беспризорников, детей, оставшихся без попечения родителей, – действенные формы в социальном служении епархии.

При *Екатеринбургской епархии* создан спортивный отдел, аналога которому нет. Проводятся соревнования в воспитательных колониях, приютах, школах и для детей-инвалидов [см.: 7, с. 110–113].

Кемеровская епархия создана в 1993 году, в центре угольной промышленности – Кузбассе, который занимает особое место среди регионов в России.

Представление социального служения епархии целесообразно начать с широко распространенных на территории области православных сестричеств. Отсутствие в их деятельности штатного расписания компенсируется энтузиазмом людей – в основном пенсионного возраста. Служение таких сестричеств являет собой пример подвижнической деятельности ее участников. Наиболее значимое сестричество – имени преподобномуче-

ницы великой княгини Елисаветы и инокини Варвары в Новокузнецке. При нем создан Душепопечительский Православный Центр имени святого преподобного Серафима Вырицкого.

Цель работы Центра – помочь нарко-, алкоголезависимым, страдающим духовными недугами, оказать помощь их родным и близким.

Общение между участниками центра не является двусторонним: инициатива исходит не только от священнослужителей, но и от самого зависимого и членов его семьи. Это взаимодействие помогает лучше понять трудности больного, как представителя конкретного социума, почувствовать его психологическое состояние и, таким образом, более эффективно повлиять на процесс исцеления.

Для улучшения результативности работы с наркозависимыми используется фитотерапия. Сбор лекарственных трав, которые готовятся по монастырским рецептам, помогает болящим избавиться от состояния наркотических ломок.

В 2007 году в Душепопечительский Центр обратилось 139 семей. 49 наркозависимых молодых людей (со сроком воздержания от употребления наркотиков от 1 до 5 лет) вернулись к нормальной жизни за период работы Душепопечительского Центра.

С 2005 года работает целевая социальная программа «Ветераны войны и труженики тыла», направленная на достижение взаимодействия Кемеровской епархии и государственных, общественных организаций социальной направленности, для качественного улучшения жизни ветеранов войны, вдов и тружеников тыла, а также на разработку и формирование системы адресного социального служения Кемеровской епархии.

В целях гармоничного и всестороннего воспитания российских детей и молодежи в национальном и религиозном духе разработан проект «Благое дело» с участием членов Братства православных следопытов Кемеровской епархии (БПС КЕ).

Подростки БПС КЕ оказывают больным и нуждающимся людям следующую посильную помощь:

- часовое чтение в день;
- мелкие бытовые услуги;
- участие в совместных прогулках;
- закупка продуктов и лекарств.

На базе медицинского управления здравоохранения городской больницы № 1, поликлиники № 10 города Кемерово с 2005 года осуществляет работу Благотворительный фонд «Будущее Кузбасса», программа которого направлена на укрепление духовно-нравственного потенциала молодежи и студенчества, сохранение института брака и семьи.

Работа Благотворительного фонда ведется в следующих направлениях:

1. Просветительская работа (создание православной библиотеки и видеолектория, проведение лекций, бесед).

2. Работа с женщинами, решившими прервать беременность и оказание им благотворительной помощи:

– индивидуальные врачебные беседы для сохранения репродуктивного здоровья молодых женщин;

– врачебное и медикаментозное сопровождение беременных женщин, находящихся под патронажем Фонда (индивидуальные консультации).

3. Социальная поддержка семьям, решившим сохранить детей.

Результатом работы Благотворительного фонда «Будущее Кузбасса» за 2007 год стали 48 спасенных жизней младенцев.

При муниципальном учреждении «Центр психологопедагогической помощи» города Новокузнецка Кемеровской области открыта православная линия «Телефон доверия». Следует согласиться с выводом, полученным в публикациях журнала «Нескучный сад», о том, что жизнь современного человека, кроме социальных и материальных проблем, включает еще и духовные. Помочь в их решении может священник. Поэтому православный телефон доверия оказался востребован в обществе [см.: 5, с. 100–103].

Осуществляет работу реабилитационный центр «Возвращение» имени святого праведного Иоанна Кронштадтского. Здесь существуют правила для пациентов, подразумевающие: добровольную изоляцию, абсолютную трезвость, никакого насилия над личностью, дистанцию во взаимоотношениях с противоположным полом, поддержание чистоты и порядка в жилых и производственных помещениях, бережное отношение к имуществу Центра. Не допускается беспричинный отказ от послушания и неуважительное отношение к сотрудникам Центра и друг к другу.

В период летних каникул открыт военно-патриотический лагерь имени святого благоверного князя Александра Невского в городе Тайга для детей из малообеспеченных семей и группы «социального риска».

Священниками Кемеровской епархии окормляется более 100 социальных учреждений Кемеровской области.

На территории епархии действуют 47 благотворительных церковных трапезных.

В 2007 году по благословению правящего архиерея Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого, организована пасхальная благотворительная акция по сбору гуманитарной помощи. В этом же году епархия принимала участие в VI церковно-общественной выставке-форуме «Пра-

вославная Русь ко Дню народного единства» в Москве, которая явилась центральным событием, приуроченным к двум праздникам: государственному – Дню народного единства и церковному – Казанской иконы Божией Матери. Целью участия епархии в выставке являлось отображение ее социальной деятельности и сотрудничества с Администрацией области для дальнейшего развития и укрепления церковно-государственных и церковно-общественных отношений.

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить, что высшим проявлением христианской любви является истинное милосердие – свидетельство добродетели Христовой. Ибо Христос пришел, чтобы донести до людей Высшую Истину: «Бог – есть Любовь». Любовь и жертвенность – суть православного учения. Праведный христианин не пройдет мимо нуждающегося. Через Таинства исповеди и причастия верующий провозглашает свою связь с Богом. Истинная вера жива и утверждается делами милосердными. Проявление милосердия, одухотворенного заповедями Христа Спасителя о любви к Богу и ближним своим, являет пример служения Господу во имя и во Славу его и приближает православного христианина к престолу Всевышнего.

Заключая, можно сказать, что Русская православная церковь способна эффективно влиять на решение социальных проблем общества, стать духовным лидером нравственного обновления России. Необходимо всесторонне изучать опыт Православной церкви в сфере социального служения и интегрировать его в единую социальную систему, которая должна регламентироваться общей нормативно-правовой базой. Без участия Церкви, как полноправного субъекта социальной политики, невозможно коренным образом изменить в лучшую сторону климат в обществе.

Алтайская епархия, как неотъемлемая составная часть социального служения Русской православной церкви Сибири, также требует изучения. Необходимость исследования такой деятельности определяется малоизученностью. Наша дальнейшая научная работа будет посвящена изучению социального служения Алтайской духовной миссии. Определить его место и роль в системе православного служения, установить характерные черты представляет несомненный научный и практический интерес.

Литература

1. Социальная концепция Русской Православной Церкви [Текст]. – М., 2000. – 158 с.
2. Климов, С. В. Христианский смысл милосердия [Текст] / С. В. Климов // Благотворительность и милосердие: сб. науч. тр. – Саратов, 1997. – С. 80–89.
3. Слободской, С. Закон Божий [Текст] / С. Слободской. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 724 с.

4. Капалин, А. М. Демографические процессы в Тюменской области и социальное служение Тобольско-Тюменской епархии [Текст]: научное исследование / А. М. Капалин. – Тюмень: Тюменский государственный университет; Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. – 144 с.
5. Капалин, А. М. Социальная деятельность приходов Тобольско-Тюменской епархии [Текст] / А. М. Капалин // Социс. – 2007. – № 10. – С. 113–115.
6. Ордынский, А. Телефон, где не бросят трубку [Текст] / А. Ордынский // Нескучный сад. – 2006. – № 2. – С. 100–103.
7. Пальчева, А. Дела милосердия: портрет епархии Екатеринбурга [Текст] / А. Пальчева, О. Беляева // Нескучный сад. – 2007. – № 6. – С. 110–113.
8. Концепция возрождения духовного просвещения и благотворительности [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 1991. – № 7. – С. 40–42.
9. Святейший патриарх Алексий II: О социальном служении церкви. I пленум Советского фонда милосердия и здоровья [Текст] // Журнал Московской патриархии. – 1991. – № 7. – С. 39–40.
10. Гендина, Н. И. Послевузовское культурологическое образование: проблемы формирования информационной и методологической культуры аспирантов и соискателей [Текст] / Н. И. Гендина, Е. Н. Лапинкова // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях: материалы межрегион. научно-практич. семинара. – Кемерово, 2001. – С. 209–224.

А. А. Кара-Сал

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аксиологический подход к традиционной культуре настраивает на субъективное, деятельное, активное отношение к каждому наблюдаемому предмету культуры. Это отношение должно быть дифференцированным, основанным на всестороннем конкретно-историческом исследовании предмета. Аксиологический подход требует тщательного исследования того, как действует механизм формирования и передачи традиции этносов

Человеческая культура возникла как особая форма передачи и сохранения опыта, с помощью которой люди адаптировались к окружающей среде и обеспечивали себе возможность выжить. Общество имеет целью сохранить свой род, а средством для достижения этой цели была и есть создаваемая им культура.

Культурология – наука, сформировавшаяся на стыке социального и гуманитарного знаний об обществе, интегрирующая их в целостную систему знаний о культуре, формируя представления о ее структуре и динамике.

В системе культуры центральное место занимает духовная культура, которую К. В. Чистов определяет как «практическое проявление коллективной идеологии этнической общности, систему форм ее сознания и самосознания». Духовная культура – это совокупность или общность нематериальных элементов культуры: мировоззрения, образцов, моделей и норм поведения, законов, ценностей, церемоний, ритуалов, символов, мифов, обычаев, традиций, языка, основанных на общности образа жизни [1].

В культурологическом анализе культура должна быть представлена как органическая целостность, в единстве с человеком и его деятельностью.

К наиболее распространенным в науке определениям культуры относятся следующие определения, представленные отечественным культурологом Б. С. Ерасовым:

1. Культура как особая сфера и форма деятельности, связанная с мышлением, занятиями художественной культурой, принятыми нормами поведения и т. д.

2. Культура как общий уровень развития общества, его просвещенности и рациональности на пути «от дикости к цивилизованности».

3. Культура как сумма общественных достижений (включая технологии, отношения и представления), благодаря которым человек выделяется из природы и выходит за рамки биологической детерминации.

4. Культура как специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающая одно общество от другого (или различные части общества – социально-статусные или профессиональные), способствующая его интеграции и придающая ему самобытность.

5. Культура как духовное измерение всякой деятельности, в котором формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности.

В этом понимании культура предстает как духовный компонент совокупного производства, обеспечивающий поддержание и изменение этого производства и общественных отношений в целом [2].

По определению Б. Малиновского, культура – это единое целое, состоящее из инструментов производства и предметов потребления, установившихся для разных общественных объединений, человеческой мысли и ремесел, верований и обычаев [3].

В рамках теоретического анализа генеральный директор Центра русского фольклора, профессор А. С. Каргин, анализируя тенденции этнокультурного процесса в России на рубеже веков, подчеркивает: «На территории бывшего СССР процесс развития традиционной культуры в XX веке принял специфические очертания и остроту. Обусловлены

они, с одной стороны, объективными планетарными причинами: урбанизацией, все большей политической, экономической, духовной зависимостью этнических сообществ; растворением и девальвацией национальных традиций этнических культур и как следствие – самих этносов. С другой стороны, специфику следует рассматривать как ответ на многолетнюю национально-культурную политику, вызвавшую перерыв в национально-духовном развитии русского и других этносов. Как показывает история, человек должен прожить определенные естественные этапы своего этнического развития. В СССР и особенно в России естественность этого процесса была насильственно прервана. Эта прерванность хорошо иллюстрируется известными теориями 1920-х годов о «музейных реликтах», «застывших мумиях», «мертвых культурах», согласно которым вся прежняя система ценностей и традиций народа, в основном носившая архаический характер, была предана ostracism, насильственно отторгалась, изгонялась из жизни, как мешающая утверждению советского строя. На государственном уровне внедрялась система новых традиций, праздников, обрядов, художественного творчества, многие из которых носили скорее идеологический, партийный, чем этнический или культурный характер» [4].

Теперь люди пытаются за очень короткий срок переоценить эти ценности и возратить, возродить то, на освоение чего в нормальных условиях потребовалась бы целая эпоха. Для современной общественной мысли характерно широко известное отношение к советскому периоду истории как выпадающему из естественного этнического процесса. Подобное осознание культурно-исторического процесса накладывает существенный отпечаток на национальное самосознание и самоощущение. Отсутствие естественности, постепенности в освоении национальных традиций привело в известной степени к этнокультурному взрыву, национально-культурным психологическим перегрузкам, этническому коллапсу. Многие, как бы спохватившись, начинают выстраивать свою жизнь в соответствии с имеющимися этническими представлениями. А представления эти не отличаются однородностью. В большинстве своем они противоречивы, бессистемны, хаотичны: у кого-то они опираются на реальные знания, для кого-то они из форм моды или национального имиджа, кто-то хочет вернуться к прошлому, а точнее к своим идеализированным представлениям о нем.

В результате есть люди, поддерживающие или культивирующие в себе «национальный дух»; существуют и группы людей, в большей или меньшей степени подвергшиеся ассимиляции или аккультурации,

так называемые маргиналы, и для них национальные традиции не более чем просто звук; налицо и те, кто равнодушен к национальной культуре, однозначно отталкивает ее от себя.

Другими словами, можно говорить о поливариантной, разновекторной, многоуровневой картине современного состояния традиционной культуры в России.

Но в последние десятилетия прослеживается явная тенденция к увеличению числа людей, осознанно желающих сориентировать свою жизнь в направлении национально-культурных ценностей и традиций. Этот процесс тесно связан с ростом этнического и национального самосознания, национальной идентификации, а также с ответной реакцией на дискриминационное отношение к русским. На фоне этих процессов заявили о себе и обрели порой излишне резкое звучание проблемы сохранения, функционирования и развития национальных культур, прежде всего их традиционного блока.

Имеет место и другое отношение к традиционной культуре, в большей или меньшей степени учитывающее реалии современной жизни, ее поликультурность, полиэтничность, сложную вертикальную и горизонтальную многомерность цивилизационных процессов. Этнокультурная идентификация, включение человека в пласты национальной культуры рассматривается на фоне убыстряющегося развития индустриальной культуры, агрессивного наступления рекламы, всего того, что невозможно отменить или запретить декретом. Это отношение основывается на осознании того, что жизнь невозможно повернуть в патриархальную Россию. Есть и позиции, как бы ассимилирующие отдельные элементы и той и другой точки зрения.

И тут мы сталкиваемся с первым весьма существенным моментом – с оценкой социально-педагогической роли традиционной культуры. Сегодня утрачены основные условия и механизмы естественной трансляции национальных традиций, которые имели место в архаической организации сообществ (вплоть до начала войны), как результат – формируются замещающие их искусственные или специальные механизмы передачи традиционных форм культуры. Очевидно и другое: полной, адекватной замены одного другим не происходит. Эффективность и надежность естественной и искусственной систем несоизмерима. С помощью современных технологий складываются специализированные институты трансляции традиционной культуры, науки, техники.

Другой момент связан с принципиально иным раскладом между элитарной, традиционной и индустриальной культурами в современной ситуации. Мы должны понять эти культуры, принять их, найти пути их

гуманного соподчинения и включения в социализацию человека. Дело это весьма непростое, связано с негативной психологической установкой, прежде всего, на массовую индустриальную культуру. Отношения же последней с традиционной культурой вообще простыми не назовешь.

Традиционная культура вторично в своей длительной истории вступила в острейший конфликт с принципиально новыми цивилизационными индустриальными формами культуры. В этом конфликте одна из причин культурного надлома самосознания [5].

Традиционная и индустриальная культуры – союзники или оппоненты? Могут ли они сосуществовать, быть толерантными, или же их удел – взаимное неприятие? Имеются ли механизмы для органичного встраивания традиционных ценностей в современный контекст культурного пространства? Ответов пока нет. Seriously этими вопросами никто не занимается. Между тем, эта проблема одна из центральных, основополагающих для понимания всей сложности решения вопросов генезиса этнокультуры.

Если мы продолжаем заложенную с советских времен критичную линию в восприятии индустриальной культуры, в том числе ее агрессивных форм, это одна исходная позиция. Если мы пытаемся найти компромисс и использовать ее привлекательные стороны, это другой вариант развития событий. Но мы еще должны учесть и фактор наличия элитарной культуры, ее влияние на формирование национального самосознания, определить ее место в мультикультурном пространстве.

Одним словом, наука – фольклористика, этнокультурология, этномусыковедение, этнопедагогика – сегодня в огромном долгу перед деятелями традиционной культуры. Не разобравшись в абстрактных, общих, отвлеченных, на первый взгляд, вопросах, мы никогда не увидим нового фундаментального учебника по этнопедагогике, отвечающего современному укладу жизни. Благородная идея возрождения, к примеру, русского этноса, его традиций будет ограничиваться фольклорно-сценическими формами ансамблей и групп. Более того, традиционную культуру будут и далее использовать для растления ее же самой. Пример с передачей «Эх, Семеновна» – нагляднейшее свидетельство. Подобные примеры пропаганды откровенного фольклорного кича, не случайны, ибо хорошо просматриваются «уши» тех, кто заказывает эти передачи, и тех, кто ищет дешевой популярности.

Другими словами, вопрос о традиционной культуре как факторе укрепления национально-этнического самосознания сегодня усложнен невероятно, в нем немало спорного, неопределенного, противоречивого, эпатажного [6].

Самобытное и богатейшее фольклорное творчество тувинцев является важнейшей составной частью духовной культуры, так как в основе его лежали определенные религиозно-философские, этнические и эстетические принципы, сконцентрированы исторический опыт, мораль, нравы и верования народа, тесно связанные с традиционным укладом народного быта.

Традиционный уклад народного быта – это продукт всей истории общества в области организации жизнедеятельности первичных социальных общностей – кровнородственных семейных и общинных коллективов. Из этих исходных клеточек строится базовая структура общественного организма в целом.

«Основное назначение механизма социального управления: биологическое производство человека, создание системы жизнеобеспечения (пища, жилище, одежда), – подчеркивает в своих исследованиях известная ученая К. М. Герасимова, и далее, – приемы добывания и производства средств существования и выживания в данной природной среде, организация правил общежития или отношений между людьми в рамках кровнородственных, а затем и территориальных общностей». Соответственно, в регуляцию отношений членов семейных и общинных коллективов входит не только рождение потомства, но и воспитание детей для «взрослой» жизни в социальной нише семьи, рода, общины. Процесс социализации детей – это поэтапная всесторонняя подготовка к вхождению в состав возрастной группы полноправных членов семейного и общинного коллектива.

Полноценным человеком, мужчиной юноша становился после женитьбы, принимая основной житейский долг продолжения рода; соответственно, назначение девушки определялось замужеством, материнством, обязанностями семейного быта. Формирование человека включало трудовое и социально-нравственное воспитание, усвоение прав и обязанностей половозрастных групп семьи, рода и общины.

Нормальное существование первичных ячеек общества опиралось на свои «три кита»: производство средств жизни, социальную организацию или обеспечение устойчивого порядка в отношениях между людьми, идеологию или нормативную концепцию жизни, закреплённую в правилах социальной и личной морали.

Первые два условия унаследованы человеком из природного опыта выживания популяций, закреплённого, например, в поведенческих нормах существования так называемых общественных животных, ведущих групповой образ жизни (волки, львы, обезьяны и т. д.). В данный

природно-эволюционный опыт человек привнес чисто человеческий элемент – ментальность, духовную деятельность сознания – стремление понять окружающий мир, все сосчитать, определить, связать и гармонизировать (систематизировать) вокруг центрального понятия смысла и назначения бытия. В итоге человек установил идеальные (духовно-ценностные) нормы общежития и нашел для их санкции высокие божественные авторитеты [7].

Опасаясь гнева богов, древний человек пытался защититься от всяких невзгод и поэтому он приносил им жертвы, отправлял обряды и ритуалы, чтобы умиротворить, задобрить всемогущие силы природы. Во избежание нарушения порядка, древние люди должны были постоянно искупать вину за убийство животных, за сломанное дерево, за сорванный цветок, то есть за нарушение или разрушение живой природы.

Обрядовое закрепление всех процессов жизни человека как биологического и социального существа обеспечило автоматизм массового, добровольного соблюдения установленного порядка хозяйственного, семейного и общественного быта. Обыденный повседневный быт народа управлялся спонтанно и неукоснительно силой родовых общинных традиций.

Исторический опыт организации жизнедеятельности первичных кровнородственных ячеек общества, а также регулирования и управления ею приобрел вневременную, «сквозную» значимость для всех эпох.

Социальный опыт сконцентрирован в обрядах, обычаях народной культуры, традиции которой существовали устойчиво и независимо от всех перемен в политическом, классовом, макроэкономическом устройстве общества в целом, потому что они неразрывно связаны с базовым уровнем повседневного, «обыденного» бытия первичных ячеек общества, которые создавали, воспроизводили и сохраняли по мере возможности жизнь человека – главного субъекта истории.

Совершенно правомерно пишет К. М. Герасимова: «Сейчас, когда мы пытаемся найти оборванную нить судьбы, понять, почему нарушилась связь времен, где и что “сломалось” в основе социального механизма, естественно, возникает вопрос: какие уроки истории мы должны узнать и учесть, что из прошлого может быть полезным для современности».

Нормально история должна развиваться поступательно, а не деградировать. В традициях прошлого не все может быть пригодным для современной жизни. Ясно, что ценен не архаический «патриархат» сам по себе, не безоговорочная власть мужчин над женщинами, «старших» над «младшими», важность представляет «старшинство» ответственности,

авторитет родителей, основанный на истинных ценностях жизненного опыта, мудрости, на понятиях добра, любви, на знаниях и умениях, которые необходимо передать следующим поколениям. Важно сохранить такое качество отношений членов семейной группы, которое способствовало бы формированию всесторонне полноценного потомства, воспроизводило бы физическую, духовную и интеллектуальную силу нации.

В общинных традициях есть такие достойные проявления, как коллективизм, взаимопомощь во всех обстоятельствах жизни. Благодаря общинной материальной и моральной поддержке в традиционных обществах не было горького сиротства детей и одиночества никому не нужных стариков.

Литература

1. Камашев, С. В., Михалина, О. А., Наливайко, Н. В. Актуальные проблемы безопасности отечественной системы образования [Текст] / С. В. Камашев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – С. 330.
2. Философия: краткий тематический словарь / под ред. Т. П. Матяш, В. П. Яковлева. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – С. 416.
3. Супрун, В. И. Ценности и социальная динамика [Текст] / В. И. Супрун // Наука и ценности. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 160–168.
4. Rokeach, M. Beliefs, attitudes and values [Текст] / M. Rokeach. – San Francisco, 1972. – С. 160.
5. Соколов, А. В. Феномен социально-культурной деятельности [Текст] / А. В. Соколов. – СПб.: СПб ГУП, 2003. – С. 15.
6. Проблема ценности в философии [Текст]: сб. ст. / под ред. А. Г. Харчева и др. – М.; Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1966. – С. 261.
7. Каган, М. С. О принципах разработки философской теории ценностей [Текст] / М. С. Каган // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. – 1997. – № 13. – С. 8.

Раздел 3. ЭСТЕТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

О. А. Хавренко

ОПЫТ КОНЦЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ

Кардинальные изменения в мире и в стране неизбежно отражаются на процессах, происходящих в культуре. Если в конце XX – начале XXI века одной из основных задач культурной политики в России считали сохранение культурного наследия и всей ранее сложившейся системы социокультурных институтов, то в последние годы акцент перенесен на актуализацию сохраняемого наследия и активизацию работы коллективов учреждений культуры разных профилей. А также на более интенсивное и квалифицированное использование их творческого потенциала в социально значимых целях. Это относится и к деятельности таких институтов, как филармонии, которые стремятся найти свое место в изменяющемся мире, ориентированном на существование в жестко заданном экономическом формате. Как институциональная культурная форма, созданная самим обществом, филармония призвана отвечать его сегодняшним запросам и, если возможно, даже немного опережать их. В условиях глубоких экономических и социальных преобразований эти концертные организации пытаются постичь правила и язык рынка, систему потребительских отношений, закономерности процесса коммерциализации культуры, искать пути преодоления многих социокультурных проблем.

В России и за рубежом вокруг филармонических обществ издавна сосредотачивались самые просвещенные и передовые слои общества, его элита. В сегодняшней России явно ощущается дефицит интеллектуально и культурно образованной публики. Социологи констатируют, что по разным причинам крайне редко или совсем не бывает на филармонических концертах более половины жителей страны. Другая сторона этой проблемы связана с тем, что значительное число людей ищет в искусстве только возможности развлечения. В такой ситуации для филармоний очень важно воспитывать свою публику как можно раньше, с детства, чтобы обеспечивать подрастающему поколению постоянный доступ к культурным ценностям, поскольку известно, что к концу XX века концертные организации потеряли около 70 % своей аудитории, в том числе и молодой.

В настоящее время в регионах России филармонии работают в сложных экономических условиях, не всем удастся воплотить в жизнь концепции современного института культуры. Несмотря на это, филармонии по-прежнему являются главной формой организации концертной деятельности в стране, имеют свои определенные цели и задачи в сфере общей культурной деятельности, свой социальный статус и сохраняют свою изначальную идею просветительской организации.

Основной перспективной аудиторией, согласно проводимой государством культурной политике, является молодежь, которая в настоящий момент живет в отрыве от традиционных исторических и культурных ценностей [см.: 1, с. 64]. По мнению исследователя В. А. Есакова, сегодня семья и сфера образования не справляются с задачами социализации и инкультурации нового поколения, а в отношении освоения им необходимого социокультурного опыта обнаруживается недостаточность имеющихся в обществе форм [см.: 3, с. 16]. В решение таких приоритетных вопросов, как социализация молодого поколения, освоение им необходимого культурного опыта, разработка новых просветительских программ и форм досуга, создание благоприятной среды для творчества, формирование и возрождение творческой и интеллектуальной элиты, филармонии могут внести достойный вклад.

Во многих регионах, например, в Свердловской, Новосибирской, Калининградской, Тверской и других областях, филармонии стремятся интерпретировать новые социальные и культурные явления, процессы, события через разработку и реализацию комплексных просветительских программ для разных слоев и групп молодежи в рамках концертной организации, используя как традиционные, так и новые для них формы культурной деятельности. Традиционность чаще всего связана с тем, что филармонии стараются сохранять свою основополагающую роль музыкального просветительства, а не быть только центрами академического концертного исполнительства.

Наиболее распространенной формой филармонической просветительской деятельности является абонементная система проведения концертов. Каждая филармония выстраивает собственную политику этого проверенного временем вида деятельности. Идеей того или иного абонемента может быть определенная тема, имя исполнителя, музыкальный жанр, обращение к тому или иному возрасту, например: «Оперные шедевры», «Молодые таланты», «Виртуозы Вены», «Музыка, живопись, жизнь» (абонементы Московской филармонии), «Классика на бис» (абонемент Челябинского концертного объединения).

На сайтах Новосибирской и Свердловской филармоний отмечается, что посещение абонементных концертов становится все более престижным. Самое пристальное внимание этой форме уделяет Московская филармония, просветительскую работу на ее сценах ведут блистательные музыковеды, воспитавшие не одно поколение любителей музыки: С. Виноградова и Ж. Дозорцева. Ежегодно здесь появляются новые начинания. В 2008 году представлен уникальный абонемент для детей и их родителей – «Сказки с оркестром», пользующийся огромным успехом. В нем представлены самые любимые детские сказки, которые в сопровождении Академического Симфонического оркестра читают известные артисты Ч. Хаматова, М. Александрова, Д. Назаров, П. Любимцев. Атмосфера таких концертов, по мнению известного социолога Ю. У. Фохт-Бабушкина, «...активизирует личностные свойства как слушателя, так и музыканта-исполнителя. В концерте, помимо контакта с артистом, имеет место взаимодействие всей слушательской аудитории. Совместное восприятие отличается от индивидуального тем, что процессы мышления и воли активизируются, а процессы заражения, внушения и убеждения приобретают новые качества. Эффект многократного усиления эмоционального воздействия приводит к концентрации чувств» [7, с. 126].

Интересные разновозрастные абонементные программы есть и в других филармониях: «Детский сад и музыка», «Воскресные симфонические утренники для детей и родителей» (Белгородская филармония), «Молодежная академия искусств» (Калининградская филармония). Нестандартный подход к пропаганде вечных ценностей, классического наследия предлагает Краснодарское государственное творческое объединение «Премьера». Вместе с педагогами музыкальных школ оно проводит масштабный просветительский проект «Скорая музыкальная помощь», который не имеет аналогов в России по численности детской слушательской аудитории. Очень важно, что проект получил поддержку на самых высоких правительственных уровнях, ведь сегодня, как отмечает А. Я. Флиер, «...в условиях глобального засилья массовой культуры, пропаганда классического искусства должна быть жестко и категорически обеспечена в законодательном порядке» [6, с. 33].

Чтобы принять участие в деле распространения музыкальной культуры на Кубани, под эгидой этой концертной организации объединили свои усилия общественные, творческие и педагогические коллективы. В программах открытых уроков-концертов звучит доступный музыкальный материал – популярные произведения композиторов-классиков, в числе предлагаемых тем значатся основные направления начальной музыкальной грамотности. Руководство Концертного объединения считает, что реализация этого проекта создает дополнительные возможности

для формирования личности юных жителей Краснодарского края. Дети, приобщенные к классической музыке и полюбившие ее, приобретают несколько иные интересы в жизни, в значительной мере защищающие их от различных негативных влияний современных реалий. Акция «Премьеры» вызвала широкий положительный отклик у педагогов городских и сельских школ, понимающих, что преподавание музыки в общеобразовательных школах не может заменить того воспитательного эффекта развития личности, какой дает знакомство детей с классической музыкой в «живом» исполнении.

Очевидно, что для восполнения дефицита социально необходимой культурной информации в молодежной среде филармонические просветительские программы должны быть не только идеологическими и развлекательными, но и:

- прагматичными;
- ориентированными на конкретные интересы подрастающего поколения;
- дифференцированными по возрастным группам;
- связанными с образовательными программами и дополняющими их;
- приобщающими к социальной художественной и интеллектуальной активности.

Параллельно с традиционными формами просветительской работы многие концертные организации практикуют и новые, экспериментальные. Среди таких можно отметить проект Московской филармонии «Классика и рок», в котором были объединены оркестр «Солисты Москвы» под управлением Ю. Башмета, ансамбль солистов «Эрмитаж», симфонический оркестр под управлением Т. Курентзиса и рок-группы «Ария», «АукцЫон» и другие.

Этой же концертной организацией предлагаются детские концерты в режиме интерактива: «Хочу стать дирижером» и анонсируемая премьера детской оперы В. Тарнопольского с участием юной аудитории и юных музыкантов. Новаторские формы работы с детской, подростковой, молодежной аудиторией применяются в Тверской филармонии, высокий потенциал филармонического коллектива позволяет осуществлять постановки мюзиклов («Принцесса и Менестрель», «Халиф-аист») и рок-опера с национальным колоритом («Хозяйка Медной горы», «Иван да Марья»).

В контексте вышеизложенного, в Кемеровской филармонии также интересно используются в детских абонементах полифункциональные возможности формы публичного концерта, обеспечивающие слушателям в рамках одной программы контакт не только с музыкой, но и с кино, театром, изобразительным искусством, танцем.

Формы организованного досуга и развлечений, реализуемых на базе филармоний, пока не отличаются многообразием, эта область пока мало разработана. Можно выделить такие формы неконцертной работы, как арт-клубы, клубы по интересам (джаз, рок и т. д.) для молодежи, взятые на вооружение Челябинским концертным объединением и Новосибирской филармонией. Принципы работы таких клубов могут варьироваться, например: встречи, вечера отдыха, презентации, тематические программы и т. п.

Пrestиж концертной организации может значительно возрасти, если в результате такой деятельности она превратится в своеобразную платформу культурного обмена и новых начинаний, институт, где соединяются разные культуры, где возможен диалог между видами и жанрами искусства.

Следует напомнить, что еще в XIX веке Императорское русское музыкальное общество повсеместно открывало свои отделения, работавшие по общим программам. Современные филармонии также идут по этому пути, стараясь усилить культурную составляющую в своих регионах. Перспективным проектом Челябинского концертного объединения является реконструкция Детской филармонии, ее филиалы открыты в отдаленных районах города, и залы там переполнены слушателями, которым предоставлена возможность приобщаться к художественным ценностям по месту проживания, не тратя силы и время на длительные переезды до центральных концертных площадок. В условиях современных мегаполисов этот момент является очень актуальным. Такая деятельность филармонии способствует более активным взаимоотношениям человека и культуры, увеличению культурной прослойки в городе и регионе.

В Новосибирской филармонии успешно функционирует не только детско-юношеская филармония, но и Молодежная лига – инициативная группа молодых и увлеченных поклонников филармонического искусства, готовых нести его в массы и изобретать для этого новые формы. В этой связи можно привести слова Е. В. Дукова, убежденного в том, что «если мы хотим сделать что-то похожее на развитое общество, то нам нужна и филармоническая культура» [2, с. 29]. Именно культура, в том числе и филармоническая, способна наиболее активно влиять на формирование творческих возможностей человека, на всестороннее развитие личности, вырабатывать новое, творческое отношение ко всем видам деятельности. По мнению исследователя Т. М. Гудимы, «если в детстве, в юности человека не ввели в мир искусства... этого не поправить во взрослом возрасте» [1, с. 22]. Сегодня очень сложным является положение

ние молодежи в любом виде художественного творчества. Работая в этом направлении, отдельные филармонии стремятся концертно-творческую и просветительскую деятельность разнообразить с учетом продуманной системы проведения конкурсов и фестивалей для подрастающего поколения и укрепления их статуса.

Для концертных организаций такие мероприятия являются новыми формами, связанными с областью современной музыкальной культуры, выходящей за рамки традиционных сценических площадок. Например, проводя Открытый фестиваль детских и юношеских творческих коллективов «Мир музыки – детям», Челябинское концертное объединение позиционирует его как городской музыкальный праздник на открытых площадках, широко освещающих детское творчество, предоставляет юным атлантам большие сценические пространства, устанавливает прочные отношения между концертной организацией и детскими образовательными учреждениями. Подобные культурные акции проводятся филармониями во многих городах: Фестиваль детского музыкального творчества (Новосибирск), Открытый конкурс молодых исполнителей джазовой музыки (Саратов), Фестиваль «Новые имена» (Нижний Новгород) и другие. Большинство из них становятся традиционными и начинают занимать все более значительное место в концертном деле своих регионов, создают новые условия для развития искусства и творчества. Такие формы работы филармоний позволяют предупреждать «сокращение количества молодой культурной элиты, ухудшение качества ее профессиональной подготовки, снижение общекультурного уровня в обществе» [2, с. 14].

В настоящее время, по мнению В. А. Есакова, реализация целей и задач социокультурной политики, направленных на молодежь, испытывает серьезные трудности «...из-за нежелания властей и педагогов заниматься кропотливой и бездоходной работой» [3, с. 16]. Важно, чтобы существующие социокультурные институты в такой ситуации использовали адекватные времени и условиям формы культурной деятельности, как традиционные, так и модернизационные, учитывающие изменяющиеся культурные потребности, интересы и предпочтения самых разных слоев населения. При креативном и продуманном подходе в масштабах страны формы организации и функционирования концертных институтов могут существенно отличаться друг от друга в зависимости от особенностей и национально-культурных традиций конкретного региона. Можно предположить, что такое разнообразие будет способствовать укреплению и возрождению филармонического статуса, расширению сегмента художественной практики, ориентированного на детей и молодежь, решению актуальных проблем российской культуры.

Литература

1. Гудима, Т. М. Культурная политика: поворот к рынку или вложения в человека [Текст] / Т. М. Гудима // Обсерватория культуры. – 2007. – № 2. – С. 20–23.
2. Дуков, Е. В. Филармония на интеллектуальном рынке [Текст] / Е. В. Дуков // Обсерватория культуры. – 2005. – № 5. – С. 26–29.
3. Есаков, В. А. Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях [Текст] / В. А. Есаков // Культура: управление, экономика, право. – 2007. – № 3. – С. 9–17.
4. Молодежь Москвы: отношение к истории и традициям [Текст] // «Симптом» Информационно-аналитический сборник Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы. – 2002. – № 12 (130). – С. 64.
5. Соколов, К. Б. Социальная эффективность художественной культуры: процессы распространения и освоения художественных ценностей [Текст] / К. Б. Соколов. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
6. Флиер, А. Я. Культурная революция [Текст] / А. Я. Флиер // Обсерватория культуры. – 2007. – № 2. – С. 31–35.
7. Человек в мире художественной культуры. Приобщение к искусству: процесс и управление [Текст] / отв. ред. Фохт-Бабушкин Ю. У. – М.: Наука, 1982. – 334 с.

В. В. Чепурина

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ

Искусство, концентрирующее в себе духовную энергетику культуры, формирует и развивает способность человека преобразовывать окружающий мир. В деятельности по преобразованию мира важная роль принадлежит игровому воспроизведению «исходного» текста, которое обеспечивает восприятие этого текстового материала зрителями (слушателями). Произведения первичного творчества, записанные определенной системой знаков, материализуются в исполнительском искусстве чтеца, переводящего на сценический язык произведение писателя или поэта, музыканта, озвучивающего сочинение композитора, танцовщика, воплощающего замысел хореографа. В данной статье мы сосредоточим внимание на исполнительском искусстве актера, являющегося своего рода «медиумом» между драматургом и зрительным залом.

Долгое время «исходный» текст (пред-текст) представлял как источник единственно возможного прочтения. В XX веке благодаря развитию искусства режиссуры «исходный» материал для постановки стал служить приглашением к поиску разнообразных трактовок. Стало понятно, что замысел режиссера и воплощение его актером основаны не на механиче-

ском переводе исполняемого произведения в иную материальную форму, а на его творческом преобразовании в содержательно новый текст. Процесс интерпретации перестал быть чем-то вторичным и превратился в установление новых связей между человеком и миром. Одна из дискуссионных проблем, возникающих при анализе текста и его перевоплощении, – адекватность толкования «исходному» материалу. Нередко при переводе драматургического текста в сценический эквивалент критерием ценности последнего становится нарочитая модернизация, обязательная полемичность прочтения, разрушение гармонии авторского стиля. Разумеется, режиссер-постановщик и исполнитель имеют право на свое видение мира и собственное прочтение материала. Искусство вообще не может быть до конца объективным. Процесс изучения и освоения авторского (драматургического) текста основывается на освобождении интерпретатора от привычных представлений. Однако эта свобода не беспредельна. Следовательно, логику обучения актера и режиссера на специальностях «Актерское искусство» и «Народное художественное творчество» (специализация «Любительский театр») должно определять овладение технологией извлечения смыслов. Для этого необходимы не только узко профессиональные навыки, но и общекультурная подготовка. Важнейшими аспектами для формирования профессиональной культуры актера и режиссера могут стать положения герменевтики, а также обоснование механизмов восприятия и понимания индивидом окружающего мира, объясняющие взаимосвязь объективного и субъективного в процессе толкования текстов литературы и искусства.

Герменевтическая интерпретация не сводится к процедурам естественно-научного познания, как и не ограничивается анализом логико-грамматической структуры текста. Современный исследователь Г. И. Рузавин обращает внимание на то, что раскрытие значения текста «определяется выявлением намерений автора или собеседника, а это предполагает обращение к интуитивно-эмпирическим и субъективно-психологическим факторам» [10, с. 170–171]. Для интуитивного понимания необходимыми являются использование личного опыта субъекта и опора на такие психические процессы, как воображение, перевоплощение, «вчувствование» в текст. По мысли немецкого философа и историка культуры В. Дильтея, герменевтика опирается на способность индивида переживать психологические связи и понимать их в другом. «Ее назначение, – комментирует взгляд философа исследователь С. Ф. Одуев, – найти адекватное переживание через сопереживание и сопонимание, из которых и складывается знание истории и конечного социального бытия» [9, с. 103].

Согласно взглядам немецкого философа Х.-Г. Гадамера, всякое понимание осуществляется в рамках культурно-исторической традиции. Мыслительная деятельность субъекта обусловлена его личным духовным и жизненным опытом, исторической эпохой и культурой. «В начале всякой исторической герменевтики, – говорит Гадамер, – должно стоять... *снятие абстрактной противоположности между традицией и исторической наукой, между историей и знанием о ней*» [4, с. 336]. Это означает осознание интерпретатором собственной исторической обусловленности, принадлежности к определенной исторической традиции и проникновение в историческую ситуацию, подлежащую пониманию.

Чтобы избавиться от «предрассудков» (предпонимания, детерминированного условиями, в которых живет интерпретатор), необходим постоянный диалог с изучаемым текстом. Такая позиция во многом соответствует концепции «диалога культур» М. М. Бахтина. Каждая культура, будучи вовлеченной в диалог с другими культурными эпохами, постепенно раскрывает заключенные в ней многообразные смыслы, высвечивает новые грани исторических событий. Такой взгляд на процесс понимания исключает возможность окончательной интерпретации текста. Как указывают современные культурологи Б. В. Кондаков и И. В. Кондаков, «*понимание художественного текста вообще не может быть единственным, “лучшим” или “худшим”, как и адекватным авторскому, оно изменчиво и исторично, а потому не может быть чем-либо регламентированным, нормативным, раз и навсегда установленным, заданным*» [8, с. 36].

Таким образом, развитие герменевтики как теории и методологии толкования текстов обнаруживает наличие многообразных связей между «целым» произведением и контекстом прочтения. Кроме того, извлечение смысла (прочтение) основывается на определенных механизмах восприятия и понимания индивидом окружающего мира. Исследование возможностей человеческого познания было предпринято И. Кантом. В его трактовке бытие рассматривается как содержание представлений субъекта. В системе высших способностей субъекта существенный интерес для философа представляет эстетическая способность суждения (суждение вкуса), которая подвергается рассмотрению в «Критике способности суждения». Суждение вкуса, распространенное на область красивого, прекрасного, по мнению Канта, должно быть совершенно бескорыстным, обеспечиваться отсутствием сиюминутного практического интереса, то есть таким, «чтобы с благоволением к одной только рефлексии о предмете могло бы быть связано *удовольствие от его существования*» [7, с. 137]. Кант отрицает и теоретическую заинтересованность в предметах, относящихся к области прекрасного. Суждение вкуса для него «не есть познавательное суждение и поэтому не основано на понятиях и не

имеет их своей целью» [7, с. 47]. Суждения чистого разума, опирающиеся на понятия, являются априорными (доопытными). Эстетические же суждения требуют наличия опыта – созерцания предмета. Если бы суждения вкуса опирались на понятия, существовали бы рационально формулируемые правила и критерии, регулирующие отношение к предмету как к прекрасному или безобразному.

Подчиненное принципу самостоятельности (субъект должен самостоятельно выносить решения, не пытаясь сначала ознакомиться с суждениями других), суждение вкуса, согласно Канту, притязает на согласие каждого. Представление о предмете связано не с чувством удовольствия, а с общезначимостью этого удовольствия: «Суждение вкуса утверждает только то, что мы вправе предполагать у всех людей те субъективные условия способности суждения, которые мы обнаруживаем у себя» [7, с. 131].

Существенным положением теории Канта является то, что суждение вкуса основано на принципе преемственности: «Не существует такого применения наших сил, каким бы свободным оно ни было... которое, если бы каждый субъект начинал просто с задатков своей природы и ему не предшествовали бы другие с их попытками, не привело бы к ошибочным попыткам; деятельность предшественников направлена не на то, чтобы сделать тех, кто следует за нами, просто подражателями, но чтобы своими действиями указать им, что они должны искать принципы в самих себе и идти собственным, подчас лучшим путем» [7, с. 123]. Чувство само по себе может быть случайным, однако в жизненном опыте и в опыте эстетического восприятия, основанных на преемственности, оно получает внутреннюю устойчивость.

Суммируя положения, обоснованные Кантом, можно утверждать, что общезначимость, преемственность и отсутствие практического и теоретического интереса могут быть приняты за основание для ограничения чистой субъективности суждений.

Важнейшие условия, приближающие к объективности суждений, рассмотрены представителем немецкой классической философии Г. В. Ф. Гегелем в его «Эстетике». Одно из них заключается в знании предмета исследования [6, с. 40]. Вкус, по мнению Гегеля, сохраняет характер «непосредственного чувства». Для постижения смысла еще необходимо подключение интеллектуальных сил человека. Глубокие познания в той или иной области понимаются философом как фундамент профессионализма исследователя. Знание частных фактов (время и место создания произведения, индивидуальность художника и др.) дает основание для гармоничного видения частей и целого. Другое условие объективности связывается Гегелем с идеей мирового духа. Он полагает, что

«чувственные образы и звуки выступают в искусстве... чтобы... удовлетворить высшие духовные интересы» [6, с. 45]. Поэтому умение прозревать в произведении духовное содержание, являющееся проявлением мировой идеи, защищает исследователя от чистой субъективности оценок.

Современная эстетическая мысль развивает положения, приближающие субъекта к достоверности художественного знания. Среди них, в частности, называется дистанцированность от предмета оценки. Исследователь С. Вайман указывает на эстетическое дистанцирование художника от жизненного материала и на психологическое дистанцирование критика от художественного текста [2, с. 177]. Такое отстранение от предмета оценки он обоснованно отождествляет с той закономерностью творчества, которую А. С. Пушкин называл «холодом вдохновенья». Продолжая эту мысль, исследователь В. Блок в качестве условия, позволяющего объективнее оценить то или иное художественное творение, называет дистанцию времени. Он соглашается с академиком Д. С. Лихачевым, полагающим, что знание современности, участие в ее процессах не является гарантом от предвзятости [1, с. 229]. Напротив, взгляд на произведение искусства и на отраженную в нем эпоху с некоторого расстояния является для Блока основанием для обобщения материала. Дистанцированность особым образом проявляется и в субъект-объектных отношениях. Вопрос об этих отношениях является дискуссионным в философии. Так, экзистенциализм усматривает единство субъекта и объекта в процессе познания. В противовес этой позиции, защитником которой является, в частности, М. Хайдеггер, исследователь его творчества П. П. Гайденок пишет: «...только противопоставление себя как субъекта предмету исследования как объекта... может быть предпосылкой объективного исследования» [5, с. 48].

Наконец, объективный фактор суждений связывается с опорой на систему понятий и категорий. По мнению исследователя В. Ванслоа, принцип научности выступает в качестве критерия истинности знания, преодолевая описательность и выводя суждение на уровень абстрагирования [3, с. 287].

Итак, процесс понимания художественного текста объединяет в себе объективные и субъективные факторы. Субъективность суждений, основанная на особенностях психологии и эстетического сознания реципиента, дает возможность для интерпретации смыслов явлений. С этой точки зрения, понимание произведения литературы (драмы) обусловлено личностным взглядом на историю и ее художественное выражение. С другой стороны, тексты произведений имеют определенные объективные особенности, которые осознанно или неосознанно закладываются авторами. Опора на выше рассмотренные категории уберегает от случай-

ных интерпретаций, не обусловленных содержанием художественных явлений. Уточним положения, приближающие к объективности суждений относительно заложенных в произведениях смыслов:

- подтверждение рядом произведений одной эпохи общезначимости той или иной проблематики;
- опора на научный материал предшествующих исследований;
- отсутствие какого-либо предпочтения в выборе той или иной авторской идеи для рассмотрения;
- знание особенностей художественного (драматургического) мира в определенный период времени;
- переводение эстетических реалий (слой явного, выраженного смысла) в область духовного содержания (слой обобщенных категорий);
- использование при анализе произведения положений научных теорий, методологических приемов анализа, терминологического аппарата, обоснованных философско-эстетической мыслью;
- дистанцированность от эпохи создания драматических произведений, отстранение (после погружения в глубину текста) от культурно-исторической и художественной реальностей, противопоставление исследователя как субъекта предмету исследования как объекту.

Заметим еще раз, что объективные факторы не ограничивают возможности интерпретаций, наращивания и углубления смыслов. Находясь в диалектическом единстве с субъективностью восприятия исследователя, они лишь направляют его мыслительные операции в русло, обусловленное данностью самого изучаемого явления.

Литература

1. Блок, В. Субъективное и объективное в художественной критике [Текст] / В. Блок // Методологические проблемы художественной критики. – М.: Искусство, 1987. – С. 222–246.
2. Вайман, С. Образы понимания художественного текста [Текст] / С. Вайман // Методологические проблемы художественной критики. – М.: Искусство, 1987. – С. 169–199.
3. Ванслов, В. Некоторые актуальные проблемы искусствознания и художественной критики [Текст] / В. Ванслов // Методологические проблемы художественной критики. – М.: Искусство, 1987. – С. 268–294.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики [Текст] / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1998. – 704 с.
5. Гайденко, П. П. Экзистенциализм и проблема культуры [Текст] / П. П. Гайденко. – М.: Высшая школа, 1963. – 121 с.
6. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика [Текст]: в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1968. – Т. 1. – 312 с.
7. Кант, И. Собр. соч. [Текст]: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 5. – 413 с.

8. Кондаков, Б. В. Классика в свете ее современной интерпретации [Текст] / Б. В. Кондаков, И. В. Кондаков // Классика и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 256 с.
9. Одуев, С. Ф. Герменевтика и описательная психология в «философии жизни» Вильгельма Дильтея [Текст] / С. Ф. Одуев // Герменевтика: история и современность: (Критич. очерки). – М.: Мысль, 1985. – С. 97–121.
10. Рузавин, Г. И. Проблема понимания и герменевтика [Текст] / Г. И. Рузавин // Герменевтика: история и современность: (критич. очерки). – М.: Мысль, 1985. – С. 170–186.

Н. С. Попова

КУЛЬТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СТИЛЯ АР ДЕКО

На рубеже XX–XXI веков вопрос об особенностях стилеобразования в искусстве модернизма и постмодернизма встает особенно остро. Утверждение, что в XX веке большого художественного стиля нет, перестало удовлетворять историков и теоретиков искусства. На протяжении XX века было предложено несколько вариантов стиля и версий стилеобразования. К концу века в исследованиях ученых большую весомость приобрел стиль Ар Деко, традиционно связывавшийся с единством стилистических черт в декоративно-прикладном искусстве первой трети XX века. В отличие от других вариантов стиля, Ар Деко, в числе своих достоинств, имеет широкую область действия, гибкость и вариативность в различных условиях.

Впервые термин «Ар Деко» использовала Хиллари Джелсон в заголовке статьи, опубликованной газетой «Таймс» в 1966 году [см.: 1]. Ее поддержали Осберт Ланкастер и Бивис Хиллер, опубликовавшие соответственно в 1967–1968 годах книги «Глядя в Будущее» и «Ар Деко 1920–1930-х годов» [см.: 2]. Книга Б. Хиллера и Международная выставка декоративных искусств и художественной промышленности, прошедшая в 1966 году в Парижском музее декоративных искусств, произвели резонанс. Началась активная работа по собиранию, систематизации и анализу произведений искусства 1920–30-х годов.

В 1980–1990-е годы был проведен сравнительный анализ произведений искусства европейского и американского вариантов Ар Деко. В русле этой работы были подготовлены и представлены зрителю масштабные международные художественные выставки. В конце 1990-х годов Ар Деко представлялся полноценным стилем, сопутствующим всему модернистскому движению, пережившим расцвет Интернационального стиля и откликнувшимся в постмодернизме.

В России интерес к стилю возник в 1970-е годы, когда у исследователей появилась возможность изучения российского искусства в общемировом контексте. Традиционно российские исследователи причисляли стиль 1925 года к периоду позднего модерна. Только в 1990-е годы в отечественном искусстве была преодолена граница между авангардом и не авангардом, в результате чего был открыт Ар Деко в России. К проблематике стиля обратились такие видные российские ученые, как А. Иконников [3], В. Л. Хайт, М. В. Нащокина [4], А. В. Петухов [5, 6], Т. Г. Малинина [7], которые подняли изучение феномена Ар Деко на достаточно высокий теоретический уровень. Однако малоизученными вопросами по-прежнему остаются особенности развития регионального варианта Ар Деко в городах России. Также дело будущего – синхронизация проявлений стиля Ар Деко во всех видах искусства и странах мира.

Целью публикации является выявление культурных и художественных основ и особенностей развития стиля Ар Деко. К числу основных задач относится синхронизация этапов развития архитектуры Ар Деко в России, Европе и Америке.

Стиль Ар Деко зародился в лоне позднего модерна и концентрировался в русле декоративно-прикладного искусства, вставшего на рельсы промышленного дизайна. Центрами раннего этапа стиля Ар Деко явились Венские художественные мастерские, «Общества художников-декораторов» во Франции, школа Глазго, Амстердамская экспрессионистская школа, немецкий Баухауз, которые последовательно пропагандировали концепцию «новой декоративности». Свою роль в укреплении декоративного стиля сыграла и традиционная иерархия искусств, согласно которой декоративные виды искусства не входили в ранг высоких и подвергались откровенной дискриминации. В ответ на такое положение художники-декораторы стремились к объединению, организации выставок декоративно-прикладного искусства и привлечению на производство и к участию в выставках большего числа художников различных направлений. Таким образом, декоративный стиль насыщался модернистскими и неоклассическими идеями, авангардными формами и новым современным духом.

Свое название стиль Ар Деко получил по названию проводившейся в 1925 году в Париже международной выставки декоративных искусств и современной промышленности. Утверждение стиля Ар Деко стало возможно во многом благодаря стилю Ар Нуво. Многие художники 1920-х годов восхищались стилем Ар Нуво и видели в нем настоящую революцию. Само название стиля Ар Деко возникло по аналогии с Ар Нуво. Да и задачи, которые ставили перед собой родоначальники обоих стилей, схожи: освобождение от традиций и имитаций. Но при сравнении стилей

следует учитывать исторические изменения в Европе и переворот, совершенный авангардистами, после которых искусство уже не могло быть прежним. Стиль Ар Деко не мог пройти мимо конструктивности и геометризма нового принципа формообразования, вследствие чего орнамент сплавлен воедино с конструкцией предмета, а в его формах преобладают геометрические фигуры.

В последующее за выставкой десятилетие стиль Ар Деко получил широкое распространение в мире. Различная политическая и социально-экономическая обстановка в странах, а также всеядность стиля привели к разделению его на три ветви:

- 1) укрепление позиций модернистского движения;
- 2) искусство, подвергшееся влиянию власти и идеологических установок (Россия и Германия);
- 3) расцвет дизайна и архитектуры в США.

Эволюцию стиля в межвоенные годы в Европе определили три события:

- 1) колониальная выставка, проходившая в Париже в 1931 году;
- 2) отделка интерьера нового французского трансатлантического лайнера «Нормандия», вступившего в строй в 1935 году;
- 3) Международная выставка 1937 года в Париже.

Примерами стиля Ар Деко представляются павильоны французских магазинов на Всемирной выставке 1925 года в Париже: «Галерея Лафает», авторы Жозеф Ириар, Жорж Трибо, Жорж Беа, и павильон «Примавера», архитектурное ателье «Анри Соваж и Жорж Вибо». Между ними не было единого архитектурного решения, но сама постановка задачи перед авторами этих павильонов и варианты ее решения находятся в русле стиля Ар Деко. Декоративные элементы имеют либо фигуративную, изобразительно-повествовательную основу, либо обобщенно геометризованный характер. Формы подражают динамике и формам природы (наследие Ар Нуво) и новых транспортных средств, что являлось знаком приобщения к современному миру машин. Несмотря на то что павильоны были временными, при их строительстве использовались новые, дорогостоящие материалы: полированный, шлифованный или грубо околотый гранит, керамика, позолота, дерево редких пород, натуральная и искусственная кожа, стекло, легкие металлы, пластмассы.

В отличие от европейского, так называемого «потерянного стиля», модернистик стал официальным стилем Америки. Для его утверждения потребовались не только силы архитекторов, но и административных органов. США не представили своей экспозиции на выставке 1925 года. Однако задолго до ее открытия министерство торговли США назначило

комиссию, которая должна была подготовить доклад, содержащий выводы о необходимости использовать новые европейские художественные достижения для внутреннего рынка. А в 1929 году в США состоялась выставка американских архитекторов «Архитектор и индустриальные искусства», главным требованием которой было современное и американское решение проекта. Кроме того, утверждению стиля Ар Деко способствовал строительный бум в крупнейших городах Америки, в связи с чем в 1916 году был разработан закон «Земельное право», содержащий рекомендации по проектированию высотных зданий.

Успешная реализация стиля модернизм в Америке связана с решением проблемы взаимоотношений художника и публики. Архитектура Америки тех лет была преимущественно коммерческой и должна была удовлетворять вкусы заказчика и среднестатистического потребителя. Стиль в Америке не связан с элитарным художественным вкусом и не имеет холодной, интеллектуальной формы. Модернизм должен привлекать внимание, развлекать, быть доступным для понимания и в то же время поражать воображение обывателя.

На ранней стадии развития модернизм синтезировал в себе достижения немецкого консервативного экспрессионизма, венских мастерских и французского стиля 1925 года. Значительное влияние на формирование стиля оказала архитектура древних цивилизаций Америки и Древнего Востока. Типологически стиль модернизм разделяется на два этапа: зигзаг-модерн и обтекаемый модерн. Первый представляет собой раннюю форму стиля. Здания зигзаг-модерна имеют ступенчатую форму с ярко выраженным движением по вертикали (Радиатор билдинг, архитектор Р. Худ). Второй реализовался в невысоких сооружениях, имеющих обтекаемые формы стен, гибкие округлые линии (здание завода компании «Кока-кола», архитектор Р. В. Дерра). Образцами Ар Деко в Америке были созданные с 1926 по 1929 годы Барклай Визи билдинг (С. Фурхис, Р. Уолкер, П. Гмелин), здание Страховой компании (Э. Ж. Кан), Лоуэл Билдинг (Г. Черпел, Г. Липман), Крайслер билдинг (У. ван Ален).

В основе сооружения находился стальной каркас, который облицовывали камнем или кирпичом по принципу театральных декораций. Декоративное оформление из сплавов металлов изготавливалось на промышленных предприятиях и представляло собой стилизованные изображения восходов солнца, облаков, фонтанов, цветов. Декоративные эффекты увеличивались благодаря использованию контрастных цветовых соотношений, элементов ручного декора. При этом вертикаль являлась доминирующей в архитектуре стиля.

Отдельно следует сказать о пафосе архитектуры Ар Деко. На протяжении всей эволюции этого стиля, независимо от господствующих политических режимов стиль, Ар Деко всегда служил выражению радости жизни, торжества, изобилия, успеха. А благодаря широкой социальной направленности, стиль реализовался в нескольких типах построек: частные дома, здания общественного характера (театры, магазины, павильоны, вокзалы), репрезентативные сооружения для органов муниципальной и общегосударственной власти, промышленно-производственные сооружения.

В 1920-е годы в искусстве России главным стилеобразующим фактором стал конструктивизм, впитавший в себя творческие принципы художников-авангардистов. Рука об руку с конструктивизмом шло производственное искусство, которое органично сочеталось с революционным настроением в обществе и строительством новой творческой жизни. Характерной особенностью творчества художников-конструктивистов являлась замена композиции – конструкцией. При этом зачастую конструкции были дополнены декоративными приемами таким образом, что представляли собой аналог европейского Ар Деко. Конструктивизм называют стилем, что отчасти справедливо, поскольку, несмотря на свою умозрительность, его реализация на практике соприкасается со стихией реального стилеобразования.

После 1925 года конструктивизм столкнулся с неавангардным искусством, развивавшим идеи позднего модерна. В 1929–1934 годах в России были созданы паритетные архитектурные сооружения, органично сочетавшие конструктивистскую концепцию синтеза и декоративность модернистского направления. Благодаря такому столкновению обогащалась стилевая сфера и обновлялся язык искусства. Примером «равновесного» варианта стиля является дом архитектора К. Мельникова. Объем дома представляет собой два врезанных на 1/3 друг в друга цилиндра диаметром по 10 метров и высотой 8 и 11 метров. Окна имели форму ромба и создавали эффект кадрирования видовой панорамы. Главное помещение дома – большая мастерская архитектора, которая выходит застекленной стеной на главный фасад. Внутренние помещения, мебель, убранство комнат напоминают обстановку русских частных домов эпохи модерна, а сама конструкция имеет конструктивистский характер.

Другим примером синтеза экспериментального и традиционного стал мавзолей В. И. Ленина, работы А. В. Щусева. Перед Щусевым стояла сложная задача: объединить некрополь и трибуну таким образом, чтобы он органично вписался в ансамбль Кремля. В интерпретации Щусева Мавзолей стал архитектурным центром площади, одновременно растворяясь в ее целом.

В 1930-е годы в искусстве России намечается очередной перелом. В силу политических, исторических, идеологических установок искусству был дан курс на удовлетворение потребностей массового вкуса. Стилевым ориентиром для нового курса стал неоклассицизм, интерпретированный через конструктивистскую модель художественного творчества. В структуре архитектурного произведения на первый план выходят декоративные элементы, конструктивные занимают подчиненное место. Наиболее характерными стилевыми признаками были масштабность, геометричность форм и объемов, динамика композиционных построений, гипертрофия и упрощение ордерных форм. Последняя стадия стилевого цикла делится на три временные фазы: довоенную, военную, послевоенную. Русские архитекторы никогда не использовали термин Ар Деко, но при создании проектов часто руководствовались впечатлением от увиденного в Европе и Америке. Русский вариант Ар Деко представляет собой комплекс, включающий мотивы позднего русского модерна, венского и французского вариантов Ар Деко, американского стиля небоскребов и отечественного конструктивизма.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить:

1. Стиль Ар Деко сформировался в лоне позднего модерна и был назван также по ассоциации с ним. Ар Деко включает в себя следующий этапы: формирование стиля 1908–1912 годы; стиль 1925 года (собственно Ар Деко); стиль 1930-х годов; американская версия стиля Ар Деко – модернист.

2. Процессы стилеобразования в странах Европы, России и Америке имели общие истоки и в целом проходили синхронно. Принципы формообразования стиля основывались одновременно на двух началах: поздний модерн и авангард. При этом значительное влияние на формирование стиля оказало приподнятое настроение в обществе в конце 1920-х и 30-е годы. Стиль Ар Деко был призван передать атмосферу благополучия и радости жизни.

3. Различием европейского и американского вариантов стиля является разное решение проблемы взаимоотношений общества и художника. В Европе стиль Ар Деко оставался элитарным, малопонятным и недоступным. В Америке архитектура Ар Деко была изначально коммерциализированной, вследствие чего художник должен был удовлетворять заказчика, создавая произведения, доступные для понимания и соответствующие потребительскому вкусу. Русский вариант стиля испытал на себе оба способа решения проблемы, эволюционируя от элитарного конструктивизма до угождения массовому вкусу в классицистической стадии Ар Деко.

Литература

1. Малинина, Т. Г. К вопросу об изучении феномена Ар Деко [Текст] / Т. Г. Малинина // Искусствознание. – 1999. – № 1. – С. 379–412.
2. Хиллер, Б. Стилль ар деко [Текст] / Б. Хиллер, С. Эскритт. – М.: Искусство – XXI век, 2005. – 240 с.
3. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность [Текст] / А. В. Иконников. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – Т. 1. – 655 с.
4. Хайт, В. Архитектура Ар Деко: генезис и традиция [Текст] / В. Хайт, М. Нащокина // Искусствознание. – 1999. – № 2. – С. 530–551.
5. Петухов, А. В. Ар Деко и художественная жизнь Франции I четверти XX века [Текст] / А. В. Петухов. – М.: Макс Пресс, 2002. – 174 с.
6. Петухов, А. В. К вопросу о сложении Ар Деко во французской художественной культуре (конец 1900 – начало 1910-х годов) [Текст] / А. В. Петухов // Искусствознание. – 2004. – № 2. – С. 142–163.
7. Малинина, Т. Г. Формула стиля. Ар Деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции [Текст] / Т. Г. Малинина. – М.: Пинакотекa, 2005. – 304 с.

Н. С. Василькова

ФОТОГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

В конце XX века на постсоветском пространстве произошли значительные изменения, последствия которых для современного общества не могут быть оценены в настоящее время в полной мере. Помимо социальных и экономических перемен не менее важными являются изменения в культурной жизни общества. Эти изменения закладывают основу ценностной ориентации будущих поколений и способствуют формированию новых социальных отношений в современный период. Как показывают некоторые исследования [см.: 4, с. 160–162], отказ от ценностной системы советского периода, медленное формирование новых культурных ценностей и активное продвижение развлекательными средствами массовой информации эталонов западной культуры негативно сказываются на состоянии социокультурной среды в нашей стране. Так, уровень культуры общения и досуга основной части населения значительно снизился, ценностные ориентиры переместились в сторону материально-бытовых реалий. В связи с коммерциализацией художественная культура все чаще отождествляется с китчем и поп-культурой, эта тенденция затронула и такие ее сферы, как высокое и народное искусство. Кроме этого, средства массовой информации в большей степени формируют потребительское

отношение к артефактам художественной культуры, в отличие, например, от народной художественной культуры, которая предполагает активное соучастие автора и зрителя в творческом процессе. Другими словами, художественная культура, с одной стороны, благодаря новейшим технологиям стала более доступна и расширила сферу своего влияния, с другой стороны, потребность в художественном творчестве подменяется потреблением продуктов массовой культуры [см.: 1, с. 175–178].

Особенно остро эти проблемы проявляют себя в отношении молодого поколения, для которого престижность в материальном плане и обладание модными атрибутами всегда являлись приоритетными в силу еще не сформированной личностной системы ценностных ориентиров и эталонов. Одновременно суггестивное воздействие массовой культуры, недолговечные произведения которой осуществляют лишь функцию развлечения, не способствует формированию художественного вкуса и развитию творческого мышления [см.: 5, с. 142]. Противостоять негативному влиянию может лишь «комплексное воздействие всех видов искусства» [4, с. 223]. В еще большей степени важно не только воздействие искусства, но и занятие художественным творчеством. Трудоемкие народные ремесла, занятия музыкой, хореографией, театром требуют от человека не только времени и желания, но и способностей, иначе без результата и успеха теряется интерес к занятиям. Поэтому любая форма художественного творчества, способная заинтересовать и увлечь большое количество людей, представляет особую ценность для общества.

Если негативные моменты современного состояния культуры принять как неизбежный фактор процесса трансформации общества, то возникает необходимость поиска и развития позитивных моментов, ибо однозначно отрицательно оценивать сложившуюся ситуацию в культуре нерационально. В частности, последние десятилетия активно способствовали обновлению и расширению выразительных средств в различных видах искусства, например, появились компьютерные технологии и специальное программное обеспечение, которые позволяют заниматься музыкой, мультимпликацией, компьютерной графикой и другими формами творчества. Интернет сегодня является одновременно глобальной галереей, музыкальным залом и библиотекой. Другими словами, современные технологии, мода и массовая культура создали благоприятные условия для развития синтетических форм художественной культуры. Например, возвращение моды на фотоискусство, подкрепленное фирмами-производителями современной цифровой фототехники. Массовость фотографии обусловлена ее доступностью и возможностью реализовывать потребность личности в художественном творчестве для себя, а нередко и для общественности, если работы размещаются в виртуальных галереях.

Кроме классической фотографии, когда изображение обладает достоверностью, а художественная выразительность достигается за счет светотени, ракурса и композиции, новый виток развития, благодаря цифровым технологиям, получила и «фотографика». Современное понимание фотографии изучено пока крайне мало. В. Д. Курушин в книге «Графический дизайн и реклама» определяет фотографику как раздел графического дизайна, область творчества, отдельное произведение и соответствующее художественное средство. Фотографика, по его мнению, основывается на синтезе фотографии, рисунка и текста, когда ведущую роль в изображении играет фотография, а остальные элементы усиливают ее воздействие на зрителя или дополняют необходимую информацию [см.: 2, с. 87].

В период, предшествующий цифровым технологиям, фотографика считалась видом и приемом графики, суть которого заключается в переводе фотоспособом полутонного изображения в штриховое [см.: 3, с. 416]. Сущность фотографии выражается синтезом фотографии, графики, науки, техники и искусства. Каждый из этих видов человеческой деятельности, развиваясь, привносил что-то новое и в фотографику. Так, еще на заре развития фотографии, фотохудожники пытались внести в фотографическое изображение изменения, приукрасить реальность или создать знаковое изображение. Примерами такого творчества являются фотограммы Г. Ф. Талбота, подкрашенные дагерротипы и фотографии, комбинированная фотография О. Рейландера, художественная ретушь, коллаж и фотомонтаж эпохи авангарда. Основной целью фотографии того периода было творческое самовыражение автора и творческий поиск новых художественных форм.

Таким образом, фотографика как вид художественного творчества позволяет автору выражать свой внутренний мир и создавать новые образы реальности. Ценность фотографии заключается в установке автора на творчество, в результате которого создается произведение на основе фотоизображения, обогащенного новым содержанием за счет графики, монтажа или другого метода манипулирования.

Как отмечалось выше, компьютерные технологии значительно расширили круг выразительных средств фотографии, что позволило создавать качественно новые изобразительные композиции. В настоящее время основной сферой применения фотографии и областью профессиональной деятельности являются графический дизайн и реклама. Работы, созданные в этих направлениях, являются основными показателями современного уровня развития фотографии, которая сегодня все больше заполняет визуальное пространство культуры. Но, в силу специфики рекламной коммуникации, большая часть фотографических композиций

носит информационный характер, и изображение в них играет вторичную роль в сравнении с текстом, например, реклама в газетах, листовки и т. п. Кроме того из-за экономии ресурсов на рекламу эти фотографические изображения создаются непрофессионально, по заданному шаблону, следовательно, не представляют художественной ценности. Другая часть фотографических композиций, формирующих имидж рекламируемых товаров, напротив, создается по законам высокого искусства с подчеркнутой изысканностью стиля. Такие изображения публикуются в дорогих «глянцевых» журналах и могут претендовать на признание их высокой художественности, как в середине XIX века современниками были оценены рекламные плакаты А. Тулуз-Лотрека, Ж. Шере, позже А. Мухи и И. Я. Билибина, исполненные методами ксилографии и литографии. Также пропагандистские плакаты, выполненные в 20-х годах XX века А. Родченко, Э. Лисицким и другими, создавались в первую очередь как средство массовой коммуникации и как средство формирования нового мировоззрения. Художественная ценность этих произведений являлась фактом профессионализма создателей. Фотографика сегодня может по праву считаться профессиональной сферой деятельности, так как пользуется большим спросом в рекламной и издательской деятельности. Это позволяет говорить о сформированной инфраструктуре ее, как вида художественного творчества, в которую включены такие элементы, как профессиональная литература, специализированные периодические издания, конкурсы и выставочная деятельность, «сообщество» увлеченных фотографией в сети Интернет и система профессиональной подготовки специалистов.

Ввиду специфики фотографии как раздела графического дизайна, профессионалами в этой области признаны графические дизайнеры, получившие профильное образование и работающие по специальности. За последние десять лет в Российской Федерации специалистов в области графического дизайна готовят большей частью гуманитарные высшие учебные заведения. Эта специальность открыта в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Кемерово, Томске, Красноярске и других городах. Дисциплина «Фотографика» включена в цикл специальных дисциплин федерального компонента специальности «Графический дизайн». В процессе обучения студенты знакомятся с методами и приемами фотографии, ее выразительными средствами; на практических занятиях создают фотографические композиции, коллажи, рекламную продукцию с использованием фотоизображений. Взаимодействие курса «Фотографика» с другими дисциплинами специальности позволяет достичь студентам-дизайнерам высокого уровня подготовки и

владения средствами фотографии. Таким образом, современная теоретическая база фотографии нарабатывается в системе высшего профессионального образования.

Для популяризации и развития фотографии в художественной культуре необходимо наличие специальной литературы, учебников, каталогов, самоучителей, альбомов. В ходе исследования нами были выявлены четыре основных направления подготовки литературы: 1) самоучители и учебники по программе **Adobe Photoshop**; 2) **литература по теории и практике фотографии**, в том числе цифровой; 3) литература по теории графического дизайна; 4) литература по общей теории изобразительного искусства. Однако очевидно недостаточное количество изданий, посвященных теории и практике фотографии. В специальной литературе они представлены как раздел дизайна или цифровой фотографии, без должного рассмотрения особенностей языка, художественных приемов, выразительных средств.

Компенсировать недостаток информации по вопросам фотографии частично позволяют периодические издания по фотографии, такие как «Фотодело», «Фото и видео», «Фотомастерская», «**Digital photo**» и «**Digital Camera**». **Эти издания предназначены для широкого круга профессионалов и любителей**, в них публикуются материалы по технике съемки, по истории фотографии, уроки **Adobe Photoshop по ретуши и созданию фотографических изображений**. Эти издания размещают также портфолио авторов. Редакции этих изданий постоянно активизируют читательскую аудиторию различными конкурсами, результаты которых также размещаются на страницах журналов. Важно отметить, что перечисленные журналы имеют и виртуальный формат, что расширяет их читательскую аудиторию и способствует увеличению числа сторонников фотографии и фотографии.

Выставочная деятельность в большей степени охватывает чистую фотографию, историю фотоискусства, в том числе таких направлений, как пикториализм, фотомонтаж, пропагандистская фотография. Для современных авторов на профессиональном уровне организуются портфолио-ревью, мероприятия по просмотру авторитетным жюри работ, оформленных в формат портфолио. Наиболее престижными организаторами фотографических мероприятий в России являются «Союз фотохудожников России», «Московский дом фотографии», «Русский музей фотографии» (Нижний Новгород), «Музей истории фотографии» и Информационный центр «ФотоДепартамент» (Санкт-Петербург). Кроме этих организаций, выставочной деятельностью занимаются независимые кураторы, учреждения культуры и образовательные учреждения.

Современная инфраструктура фотографии имеет преимущественно виртуальный характер, удовлетворяя потребность в творчестве, общении и познании. Современные информационные технологии позволяют достаточно быстро создавать субкультуру «сообщества» увлеченных фотографией. Увеличение количества пользователей Интернет-ресурсов способствует умножению сайтов, виртуальных галерей, он-лайн журналов и персональных страничек авторов. Помимо стабильных ресурсов, посвященных фотоискусству, в сети постоянно проводятся несколько тематических конкурсов, организованных крупнейшими провайдерами – Яндекс, Рамблер и др. Новичок, профессионал или любитель, принимая участие в конкурсах, в Интернет-галереях, сразу получает критический отзыв и рекомендации наиболее опытных мастеров. Такой подход к фотографии обусловлен ее возможностью бесконечно вносить изменения в цифровой оригинал, и произведение может остаться незавершенным или сохраниться в нескольких вариантах. Главная особенность каждого фотографического изображения – это наличие идеи и индивидуальный стиль; чтобы получить известность и общественное признание, автор должен находиться в состоянии погруженности в творческий процесс, наблюдать, изучать исторический опыт и теорию изобразительного искусства, придумывать и создавать композиции, способные удивлять зрителя. В фотографическом сообществе разработана негласная квалификационная лестница, согласно которой на первом этапе автор должен принять участие в нескольких конкурсах и разместить свои работы в виртуальных галереях. На втором этапе, если работы замечены авторитетными изданиями («Фотодело», «Фото и видео», «Фотомастерская»), автору предлагают разместить свое портфолио на страницах этих печатных СМИ. И третий этап признания – сотрудничество с популярными журналами, участие в профессиональных выставках и фотобиеннале.

Таким образом фотографика, благодаря своей популярности, является одной из самых эффективных форм приобщения к художественной культуре. В ней наиболее тесно соприкасаются элитарное и массовое. Массовость обусловлена популярностью и доступностью фотографии как вида творчества, элитарность – сложной системой признания автора в профессиональной среде и неповторимостью каждой творческой работы.

В качестве вывода необходимо еще раз подчеркнуть не только значимость фотографии, но и проблему, заключающуюся в отсутствии фотографической школы, основанной на принципах и традициях отечественной культуры, так как многие средства информационной поддержки, о которых говорилось выше, ориентированы на западные образцы культу-

ры. Мы видим новые пути развития фотографии в активном ее слиянии с традиционными формами народной художественной культуры. Именно самобытность сюжетов и мотивов народного творчества привлекает внимание зрителя, заставляет размышлять и заниматься творчеством.

Литература

1. Костина, А. В. Культурология [Текст]: учебник / А. В. Костина. – М.: КНОРУС, 2008. – 320 с.
2. Курушин, В. П. Графический дизайн и реклама [Текст] / В. П. Курушин. – М.: ДМК Пресс, 2001. – 272 с.
3. Мильчин, А. Э. Издательский словарь-справочник [Текст] / А. Э. Мильчин. – М.: Юристъ, 1998. – 472 с.
4. Михайлова, Л. И. Социология культуры [Текст]: учеб. пособие / Л. И. Михайлова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 232 с.
5. Образование взрослых: опыт и проблемы [Текст] / под ред. С. Г. Вершловского. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 167 с.

Т. Э. Цветус-Сальхова

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК ПАНТОМИМЫ В ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Искусство есть значение тех внешних приемов, которыми раскрываются человеку жизнь, душа и разум, – умение владеть ими и свободно направлять их. Искусство есть нахождение знака, соответствующего сущности.

Ф. Дельсарт

С позиций информационно-семиотического подхода не только культура, но сам человек представляются в виде системы знаков, которые транслируются и имеют возможность материализоваться в различных проявлениях человеческого существования.

Представленные современными исследователями основные типы знаков, такие как естественные, функциональные, конвенциональные (условные), иконические, вербальные (естественные языки), знаковые системы записи, являются первичными знаковыми средствами культуры [1, с. 117], составляющими своеобразную базу, на основе которой создаются другие языки – «вторичные моделирующие системы», или вторичные знаковые системы. По мнению представителей тартуско-московской школы Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, Б. А. Успенского и др. – это

семиотические системы более высокого уровня. Они имеют более сложную структуру, которая позволяет в разных ракурсах моделировать окружающую реальность. Многообразие подобных систем, их более высокий уровень организации позволяет отражать явления различных форм культурного мира, таких как философия, религия, мифология, политика, телевидение, Интернет. Из синтеза таких знаковых систем и состоит язык искусства. Разные виды искусства – это совершенно оригинальные варианты слияния различных вторичных знаковых систем. Так, например, искусство театра представляет собой целостность, невероятно сложную по составу и многообразию входящих элементов, а также по вариативности форм связей, возникающих между составляющими этой целостности. С течением времени вторичные моделирующие системы, так же как и естественные, претерпевают изменения, но неизменной характеристикой как первых, так и вторых остается «способность – быть носителем информации» [2, с. 21].

Одним из таких языков культуры является язык телесных проявлений, или язык тела человека. По содержанию он передает не меньше информации, чем естественный язык, но по качеству информация, транслируемая языком тела, имеет свою специфику – она более эмоциональна, конкретна и доступна.

Чтобы многое рассказать, не всегда требуется речь. Язык тела часто бывает выразительнее и красноречивее слова; телесные «высказывания» несут информацию, которую невозможно облечь в словесную форму, но от этого она не становится менее значимой. «По разговорам человека можно заключить, чем он хочет казаться. Однако то, что он собой представляет в действительности, надо стараться угадать по мимике, сопровождающей его слова, или по жестам, то есть по произвольным его движениям... Узнав, что этот человек произвольно управляет выражением своего лица согласно своей воле, мы перестаем верить его лицу», – говорил Ф. Шиллер [цит. по: 8].

Движения человеческого тела обладают значительными и своеобразными познавательными-эстетическими возможностями, отличающимися от возможностей речи. В физических движениях воплощается целостный облик людей. Например, человека можно «познать», в полном смысле, лишь непосредственно наблюдая за его действиями: что-то делая, как-то проявляющим себя в движениях тела, жестикуляции, мимике.

Хорошим примером вышесказанного является такой вид театрального искусства, как пантомима. «Пантомима соткана из знаков» [3, с. 50].

Очень верно составитель прекрасного сборника «Пантомима XX века: сценарии и описания» Е. В. Маркова уже в своем вступлении акцентирует внимание на краеугольном тезисе основоположника современной

пантомимы Э. Декру о том, что пантомима являет собой суть способа драматической игры [см.: 4, с. 5–8]. Это приводит к мысли, что пантомима есть основа актерского искусства вообще, так как является сценическим действием, которое находит выражение исключительно в пластике, в мускульном движении. В этом смысле пантомима не существует как самостоятельный вид пластического искусства, а принадлежит искусству театра вообще в качестве важнейшего его компонента, который составляет наглядно-зрительную сторону сценического действия.

Известно, что драматический театр возник из пантомимы, которой в свою очередь предшествовали синкретические пляски и игрища, имевшие ритуальный и магический характер. Со временем, пантомима стала сопровождаться отдельно рассказываемым текстом, который играл роль аккомпанемента зримого действия. Следы этого преддраматического театра мы находим в культурах Индии, Китая, Японии. След этого театра в Европе – хор античных трагедий.

Это непростое искусство. У него тысячелетние традиции, своя история.

Первая пантомима была связана с периодом образования городов и возникновением их непременных спутников – городских ярмарок. И, прежде всего, это относится к европейским странам: Италии, Франции, Англии.

Люди на эти ярмарки стекались отовсюду и не только, чтобы что-то купить или продать, но и для того, чтобы посмотреть яркие удивительные ярмарочные представления. Выступали в этих действиях герои, которые были узнаваемы людьми разных сословий, так как они видели в них себя и своих правителей.

Шутки, песни, акробатические трюки – все это было здесь. Но была еще и соответствующая форма жеста, движения, позы, специфически укрупненная форма пластики.

Ярмарочные шуты, скоморохи, акробаты были профессионалами своего дела. Они осознавали, что даже очень громко сказанное слово до последних рядов не долетит. А вот движение – широкое, выразительное, точное, емкое по своему смыслу – увидят все. Но не стоит забывать, что это движение должно было быть не только крупным, но и быть узнаваемым народом, так как именно оно в наибольшей степени являлось главной характерной чертой именно данного персонажа.

Так жизнь и профессия диктовали точные законы отбора, законы стилизации жанра пантомимы.

Само понятие «пантомима» неоднозначно, оно имеет несколько толкований. Так пантомима по Далю: «1) выразительное движение, немое

объяснение, передача чувств или мыслей лицом и всем телом; 2) род балета, драматическое зрелище без речей, немая игра; пантомимическое, мимное зрелище» [5, с. 15].

Это понятие кратко и понятно. Но оно не совсем верно, что касается его определения – «род балета». Это два разных вида искусства, которых объединяет одно – это жест. И если «танец – эта та сфера человеческой жизни, в которой каждый может чувствовать себя специалистом» [6, с. 7], то пантомима – это искусство, которое оттачивается годами.

Первым импульсом к появлению современной пантомимы стал призыв, провозглашенный молодым французским актером Этьеном Декру – «Голый человек на голой сцене». Только следуя этому воззванию, по его мнению, XX век мог обрести настоящий театр, отвечающий всем требованиям времени. Он оказался прав, но лишь через десятилетия, с выходом на сцену уже учеников Этьена Декру – Жанн-Луи Барро и Марселя Марсо – заговорили о появлении нового искусства – «*La mime*».

Вот как описывает одно из первых достижений на этом пути Жан-Луи Барро: «Я импровизировал, а он (Декру. – *прим. автора*) отбирал, классифицировал, запоминал, отметал. И мы все начинали сначала. Так на расчет знаменитого *шага на месте* у нас ушло три недели: потеря равновесия, противовесы, дыхание, изоляция энергии... Благодаря Декру я открыл для себя бесконечный мир мускулов человеческого тела. Его нюансы. Его алхимию. Мы начали вырабатывать новое сольфеджио жестов» [цит. по: 4, с. 18].

Питер Брук пишет в своей книге «Пустое пространство»: «Человек движется в пространстве, кто-то смотрит на него, и этого уже достаточно, чтобы возникло театральное действие» [цит. по: 4, с. 7]. Обратим внимание на высказывание Бориса Захавы: «Во сколько раз выше искусство какого-нибудь японского актера, запрягающего на сцене несуществующую лошадь, но так запрягающего, что зритель начинает ощущать присутствие этой лошади (не беда, что он ее не “видит”), – во сколько раз его искусство выше искусства того актера, который вытаскивает на сцену живую, настоящую лошадь и начнет ее запрягать на глазах у зрителей в настоящую телегу...» [цит. по: 4, с. 7]. «Удивительный ты человек. Я слышу, что ты делаешь, а не только вижу. Мне кажется: самые руки твои говорят», – воскликнул, увидев пантомимного актера, древнегреческий писатель Лукиан [7].

Примеры аналогичных высказываний можно множить.

Пантомима играла большую роль в истории и отечественного театра XX века. Так для Станиславского приоритетным был выразительный «психологический жест», Мейерхольд разрабатывал «биомеханику»,

Таиров искал в пантомиме залог «эмоционально насыщенной формы», Вахтангов модифицировал маски комедии дель арте.

Сегодня пантомима выросла в разновидность оригинального жанра. Несмотря на то что пантомимический номер может сопровождаться музыкой, что в нем могут присутствовать речевые и звуковые фрагменты (например, некоторые пантомимы В. Полунина), все же основным признаком искусства пантомимы является немая игра, игра при помощи движения, мимики, жеста. Они могут быть настолько выразительны, что актер способен взволновать или рассмешить своих зрителей, воссоздав перед ними человеческие характеры и истории, без единого произнесенного слова.

Пантомима – это соответствующая форма жеста, движения, позы, специфическая укрупненная форма пластики. Это именно то, что является основой при создании пластического образа.

Образ рождается в результате действия.

Действие в пантомиме осуществляется через стилизованный жест.

Что же такое жест?

Жест есть реализация эмоциональных состояний и оттенков этих состояний, любое телесное проявление в какой-то мере – трансляция внутренних переживаний. Это положение демонстрирует сложные физиологические процессы, свойственные психофизической природе человека. По мнению Г. Крейдлина, основным отличием жеста от физиологических движений тела человека является «знаковый» характер жеста [8].

Жест – пластико-пространственная конфигурация телесности, обладающая семиотически артикулированной значимостью [9].

Жест, как культурный феномен, имеет устойчивый в данной культурной традиции и осваиваемый в процессе социализации знак, обладающий стабильной семантикой. Жест – явление, возникшее на заре человеческой цивилизации. Жестикуляция исторически предшествовала речевому мышлению, подготавливала и стимулировала его. Вполне естественно, что и в качестве явления художественного творчества жест предварял музыкальное и словесное искусство. Этнографам XX века были известны африканские племена, в которых групповые танцы были единственной формой эстетической деятельности.

Возможности жеста многоплановы. Нередко физические движения человека выступают как условные знаки, тождественные словам (жестовые «да» и «нет»; палец у губ – знак молчания; язык глухонемых). Это своего рода жестовые понятия. Многие из них восходят к ритуалам (низкий поклон, рукопожатие).

Многие театральные культуры сохранили свою изначально жестовую культуру. Широко используются условно-знаковые сообщения

в театрах Китая, Японии, Индии. В индийском театре существует особая, широко разработанная система жестовых знаков – язык жестов Мудра. Мудра, это жест руки, имеющий определенное значение. Всего существует двадцать четыре основных жеста... Каждый мудра имеет свыше тридцати совершенно различных значений.

Европейский театр, в особенности театр классицистический, также опирался на условно-знаковую жестикуляцию. Жестово-мимические понятия и сегодня вполне полноценно и комфортно живут в балете (канонизированные пластические выражения гнева, мольбы, любовного порыва и т. д.). Однако в современном драматическом театре жест почти утратил функцию однозначно читаемого знака.

Художественный сценический жест очень сложен, вследствие своей многозначности, и не учитывать это обстоятельство в исследовании жестовой культуры актера нельзя. Представляя собой некое знаковое образование, жест несет в себе эмоционально-духовный смысл, который декодируется воспринимающей стороной, то есть зрителем. Причем, важно отметить, что декодирование и точное прочтение жестов или жеста может происходить только в конкретном заданном контексте. Именно в этой ситуации он (жест) «звучит» в пространстве вполне определенно, поскольку приобретает конкретное значение. Имеющая свою специфику, художественная информация, представляющая собой сплав идейного и чувственного, материализуется в сценическом жесте, наполняя его и мыслью и эмоцией.

Именно поэтому пантомимическое построение требует специально отобранного действия. Как в песне не может быть ни одного лишнего слога, так и в пантомиме – ни единого необязательного жеста. «Пантомима требует действия, согретого правдой жизни и логикой» [10].

Артисты как бы договариваются со зрительным залом о том, чтобы безмолвие на сцене, несуществующие партнеры, воображаемые предметы – короче говоря, вся система условности воспринималась зрителями как особая, вполне закономерная форма искусства. Именно в этой негласной договоренности заключено одно из условий художественного воздействия пантомимы на аудиторию. Зрителей, мало знакомых с этим видом искусства, приходится исподволь вводить в природу жанра. Вот почему Марсель Марсо свои выступления обычно начинал с так называемых «стильных упражнений» (упражнения, демонстрирующие технические виртуозные приемы: «перетягивание каната», «подъем по лестнице» и т. п.). С их помощью он, по его словам, постепенно и ненавязчиво подводит зрительный зал к восприятию сложно построенных сюжетных пьес.

Итак, мим способен очень многое рассказать, не вымолвив ни слова. Он один может показать на сцене целую компанию людей различных

характеров, создать впечатление, что идет дождь и дует ветер, разыграть в одиночку на голых подмостках программу цирка: скакать на несуществующей лошади, подымать гири, которых нет, ходить по гладкому полу, как по канату... Он может стать толстым или, напротив, тощим, изобразить сразу двух боксеров или оказаться на краю пропасти...

Пантомима – это рассказ зрителю жизненной истории, внутренних переживаний жестом, мимикой, мизансценой. Она является основным направлением театральной культуры, где сценическое действие является выразителем жизни как отдельного человека, так и общества в целом.

Литература

1. Культурология [Текст] / ред.: Солонин Ю. Н., Каган М. С. – М.: Юрайт, 2005. – С. 117
2. Григорьянц, Т. А. Семиотика пластической культуры [Текст]: монография / Т. А. Григорьянц. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – 216 с.
3. Рутберг, И. Г. Пантомима. Опыты в мимодраме [Текст] / И. Г. Рутберг. – М.: Сов. Россия, 1977. – 111 с.
4. Пантомима XX века: сценарии и описания [Текст] / сост. Маркова Е. В. – СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2006. – 160 с.
5. Даль, В. Толковый словарь живого русского языка [Текст]: в 4 т. / В. Даль. – М.: Терра, 1995. – Т. 3. – 560 с.
6. Шкурко, Т. А. Танцевально-экспрессивный тренинг [Текст] / Т. А. Шкурко. – СПб.: Изд-во «Речь», 2005. – 192 с.
7. Лукиан. О пляске [Текст] / пер. А. И. Малейна. – Петроград, 1920.
8. Крейдлин, Г. Е. Семантические типы жестов [Текст] / Г. Е. Крейдлин // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. – М.: Наследие, 1998. – С. 174–184.
9. Жест [Электронный ресурс]: [статья в энциклопедии] / М. Л. Можейко. – <http://culture.niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/144.htm>
10. Славский, Р. Е. Искусство пантомимы. [Электронный ресурс]. – www.kstyati.ru
11. Карп, В. И. Основы режиссуры. [Электронный ресурс]. – <http://zhurnal.lib.ru>

О. В. Коханова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ XX ВЕКА

Попытки философского и эстетического осмысления музыкального творчества и условий его бытия имеют давние традиции не только в европейской, но и в отечественной научной литературе. Наибольшее развитие исследование проблем музыкальной эстетики историками, философами, искусствоведами и культурологами в России получило в XX веке.

Среди вопросов, привлекающих пристальное внимание ученых, постоянно интерес к специфике музыкальной эстетики эпохи модерна. Различные аспекты нашли отражение в монографиях, научных и критических статьях, диссертациях. Тем не менее, пока еще не получила достаточного осмысления общая картина развития отечественной музыкальной эстетики в прошлом веке. Это и определяет цель настоящей статьи: охарактеризовать основные направления развития отечественной музыкальной эстетики **XX века, проведя обзор трудов ведущих отечественных искусствоведов и музыковедов**. В дальнейшем это будет способствовать воссозданию и анализу целостной картины развития музыкальной эстетики эпохи модерна в контексте художественной культуры России.

Автор не ставил своей задачей полное освещение всех известных научных работ по данной тематике. Были выбраны лишь те, которые, с его точки зрения, в наибольшей степени отражают основные аспекты исследуемой темы.

Напомним, что состояние искусства к началу **XX столетия неизменно** воспринималось его свидетелями и современниками в контексте кризиса традиционных ценностных представлений. Имеется в виду, что на стыке **XIX–XX столетий окончательно утрачивается единство человека и мира, «непосредственное единство чувства и действия»**, являющееся, по Гегелю, условием «эпической концепции личности» [21, с. 7].

Важную роль для характеристики музыки и принципов ее организации того периода сыграла статья Н. А. Бердяева «Кризис искусства» (1918) [2]. В числе первых философов Н. А. Бердяев уловил причины кризиса, поразившего искусство начала **XX века. «Мы присутствуем, –** писал он, **– при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах... Нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его»** [2, с. 47]. По мнению Н. А. Бердяева, подобные явления происходили во всех видах искусства.

Бердяева поддерживает А. Блок, которого как поэта также волновали судьбы искусства. В статье «Крушение гуманизма» (1919) он пишет: «Всякое движение рождается из духа музыки, оно действует проникнутое им... Вся усложненность ритмов стихотворных и музыкальных (особенно к концу века), к которым эпигоны гуманизма были так упорно глухи и враждебны, есть не что иное, как музыкальная подготовка нового культурного движения, отражение тех стихийных природных ритмов, из которых сложилась увертюра открывающейся перед нами эпохи» [8, с. 65].

Как показывает опыт искусства **XX века, Н. А. Бердяев во многом был прав: он уловил крушение веры в относительную самодостаточность**

искусства, нетерпеливую идею жизнеперестроения (жизнестроения) и гибельную тенденцию к развоплощению искусства (отказ от «кристальных форм плоти мира»). С необычайной точностью Н. А. Бердяев зафиксировал столкновение двух художественных парадигм – «ренессансной» (традиционной для искусства Нового времени) и авангардной. Кроме того, он первым увидел в поэтике современного искусства рождение нового художественного мира. Именно тогда появился русский «авангард», поставивший принцип фигуративности под сомнение. Так началась эпоха модерна, позволившая не только музыкантам, но и философам, поэтам увидеть в музыке некую избранницу среди других искусств, которой более всех других подвластно «неизмеримое», «непостижимое», «неизреченное».

Среди музыкантов, в свою очередь, возрос интерес к философской мысли. И собственное творчество, и музыкальная культура в целом – для них предмет глубокого мировоззренческого осмысления. Многие выдающиеся музыканты – среди них А. Скрябин, И. Стравинский – обстоятельно рассматривали философские, эстетические, общесоциологические проблемы музыки. «Музыка, – писал Стравинский, – единственная область, в которой человек реализует настоящее... Феномен музыки дан нам единственно для того, чтобы внести порядок во все существующее, включая сюда прежде всего отношения между человеком и временем» [12, с. 57]. А. Скрябин в начале XX века придавал музыке священнодейственное и космическое значение [см.: 21, с. 12].

Попыткой ответить на некоторые вопросы того периода было развитие идей музыкальной герменевтики. Рождение герменевтики было предопределено процессом демократизации музыкального искусства. Разумеется, этот процесс был фактором прогрессивным, но одновременно углублялась пропасть между музыкой широкой аудитории и музыкой, требующей углубленного вслушивания и, можно сказать, определенного слушательского профессионализма, сколь ни парадоксальным выглядит такое словосочетание. Свидетельства тому представлены и в эстетической литературе. Так, И. Стравинский пишет: «Чем ярче проявляется индивидуальность автора, тем реже полное взаимопонимание между ним и публикой. Чем более он устраняет все, что приходит извне, что не является им, что не содержится в нем, тем более он рискует обмануть ожидания широких масс» [12, с. 54].

Однако события, последовавшие за революциями 1917 года, внесли коррективы. Многие проблемы музыкальной эстетики не получили развития. Так, в качестве новой теории в начале XX века формируется и семиотика музыки – наука о знаках и знаковых системах музыки. Но свое продолжение она будет иметь лишь в конце XX века.

Ситуация в значительной мере изменилась с появлением выдающегося труда «Музыкальная форма как процесс» (книга 1 – 1930 год, книга 2 – 1947 год), академика Б. В. Асафьева, который стал первой его масштабного исследования. В этой работе не только в отечественном, но и в мировом музыкознании вообще впервые был обоснован взгляд на музыкальную форму как на интонационное становление, как на драматургически организованное звуковое действие, результатом которого (а не причиной) является музыкальная композиция-схема. В дальнейшем выдвинутое Б. Асафьевым понимание музыки как «зеркала жизни» нашло горячую поддержку И. И. Соллертинского, выступившего в начале 1930-х годов с рядом статей (например, «Несколько слов о «Красном маке», 1929; «Вагнер и «Нибелунги», 1931; «Густав Малер и проблема европейского симфонизма», 1932 и др.), где оригинально трактовалась проблема симфонизма в тесной связи со специфическими проблемами реалистической музыкальной образности [см.: 9, с. 112].

Многие плодотворные идеи, заложенные в книге «Музыкальная форма как процесс», стали импульсом для трудов ученых – последователей Б. Асафьева. В итоге это привело к появлению серьезных научных результатов в данной области музыкальной науки. Как представляется, дальнейшее ее развитие пошло двумя путями.

Так, в значительной мере под влиянием асафьевских идей и их реализации, в некоторых работах была выдвинута концепция целостного анализа. Многие положения этой концепции были связаны с именами Л. В. Кулаковского, В. А. Цуккермана, Л. А. Мазеля и И. Я. Рыжкина (начало 1930-х годов). Суть целостного подхода к исследованию музыкального произведения заключалась в том, что на каждой стадии анализа (например, музыкального тематизма или образно-драматургического) музыкальное произведение демонстрируется как целое, как уникальный художественный объект. Термин «целостный анализ», как об этом пишет Л. А. Мазель [см.: 7, с. 118], принадлежит В. А. Цуккерману, хотя сам Цуккерман это отрицает [см.: 20, с. 56]. Но, в конечном счете, вопрос приоритета в данном случае не столь важен. Важно другое: и В. А. Цуккерман, и Л. А. Мазель на протяжении всей своей деятельности отстаивали, внедряли и собственными научными трудами пропагандировали эту концепцию, усматривая в ней и метод, и конечную цель аналитического подхода к музыкальному искусству.

Лучшие образцы целостного анализа (некоторые из них появились еще до формулировки этой теоретической концепции) свидетельствуют о том, что передача музыкальных впечатлений на языке слов требует, по сути, мастерского владения языком, точного попадания в выборе самих слов и их сочетаний, требует, следовательно, совмещения талантов слу-

шателя, интерпретатора и подлинного таланта комментатора. К числу таких работ относятся книги Б. В. Асафьева («Симфонические этюды», 1922 и «Евгений Онегин. Лирические сцены П. И. Чайковского. Опыт интонационного анализа стиля и музыкальной драматургии», 1944), книги Л. А. Мазеля («Фантазия *f-moll* Шопена. Опыт анализа», 1937) и В. А. Цуккермана (««Камаринская» Глинки и ее традиции в русской музыке», 1957) и ряд других. Все упомянутые работы, бесспорно, привнесли много нового в научные представления об анализируемых сочинениях и выдвинули немало плодотворных идей, обогативших музыкальную эстетику в целом.

Иной путь был намечен позднее. Во второй половине XX века в отечественном музыкознании стали появляться работы, также вдохновленные идеями Б. Асафьева, но направленные не на анализ отдельного художественного творения, а на постижение тех закономерностей, которыми в принципе отмечена вся область типических музыкальных структур. Получило развитие направление, которое выдвинуло новые задачи. В качестве основной перед анализом музыкально-эстетических явлений как наукой была сформулирована цель, заключающаяся в том, чтобы не просто описать с большей или меньшей подробностью и детализацией типические структуры, а чтобы вскрыть те закономерности, которые привели к их появлению, кристаллизации и к столь долгой исторической жизни.

Заметной вехой в этом направлении музыкальной эстетики стали работы В. П. Бобровского («Функциональные основы музыкальной формы», 1978) [3], Ю. Н. Холопова («Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления», 1982) [16], Ю. Н. Тюлина («Натуральные и альтерационные лады», 1971) [15]. В последние десятилетия XX века философско-эстетические и социологические проблемы музыкальной культуры исследовали в нашей стране философы и искусствоведы: В. Арсланов («Миф о смерти искусства», 1983), Е. Назайкинский («Логика музыкальной композиции», 1982), Г. Цыпин («Портреты советских пианистов», 1982) и др.

В советский период одними из основных теоретиков, определяющих методологию отечественной музыкальной эстетики, были А. Н. Сохор – автор трехтомного сборника статей «Вопросы социологии и эстетики музыки» (1983) [10] и Л. А. Мазель – автор книги «Статьи по теории и анализу музыки» (1982) [7]. А. Н. Сохор сформулировал принципы социологических подходов к музыкальной эстетике, что сыграло большую роль в развитии идей об особой природе выразительности музыки. В качестве методологических приемов в этом направлении им было предложено развитие принципов народности, симфонизма и интонационности.

Главная мысль, которой Л. А. Мазель придерживается в своей научной и педагогической деятельности, определяется стремлением сблизить теорию музыки с эстетикой. Как отмечает Л. Мазель, «такое сближение, потребность в котором остро ощущается в отечественном музыкознании, допускает и предполагает движение к цели с разных сторон» [7, с. 9]. Именно поэтому при исследовании музыки Л. Мазель идет от общих вопросов эстетики к анализу языка и целостных явлений музыкального искусства и от изучения музыки к формулировке и исследованию принципов художественного воздействия, общих для разных видов искусства (и потому приобретающих общеэстетический смысл), а затем и к их применению в музыке [см.: 7, с. 18].

В качестве еще одного направления получила развитие аксиология музыки. Большую роль сыграли здесь воззрения Алексея Федоровича Лосева (1893–1988). Единство философии, математики и музыки стало предметом особого труда А. Ф. Лосева «Музыка как предмет логики» (1927) [4]. В этой ранней книге, как и в одной из последних музыкальных статей – «Основной вопрос философии музыки» (1978–1979) [5], Алексей Федорович твердо отстаивает принцип независимости феномена музыки от физических и психофизиологических явлений и вообще от всякого натурализма и вульгарно-материалистических представлений. В труде «Музыка как предмет логики» при исследовании «феномена музыки» А. Лосевым ставится аксиологическая проблема: соотношение смысла и факта в музыке: «Да, конечно, музыка причинно, фактически зависит от законов физики, физиологии и психологии» [4, с. 638]. Но есть и «смысл музыки, то есть ее подлинный явленный лик, ее подлинный феномен» [4, с. 637]. «Истинный феномен музыки лежит вне физики и физиологии, хотя причинно и реально и невозможен без них» [4, с. 644].

Феноменологическое направление в музыкальной эстетике развивает Р. А. Тельчарова. В трудах «Музыка и культура» (1986) [14], «Введение в феноменологию музыки» (1991) [13] ею впервые в отечественной музыкальной эстетике раскрыты история, теория, современное состояние музыкальной феноменологии, содержание феноменологического подхода к анализу произведений музыкального искусства. Этот подход позволяет увидеть гуманистический способ воссоединения мира Музыки и мира Человека. Феноменология учит, что «невозможно отрицать тот факт, что каждый человек воспринимает и интерпретирует музыку по-своему, соотнося ее со своим слуховым опытом, преломляя сквозь призму своих мыслей и чувств» [13, с. 5].

Проблеме изменения понятия гармонии в музыке XX века посвящены труды Ю. Н. Холопова («О гармонии», 1961; «Очерки современной

гармонии», 1974 и другие) [17; 18]. Автор рассматривает стиль и особенности гармонического языка музыки **XX века, на основе анализа произведений композиторов XX века** делает выводы о сложившихся закономерностях современной гармонии.

Подводя итоги, можно констатировать следующее.

Наибольшее развитие исследование проблем музыкальной эстетики историками, философами, искусствоведами и культурологами в России получило в XX веке.

Также можно сделать вывод, что до XX века основными теоретиками в сфере музыкальной эстетики были философы, но уже в начале XX века не только философы обращались к исследованию эстетических идей, но и музыковеды.

На основе приведенного материала выделим следующие направления отечественной музыкальной эстетики XX века, которые получили свое наибольшее развитие: философское и эстетическое осмысление музыки эпохи модерна; музыкальная герменевтика; семиотика музыки; интонационное направление в музыкознании; концепции целостного анализа в музыке; обоснование методологии музыкальной эстетики; аксиология музыки; феноменологическое направление; гармоническое направление.

Возможно, подробное исследование направлений отечественной музыкальной эстетики XX века, выполненное на основе обзора трудов ведущих отечественных ученых, поможет проанализировать и воссоздать целостную картину развития музыкальной эстетики эпохи модерна в контексте художественной культуры России.

Литература

1. Асафьев, Б. В. О музыке XX века [Текст] / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка. Ленингр. отделение, 1982. – 199 с.
2. Бердяев, Н. Кризис искусства [Текст] / Н. Бердяев // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века: антология / сост. Г. А. Беляя. – М., 2003. – С. 47–67.
3. Бобровский, В. Функциональные основы музыкальной формы [Текст] / В. Бобровский. – М.: Советский композитор, 1978. – 312 с.
4. Лосев, А. Ф. Из ранних произведений [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
5. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
6. Мазель, Л. А. Вопросы анализа музыки [Текст] / Л. А. Мазель. – М.: Советский композитор, 1991. – 378 с.
7. Мазель, Л. Статьи по теории и анализу музыки [Текст] / Л. А. Мазель. – М.: Советский композитор, 1982. – 328 с.

8. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи [Текст]: сборник / А. А. Блок; автор вступит. статьи А. В. Лавров. – Тула: Автограф, 1997. – 607 с.
9. Соллертинский, И. И. Критические статьи [Текст] / И. И. Соллертинский. – Л.: Музгиз, 1963. – 183 с.
10. Сохор, А. Вопросы социологии и эстетики музыки: статьи и исследования [Текст] / А. Сохор. – Л.: Советский композитор, 1983. – Т. 1–3.
11. Сохор, А. Эстетическая природа жанра в музыке [Текст] / А. Сохор. – М.: Музыка, 1968. – 103 с.
12. Стравинский, И. Статьи и материалы [Текст] / И. Стравинский. – М.: Искусство, 1978. – 438 с.
13. Тельчарова, Р. А. Введение в феноменологию музыки [Текст] / Р. А. Тельчарова. – М., 1991. – 214 с.
14. Тельчарова, Р. А. Музыка и культура [Текст] / Р. А. Тельчарова. – М.: Знание, 1986. – 64 с.
15. Тюлин, Ю. Натуральные и альтерационные лады [Текст] / Ю. Тюлин. – М.: Советский композитор, 1971. – 187 с.
16. Холопов, Ю. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления [Текст] / Ю. Холопов // Проблемы традиций и новаторства в современной музыке. – М., 1982. – С. 90–108.
17. Холопов, Ю. О гармонии [Текст] / Ю. Холопов. – М.: Советский композитор, 1961. – 119 с.
18. Холопов, Ю. Очерки современной гармонии: исследование [Текст] / Ю. Холопов. – М.: Музыка, 1974. – 287 с.
19. Цуккерман, В. Анализ музыкальных произведений [Текст] / В. Цуккерман. – М.: Советский композитор, 1987. – 356 с.
20. Цуккерман, В. Музыкально-теоретические очерки и этюды [Текст] / В. Цуккерман. – М.: Советский композитор, 1970. – 412 с.
21. Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века [Текст]: антология / сост. Г. А. Белая. – М.: РГГУ, 2003. – 718 с.

Е. И. Лопатина

РОЖДЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ МУЗЫКИ В ЭПОХУ МОДЕРНА

Сегодня, в связи с широкой компьютеризацией общества, с активным развитием новых технологий, в век всеобщей компьютерной грамотности, становится актуальной проблема компьютеризации всех сфер жизнедеятельности человека, в том числе, проникновение технических достижений в различные виды искусства.

В XX веке, в условиях отказа от канонической системы мышления в культуре художники получили исключительное право на эксперимент. Не случайно, именно в первой трети XX века одновременно с переломом в мировоззренческих установках совершается переход к но-

вой художественной системе. Типичным свойством культуры минувшего столетия, которое развивалось под знаками экспериментов и открытий, становится, прежде всего, поиск новых форм в искусстве.

Особенно интересным явлением, носившим явно экспериментальный характер, была электронная музыка. Следует отметить, что рождение электронной музыки не было случайным. Использование новых технических средств было напрямую связано с бурным развитием науки и техники, что открыло новые возможности перед современной культурой [см.: 3, с. 24–30].

Как известно, **XX век – это революция в истории науки: был открыт** дробный квантовый эффект, реликтовое излучение, изобретен лазер, транзистор. Получила развитие атомная энергетика, космонавтика, генная инженерия. В технике произошла информационная революция: был создан компьютер, электронная почта, Интернет. Превалирование техники стало значительной и неотъемлемой частью культуры **XX века**.

У истоков проблемы взаимодействия искусства и новых технических средств стояли как отечественные, так и зарубежные ученые: Л. Переверзев, Б. Егоров, А. Моль, В. Фукс, М. Косслер. Их работы не дают полного представления о данной проблеме и посвящены, скорее, обсуждению положительных и отрицательных сторон данного явления.

Так, исследователь проблемы Л. Переверзев писал, что в опытах «машинного сочинения музыки моделируются лишь нотные тексты, но не сам процесс композиции» [6, с. 132]. Б. Егоров в отношении тех же опытов сочинения музыки на ЭВМ отмечал, это есть «прекрасный пример того, как не должны писать люди. С помощью машины как бы имитируется человеческая посредственность. Мы как бы получаем точную математическую формулировку того, что уже стало стандартом, трафаретом, по которому работают ремесленники» [2, с. 238].

Воспевая достоинства компьютера и выступая в защиту ЭВМ, которая могла запоминать, синтезировать и воспроизводить широчайший ассортимент аудио-визуальной продукции (музыку, шумы, речь, тексты, абстрактные и конкретные изображения, статические и динамические), – зарубежный исследователь А. Моль подчеркивает, что теперь каждый художник, занимаясь комбинаторикой этого разнообразнейшего знакового материала, будет создавать уже не просто новые произведения искусства, а новые виды искусства! И самое главное – потребность во всех прежних видах художественного творчества при этом исчерпывается и отменяется! Таким образом, искусство уже не просто лишается своих основных функций, как, например, отражение действительности, но и

каких-либо видовых признаков, рассыпаясь на множество отдельных, не связанных друг с другом и с действительностью художественных акций [см.: 4, с. 265–272].

На сегодняшний день существует множество работ, посвященных непосредственно практическому изучению компьютера, как средства усиления интеллектуальных способностей человека и повышения эффективности музыкального образования, а также использованию его в качестве «музыкального инструмента». Проблемами внедрения ЭВМ в музыкальное искусство и образование в конце XX века занимались А. А. Вербицкий, В. В. Медушевский, А. Г. Гейн, В. М. Цеханский, Л. П. Робустова, В. В. Мазепус, И. А. Даниленко, Б. А. Шиндин, Ю. Ю. Терентьев.

Целью настоящей публикации является попытка определения основных вех на пути исторического взаимодействия жанров академической музыки и инновационных технических разработок.

С рождением компьютера, большинство деятелей искусства не остались чуждыми техническому прогрессу. Перед ними открылись новые средства и возможности. Будущее возникло в недрах прошлого. Компьютерная музыка представляет собой своеобразный синтез электронной музыки (вида сонористики, где композиторы стремились создать новые тембры с помощью электронных средств) с идеями додекафонистов и постдодекафонистов. С появлением компьютерных технологий композитор получил возможность создавать и использовать (при наличии необходимого программного обеспечения) звук любого тембра. Современные технологии снимают все принципиальные тембровые ограничения. Сдерживающими факторами теперь могут являться только возможности имеющихся в наличии программ и умение композитора ими пользоваться.

При создании музыкальной композиции посредством компьютера композитор в простейшем случае имеет в своем распоряжении набор из 128 тембров, предоставленных так называемой звуковой картой. Композитор может редактировать имеющиеся тембры, а также путем синтеза (объединения нескольких тембров) создавать совершенно новые. Таким образом, в настоящее время приобретает большое значение о тембре, как выразительном средстве.

Но необходимо отметить, что процесс поиска новых средств начался задолго до появления синтезатора и компьютера. Сочиняя музыку для оркестра, композитор располагал довольно большим составом инструментов. Но, к сожалению, в определенный момент возможности классического инструментария для композиторов XX века были исчерпаны, и практически не представлялось никакой возможности изменить его тембровое наполнение в соответствии с новыми идеями. Это явление

было вполне понятным в рамках модернизма – ведущего направления в культуре XX века, главной целью которого являлось создание оригинальных произведений, основанных на внутренней свободе и особом видении мира автором. Модернистская идея тотального обновления преломилась в интересе к новым технологиям, а главное – в поиске новых выразительных средств.

Для того чтобы избежать ограничения, приблизительно с начала прошлого века композиторы стали придумывать различные тембровые сочетания и необычные исполнительские приемы. Некоторые музыканты для расширения тембровой палитры пытались использовать различные звучащие предметы. Так, например, уже Н. А. Римский-Корсаков ввел в оркестр набор «настроенных» посредством воды стаканов.

Обратим внимание и на еще один вектор композиторских экспериментов. Имеется в виду использование электронных музыкальных инструментов, начавшееся задолго до появления компьютера. Еще в 1919 году уникальный советский инженер и музыкант Лев Сергеевич Термен изобрел свой знаменитый терменвокс, который принято считать первым значительным изобретением в развитии электронной музыки. Терменвокс был предназначен для исполнения однополой мелодии, посредством движений рук в пространстве: приближение руки к вертикальной антенне вызывало повышение звука, а приближение к левой антенне – уменьшало его громкость. В силу разных причин, этот уникальный инструмент, как и многие другие изобретения Термена, не получил признания.

По словам Е. Мурзина: «За рубежом возникновение электронной музыки совпало с появлением авангардистского крыла в модернистской музыке. Она рождалась в водовороте борьбы школ современного искусства и превратилась не столько в направление музыкальной техники, сколько в школу музыкально-эстетического толка, примкнувшую к левому крылу авангардизма» [5, с. 28]. В 1928 г. во Франции были изобретены волны Мартено – инструмент, подобный терменвоксу. Первым композитором, который поверил в неограниченные возможности электронной техники, был Э. Варез. В 30-е годы им был написан ряд сочинений для электроинструментов с различными ансамблями (например «Экваториал» для медных ударных и терменвокса), а затем он пытался заинтересовать радио и граммофонные фирмы идеей создания студии или лаборатории электронной музыки. Известным произведением, в инструментальный состав которого входит терменвокс, является «Турангалила» О. Мессиана.

В середине 30-х годов группа музыкантов и инженеров, интересующихся новой проблемой, объединились в обществе АНТЕС («Автономнотехническая секция») с отделениями в Ленинграде и Москве. Главным

образом, они занимались изучением изобретенного доктором технических наук Е. А. Шалпо первого в мире электронного синтезатора звука, названного им «Вариафоном» (1929 год). Деятельность работы общества была прервана Второй мировой войной и возобновлена лишь в 1967 году, когда в Москве была открыта первая Экспериментальная студия электронной музыки. Интерес композиторов был направлен на два новых инструмента: эквотин, изобретенный А. Володиным, и «оптический синтезатор» Е. Мурзина, названный в честь великого русского композитора А. Н. Скрябина АНС-1.

Эквотин, созданный для имитации тембров акустических инструментов, обладал чувствительной клавиатурой, способной обрабатывать изменения давления на клавишу. В настоящее время большинство клавишных электронных инструментов (профессиональные модели синтезаторов **KORG, ROLAND, YAMAHA**) **имеет активную клавиатуру, у которой громкость звука зависит от силы нажатия на клавишу.**

Известно, что у АНС-1 входным устройством являлся некий своеобразный «графический планшет» из прозрачного материала с нанесенным на него слоем специальной, незасыхающей мастики. С помощью особой палочки в слое этой мастики прорисовывались точки и линии. Затем рисунок оптическим методом переводился в звук. В дальнейшем эту идею неоднократно реализовывали в виде компьютерных программ (**Sound-Forge, Cubase**), **переводя графику в звучание.**

Технология электронной музыки эволюционировала значительно быстрее, чем ее эстетика и, следует отметить, что многие композиторы избегали работать в этой нетрадиционной области. Лишь после войны электронная музыка начала развиваться как самостоятельная ветвь музыкального творчества. Несомненным является то, что рождение нового электронного направления стало не меньшей революцией в музыкальном искусстве, чем изобретение нотного письма, утвержденная И. С. Бахом темепрация и «стертые» ладовые тяготения А. Шенберга.

Первые радикальные эксперименты были осуществлены инженером П. Шеффером в Париже. Он работал с записями бытовых звуков, изменяя их при воспроизведении. Он конструировал пьесы, состоящие из шумов. Поскольку при создании композиции использовались естественные, «конкретные» источники звука, это направление получило название «конкретной» музыки. Первые композиции Шеффера («Этюды») были созданы в 1948 году. В это же время в Кельне вслед за Шеффером электронные композиции стали создавать Аймерг, Гуйваартс и др.

С 50-х годов в разных странах мира начали открываться студии – лаборатории для создания новой электронной музыки, в которых изобрета-

лись синтезаторы, использовались различные «трюки» с магнитофонной лентой. Однако это было довольно громоздко и неудобно в обращении, зачастую композиции создавались исключительно ради того или иного технологического фокуса, не оставляя места собственно творчеству.

Так, по признанию одного из основоположников немецкой электронной музыки Карлхайнца Штокхаузена, во время создания «Электронного этюда № 1», он часами резал и склеивал частички магнитофонной ленты, совершенно при этом не представляя звукового результата [см.: 1, с. 114–116].

К первым произведениям, наделенным художественной ценностью, относятся два этюда Штокхаузена (1953–1954). В произведении «Песнь отроков» он соединил два подхода – **musique concrete** и **Electronische Musik**.

В произведении «Пустыня» Вареза (1954), пьесах Штокхаузена 60-х годов «**Mixtur**», «**Kurzwellen**», «**Mantra**» **соединились электронные и обычные инструменты**. Это направление получило название **live electronics**.

Широко известно, что в отечественной музыке электронные возможности использовались, начиная с 60-х годов, композиторами Э. В. Денисовым, А. Г. Шнитке, С. А. Губайдуллиной, Э. Н. Артемьевым, которые работали в Московской экспериментальной студии электронной музыки.

Первое компьютерное произведение – «Стохастические вариации» греческого композитора Яниса Ксенакиса – было создано в 1952 году, то есть через год после изобретения компьютера. Его математическая основа была сделана «вручную», компьютер лишь обрабатывал результаты. Первоначально компьютерами называли электронно-вычислительные машины (ЭВМ), которые работали с помощью специальных языков программирования. Лишь с 1977 года, со времени создания персонального компьютера, а затем в 1981 году, когда была создана первая компьютерная программа в современном смысле слова, компьютерная музыка получила признание.

Думается, что для научного изучения существенный интерес могут представлять и опыты сочетания традиционных и компьютерных методов создания музыкальной композиции. Так, Л. Фосс соединяет серийную, алеаторическую и электронную технику. М. Давидовский создает электроакустическую музыку, в которой сочетаются электронные и акустические звуки, а также имитирующую обычными средствами компьютерную музыку. В своих интерактивных импровизациях Дж. Льюис музицирует с компьютером как партнером по ансамблю. Интересны опыты Л. Ноно с наложением электронно преобразованного звучания хора на его естественное звучание.

В 1981 году появился «Респансорий» П. Булеза. В этой партитуре особенно эффективно использованы возможности компьютера модифицировать «живые» инструментальные звучания посредством их синтеза.

Благодаря быстрому росту производительности процессоров и мощности портативных компьютеров, стало возможным и удобным его использование в концертном выступлении. Так, композитор, дирижер и продюсер Йохен Шмидт-Хамброк, работая с оркестром над саундтреками к фильмам, телевизионным передачам и рекламе, активно использует современный портативный ноутбук, расположив его рядом с партитурой. Компьютер исполняет роль не только проигрывателя ведущих треков, но и видеоплеера, и метронома, и звукозаписывающего устройства.

В России исследования ученых в области применения инновационных технологий в искусстве были продолжены в 80-е годы. Так, достойны работы математика Р. Х. Зарипова, посвященные моделированию творческого процесса на примере компьютерного сочинения мелодий массовых песен. С 1988 года этой проблемой занимается профессор Ю. Н. Рагс в музыкальной академии им. Гнесиных. В 1992 году в Московской консерватории открылся «Терменцентр» под руководством А. Смирнова. А. Харуто и Д. Смирнов занимались проблемами компьютерного анализа высоты звука в народных песнях.

В настоящее время при Московской и Новосибирской консерваториях существуют лаборатории, которые занимаются изучением музыкальной акустики, музыкальной информатики и новых компьютерных технологий.

Компьютерная музыка сочетает в себе строгость додекафонии, красочность сонористики и свободу алеаторики. Так как компьютерная музыка создается и записывается непосредственно на носитель звука, она не нуждается в нотной фиксации. Благодаря такой современной инновации, как компьютер, у композитора появилась возможность прослушивания и точного сохранения собственных произведений. И именно в том виде, в котором их создал автор.

Начало XXI века сопровождалось переломом в развитии музыкального искусства. А именно, соотношение традиционной и компьютерной музыки резко изменилось в пользу последней. Вероятно, совершенствование компьютеров уже в обозримом будущем может привести к новому расцвету музыки, к появлению нового эпохального стиля, который, возможно, встанет в один ряд с эпохой классицизма.

Литература

1. Борисов, А. Энциклопедия обработки звука на персональном компьютере [Текст] / А. Борисов. – М.: ЗАО «Нов. Изд. Дом», 2004. – 688 с.

2. Егоров, Б. Литературоведение и математические методы [Текст] / Б. Егоров // Содружество наук и тайны творчества. – М., 1968. – 451 с.
3. Лобанова, М. Музыкальный стиль и жанр. История и современность [Текст] / М. Лобанова. – М., 1990. – С. 24–30.
4. Моль, А. Искусство и ЭВМ [Текст] / А. Моль, В. Фукс, М. Косслер. – М., 1975. – С. 265–272.
5. Мурзин, Е. Эстетика электронной музыки [Текст] / Е. Мурзин. – М., 1960. – 228 с.
6. Переверзев, Л. Искусство и кибернетика [Текст] / Л. Переверзев. – М., 1966. – 332 с.

И. П. Носова

К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЖАНРА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В современных условиях развития информационного общества, устремления ученых все чаще направлены на процесс расширения исследовательского поля, на все большее усиление роли не отдельной научной дисциплины, а целого ряда отраслей наук. Культурологическое исследование, базирующееся на многозначном понятии культуры, изучение которой опирается на сведения из различных научных областей, инициирует в качестве методологического основания применение комплексного подхода в исследовании художественных явлений. Комплексный подход может выражаться в построении некой системы взаимосвязанных действий, которая наиболее полно отражает процесс интеграции в единый комплекс всех полученных знаний. Поскольку технология интеграции и систематизации знаний в исследовании явлений музыкального искусства не приобрела своей устойчивой формы, предпримем попытку выявить механизмы изучения одной из подсистем культуры – художественной культуры общества.

Проблема комплексного подхода в изучении художественной культуры заключена в сложности выявления всех аспектов изучаемого явления, определение которых наиболее достоверно отображает все точки соприкосновения данного явления с другими явлениями бытия человека. Формирование комплексного исследовательского подхода происходит путем отбора наиболее важных аспектов, усвоение которых позволит не только раскрыть причинно-следственные связи между составляющими его элементами, но и воссоздать полную картину существования исследуемого объекта в контексте культуры. Выявление основных компонен-

тов комплексного подхода при изучении художественной культуры общества основывается на анализе всех форм ее бытования. Рассмотрим их подробнее.

Поскольку понятие культуры возникло вместе с человеком и является «...специфическим способом человеческой деятельности, включающим надбиологически выработанные средства решения людьми вступающих перед ними жизненных проблем» [5, с. 102–103], то наличие социального и культурного начала в культурологическом исследовании является естественным. Понятие же «художественная культура» отличается высокой степенью единения и взаимовлияния этих двух сторон жизни человека, которое выражается в формировании определенного мироощущения и мировоззрения как отдельной личности, так и общества в целом. О взаимосвязи культуры и окружающей жизни размышляет культуролог Э. С. Маркарян: «...рождение новых сфер культуры отражало изменения в социальной структуре общества и их усложнение. В свою очередь изменения в самой культуре влияли на развитие общественной жизни, человеческой деятельности» [5, с. 18].

Как неотъемлемая составляющая понятия художественной культуры человечества, искусство включает в себя все стороны общественной жизни человека, отражает социальные явления эпохи, культурные потребности времени, психологическую особенность личности в частности и общества в целом. «Искусство... гарант восприятия мира в его полноте, хранитель целостности личности, целостности культуры и жизненного опыта человечества. Это всемирно-историческое назначение искусства вызывает к жизни его полифункциональность, обеспечивает его необходимость во все эпохи» [1, с. 236].

Таким образом, исследование художественной культуры немислимо без изучения художественного творчества. Поскольку любое произведение мастера в различной степени является как отражением его личностных суждений об окружающем мире, так и представителей его субкультуры, его современников и, что особенно важно, отражением картины мира большей части общества. Таким образом, анализ художественной культуры общества позволит проследить не только особенности ее бытия, но и эволюцию исторических процессов освоения людьми окружающего мира. Наметившуюся необходимость соединения в культурологическом исследовании категорий науки и искусства подтверждает точка зрения Юрия Михайловича Лотмана: «наука и искусство – это как бы два глаза человеческой культуры. Именно их различие (и равноправие) создают объемность нашего знания» [4, с. 400].

Не вызывает сомнений, что социальная среда и социальные особенности эпохи имеют непосредственное воздействие на формирование художественной культуры, поэтому при использовании комплексного подхода в изучении художественной культуры необходимо проанализировать и такой аспект, как *«социальные явления эпохи»*. Под *«социальными явлениями эпохи»* будем понимать конкретную историческую эпоху в рамках определенного временного периода, а также связанный с ней социальный уклад жизни общества (общественный строй, экономические отношения, политические особенности времени, отношение к религии, мироощущение людей, эстетические нормы и ценности). То есть все то, что относится к социуму, к внешним и внутренним особенностям жизни человека.

Формируя механизмы комплексного подхода к изучению художественной культуры, следует учесть и то обстоятельство, что «искусство, как социальный феномен, всегда было включено в сферу публично-официальной жизни, и именно степень такой включенности (социальной востребованности) определяла его общественное признание» [3, с. 281].

Художественное творчество, отвечая на определенные запросы публики и представляя произведение искусства как свой продукт, является неким элементом художественного производства. Поскольку «...в общественной жизни ни один институционализированный вид деятельности не может существовать, если он не удовлетворяет какую-либо актуальную социальную потребность» [3, с. 281], то при исследовании того или иного произведения искусства необходимо учитывать существующий спектр потребностей общества. Так, созданные социальной обстановкой эпохи потребности общества в различные исторические периоды способствовали популяризации одних видов искусства и отсутствию интереса к другим, а также появлению того или иного художественного произведения: «общественные потребности являются чрезвычайно важными механизмами, стимулирующими человеческую деятельность и задающими ее направленность» [5, с. 103].

При изучении функционирования художественной культуры следует учитывать как материальные, так и духовные потребности человека, которые выражаются в созерцании прекрасного, в стремлении к душевной гармонии, в изучении своего внутреннего мира. Поскольку «духовная потребность – это потребность в продуктах духовного производства, которые, в конечном счете, нужны для практики, для жизни» [7, с. 214].

Отмечая взаимосвязь социума, культуры и процесса формирования потребностей личности, А. Маслоу подчеркивает: «...теория мотивации обязана учитывать культуральные факторы и должна исходить из того, что они определяют не только среду существования индивиду-

ума, но и его жизнедеятельность» [6, с. 69]. Он же в другом высказывании предостерегает исследователей: «...теория мотивации должна учитывать фактор среды, но не должна при этом превращаться в теорию среды...» [6, с. 70].

Обращение к категории «*потребность*» может быть обусловлено еще и тем, что личная необходимость художника творить искусство формируется в рамках общественной структуры, в практике реальных отношений, которые складываются в данной социальной системе, так как «...любая потребность, любая потенция организма, по существу, – не что иное, как импульс и, следовательно, требует выражения» [6, с. 314]. В процессе общественного развития структура потребностей человека видоизменяется, а значит, появляется необходимость в формировании иных способов удовлетворения новых потребностей. Считаем, что новые потребности общества часто становятся одним из определяющих стимулов для преобразования художественного творчества эпохи. Данный механизм эволюции художественной культуры подчеркивает взаимосвязь социальных условий эпохи, потребностей общества, искусства и культуры в различных временных периодах. При этом не менее значимы и потребности творца или, например, композиторского коллектива и собственно того или иного вида искусства.

Заострим внимание на «внешних» стимулах развития художественной культуры. Так, для наиболее целостного представления категории «*потребности общества*» ее необходимо соотнести с понятием «*функции искусства*», поскольку функционирование искусства связано с вектором развития как художественного творчества, так и культурного основания эпохи. Выявление функций искусства необходимо еще и потому, что их изучение способствует накоплению и осмыслению следственно-причинных связей в культурологическом исследовании.

Многofункциональность искусства отражает развитие социальных запросов общества, формирующихся в зависимости от определенных условий времени. Цель искусства – использовать всю совокупность функций для художественного познания общественного бытия в каждую конкретную эпоху. Это и есть художественное отражение действительности, ее показ через произведение, в котором воспроизводится жизнь в восприятии ее человеком. Не случайно «искусство и художественная деятельность как категории предстают перед нами не застывшими, а развивающимися, как результат исторического развития художественной культуры общества» [7, с. 31].

Таким образом, «реализуя те или иные функции, произведения искусства фактически удовлетворяют какие-то потребности человека»

[3, с. 133]. Изменения социокультурных особенностей жизнедеятельности общества формируют новые потребности человека, которые в свою очередь влияют на выделение определенных функций искусства, на фоне уже существующих, либо способствуют возникновению новых функций, удовлетворяющих соответствующие потребности. Следовательно, в различные исторические эпохи существовало свое многообразие функций искусства, поскольку «...потребности и интересы меняются, то также будут варьироваться критерии и значимость, которая им придается» [3, с. 328].

Если формирование потребностей общества напрямую зависит от социальных условий эпохи и, сложившись в определенном обществе, потребности направлены на поиск способов их удовлетворения, то формирование способа реализации духовных потребностей общества принадлежит наиболее одаренным людям времени, то есть творческим личностям, создателям произведений искусства. Поэтому изучение художественной культуры общества связано с изучением различных субъектов этого общества, из действий которых и складывается социальная реальность, формирующая культурную жизнь эпохи. Следовательно, одной из составляющих комплексного подхода становится именно человек, понимаемый как создатель произведений искусства, то есть художник, *Творец*.

Анализируя данную категорию, необходимо учитывать основные составляющие личности человека. К таковым относятся человек – индивид и человек – частица социума. Очень точно для определения творческой личности Л. С. Выготский использует сравнение Сильверсвана: «...путь пловца, как и творчество писателя, будет всякий раз равнодействием двух сил – личных усилий пловца и отклоняющей силы течения» [2, с. 21]. При этом особое значение приобретает разница в количественном соотношении обеих этих сил. Поэтому необходимо постоянно соотносить индивидуальное с тем общим, которое задается социумом. Другими словами, творец (индивид) действует как сознательный и активный субъект, но одновременно его активность во многом определяется общими социальными стереотипами: «...личность художника, как и личность людей, воспринимающих его творения, построена из информации, поставляемой окружающей средой. Она же, эта информация, является и исходным материалом, из которого художник создает свои произведения» [3, с. 312–313].

Особенности категории творца подводят нас к осознанию того, что художник под влиянием различных социокультурных и личностных особенностей формирует некое свое понимание, осознание того или иного явления бытия, которое традиционно отражается в понятии «содержа-

ние художественного произведения». По мнению Ю. Б. Борева, «художественное произведение – одно из самых сложных явлений в мире. Это микромир, в котором живет макромир, это модель личности и окружающей ее действительности, отражение природы, жизни духа, космоса, социально-исторического развития» [1, с. 406]. Несколько иное определение произведению искусства дает доктор философских наук Л. Н. Столович. Он представляет произведение искусства как «единство четырех процессов: в нем *создается* новая реальность, которая *отражает* объективную действительность, *выражает* субъективно-личностный мир художника и *передает* свое духовное содержание» [8, с. 54].

Итак, обнаруженная специфика художественного произведения, выраженная в способности интегрировать внешние (исторические, социальные, культурные, философские, научные, религиозные, моральные) особенности эпохи и внутренние их преломления в качестве личности художника, инициировала включение и собственно произведения искусства как одного из аспектов комплексного подхода в изучении художественной культуры. Однако само понятие содержания художественного произведения нематериально, ведь его материализация возможна лишь в рамках определенной формы. Как правило, совокупность содержания и формы заключена в понятии «художественный жанр», встречающемся во всех видах искусства.

Подчеркнем, что под жанром следует понимать не исключительно внешнюю оболочку произведения, некоторый прием художественного творчества, а способ более глубокого воздействия на человека, который может вызвать определенный психологический и эстетический эффект. Мнение Л. С. Выготского о том, что все содержание искусства возможно и как совершенно неэстетический факт и «...только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие» [2, с. 44], подчеркивает значимость данной категории для изучения и понимания взаимообусловленности содержания и формы художественного произведения.

Обращение к категории «жанр» подтверждается еще и тем, что он, помимо непосредственно художественного содержания, включает в себя и социальные, и исторические, и культурные категории, тем самым являясь концентрированным продуктом искусства и вместе с тем неким «культурным отражателем» времени. Известная точка зрения А. Н. Сохора – «...жанр произведения определяется его соответствием объективным требованиям той или иной обстановки исполнения» [9, с. 246] – подчеркивает прочную взаимосвязь музыкальных жанров с потребностями человеческой жизни.

Итак, поскольку социальные условия эпохи, потребности общества, личность художника-творца и художественный жанр создаваемого им произведения находятся в тесной взаимосвязи, то для более конкретного представления этой взаимосвязи целесообразно представить ее категориальной формулой: **социальные явления – потребности общества – творец – жанр**. Причем все элементы этой схемы находятся в тесной взаимосвязи, и от изменения одной из составляющих меняется содержание и развитие других.

Таким образом, представленные в развертке комплексного подхода категории охватывают основные точки соприкосновения человека, культуры, искусства и общества. В качестве первоосновного «инструмента» исследования культурных явлений используется художественный жанр, который рассматривается как «культурный продукт» своего времени. В категории «художественный жанр» сконцентрированы как основные черты социокультурных особенностей эпохи, так и мировоззренческие устремления художников.

Следует отметить, что на разных этапах развития человечества степень влияния составляющих формулы на развитие культуры была различной. Можно предположить, что в каждом определенном отрезке времени в представленной формуле первоначально проявлялся доминирующий элемент, который способствовал формированию некоего импульса для того или иного культурного развития эпохи.

Исходя из того, что культурная жизнь общества – это многоаспектный процесс, затрагивающий все стороны человеческого бытия и представляющий собой некую систему взаимосвязанных действий, подчеркнем то, что для полноценного изучения культуры необходимо применять комплексный подход, который бы учитывал как внешние (социальные), так и внутренние (психологические) формы жизнедеятельности человека. Основываясь на мысли Э. С. Маркаряна, что «одним из критериев методологической эффективности той или иной концепции культуры выступает возможность переводить абстрактно сформулированные принципы понимания культурных явлений на уровень культурно-исторических систем и наоборот» [5, с. 78], комплексный подход исследования будем считать наиболее перспективной методологической основой изучения художественной культуры общества.

Литература

1. Боров, Ю. Б. Эстетика [Текст] / Ю. Б. Боров. – Смоленск: Русич, 1997. – Т. 1. – 576 с.
2. Выготский, Л. С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1997. – 416 с.

3. Жидков, В. С. Искусство и общество [Текст] / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – СПб.: Алетейя, 2005. – 592 с.
4. Лотман, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 1998. – 704 с.
5. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука: (логико-методолог. анализ) [Текст] / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
6. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность [Текст] / А. Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
7. Рябов, В. Ф. Социальная природа искусства. К спорам о предмете искусства [Текст] / В. Ф. Рябов. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 248 с.
8. Столович, Л. Н. Жизнь – творчество – человек: Функции художественной деятельности [Текст] / Л. И. Столович. – М.: Политиздат, 1985. – 415 с.
9. Сохор, А. Н. Вопросы социологии и эстетики музыки [Текст]: в 3 т. / А. Н. Сохор. – Л.: Сов. композитор, 1981. – Т. 2. – 295 с.

Н. Н. Осипенко

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ПРОЧТЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ

Работа с текстом музыкального произведения чрезвычайно важна для исполнителя в создании им интерпретации, своей индивидуальной исполнительской концепции. Музыканту-исполнителю необходимо исследовать и понять познавательные, коммуникативные, эмоционально-экспрессивные аспекты музыкального текста, чтобы раскрыть авторский замысел и образное содержание музыкального произведения. В данной статье представлены особенности прочтения и понимания музыкального текста и их актуальность для музыканта-исполнителя, акцентируется внимание на способах и методах работы с текстом музыкального произведения в исполнительских образовательных практиках в классе основного инструмента (фортепиано).

Речь пойдет о дешифровке музыкальных символов и знаков, понимании смысловых структур текста (проникновении в смысл и содержание музыки), раскрытии авторского замысла-идеи, создании художественного образа в виде интерпретации. Цель изучения музыкального произведения в классе фортепиано – создание его интерпретации, то есть исполнение музыки. Творческая индивидуальность исполнителя выражается в создании им той или иной исполнительской концепции. Но без верного, наиболее полного, точного прочтения и понимания текста хорошего исполнения быть не может.

Например, мы видим ноты. Можно сказать, что это есть музыкальный текст – закодированная, зашифрованная информация. Его можно

рассматривать как некий смысл, зафиксированный графически. Как его понять? Сначала надо прочесть его с листа (как у музыкантов принято говорить). Это значит быстро схватить и эскизно передать эмоционально-образный смысл музыки, при некоторой приблизительности воспроизведения нотной записи, то есть ознакомиться с текстом в его звучащем варианте. Любой музыкант-исполнитель начинает знакомиться с произведением, проиграв его в целом по нотам от начала до конца. Безусловно, нужно владеть такой техникой чтения нот, которая ведет к ускоренному восприятию нотной записи и беглому исполнению на инструменте. Один из таких механизмов чтения музыкального текста с листа по нотам можно представить в виде такой объяснительной теоретической модели.

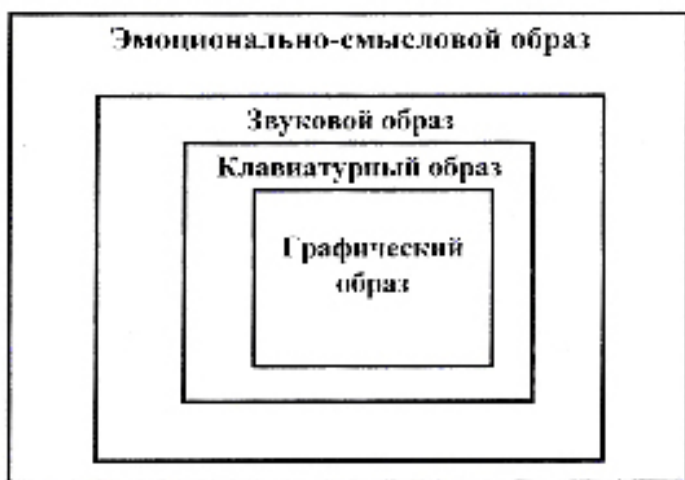

Рисунок 1.

Эта схема – система вложенных друг в друга квадратов, где каждый следующий охватывает предыдущие. Мы видим четыре компонента (кода) беглого чтения: 1) графический, 2) клавиатурный, 3) звуковой, 4) эмоционально-смысловой.

Графический образ показывает то, как группируются ноты, как они предстают перед взором исполнителя. Это зрительное восприятие письменного текста, которое обеспечивает перцептивную переработку, перекодирование зрительных сигналов в смысловые единицы.

Клавиатурный образ – находим нужные игровые движения, технические приемы, аппликатуру, продолжая при этом зрительное взаимо-

действие с графическим образом. Появляется как бы новый код чтения. Мы связываем в сознании два кода – графический и клавиатурный.

Звуковой образ – это выход в звук. Теперь, после того как мы увидели и перекодировали нотную графику в смысловые единицы, ощутили клавиатуру и движение на ней, мы слышим звучание (вижу – слышу – играю или вижу – играю – слышу). На этом уровне включается слуховой опыт, музыкально-слуховые представления. Появляется новая стратегия чтения, более совершенная и точная установка музыканта-исполнителя, которая со временем и с опытом закрепляется в виде особого кода чтения нотной записи. Как видно из графической схемы, этот код в скрытом (латентном) виде включает в себя предыдущие два.

И, наконец, последний **четвертый** уровень беглой «дешифровки» нотной записи. Это самый высокий уровень прочтения – уровень художественного образа. Ее ядром является эмоционально-смысловой образ или художественная эмоция [см.: 6, с. 132–135]. Это сложный сплав эмоционального и мыслительного процессов в музыкальном восприятии.

Здесь «эмоциональный и рациональный ряды сливаются в целостный феномен – музыкально-интонационную систему, основу которой составляет эмоция – мысль» [2, с. 8]. Л. С. Выготский называл это явление *эмоциональным мышлением*: «Искусство есть работа мысли, но совершенно особенного эмоционального мышления. Там, где образность имеет место как результат деятельности фантазии, она оказывается подчиненной совершенно другим законам, нежели законы обычного воспроизводящего воображения и обычного логически-дискурсивного мышления» [4, с. 49].

Осмысливая музыкальный текст, исполнитель намечает свою индивидуальную эмоциональную программу, создает особую психологическую установку: о «чем», а затем «что» и «как» предстоит играть. Именно эта программа объединяет отдельные моменты в сознании исполнителя-музыканта – объединяет графические образы нотных групп, разрозненные слуховые и двигательные представления, различные внемusикальные ассоциации. Объективные специализированные эмоции обрастают личностными смыслами исполнителя, напрямую зависимыми от его музыкального тезауруса. Существенным здесь является обобщение через жанр, стиль композитора, направление музыкального искусства эпохи. «Такого рода программу можно назвать художественным способом действия (ХСД) с музыкальным текстом» [6, с. 135].

Если мы рассматриваем музыкальный текст как художественное произведение, то есть «совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции, и пытаемся на основании

анализа этих знаков воссоздать соответствующие им эмоции» [4, с. 9], то построение эмоционально-смыслового образа – это способность прочесть скрытый смысл музыки, эстетическое отношение к произведению, переживание его музыкального содержания, связанное с личностным смыслом исполнителя.

Можно сказать, что чтение музыки с листа уже обладает статусом художественной деятельности, это уже есть акт ее интерпретации, во время которой происходит понимание, эмоционально-образное переживание (образное видение) музыки, создается представление об ее характере, построении, стиле и жанре. Г. М. Коган отмечает, что первоначальное прочтение создает «рабочую гипотезу исполнительского замысла, плана интерпретации» [5, с. 6].

Далее мы продолжаем углублять процесс понимания, проникновения в сущность текста (музыки) путем установления смысловых связей между его элементами. Начинаем анализировать детали. Многократно проигрывая музыку, исполнитель превращается в исследователя текста. Текст провоцирует его на размышления и исследование. Задача в том, чтобы проследить ход композиторской мысли, выявить музыкальную логику, последовательность изложения музыкального материала, закономерность фразировки. Музыкальный текст становится объектом детального анализа и осмысления.

В музыке можно анализировать все: средства выразительности (лад, ритм, динамику, тембр, мелодию), стиль, жанр – любой объект музыкального искусства. И все же наиболее высокие и содержательные в музыкальном отношении обобщения совершаются в сфере звучания, в сфере звукового образа. В музыке звук рождает смысл, звуковой символ – объект смысла. Определяющую роль здесь играют музыкально-слуховые представления. У исполнителя обязательно должен быть опыт оперирования такими представлениями. Мы говорим здесь о так называемой функции **внутреннего слуха**. Внутренний слух – это мысленное представление звучания музыки. Благодаря внутреннему слуху (слышанию) происходит озвучивание нотного текста и его осмысленное восприятие. Музыкант «держит» звучание в голове. Он его мыслит, помнит, он представляет его звучание, он его «думает» и анализирует, даже когда нет инструмента под рукой. Во время проигрывания текста можно совершать слухо-мыслительные операции сравнительного анализа звучания, по ходу событий что-то изменяя, корректируя в нужное русло. Музыкантам-исполнителям хорошо известны такие действия и приемы.

Очень важным в этом звучащем слухо-мыслительном процессе является восприятие интонаций-значений. Теоретики называют их комп-

лексами-стереотипами интонационного смысла. Это темы, лейтмотивы, лады, гармонии, музыкально-риторические фигуры (интонационные построения различных комбинаций звуков), ритмо-формулы различных жанров, мотивы-символы, устойчивые сочетания звуков, мелодические обороты, выражающие определенные понятия, эмоции, идеи.

Интонационная теория Б. В. Асафьева в отечественном музыковедении XX века трактует восприятие музыки как познавательный процесс, связанный с развитием музыкального мышления, истоки которого – в ощущении интонации. Музыкальное мышление представляется как система логических связей между возникающими в музыке «интонационными сопряжениями» (В. П. Бобровский). «Таким образом, основным элементом специфически музыкального воплощения реалий действительности является интонационно оформленная эмоция – мысль. Благодаря своей чувственной природе этот целостный эстетический феномен отражает реальные переживания, но освобожденные от их конкретной житейской прагматичности. В свою очередь, его рациональная природа дает возможность воплотить общие законы человеческого мышления, абстрагированные от конкретной предметной понятийности» [2, с. 8].

Музыкальное мышление включает в себя анализ и синтез, сравнение и обобщение. Оно подразумевает осмысление логики организации различных звуковых структур, от простейших до сложных, умение оперировать музыкальным материалом, находить сходство и различие, анализировать и синтезировать, устанавливать взаимосвязи. Именно рационально-логическое начало в музыкальном мышлении объединяет его с мышлением в общепринятом смысле этого понятия. Музыкальное мышление – это отражение в сознании человека музыкального образа, представляющего собой единство эмоционального и рационального.

Подчиняясь общим законам психологии о мышлении, музыкальное мышление возникает на основе восприятия звуковых последовательностей в том случае, когда осознается содержание музыкального сочинения. Именно интонация является первоосновой музыкально-эстетического переживания, художественных «умных» эмоций, которые, по мнению А. Н. Уайтхеда, музыка «генерирует на своих собственных основаниях» [7, с. 60].

Итак, музыкальный текст прочитывается, проигрывается на инструменте. Музыкант-исполнитель проводит кропотливейшую умственную работу, пропуская через «сито» своего слуха музыкально-тематический материал, состоящий из выразительных по звучанию интонационных комбинаций музыкальных звуков (мелодий) – этих звуковых символов, за которыми кроется содержание музыки. Исполнителю дано, таким образом, осмыслить, понять, «раскодировать» текст музыкального сочинения,

постигнуть авторский замысел, выстроить свою интерпретацию. При этом процесс понимания музыкального текста, пусть даже самого абстрактного, все равно есть процесс самого конкретного воображения.

Подводя итоги, можно сказать, что рассмотренная нами объяснительная теоретическая модель учитывает современные научные представления, сложившиеся в психологии чтения художественных текстов, эстетике и психологии музыки, в теоретическом музыкознании и теоретико-методических работах по обучению игре на фортепиано. Правильный путь прочтения и понимания музыкального текста представляет собой не только «озвучение» нотного текста, преобразование его внутренним слухом в «картину», которая реализуется с помощью верно налаженных зрительно-слухо-клавиатурных связей, но и эмоционально-образное переживание музыкального содержания (художественный компонент чтения). Именно эмоционально-образное переживание музыки представляет сложный сплав особого качества – «связь структур нотного текста, звукового образа с эмоционально-смысловым» [6, с. 136]. Самый важный факт, установленный в новейшей психологии прочтения музыкального текста, это переживание музыкального содержания и смысла музыки.

В современном музыкальном исполнительстве и музыкальной педагогике обозначилась актуальность культурологических методик в подходах к прочтению и пониманию текстов музыки как важной первоосновы в создании интерпретации. Они все активнее внедряются в наши музыкальные образовательные практики по осмыслению и пониманию музыки, учат неформально подходить к анализу и исполнению. Принцип единства эмоционального и сознательного обусловлен спецификой музыкального искусства и особенностями его восприятия, развитие которого требует осознания эмоциональных впечатлений, вызываемых музыкой.

Семантика и герменевтика предлагают универсальную систему видения, и музыку возможно рассматривать как некий смысловой код культуры, несущий информацию в специфически организованной звуковой системе. Музыкальное искусство в значительной мере вобрало в себя достижения теории информации и семиотики, поэтому совершенно очевидно, что музыка – это тоже пусть и очень специфическая, но все же знаково-символическая система. Символы и знаки в музыке многозначны. Они могут быть наделены и предельно широким значением, а могут быть и лишены их в зависимости от контекста.

В заключение можно сказать, что основополагающим принципом в работе с текстом музыкального произведения является художественный способ действия (ХСД), а при прочтении и понимании большое внимание уделяется интеллектуальным процессам. Их можно назвать слухо-мыс-

лительными. Но важной особенностью этих процессов является *понимание, связанное с переживанием исполняемой музыки*, в основе которого эмоциональная реакция исполнителя на музыкальный текст, которую порождает сама структура исполняемой музыки, ее ладо-интонационная основа и другие комплексы-стереотипы интонационного смысла – те самые «собственные основания», о которых говорит А. Н. Уайтхед, исследуя символизм и которые «генерируют» художественные «умные» эмоции в музыкальном восприятии. При этом в сознании исполнителя происходит сложный процесс неразрывного взаимодействия эмоционального и мыслительного компонентов, выявляется и осмысливается содержание музыки, идет так называемый процесс «переплыва» эмоции и мысли.

Феномен эмоционально-смыслового прочтения и понимания текста музыки можно трактовать как высшую деятельность человеческого ума, включающую переработку художественных эмоций, порождающих положительную «эстетическую реакцию» (Л. С. Выготский) на художественный текст, на произведение искусства [см.: 4, с. 201–206], и делающую возможной исполнительскую коммуникацию.

Литература

1. Асафьев, Б. В. Избранные труды [Текст]: в 5 т. / Б. В. Асафьев. – М.: АН СССР, 1957. – Т. 5. – 385 с.
2. Бобровский, В. П. Тематизм как фактор музыкального мышления: Очерки [Текст]: в 2 вып. / В. П. Бобровский. – М.: Музыка, 1989. – Вып. 1. – 268 с.
3. Бонфельд, М. Ш. Введение в музыкознание [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. Ш. Бонфельд. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 224 с.
4. Выготский, Л. С. Психология искусства [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
5. Коган, Г. М. Работа пианиста [Текст] / Г. М. Коган. – М.: Государственное музыкальное изд-во, 1963. – 200 с.
6. Теория и методика обучения игре на фортепиано [Текст]: учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 368 с.
7. Уайтхед, А. Н. Символизм, его смысл и воздействие [Текст] / А. Н. Уайтхед. – Томск: Водолей, 1999. – 64 с.

Н. Г. Протасова

НЕКОТОРАЯ СПЕЦИФИКА ФИГУРАЦИОННОГО ПИСЬМА В ФОРТЕПИАННЫХ КОНЦЕРТАХ Р. ЩЕДРИНА

Клавирно-фортепианная техника развивалась на протяжении нескольких столетий. Возможности инструмента нашли выражение в богатом арсенале приемов музицирования. Возросшая техническая слож-

ность произведений (плотность фактуры, высокая темповая скорость, регистровый «размах», красочные педальные эффекты и др.) часто предполагает высокий уровень профессиональных навыков исполнителя. В то же время музыкальный текст наполнен элементами, которые являются знаками содержания музыкального произведения.

Одним из актуальных требований современного музыкального исполнительства и музыкальной педагогики является выразительное исполнение, содержательно емкое интонирование на смысловой музыкально-образной основе. Стилизовое многообразие музыкального тематизма, многочисленные приемы фигурационного письма сохраняют интонационную природу. В музыкознании этимология музыкальных значений «расшифровывается» на основе положений музыкальной семантики. Ведь «...любой музыкальный текст вне зависимости от воли автора обязательно содержит ряд заимствований из уже существующих в реальности музыкальных (а также немusических) текстов» [1, с. 3].

Материальной частью текста являются тема и общие формы движения (ОФД) (общие формы звучания – ОФЗ) [2]. В теории музыки к общим формам движения относят фактурно-фигурационный материал, который до недавнего времени считался материалом неиндивидуализированным, выполняющим роль фона. Однако исторически в музыке сложились фактурно-фигурационные формулы, характерные для того или иного времени. Они являются показателями, признаками стиля, эпохи, индивидуального композиторского стиля и пр. «Именно по ОФЗ, по типу звучания узнается стиль... Достаточно буквально нескольких звуков, чтобы определить, к какой эпохе, к какой стране относится та или иная музыка, что характерно и чего не может быть в музыке, скажем, XVIII века в отличие от музыки XX века» [2, с. 61].

Е. Ручьевская определяет различия между общими формами движения и общими формами звучания. Общими формами движения считается «...внеконтекстный, абстрагированный от конкретного произведения, нейтральный “выпрямленный” мелодический материал» [2, с. 59]. К ним относят (в узком смысле слова) материал скоростного звуковысотного изменения: пассажи, фигурации, интервальные ходы и пр. Тогда как общие формы звучания – это «...абстрагированный внеконтекстный набор исторического (эпохального) и авторского индивидуального стиля, набор, не организованный в музыкальную форму, внеинтонационный, инертный, пассивный» [2, с. 59]. Причем общие формы звучания включают в себя, как частный случай, общие формы движения. Общие формы движения очень часто заменяют понятием «фактурно-фигурационные формулы», имея ввиду какой-либо повторяющийся длительное время вид фигура-

ции. Наличие в произведениях типичных фигурационных оборотов является связующим звеном в постижении музыкального произведения исполнителем-интерпретатором и слушателем.

Чтобы выявить в современной фортепианной музыке особенности фигурационного письма, целесообразно обратиться к значительным художественным явлениям, ярко и убедительно воплощающим традиции пианизма в новых условиях. В качестве материала выбраны фортепианные концерты Р. Щедрина. Причин этого выбора несколько.

Во-первых, жанр концерта относится к инструментально-симфонической музыке, то есть синтезирует в себе специфику исполнительских принципов обеих традиций музицирования (сольная и ансамблевая).

Во-вторых, в творчестве Р. Щедрина фортепианные концерты – один из ведущих жанров (в настоящее время их шесть). Кроме того, важно, что в нем автор сохраняет сложившееся представление о концерте как состязании (см. значение слова **concerto как «согласие» и «состязание»**) солиста и оркестра. Поэтому все концерты Р. Щедрина написаны для классического состава участников, принятого с XVIII века. В произведениях других жанров (опера, балет) он изменяет состав исполнителей (например, хоровая опера «Боярыня Морозова» без оркестра, декораций, костюмов). В концерте же изменения касаются внутренней организации целого – меняются драматургические функции солиста и оркестра, композиционное строение, состав оркестра и пр.

В-третьих, в ярком жанре концерта Р. Щедрин воплощает не только свои индивидуальные композиторские приемы, но и исполнительские находки современного пианизма. Следует заметить, что фортепианный концерт на протяжении всей истории музыкального исполнительского искусства закрепил такую характеристику жанра, как насыщенное, разнообразное и концентрированное использование характерных исполнительских приемов, в том числе виртуозных.

Обладающий высокой степенью виртуозности, Р. Щедрин большинство своих фортепианных сочинений представлял публике сам. «...Играть свои собственные сочинения на публике – давняя и дивная традиция в русской музыке: Скрябин, Рахманинов, Прокофьев, Шостакович... И то, что я сам мог сыграть свои сочинения и публика покупала на мой концерт билеты... очень мне помогало в начале творческого пути», – говорит Родион Щедрин [3, с. 112]. Виртуозная одаренность Щедрина-исполнителя отразилась в фортепианных концертах Щедрина-композитора, наделившего их сложными исполнительскими приемами.

Преобладание фигурационности в тексте концертов отмечено многими исследователями. «...Процесс движения мысли находит выражение

в господстве интонационно-насыщенных линий, основанных на ритмически-ровном движении» [4, с. 192]. «Этюдообразные» линии в партии фортепиано, обозначенные М. Таракановым в «Диалогах» Второго фортепианного концерта, реализуют идею осмысления, положенную И. С. Бахом и Ф. Шопеном.

Этюдность как специфика фигурационного письма фортепианных концертов включает изобилие пассажей, множество фигураций «во всех теоретически мыслимых формах». В качестве примера укажем варианты формул гаммообразного пассажа в партии фортепиано.

Показ крайних регистров фортепиано характерен для большинства концертов Р. Щедрина (высокого (2–3–4 октавы) и низкого (большая, контроктава)), при особом внимании к октавам высокого регистра (Второй концерт, II ч. **Четвертого концерта**, **Пятый концерт**). Отметим некоторое равноправие применения композитором гаммообразных фигураций как в высоком, так и в нижнем регистрах фортепиано. Например, фигурационные «пробеги» из I части **Первого концерта** (ц. 14):

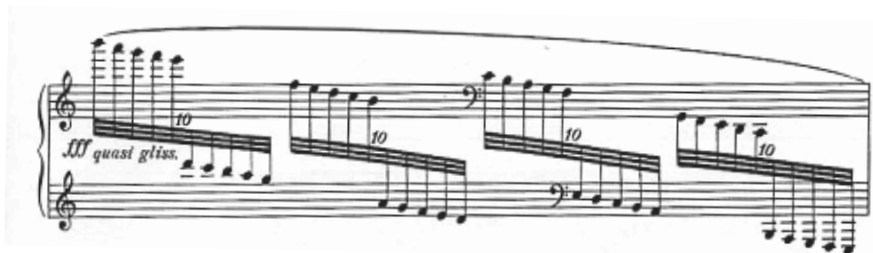

Подобные звуковые переливы подчеркивают блестящую, хрустальную природу высокого регистра инструмента (I и III ч. **Пятого концерта**). Во II части **Четвертого концерта** (ц. 52) «гребни» фигураций типичны для письма большинства концертов композитора (I и IV ч. **Первого концерта**, «Импровизации» Второго концерта, I и II ч. **Четвертого концерта**):

К пассажным фигурациям примыкают фигурации *quasi glissando* (I и IV ч. Первого концерта, Третий концерт, III ч. Пятого концерта, I пьеса цикла «Вопросы»). Например, I часть Первого концерта (ц. 14) (пример 1), I пьеса из фортепианного цикла «Вопросы» (пример 2):

Пример 1

Пример 2

Необходимо отметить, что этюд как жанр не свойствен для творчества Р. Щедрина. Между тем, два этюда (*c-moll* и *a-moll*), выпущенные издательством «Музыка» (соответственно, в 1987 и 2000 гг.), имеют место в творческой биографии композитора. Показательно фигурирование пьес с таким заголовком в циклах «Тетрадь для юношества» («Этюд в ля») и «Полифоническая тетрадь» («Этюд (инверсия)»).

Этюдобразное движение встречается и в токкатных пьесах Р. Щедрина. Родственная природа двух характеристик (токатность и этюдность) обоснована стремительностью темпа, характерным движением фигураций, четкой ритмикой. Например, Токкатина-коллаж из цикла «Полифоническая тетрадь» имеет вид фигурационного этюда. Совпадение фигураций «кружения» фортепианной Токкатины (пример 3) и Скерцо-токкаты из Первого концерта (пример 4), написанных в один год, подчеркивает

моторику исполнения (Токкатина (1954) опубликована в сборнике «Этюды советских композиторов» в 1968 году (издательство «Музыка»)):

Пример 3

Пример 4

Также, отметим наличие в творчестве Р. Щедрина произведения для оркестра «Диалоги с Шостаковичем», имеющее подзаголовок «Симфонические этюды для оркестра».

Таким образом, этюдность как одна из характерных черт фортепианного стиля Р. Щедрина является воплощением современного исполнительства. «Экзерсисность» фортепианных пассажей несет «стихия свободного музицирования, опирающегося на типовые формулы-клише инструментального стиля» [4, с. 208].

Литература

1. Спорыхина, О. Интекст как компонент стилиевой системы П. И. Чайковского [Текст]: автореф. дис. ... канд. иск-я. – М., 2000. – 25 с.
2. Ручьевская, Е. Функции музыкальной темы [Текст] / Е. Ручьевская. – Л.: Музыка, 1977. – 160 с.
3. Родион Константинович Щедрин. Жизнь и творчество: альбом фортепиан. перелож. с коммент. и ил. / сост. Е. Власова. – Челябинск: МРІ, 2006. – 140 с.: ил.
4. Тараканов, М. Творчество Родиона Щедрина [Текст] / М. Тараканов. – М., 1980. – 328 с.

ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 60–90-х ГОДАХ XX ВЕКА

Культура Сибири составляет одну из интереснейших граней духовного потенциала нашей страны. Западную Сибирь достаточно сложно рассматривать как единый массив народной культуры. В ней сложилось несколько обширных регионов традиционной народной культуры, обусловленных природными и социально-историческими условиями. Культурное наследие Сибири по-разному проявляется как в отдельных регионах Сибири, так и на различных этапах его развития. История художественной керамики будет рассмотрена нами на примере Новосибирской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края.

Традиционное изобразительное искусство Сибири имеет многовековую историю, а профессиональное формировалось во второй половине XX века. Не все виды искусства равномерно укоренились в разных краях и областях Западной Сибири, не везде искусство находится на уровне задач, стоящих перед сибирской культурой. Разреженность художественных событий, редкие профессиональные контакты замедляли, задерживали, тормозили движение вперед, поэтому художники Сибири придавали общению с художниками центра России и других регионов большое значение и приглашали к себе представителей разных видов искусства.

В данной работе осуществляется анализ уникальных произведений, выполненных в керамике станкового, монументально-декоративного направления и массового ассортимента. Профессиональные художники работали во всех перечисленных областях применения художественной керамики. Художники, которые разрабатывали изделия массового спроса, трудились на предприятиях местной промышленности, часть которых ориентировалась на народные художественные промыслы, а другие художники работали на предприятиях легкой промышленности (фарфоро-фаянсовой). Художники, разрабатывавшие изделия массового спроса, наряду с художниками станкового направления участвовали в выставках разного уровня и могли стать членами Союза художников РСФСР.

Проведение выставки «Советская Россия» в 1960 году оказалось важной вехой в развитии всего российского искусства. Она показала, что на периферии страны созрели значительные художественные силы, без которых поступательное движение советского искусства было бы неполным. И вскоре вышло Постановление Союза художников СССР

о проведении зональных выставок. «В Сибирскую зону вошло 9 краев и областей: Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская области и Тувинская АССР, Хакасская автономная область. Большую роль в развитии сибирского искусства играли зональные выставки “Сибирь социалистическая”» [4, с. 21]. До этих выставок художники мало знали, что делается в соседних центрах, не имели возможности обсуждать общие для сибиряков художественные проблемы.

В областях Западной Сибири в 60-х годах XX века художественная жизнь и декоративно-прикладное искусство развивались, но не такими впечатляющими темпами, как в центре России. Чрезвычайное развитие художественной керамики в центре России, в основном, в Москве и Ленинграде, еще не оказало влияния на становление этого вида искусства в Западной Сибири. Об этом свидетельствовали выставки разных уровней, которые проходили в Западной Сибири, но художественная керамика даже не упоминалась в статьях искусствоведов и была представлена в этот период только в разделах народного искусства – произведений профессионального искусства массового производства и декоративного направления практически не было.

В начале 1970-х годов во всех областях Западной Сибири возникли предприятия по производству керамики и фарфора. В Новосибирске в 1974 году был создан цех по производству керамики на производственном объединении «Сувенир» [см.: 5, с. 2]. В г. Прокопьевске Кемеровской области в 1973 году открылся фарфоровый завод [см.: 2, с. 1]. В Томской области в 1970 году был организован Богашевский экспериментальный завод художественной керамики [см.: 1, с. 22].

Положительным моментом было то, что в 70-е годы из центра России стали приезжать в Западную Сибирь художники, обучавшиеся в высших и средних специальных учебных заведениях.

Продолжая тему о специалистах-художниках, нужно сказать о большом влиянии на развитие художественной керамики в Сибири, которое оказало открытие в Иркутском художественном училище в конце 60-х годов керамического отделения, а в середине 70-х годов – отделения народных художественных промыслов. В 1987 году в Красноярске был создан впервые в Сибири Государственный художественный институт, где было открыто отделение художественной керамики. В Кемеровском художественном училище в 1985 году также было открыто отделение керамики. В 1990-х годах керамическое отделение возникло в Новосибирской архитектурной академии. Специалистами в области художественной керами-

ки во вновь открытых отделениях и учебных заведениях были выпускники вузов и ссузов центра страны. Они несли определенные особенности школ художественной керамики – «московской», «ленинградской», позже «красноярской» – в стены сибирских учебных заведений.

Большое влияние на развитие художественной керамики в Западной Сибири оказало открытие в Новосибирске в 1978 году филиала Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), находящегося в Москве [см.: 3, с. 1]. Исследования специалистов опровергли существовавшее распространенное мнение о том, что в народном искусстве Сибири нет своих самобытных художественных традиций. На самом деле был широко развит керамический промысел.

Профессиональной станковой и монументальной художественной керамикой занимались художники В. Семенова, Д. Трайман, Э. Брук, Г. Макашина в Новосибирске, Т. Лихачева и Л. Лобанова, Н. П. Смердина, Ж. А. Травинская – в Барнауле, Н. Ротко – в Новокузнецке, В. Цивин – в Томске. Затем постепенно пошел на убыль необычайный подъем декоративно-прикладного искусства, который наблюдался в 70-х годах. Многие художники сдали позиции, перестали заниматься художественной керамикой, нашли другую область применения своему таланту, стали заниматься живописью, графикой, многие уехали из Сибири.

В 1980-х годах в ряды сибирских художников-керамистов стали вливаться молодые художники, которые заканчивали сибирские учебные заведения.

На Алтае в 1987 году родилось новое предприятие «Турина гора», которое получило статус народного художественного промысла.

Первая половина 90-х была трудным временем для всего искусства. Государство, озабоченное политическими коллизиями и экономическими трудностями, почти полностью перестало поддерживать изобразительное искусство.

Это был сложный для художников и производителей, занимающихся изготовлением художественных керамических изделий, период. Изменение политической обстановки привело к нарушению экономических связей. Развалилась система Художественного фонда, закрывались предприятия художественных промыслов (предприятие «Сувенир» распалось на несколько мелких предприятий – «Опыт», «Феникс», «Сибирия», «Корн»). Стали разрушаться государственные предприятия (фактически прекратил свое существование Прокопьевский фарфоровый завод), закрываться учреждения и организации (филиал НИИХП в Новосибир-

ске), шла на убыль экспозиционная и выставочная деятельность государственных музеев и картинных галерей. Художники перестали участвовать на крупных выставках, прекратила свое действие система договоров, у художников не было возможности ездить в творческие поездки и Дома творчества – все это не способствовало развитию искусства керамики. Художникам-керамистам стал близок изобразительный язык авангардизма, славянско-азиатская тематика, этнографические мотивы. В алтайском «нетрадиционном» искусстве лидерами в области художественной керамики являются Е. Е. Скурихин, Е. Г. Булатова, В. Артемьев; в Новосибирске – Л. и Г. Шляго, В. Кузнецов; в Кемерово – Е. Балаганская, С. Кукушкин; в Томске – Н. Кириленко, Н. Арвентьева, Т. Васильева.

Анализируя развитие художественной керамики в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях и Алтайском крае можно сделать вывод, что развитие художественной керамики в Западной Сибири шло в общем русле развития керамики в нашей стране. Изыскания сибирских ученых НИИХП свидетельствовали о том, что в областях издавна существовали традиции народного творчества и мастерства в гончарстве, на время незаслуженно забытые. Но наличие профессиональных художников и других специалистов в области керамики, которые получили специальное художественное образование в сибирских учебных заведениях, позволяет надеяться, что художественные кадры будут развивать сибирское искусство и не будут уезжать в центр страны. Имеющиеся высококачественные глины и другие керамические материалы позволяют надеяться на успешное развитие керамической промышленности. В связи с этим можно утверждать, что художественная керамика в Западной Сибири имеет перспективу успешного развития.

Литература

1. Видинов, А. В. Богашевская керамика [Текст] / А. В. Видинов // Декоративное искусство СССР. – 1978. – № 7. – С. 23–25.
2. Гуськов, В. Быть в Сибири фарфору [Текст] / В. Гуськов // Советская Россия. – 1973. – 27 апреля. – С. 1.
3. Переладов, Г. Н. К истокам народного творчества [Текст] / Г. Н. Переладов // Вечерний Новосибирск. – 1979. – 13 июля. – С. 3.
4. Художники Алтайского края [Текст]: биобиблиографический словарь: в 2 т. – Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2005. – Т. 1. – 453 с.
5. Ющенко, Н. Сувенир из керамики [Текст] / Н. Ющенко // Вечерний Новосибирск. – 1974. – 22 ноября. – С. 2.

Раздел 4. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР

В. П. Курбатов

ОБРЯД И ПСЕВДООБРЯД В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Конец XX – начало XXI века ознаменовались новым крутым поворотом в истории русской культуры. Большое внимание стало уделяться восстановлению народных обрядов. Но если проанализировать обряды, которые «ставятся» сегодня и сравнить их с описанием обрядов, которые существовали на Руси ранее, то возникает невольный вопрос: что это – действительно обряды или псевдообряды, стилизованные под старину, в которых лишь присутствуют элементы старинных обрядов, надерганные и соединенные без смысла и назначения? Отсюда цель данной работы – сравнить обряды прошлых веков и сегодняшние.

«Система действий, образующая структуру обряда, – справедливо пишет И. В. Суханов, – сама по себе, вне своего понятийного и эмоционального значения – чистая бессмыслица» [5, с. 71]. Чтобы понять смысл народной календарной обрядности, надо изучать ее в контексте соответствующих социально-экономических отношений, оказывающих, как известно, определяющее влияние на характер мироощущения людей и весь склад общественной жизни. «Обряд, совокупность условных, традиционных действий, лишенных непосредственной практической целесообразности, но служащих символом определенных социальных отношений, формой их наглядного выражения и закрепления» [6, с. 921]. Но это лишь определение, обряд своими корнями уходит в глубокую древность, как сейчас принято говорить, в язычество.

О славянских языческих обрядах сохранился значительный объем информации. Достаточно назвать основные, на наш взгляд, работы: [1], [2], [3], [7]. «Язычество», как известно, – крайне неопределенный термин, возникший в церковной среде для обозначения всего нехристианского, дохристианского. Этим термином должны были покрываться самые разнородные и различного исторического уровня религиозные проявления: и мифологизированная религия античного мира, и представления первобытных племен, и дохристианские верования практически всех народов. Однако во всеобщности, всеохватности термина «язычество», одностороннего по происхождению и сумбурного по существу, есть одно несомненное достоинство: расплывчатый термин пригоден для обозначения всех стадий первобытных религиозных воззрений вплоть до появления выросших из язычества мировых религий.

«Славяно-русскую часть обширного общечеловеческого языческого массива ни в коем случае нельзя понимать как обособленный, независимый и только славянам присущий вариант первобытных религиозных представлений. Вычленение славяно-русского обряда происходит лишь по этногеографическому, локальному принципу, а не по каким-либо специфическим чертам, которые могут выявиться (а могут и не выявиться) в процессе последующего рассмотрения» [3, с. 247].

Под язычеством прежде всего понимают многобожие. Это основное его отличие от монотеистических религий. Принято считать, что языческие боги – это лишь обожествленные природные явления. Но так ли это?

Действительно, боги являются воплощением природы. Лики богов – это лики природы. Каждым природным явлением управляет свой бог: Перун – грозой и дождем, Стрибог – ветром, Хорс – солнцем, Симаргл – огнем, Сварог – небесным огнем и т. д. Славяне всегда почитали природу, прославляли ее красоту и совершенство в песнях, мифах и сказках

Славянские боги являются символами и образами, в которых сокрыто богатое содержание. Кроме природных стихий Боги олицетворяют различные чувства, качества и проявления: Сварог – мудрость; Лада – любовь; Перун – сила, мужество, честь, справедливость; Велес – знания; Коляда – жизнь, мир; Карачун, Мара – смерть; Лед – война и так далее. Все это присутствует в человеке.

Языческий календарь связан с космосом и природой, а не с сельскохозяйственными работами (как иногда принято считать). Проведение сельскохозяйственных работ зависит от природы. Годовой цикл разбит на четыре периода: зимний, весенний, летний и осенний. Границами служат дни равноденствия (солнцевороты). Для каждой части существуют свои праздники. Эти праздники связаны прежде всего с временами года.

Календарь – это отражение природы. Славянский календарь имеет форму колеса. Это – Сварожье Коло. Колесо – это бесконечность жизни. Коло – это не только календарь, это еще и символ жизни человека, ее непрерывности и бесконечности. Как и коло, жизнь разделена на четыре этапа: рождение и детство (весна), молодость и сила (лето), зрелость и увядание (осень), старость и смерть (зима). Но за смертью наступает жизнь, и за жизнью наступает смерть. Жизнь, как и коло, не имеет начала и конца, она бесконечна. Это основные этапы, они отмечены на календаре. Поэтому языческий календарь и содержал четыре основных праздничных обряда: Масленица, Купала, Рада и Коляда. Все обряды, кроме Рады, существуют и сегодня.

Древние праздники и обряды сохранились благодаря тому, что народ продолжал, несмотря на все запреты, праздновать и соблюдать обычаи своих отцов и дедов. Но первоначальный смысл праздников и обрядов

был забыт. Старые легенды, мифы, сказки, песни наполнились новыми символами и образами. И происходило это после революции 1917 года, когда все и языческие и христианские обряды были запрещены и заменялись новыми, но в глубинке эти обряды сохранялись. Рассмотрим главный обрядовый праздник – Масленицу, которая справляется и ныне. Изначально Масленица – это буйный и разгульный праздник весеннего равноденствия, встречи солнца и заклинания природы накануне весенней пахоты.

Масленица почти совпадала на Руси с праздником Нового года, приходившимся по древнерусскому календарю на 1 марта.

Отмечали Масленицу с исключительным размахом, нигде не было ни одного человека, который позволил бы себе отклониться от участия в игрищах. Праздника ждали так сильно, что даже начинали встречать его раньше времени. Уже с субботы предыдущей недели отмечали так называемую «малую Масленку», причем делали это очень своеобразно: дети бегали по деревне и собирали лапти, потом встречали тех, кто возвращался с покупками из города задавали вопрос: «Везешь ли масленицу?», и, если человек отвечал «Нет», его били лаптями.

В этот же день с особым азартом катались с гор на санях, салазках, чаще – на обледенелых рогожах, и это была отнюдь не простая детская забава. Дело в том, что существовало особое поверье: кто дальше прокатится, у того будет больше счастья и денег. И уж обязательно съезжали с горы молодожены.

Петр I, который, как известно, не особенно жаловал своим вниманием русские народные праздники, тем не менее, ежегодно особым указом постановлял строить в Москве и Петербурге ледяные горки огромных размеров. Самая крупная горка в Москве строилась традиционно у Красных ворот. Именно там Петр, прилюдно прокатившись с горки на специально к этому случаю изготовленных санях и покачавшись со своими ближайшими сподвижниками на качелях, открывал масленичные торжества.

Каждый день масленичной недели имел свое название: понедельник – «встреча», вторник – «заигрыш», среда – «лакомки», четверг – «разгул», пятница – «тещины вечерки», суббота – «золовкины посиделки», воскресенье – «прощеный день», «проводы масленицы». Вся неделя именовалась «честной, широкой, веселой».

Масленичные обряды очень необычны и интересны, так как они сочетают в себе завершение периода зимних праздничных ритуалов и открытие нового, весеннего периода праздников и обрядов, которые должны были способствовать получению богатого урожая. Поэтому в основе Масленицы лежит идея встречи-проводов, которая прослеживается во всех обрядах в входящих в масляничную неделю:

К поминальным обрядам относятся сжигание чучела, выпекание блинов и приготовление другой поминальной пищи. Такой, например, как рыба, которая в силу своей немоты осмысливалась в народной культуре как одна из ипостасей душ умерших. Да и снег тоже считался воплощением душ умерших, поэтому он использовался для гаданий, а блины на масленицу замешивались на талой снежной воде.

С поминальным комплексом обрядов связаны и запреты на выполнение в этот период определенных хозяйственных видов работ, причем исключительно женских, таких как прядение и ткачество.

Эти запреты объяснялись боязнью навредить незримо присутствующим рядом душам умерших людей. Особенно эти запреты касались вечернего времени, из-за чего все вечера на масленицу назывались святыми.

Нарушение запрета грозило бедами и неприятностями не только для людей, но и для скота.

Масленичные костры – это тоже поминальный обряд, так как они служили своего рода приглашением умерших предков к обильному ужину накануне поста, тем самым происходило «задабривание» духов на целый год вперед.

Брачно-семейный комплекс обрядов связан с брачно-семейной тематикой, так как считалось, что брачные отношения должны были способствовать пробуждению земли и росту растений, обеспечивать будущий урожай.

Молодоженам устраивали «смотрины», ставили их к столбам у ворот и заставляли целоваться у всех на виду. На масленицу теща приглашала молодых в гости «на блины» и должна была помазать голову зятя маслом, «чтоб был ласковым, и к жене так же примаслился».

Третий комплекс масленичных обрядов – это **земледельческий комплекс**. Все эти обряды связаны не с хлебными злаками, а с волокнистыми – льном и коноплей.

Лен и конопля – растения, так или иначе связанные с женским трудом, поэтому в большинстве случаев масленица воспринималась как женский праздник, и в большинстве обрядов женщинам отводилась главная роль (золовкины посиделки, тещины блины и т. д.).

Сегодня набор масляничных обрядов не сохранился, единственное, что осталось, – это сжигание чучела и блины, а в деревнях, где сильны народные традиции, существуют золовкины посиделки и обязательный приход к теще на блины. Все остальное осталось только в описаниях и воспоминаниях старых людей.

Значение Купалы трудно переоценить даже в нашем современном обществе.

При пристальном рассмотрении большинства ритуалов и обрядов Купалы мы можем с полной уверенностью утверждать, что участие в данном празднике позволяет снять с себя большое количество комплексов и сегодняшних противоречий. Потому что:

1) купала – купать – купель – капель – капище. Подразумеваются все очистительные ритуалы и обряды, предназначение которых – восстановление энергетической целостности человека, его здоровья;

2) купала – купить – копить – выкуп – прикуп – покупать – обмыть покупку. Подразумевается приобретение благосостояния и богатства. Восстановление духовно-материального равновесия;

3) купала – праздник любви. Взаимодействие Неба (Сварога) и Земли (Макоши) – есть Вселенская Любовь. «Как на Небе, так и на Земле» (Свод законов Сварога). Взаимодействие мужчины и женщины – есть земная любовь. Купала – праздник земной любви. Данный обряд великолепно показан в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев»

Основная функция Купалы – объединение (купа) полярных энергий на основе любви, а не борьбы. Небо – Земля, Огонь – Вода, Мужчина – Женщина.

Купальская ночь – время для встречи суженых, зачатия детей и укрепления семьи на основе взаимопонимания и благосостояния.

Но вряд ли кто из организаторов, а тем более из пришедших на праздничный обряд, сегодня помнит об этом.

26 июля 1998 года в с. Поливанове, Барышского района Ульяновской области, где работала фольклорно-этнографическая экспедиция Ульяновского государственного педагогического университета (рук. М. Г. Матлин) была сделана запись традиционного и типичного для данной местности свадебного обряда «Поиски ярки» (невесты). Один из участников экспедиции «внедрился» в группу ряженных и сделал аудиозапись. «Данный обряд может быть определен как типичный для нашей области, хотя его не отнесешь к числу развернутых. Но для участников этого действия неважно, с какой степенью полноты восстановлен этот обряд, главный элемент его – ряжение, проход по деревне, поиски “ярки” (новобрачной), проверка “врачом” состояния “ярки”, зачитывание “протокола” и этого достаточно, чтобы считать обряд проведенным» [4, с. 21].

Объем статьи не позволяет привести полный текст данного обряда, но к старинному, а тем более языческому, он имеет довольно отдаленное отношение.

Подобное происходит и с обрядами Коляды, суть которых сводится к тому, чтобы собрать больше сладостей и прочей праздничной еды. Хотя это только элемент обряда. Основное – зимний солнцеворот, поворот на лето.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующий вывод: повторять обряды в первоначальном виде, как они существовали два-три века назад, сегодня не имеет смысла. Изменилось время, изменились отношения, изменился образ жизни в городе и на селе. И то, что делали наши предки, современникам будет непонятно. Но основное, что необходимо в сегодняшнем обряде, – это его смысловое значение. И не все обряды, возможно, нужны сегодня. Главное, нужно разделить обряды на два вида: 1) обряды, которые можно и нужно показывать со сцены, без привлечения всех присутствующих; 2) обряды, в которых участвуют все присутствующие, понимая, что они делают и для чего, при этом действия могут видоизменяться, но цели и задачи – никогда. В этом случае мы постепенно вернем культуру обряда, которая ныне позабыта, а понимание значения обрядов крайне необходимо сегодня. Не зная прошлого, трудно жить в настоящем, а тем более передавать что-то в будущее.

Литература

1. Асов, А. И. Песни птицы Гамаюн [Текст] / А. И. Асов. – М., 2003. – 197 с.
2. Повесть временных лет – Откуда есть, пошла Русская земля [Текст] // Летопись Руси, составленная из разных сводов / пер. Д. С. Лихачева. – М., 1987. – 221 с.
3. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси [Текст] / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – 532 с.
4. Матлин, М. Г [Текст] / М. Г. Матлин // Живая старина. – 1999. – № 3.
5. Суханов, И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений [Текст] / И. В. Суханов. – М., 1976. – 197 с.
6. Советский энциклопедический словарь [Текст] / науч. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
7. Сказание о Словене и Русе и городе Словенске – Отрывок из Хронографа 1679 года [Текст] // Полн. собр. русских летописей. – Л., 1977. – Т. 31. – 497 с.

Е. П. Шаянова

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СТАРОЖИЛОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Духовная культура – одна из сторон общей культуры человечества, противопоставляемая и корреспондируемая с культурой материальной. В качестве духовной культуры выступают те явления, которые связаны со знанием, интеллектуальной, а также эмоционально-психологической деятельностью человека, – правила, образцы, эталоны, модели и нормы поведения, законы, ценности, церемонии, ритуалы, символы, мифы, знания, идеи, обычаи, традиции, язык, искусство [см.: 1, с. 150].

Основу традиционной духовной культуры составляет народный календарь. Календарь коренного сибирско-русского крестьянства связан с определенными днями года – выгоном скота на поле и жатвой и т. д. Все это сплачивало людей, составляло единый и нерушимый уклад жизни [см.: 2, с. 9].

Задолго до принятия христианства восточные славяне выработали собственную систему счета времени, название месяцев, дней недели. В основе этого счета лежала ритмичная смена фаз луны. Существовали даже специальные названия лунных фаз в древности: новолуние называлось «межи», молодой серп – «новец», первая четверть – «новый перекры», фаза около 10 дней – «подполонь», полнолуние – «полонь», старый серп – «ветох».

Новый год у восточных славян начинался с появления новой луны в первые весенние дни, близкие к весеннему равноденствию, когда природа пробуждалась от зимнего сна. Поэтому в народе долгое время продолжали придерживаться мартовского исчисления.

Новогодье справляли сразу же после зимнего солнцеворота, поскольку земледелие всецело зависело от тепла, посылаемого солнцем. Предновогодние и первые дни Нового года обычно называли святками. Продолжались они 12 дней: с 7 по 14 января (с 25 декабря по 6 января по старому стилю) – их называли «святыми вечерами», с 14 по 19 января (с 6 по 11 января по старому стилю) святки нарекли «страшными вечерами».

Деление Новогоднего периода на светлую и темную часть восходит к весьма отдаленным верованиям, когда полагали, что радость от «разгорания солнца» и удлинения дня непомерно бесит вредоносную нечисть, устраивающую всякие козни на вечерах, на крестьянских игрищах [см.: 3, с. 36–37].

Кроме обычных церковных праздников и полупраздников в этот календарь входят также дни тех или иных святых, почитаемых в деревне. С одними, по понятиям сибиряков, совпадает смена годовых периодов («солнце на лето – зима на мороз» – говорится в день Спиридона Солнцеворота – 19 декабря). С другими днями связано время весенних «игриш». По словам старожил: «Пасха являлась началом свадеб» [4, с. 142].

В понятие «праздники» коренные сибирские крестьяне, как и российские, вводят элемент необходимости полного прекращения важных работ дома и вне его. Этого требует не только религиозное настроение, но и естественное желание отдыха, потребность в удовольствии и т. п.

Одним из самых любимых праздников у старожильческого населения Западной Сибири была Масленица. Важнейшим признаком этого

праздника исследователи считают изменение всего распорядка жизни. По мнению ученых, в народной культуре существовало резкое разделение будничного и праздничного поведения. Определяя особенности праздничного поведения, Т. А. Бернштам пишет: «Праздничное поведение включало полную праздность, постоянное столование с приемом гостей и хождением в гости, питье и пение песен» [5, с. 215].

Другим признаком праздника было преобразование «обстановки и внешнего облика людей», иными словами, украшение жилища и праздничная одежда.

В разных старожильческих деревнях отмечать Масленицу начинали с четверга, пятницы или даже субботы. Четверг назывался «широким», «разгульным», «переломным». На этот день приходился пик празднования и обрядового разгула [см.: 3, с. 137].

Восприятие четверга как главного дня обряда способствовало его сохранению в праздновании в период сокращения Масленицы, с другой стороны, в масленичный четверг совершались обряды, направленные на благополучие скота.

Так, по заключению Т. А. Агапкиной, в семантике четверга «явно преобладала скотоводческая тема». Обрядовые действия в этот день были направлены на то, чтобы обезопасить скот от болезней, чтобы хорошо рос и развивался молодняк. С этой целью изготавливалась особая еда или устраивались обрядовые пиршества [см.: 5, с. 201–203].

Благодаря названным причинам, в начале XX века в ряде поселений четверг отмечался реальным празднованием и сопровождался запретами на работу: «С этого дня принято отсчитывать полный запрет на любые виды работ, распространяемый на все оставшиеся дни масленичной недели» [2, с. 41].

Однако в практике сельской жизни допускалось исполнение работ, даже тяжелых (косьба, жатва и проч.), не только по воскресным дням, как это сплошь и рядом совершается в страдное время. Недаром говорится: «Мужик проказник, работает и в праздник». Подобные нарушения церковного устава допускались сибирскими крестьянами по следующим мотивам:

- крестьяне бывают вынуждены работать по воскресеньям вследствие недостатка рабочих рук и страдной спешки, требующей выполнения в короткий срок тяжелых и важных работ по сенокосу, уборке хлеба, сложной рыбной ловли и т. д.

- идти в праздники на поденщину членов малосостоятельных семей заставляли хроническое безденежье, нужда семейная или личная, уплата

податей и повинностей. «Помочанин считал себя вполне вознагражденным за свою праздничную работу. Его религиозная совесть оставалась спокойной, так как, по его мнению, грех за праздничный труд падает на устроителей помочей и поденщин» [6, с. 34].

Несмотря на сокращение сроков, Масленица начала XX века сохранила свою главную особенность – общественный характер и широту празднования, а также участие в нем разных возрастных групп.

В начале XX века русская Масленица сохраняла в традициях свой разгульный характер. В это время в деревнях сохранялась и такая черта Масленицы, как активная «гостьба», или «гощения»: жители в селениях могли приезжать в гости, не ожидая для этого специального приглашения. Каждый приехавший становился «гостем» и участвовал в праздничных пирушках, которые сибиряки-старожилы называли «гулянками» [см.: 7, с. 4]. По мнению В. И. Даля, праздник назывался «всемирный праздник», то есть отмечаемый всем миром, всей общиной [см.: 8, с. 191].

Как правило, для гуляния вначале объединялось 3–4 семьи. Но в ходе празднования компания становилась более многочисленной, поскольку к каждой семье приезжали родственники из других деревень.

В начале XX века в масленичных старожильческих пирах была очень важна *коммуникативная сторона*, возможность праздничного общения далеких и близких родственников и друзей. В большинстве же старожильческих деревень особых ритуальных действий при этом не зафиксировано, но ряд моментов сохраняет стабильность: это веселый характер масленичных застолий, их чередование с катаниями на конях, а также количество и состав съедаемой пищи.

В этот период переплетаются разнонаправленные виды магии: *инициальная* (магия начала), *продуцирующая*, *охранительная*, *очистительная*. Соблюдение запретов и магические действия были призваны уберечь скотину и приплод от сглаза и порчи, обеспечить им здоровье и хорошие удои. В таком контексте магическую значимость имела и молочная пища: ее наличие в масленичном меню было направлено на то, чтобы домашний скот обеспечивал крестьянскую семью молочными продуктами для следующей Масленицы, то есть был здоров и плодороден.

Важным обрядовым действием на Масленице было катание с ледяных гор, существовавшее почти на всей территории России.

В большинстве местностей катание с гор начиналось на Масленичной неделе. Эти данные подтверждаются публикациями XVIII века [см.: 9, с. 43] и работой А. Макаренко, называющего днем открытия катаний «...воскресенье Масленной недели» [4, с. 140]. На наш взгляд,

прикрепленность катания к Масленичной неделе свидетельствует о его восприятии как *обрядового* или *ритуального* действия, размывание же временных границ выводит его на уровень бытового развлечения [см.: 7, с. 123–124].

В XVIII веке в катании с гор участвовали разные половозрастные группы. В дорожном журнале С. П. Крашенинникова запечатлен состав участников катания: «Во время Масленицы по городам уливают водою катушки, на которых во всю неделю почти всего города девицы и женщины вместе с мужиками на коровьих кожах катаются» [9, с. 64].

Исследователи неоднократно отмечали особую эротическую атмосферу, сопутствующую Масленице у разных народов. Так, по заключению Т. А. Агапкиной, эту атмосферу создавали обрядовое обнажение и сквернословие, неприличные жесты, обрядовые куклы с подчеркнутыми признаками половой принадлежности, свободные формы межполового общения, особый обрядовый фольклор, а также другие особенности праздника [см.: 5, с. 184].

Выделяется ритуально-статусный характер гуляний с участием молодоженов. Сама поездка молодоженов воспринималась старшими как проявление уважения со стороны молодой семьи. Совместные гуляния с родственниками формировали чувство семейной общности, которая в традиционной культуре воспринималась как одна из главных ценностей жизни [см.: 10, с. 97].

Перед годовыми праздниками (Пасхой, Троицей, Петровым днем, Успенем, Покровом, Казанской, Рождеством, Масленицей) старожилы моют избы, белят горницы, варят домашние «пива», изготавливают различные печенья из пшеничной муки и крупчатки, варят холодцы, жарят жаркие и т. д.

«Праздником праздникам» считается «красная неделя», или Пасха. Это первый весенний общенародный праздник. Пасха в Красноярском Приангарье высчитывалась по «мартовскому светилу» и по високосу, а также в связи с «Масляной», так, после нее «поста семь недель, Пасха – восьмая неделя».

Первый день Пасхи носит название Христова дня. В этот день повсеместно совершается заутреня, именуемая, по местному, «Христова» или «Христовска заутреня». Христосуясь друг с другом, обмениваются «крашонками». При этом существует такое поверье: «На светло Христово воскресенье обменяйся яичком с первым встречным, положи его на божничку: три года пролежит, не протухнет. Это яйцо спасает от нечистого» [9, с. 105–106].

Приверженцы старого обычая влезают на крыши построек смотреть, как играет солнце, которое, по их поверью, также радуется этому празднику.

В Пасху бросать и лить за окно нельзя: «Христос под окнами ходит». Весь почти Христов день сидят дома, проводя время в еде, питье и отдыхе. В гости приличествует идти перед вечером. После чего посещения гостей продолжаются всю «красну неделю».

Пасха – начало уличного веселья деревенской молодежи, хороводов, игрищ, проходящих на полянках. Молодежь устраивала игрища и хороводы под открытым небом – «на полянках» и «в улицах», которые продолжались местами до Троицы и даже до самой страдной поры.

Одна из неизменных принадлежностей увеселений молодежи – «качули» (качели), которые устраивались на следующий день Пасхи.

Обыкновенно «качули» устраивались на окраине деревни или в сторонке на большой широкой «улке», на площади, иначе говоря, «на полянке», представляющей удобства для увеселения на открытом воздухе. Если кто упадет с качели и убьется насмерть, того, говорят, необходимо похоронить на этом же месте.

Со второго дня «красной недели» молодежь обоего пола открывала свои весенние хороводы и игрища. Они ходили с песнями «кругом» и «воротцами», «просо» и «лен» сеяли, играли в «денщики» и «разлуку».

Молодые ребята состязались в сбивании палками городков, лапту, ярки, играли в бабки, сбивая их битками.

Дни съезжих праздников старожилы-сибиряки любили почитать многолюдными съездами приглашенных гостей, широким хлебосольством.

Существовали праздники и в другие дни – обетные. Различают также дни и праздники «бабьи», то есть почитаемые женщинами, праздники для различного возраста деревенской молодежи.

Отмечаются праздники и дни «промышленных» людей и других общественных групп, а также праздники и дни, связанные с народной медициной и ветеринарией, с различными обычаями и суевериями и т. д.

Кроме того, сибиряки знают полупраздники. Это такие дни, почитание коих не повсеместное и не обязательное для всех и каждого. Полупраздники почитались далеко не всеми односельчанами и не в одинаковой степени. А если выполнялись всеми, то с некоторыми ограничениями в проведении самой работы: начинают ее с полудня или воздерживаются только от тяжелых форм работы (возка леса и т. п.). В другом случае сами трудятся весь день, но освобождают от работы лошадей (в день Фрола и Лавра, 18 августа) [см.: 11, с. 123–124].

Сибирский народный календарь, разумеется, также признает деление дней и праздников по четырем временам года. На это указывают такие названия некоторых праздников, как, например, «Егорей Вешной» 23 апреля, «Никола Вешной» 9 мая и «Никола Зимней» 6 декабря; конечно, с этими названиями упомянутые святые, чтимые русским народом, вышли из России, сибиряки сохранили их народные имена в более или менее в чистом виде, по дням этих святых они привыкли расчислять свои занятия, досуг, ожидания и т. п. В реестре сибирского календаря числятся осенние праздники: «Покров» 1 октября, «Казанска» 22 октября и др., – и летние: «Ильин день» 20 июля и др.

Народный календарь старожильского населения Западной Сибири представляет собой в значительной степени перепев великорусского народного календаря. Однако топографические и климатические условия сделали сибирский народный календарь несколько специфичным и отличным от российского [см.: 12, с. 64].

Таким образом, рассматривая духовную культуру старожилов Западной Сибири, можно сказать, что она имеет свои особенности, которые отражают взгляд на исчисление времени, смену времен года, также распорядок работ и отдыха, и определяет степень сохранности праздников и обрядов, существовавших в течение длительного времени.

Литература

1. Культурология. XX век. Энциклопедия [Текст] / сост. С. Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1. – 398 с.
2. Капица, Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы [Текст] / Ф. С. Капица. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 406 с.
3. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: Весенне-летний цикл [Текст] / Т. А. Агапкина. – М.: Изд-во «Индрик», 2002. – 472 с.
4. Макаренко, А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении [Текст] / А. А. Макаренко. – СПб., 1913. – 342 с.
5. Бернштам, Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века [Текст] / Т. А. Бернштам. – Л.: Наука, 1988. – 315 с.
6. Логинов, К. К. Материальная культура и производственно-бытовая [Текст] / К. К. Логинов. – М., 1998. – 289 с.
7. Успенский, Б. А. Анти-поведение в культуре Древней Руси [Текст] / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Избранные труды. – М.: Изд-во «Школа. Языки русской культуры», 1996. – Т. 1. – 460 с.
8. Даль, В. И. Месяцеслов. Пословицы и поговорки русского народа [Текст] / В. И. Даль. – М.: ГИХЛ, 1957. – 901 с.
9. Мельников, Н. М. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири. Фольклор старожильского населения. Опыт типологии [Текст]: учебное пособие / Н. М. Мельников. – Новосибирск: Изд. НГПИ, 1988. – 306 с.

10. Новоселова, Н. А. Празднование масленицы в Енисейской губернии в XIX – начале XX вв. Проблема распространения, эволюции и семантики обрядовых действий [Текст]: учебное пособие / Н. А. Новоселова. – Красноярск: РИО ГОУ ВПОКГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. – 268 с.
11. Скалозубов, Н. Л. Русские старожилы [Текст] // Материалы Третьего сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г. Тобольск). – Тобольск – Омск; ОмГПУ, 2000. – 267 с.
12. Крашенинников, С. П. В Сибири. Неопубликованные материалы [Текст] / С. П. Крашенинников. – Л.: Наука, 1966. – 192 с.

Е. Н. Найдина

ПОСТФОЛЬКЛОР – ФОЛЬКЛОР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Проблемы, которые фольклористика стремится сегодня разрешить, связаны прежде всего с вопросами теории фольклора – вопросами, бывшими в центре внимания дискуссий еще в 60–70-е годы XX века. Так, Н. И. Кравцов писал: «Современное состояние фольклористики характеризуется, с одной стороны, известной незаконченностью в изучении ряда теоретических проблем, а с другой – расхождением в понимании сложных вопросов теории и методологии изучения фольклора, например специфики фольклора, его художественного метода, отношения художественной самостоятельности и фольклора» [3, с. 4–5].

Заметное влияние на состояние дискуссий тех лет оказали размышления В. Я. Проппа, которые были обобщены в сборнике статей «Фольклор и действительность», опубликованном в 1976 году.

Существенные проблемы были подняты в книге Л. И. Емельянова «Методологические проблемы фольклористики», отмечавшего, что две трактовки понятия фольклора (фольклор как словесное творчество и так называемая универсальная трактовка фольклора) так или иначе сводятся к вопросу о его специфике [2].

В. Е. Гусев в статье «Жив ли фольклор?» выделил три наиболее общих определения фольклора. «Фольклор – это:

- 1) устно-поэтическое народное творчество;
- 2) комплекс словесно-музыкальных, игровых (драматических) и музыкально-хореографических видов народного творчества;
- 3) народная художественная культура в целом (включая изобразительное, декоративно-прикладное искусство)» [1, с. 9].

По определению культуролога Н. Г. Михайловой, фольклор представляет собой «знаково-символическое выражение культуры» [4, с. 11].

В тезисе В. Я. Проппа о том, что «при социализме фольклор теряет свои специфические черты как творчество социальных низов, так как у нас нет ни верхов, ни низов, есть только народ», преобладает, как видим, социальная составляющая [8, с. 19].

Н. И. Толстой писал, что «применительно к славянскому материалу, то есть к материалу не доисторическому, можно с уверенностью сказать, что фольклор был всегда крестьянским, и крестьяне были той средой, которая не только хорошо сохраняла фольклор, но и создала благоприятные условия для его развития. Нельзя не признать, что классический фольклор с разветвленной системой жанров, с богатой традицией и с хорошо сохранившейся “живой стариной” бытовал и еще бытует только в крестьянской среде. С ростом городов, ремесел, с классовым и профессиональным расслоением общества появился тот вид устного или околослитературного творчества, который во многих странах назван “третьей культурой”, а у нас – городским, лубочным, или ярмарочным фольклором...» [10, с. 5].

Если на первых порах еще можно было достаточно определенно говорить о разграничении трактовок фольклора (как устно-поэтического творчества, как искусства слова, как формы «низовой» словесности и т. д.), то постепенно эти границы стирались, а сам объект фольклористики превращался в некий комплекс словесно-музыкально-драматических и танцевальных текстов (например, у В. Е. Гусева). При этом декоративно-прикладное творчество, или народное искусство, без которого немислимо бытование всего этого комплекса, стало отдельным (и независимым от фольклора) объектом изучения. Подобная тенденция, набиравшая силу еще с 20-х годов XX столетия (труды В. Василенко, А. М. Некрасова, затем Г. М. Вагнера и др.), привела к тому, что в поисках своего объекта и для определения своих специфических интересов среди смежных наук фольклористика попыталась всячески ограничить (фактически – сузить) данный объект в своих интересах. В результате в качестве фольклора стал рассматриваться только набор устно-поэтических вербальных текстов с отдельными музыкальными (нотно-графическими) вкраплениями. Все другие составляющие оказались предметом изучения искусствознания, театроведения, музыковедения и т. д. В результате вопрос о дальнейшей судьбе фольклористики на сегодняшний день остается открытым.

С одной стороны, существует мнение, что необходимо сохранять и возрождать традиционную культуру, а с другой – считают, что «процесс адаптации и поглощения традиционных форм современным искусством необратим» [7, с. 301].

Оба эти тезиса одновременно и правомерны и ошибочны. «Фантомы» традиционности всегда дают рецидивы: в обрядах, народной мифологии

(былички, верования) и т. п. современное искусство, используя элементы традиционной культуры, опирается на «фантом» новаций, например феномен примитивного искусства, вербальные тексты постмодернистов.

В статье К. Б. Соколова «Субкультурная стратификация и городской фольклор» ставится вопрос о фольклоре в его частных, субкультурных разновидностях, в частности говорится о городском фольклоре. Выявляя критерии фольклора, которые были предпочтительны в XIX–XX веках, Соколов выделяет анонимность, «непрофессионализм», вариантность, бифункциональность. Однако он пишет: «Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что ни один из этих критериев не позволяет сколько-нибудь надежно отделить “фольклорное” от “профессионального”» [9, с. 11].

Главной отличительной специфической чертой фольклора, на наш взгляд, является синкретизм. Остальные специфические черты, которые традиционно выделяют ученые, такие как устность, коллективность, вариативность, способы трансмиссии, полufункциональность и амбивалентность, можно выделить и в других видах искусства (литературе, музыке, танце и т. п.). Хотя некоторые жанровые их разновидности внешне также обладают чертами синкретизма (имеющего в основе генетическую нерасчлененность искусств), но это не синкретизм в фольклорном смысле, а синтетизм, который основан на соединении искусств.

Предлагаем выделять в стадильном развитии фольклора четыре разновидности синкретизма: «архаический синкретизм», который соответствовал первоначальной стадии развития народной культуры; «взаимодополняющий синкретизм», соотносящийся с «классической» стадией развития народной культуры; «технологический синкретизм», который, по нашему мнению, присущ стадии развития так называемой «третьей культуры», а также «синтетизм», соответствующий современной стадии развития (постфольклорная культура). Изменение функций фольклора и его синкретической основы можно представить следующим образом:

- первобытный фольклор – архаический синкретизм;
- классический фольклор – взаимодополняющий синкретизм;
- фольклор XIX – начала XX века – технологический синкретизм;
- фольклор середины/конца XX – начала XXI века – синтетизм как некое «равновесие функций» (термин Б. Малиновского).

Стадильное развитие предполагает не ступенчатое, а инерционное развитие синкретизма и постепенное перетекание его в «синтетизм». Элементы «архаического» и «взаимодополняющего» и даже «технологического» синкретизма можно выделить на различных этапах народной культуры. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «фольклорная традиция есть цепь

постепенных изменений, количественное накопление которых приводит к возникновению нового качества. В силу этого процесс сложения новых форм (жанровых и текстовых) представляется продленным во времени, имеющим трудноуловимое начало» [5, с. 3].

Сегодня очевидно, что фольклор «в чистом виде» нельзя выделить из контекста традиций национальной культуры, общественного сознания, образа жизни, способов художественного отражения мира и т. п., не затрагивая смежные явления, относящиеся к этим областям. Но каждая из них есть объект исследования определенной дисциплины – культурологии, этнографии, философии, эстетики, педагогики и др. Взаимодействуя с большим числом смежных наук, фольклористика тем не менее выработала свои специфические научные принципы и положения, которые остаются основополагающими для отделения ее объекта и предмета от объекта и предметов смежных научных областей.

Для дальнейшего рассмотрения функционирования фольклора в социокультурном пространстве необходимо ввести понятие фольклорного текста. Фольклорный текст – это целостная в смысловом и структурном отношении единица содержания в поле культурной традиции, выраженная языковыми средствами.

Однако в области фольклора функционирует не одна, а комплекс языковых или знаковых систем, включающих вербальные, интонационные (звуко-ритмические), изобразительные (в том числе – пластические мимические, предметно-символические), акциональные (кинетические) средства выражения, выработанные данной этнической общностью и традиционным образом кодирующие сложный спектр содержания и значения.

Изучение фольклорного текста как целостного феномена культуры выдвигает в качестве обязательного условия необходимость общих (по возможности общепринятых) исходных теоретико-методологических принципов и установок. Одновременно это создает условия для формирования общей концептуальной базы фольклористики, позволяющей проводить не только специальные субдисциплинарные разыскания (в том числе в смежных областях), но и общетеоретические исследования, интегрирующие полученные таким образом разнопредметные знания в целостную научную систему – фольклористику.

Структурное и содержательное усложнение аспектов изучения фольклорного текста, все более дробящиеся формы его бытования, а также известное «распыление» его манифестаций в современном культурном пространстве – все это объективно приводит к росту числа наук,

в тех или иных ракурсах изучающих фольклор. Параллельно возникают специальные разделы в тех дисциплинах, которые каким-либо образом связаны с изучением фольклора, и их число постоянно растет. Если вплоть до второй половины XX века фольклор изучался прежде всего филологами, этнографами и искусствоведами (разных отраслей), то за последнюю четверть века к ним присоединились культурологи, социологи, психологи, педагоги, философы.

Наука не может исследовать фольклор вне культурного контекста, вне контекста реального исторического процесса. Контекст – это не просто пространственно-временные условия реализации фольклорного текста, но и значительность совершаемого события в культурной традиции в целом. Различают два значения, в котором оно употребляется фольклористами:

1) то, о чем говорится в фольклорном сообщении, по поводу чего совершается фольклорная коммуникация;

2) та ситуация, в которой коммуникация осуществляется.

Многие проблемы современной фольклористики объясняются отставанием ее исследовательских приоритетов от тех изменений, которые происходят в реальном фольклорном процессе. Динамика этих изменений, начиная со второй половины XX века, с возрастающей интенсивностью захватывает все аспекты бытования фольклора и его контекста. Фольклористика оказалась малоподвижной, не способной в полной мере оценивать и тем более прогнозировать масштабы возникающих новаций.

Смена культурной парадигмы в середине XX века (от полного отрицания традиционной культуры к фольклорному взрыву) привела к тому, что кардинально изменилось пространство бытования самого фольклорного текста, его существования помимо устной традиции. Произошло пространственно-временное изменение фольклорного текста, что привело к утрате магических функций обрядовой культуры, а следовательно, и к потере значимости совершаемого события в культурной традиции в целом. В конечном итоге это может привести к полному разрушению обрядовой культуры, а следовательно, к утрате самобытности русской народной художественной культуры.

Фольклорный процесс уже немыслим без «печатного станка», без профессионального искусства, без привычного нам «голубого экрана», а теперь и Интернета. Невозможно не учитывать виртуально-информационные формы фольклора. Появление все новых и новых технологических ресурсов не означает гибели фольклора, оно лишь способствует

его включению в новое культурное пространство. Фольклорный текст получает новую жизнь, новый смысл, новые социальные и культурные параметры.

Следует учитывать, что современный фольклор в большей степени «вписывается» в мировое культурное пространство с его многоязычием, смешением национальных традиций, одежды, пищи, форм поведения, унификацией и упрощением обрядовых комплексов, превращением национальных обычаев в формы развлечения и т. п.

Современное состояние фольклора можно характеризовать как систему расходящихся концентрированных кругов: в центре – архаика, дальше – новообразования, при этом объем традиционного фольклора уменьшается за счет прирастания новых элементов народной культуры. Период середины XX – **начала XXI века характеризуется новыми явлениями**, появившимися в народной культуре: корпоративный фольклор, примитивизм, китч (самодеятельный), визуальные формы народного творчества, виртуальный фольклор и т. п. Получил довольно широкое распространение термин «постфольклор», предложенный С. Ю. Неклюдовым [6].

Исследователь отмечает, что жанровый ассортимент постфольклора – по сравнению с фольклором традиционным – изменяется самым радикальным образом. Уходят в прошлое почти все старые устные жанры – от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются жанровые комплексы относительно недавнего происхождения (например, городские песни и анекдоты), либо существенно модифицированные – современные мемораты и предания, включая такие слабо структурированные тексты, как слухи и сплетни. Очевидно то, что современные жанровые формы, возникшие в недрах «третьей культуры», почти не изменяются. Изменяется их содержательно-идеологическая, «технологическая» и трансмиссионная составляющая, именно такие изменения дают повод говорить не о «постфольклоре», а о «постфольклорной культуре», пришедшей на смену «третьей культуре».

Современный «фольклор» социально-профессиональных групп – это своеобразная «игра» (перформанс), которая должна создать впечатление «особости», непохожести на обыденность. Поэтому такие произведения могут содержать в себе «крайние» эстетические категории: безобразное (страшное) и прекрасное (красивое), комическое и трагическое. Здесь нет психологических полутонов, все резко очерчено, до предела «логично» и структурировано.

В современной «постфольклорной культуре» нет фольклора в традиционном смысле (хотя бытуют некоторые жанры традиционного фольклора, но они являются уже привнесенными из книжной традиции,

«вторичными»), а существуют произведения, которые созданы на основе синтеза элементов фольклора (как формы, так и содержания) и элементов индивидуального творчества (в разных видах искусства). Все эти культурные явления имеют «синтетическую» основу, то есть являются синтезом нескольких самостоятельных видов искусств, технических и технологических достижений, каждое из которых самодостаточно. Народное творчество «сплавляет» эти элементы воедино, потому что его творческий потенциал не может реализоваться в профессиональных формах, есть потребность (в определенной «невзыскательной» народной среде) именно в «полупрофессиональном», массовом творчестве.

Но, несмотря на имеющиеся по данной теме довольно многочисленные работы, вопрос культурных взаимосвязей и поныне представляет большой интерес. Наиболее актуальными в исследовании этой проблемы являются процессы создания, бытования и трансмиссии текстов «третьей культуры».

Анализ ситуации, сложившейся в русской фольклористике конца XX – начала XXI века, дает основание говорить о наличии у нее необходимого потенциала для решения масштабных задач.

Учеными разных поколений, разных научных центров и регионов, представителями разных отраслей фольклористики собран, сохранен, в значительной части систематизирован огромный текстовый материал. Опубликован ряд фундаментальных теоретико-методологических трудов, подытоживших наработки российской фольклористики в XX веке, определивших направления дальнейших поисков. Фольклористика всегда успешно решала и продолжает решать стоящие перед ней задачи, соответствующие духу времени.

Литература

1. Гусев, В. Е. Жив ли Фольклор? [Текст] / В. Е. Гусев // Живая старина. – М., 1995. – № 2. – С. 9–15.
2. Емельянов, Л. И. Методологические вопросы фольклористики [Текст] / Л. И. Емельянов. – Л., 1978. – 223 с.
3. Кравцов, Н. И. Проблемы теории фольклора [Текст] / Н. И. Кравцов // Проблемы фольклора. – М., 1975. – С. 4–8.
4. Михайлова, Н. Г. Народная культура как целостный феномен: культурологический подход [Текст] / Н. Г. Михайлова // Традиционная культура. – М., 2002. – № 3. – С. 11–19.
5. Неклюдов, С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспект [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Традиционная культура. – М., 2002. – № 3. – С. 3–18.
6. Неклюдов, С. Ю. После фольклора [Текст] / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. – М., 1995. – № 1. – С. 4–13.

7. Позднеев, В. А. «Третья культура». Фольклор. Постфольклор [Текст] / В. А. Позднеев // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. – М., 2005. – С. 300–308.
8. Пропп, В. Я. Специфика фольклора [Текст] / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность – М., 1979. – С. 19–26.
9. Соколов, К. Б. Субкультурная стратификация и городской фольклор [Текст] / К. Б. Соколов // Традиционная культура. – М., 2000. – № 1. – С. 11–17.
10. Толстой, Н. И. От А. Н. Веселовского до наших дней [Текст] / Н. И. Толстой // Живая старина. – М., 1996. – № 2. – С. 5–10.

О. В. Киштеева

МАГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ХАКАССКОГО КОСТЮМА В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Народный костюм в традиционной культуре выполняет ряд функций, одной из которых является функция магическая. Наиболее ярко выражена магическая функция в костюме праздничном и достигает своего логического завершения в костюме ритуальном. Проявление магической функции связано в первую очередь с практической сферой, которая является отражением мировоззренческой системы.

В обрядах и магических действиях могут использоваться как части костюма, так и весь костюм в целом. Необходимо отметить, что праздничный костюм отличается продуманным составом, каждая часть которого имеет глубокий сакральный смысл. На уровне бытовых магических обрядов сакральный смысл несли части повседневной одежды. В праздничном костюме в концентрированном виде проявляется не только народная эстетика. Зачастую в традиционном искусстве основной действующей силой является не только проявление творческих способностей человека, но и глубинное желание защититься от злонамеренных проявлений враждебных сил. В костюме, как в предмете, непосредственно облекающем и материально повторяющем человеческое тело, наиболее значимые и уязвимые части выделялись кроєм, декором, насыщались различными аксессуарами; для традиционного сознания значение магической функции трансформировалось в эстетическую. Так, например, основой простейшего геометрического орнамента многие исследователи считают сакральный знаковый смысл, и чем проще знак, тем древнее символ, при этом сходные по изображению мотивы могли возникнуть в различных удаленных друг от друга территориях, зачастую не имеющих историко-культурных связей. Одним из таких универсальных орнамен-

тов-символов является циркульный орнамент, который хронологически простирается от позднего неолита до современности и является практически универсальным [1, с. 473].

Исследования, посвященные изучению традиционных культур, выделяли прежде всего в их основе мифологическое начало, которое определяло все связи внутри различных культурных феноменов: языке, религии, характере трудовых действий, социальных отношениях и так далее. Исследование феномена магии в культуре в первую очередь привлекло внимание этнографов, так в известном исследовании Дж. Дж. Фрезера, посвященном магии и религии, дается определение магическому мышлению и законам магии в первобытной культуре. Автором вводится понятие симпатической магии, которая основана на принципе подобия. Согласно этому принципу, на человека можно воздействовать, совершая различные действия с принадлежащими ему предметами – в первую очередь с одеждой и органическими предметами, ему принадлежащими, – волосами, ногтями и т. д. Таким образом, магия подобия основывается на ассоциации. Согласно ассоциативному мышлению, превращение образа в знак также основывается на ассоциации и имеет сходный механизм. В целом Дж. Фрээр выделяет два принципа магического мышления: первый – основанный на законе подобия (гомеопатическая магия), а второй – на законе соприкосновения или заражения (контагиозная магия) [2, с. 18]. Дж. Фрээр в целом представляет магию как пережиток первобытного общества, в то время как религия становится следующей ступенью развития магического сознания. По мнению автора, гомеопатическая магия основывается на подобии вещей, которое воспринимается как их идентичность, а контагиозная исходит из того, что вещи, которые однажды находились в соприкосновении, пребывают в контакте постоянно [2, с. 19]. В своем значении для традиционного общества костюм представляется как культурная оболочка, непосредственно находящаяся в постоянном контакте с человеком, носящая отпечаток его индивидуальности и являющая собой материальную оболочку его духовной сущности. Так, в представлениях хакасов, связанных с одеждой, существует ряд запретов, указывающих на то, что одежда мыслилась не только как защитная оболочка, но даже как продолжение его тела или его вещный аналог. Например, нельзя было крутить шапку, чтобы не закружилась голова, оставлять стоящими снятые сапоги, чтобы отдохнули ноги; при ранении человека режущим оружием, не зашивали прорезь одежды, пока рана не заживет – такие представления демонстрирует тождество искусственной оболочки и человеческого тела. В подобных суевериях просматривается та же симпатическая магия, основанная на ассоциировании человека

с его культурной оболочкой. Следует отметить, что закон магического подобия относится и к цвету одежды. Так в традиционной хакасской медицине, в ритуале излечения желтухи, использовали одежду желтого цвета, сильным магическим средством являлись мужские штаны, их зачастую использовали при окуливании и лечении любого внезапного заболевания, больного человека обмахивали мужской одеждой, а затем ее стряхивали за порогом жилища. Возможно, согласно хакасским традиционным представлениям, мужские штаны принадлежали к плодородному началу, которое имело сильное магическое действие [см.: 3, с. 6–11].

Исследования феномена магии в первобытной культуре рассмотрены в работе Э. Тайлора. В ней культура трактуется с точки зрения связи пережитков культуры с цивилизацией. По мнению автора, устойчивость пережитков (суеверий и магических действий) в культуре есть продолжение «какого-то более древнего состояния, в котором и следует искать объяснения ставшим непонятными обычаям и воззрениям» [4, с. 66]. В целом, согласно Э. Тайлору, анимизм является побудительной причиной не только зарождения магии, но и всех религий: «Первая и главная причина превращения ежедневных фактов в миф есть верование в одушевление всей природы – верование, которое достигает высшей точки своей в олицетворении ее» [4, с. 129]. Вера в духов побуждает человека традиционной культуры производить обряды и обереги, защищающие от неблагоприятных воздействий, такова функция украшений, принадлежность которых регламентирована и имеет функцию сакральной принадлежности к высшим оберегающим силам. Так, в хакасском женском нагрудном украшении *ного* некоторые исследователи видят личину богини Умай, покровительницы детей и материнства. Передача этого женского украшения от матери к дочери имела функцию аккумуляции положительного начала и передачи родового плодородия. Функции оберега выполняли пуговицы, раковины каури, кольца, серьги, женские височные украшения *улу* *ызырга*, у мужчин – пояс, который являлся знаком социализации и половозрастной идентификации.

В исследовании социальной функции священного М. Мосс определил в истоках магии первичную форму коллективных представлений, которые позже становятся основанием интерпретационных схем индивидуального сознания. Так, М. Мосс считал, что магические свойства и действия имеют своим источником социальные соглашения, которые играют роль своеобразного мифа [5, с. 228]. Для магического сознания свойственны собственные понятия среды и силы, отличные от тех, которые существуют в обычном мире, в магической среде расстояние между

предметом и объектом магического воздействия не имеет значения, так же как и совершаемые магические действия не имеют ничего общего с обычными бытовыми действиями. В отличие от Э. Тайлора, который в основе магических действий видел анимизм, М. Мосс считает первичной идею нематериального контакта магических действий, вслед за которым идет идея духа [5, с. 168]. Сакральные вещи рассматриваются как источник сил, способных производить множество разнообразных и специализированных результатов. Для их достижения необходимы обрядовые действия или ритуал, которые рассматриваются как определенное сакральное время. Необходимо отметить, что в традиционном обществе магические ритуалы на бытовом уровне способен выполнять любой член общества. В особое сакральное время или в негативных критических ситуациях такие обряды выполнял человек, больше других наделенный магическими способностями – имеющий «магический потенциал», в котором силы мага, обряда и духа являются лишь различным его выражением. По определению М. Мосса, «магия – это социальное явление, поскольку за всеми ее проявлениями стоит некоторое коллективное представление» [5, с. 207]. Следует отметить, что, по сложившемуся в традиционном обществе мнению, уязвимость к негативному магическому воздействию в разных случаях могла меняться, поэтому вхождение нового человека в общество имело ряд запретов и особых ритуалов в costume, в отношении новорожденных – первую одежду шили из поношенной одежды пожилого человека, колыбель и одежду обвешивали и расшивали раковинами каури и пуговицами-оберегами. По хакасским представлениям, они являлись хранителями души, поэтому у умершего человека все пуговицы срезались и хранились дома, либо пришивались на одежду детей (так как умерший мог снова родиться в новорожденном ребенке) [6, с. 42]. В свадебном обряде невесту укрывали платком или поллой праздничной шубы, оберегали от посторонних враждебных сил и недобрых глаз, и социализация нового члена рода для данного общества была сродни появлению новорожденного (ср.: невеста (хак.) *naa пала* – букв. новый ребенок).

Описывая магические функции хакасского costume, несложно заметить, что многие ритуалы и суеверия, связанные с costume, имеют общие мистические корни не только с традиционными культурами, но и с существующими суевериями в современной культуре. Этот феномен можно объяснить тем, что мистическая психическая деятельность есть общее свойство коллективных представлений. Л. Леви-Брюль вводит понятие пра-логического мышления, которое, по его мнению, свойственно не только отсталому мышлению первобытного или примитивного чело-

века. По Леви-Брюлю, закон партиципации, или сопричастности, является определяющим причинно-следственным механизмом пра-логического мышления. По мнению Л. Леви-Брюля, «логическое мышление никогда не смогло бы сделаться универсальным наследником пра-логического мышления. Всегда будут сохраняться коллективные представления, которые выражают интенсивно переживающую и ощущаемую сопричастность, и в них невозможно скрыть ни логическую противоречивость, ни физическую невозможность» [7, с. 369]. Основным положением работы Л. Леви-Брюля является то, что пра-логическое мышление наряду с логическим может существовать не только в одном обществе, но и в одном сознании. По отношению к костюму пра-логическим мышлением сохраняется ряд мистических представлений, которые широко представлены в современном обществе и имеют названия примет и суеверий, такие как несчастливая одежда или украшение, над которыми тяготеет семейное проклятие. Подобные мистические суеверия могут нести как негативный, так и позитивный оттенок и складываются в сознании современного человека по закону партиципации-сопричастности, который похож на логическую цепочку причины и следствия, но с совершенно неожиданным результатом.

Как мы уже говорили выше, особую концентрацию магических свойств и функций можно наблюдать в ритуальном костюме, например в костюме шамана. Насыщенность костюма вещами-символами, знаками, материал и способы его производства – все говорит как об особом статусе владельца такого костюма, так и об особом месте в ритуале. В отличие от костюма повседневного и даже костюма праздничного, который имеет функцию защитной оболочки, оберегающей телесную и духовную сущность владельца, костюм шамана является вместилищем духов-помощников, которые защищали шамана во время моления. Сам шаман сравнивал своих духов с защитной броней, соответственно и одежда, символизирующая этих духов, носит символический защитный характер. На основе этих представлений С. В. Иванов, исследуя шаманский костюм, сделал вывод, что он представляет собой пережиток защитного доспеха [8, с. 163]. Как вместилище духов ритуальный костюм противопоставляется обычной традиционной одежде и внешне должен выглядеть как облачение, которое нельзя назвать человеческой одеждой. «Неопределенность внешнего облика шамана была связана с его пограничностью и стремлением быть всеми сразу» [9, с. 114]. Магический потенциал шаманского костюма усиливался и коллективным способом его производства: в шитье шаманского костюма участвовали женщины семьи, рода или общины,

в то время как бубен изготавливали только мужчины [10, с. 203]. Таким образом, усиливался магический потенциал шаманского костюма, который аккумулировал творческие усилия множества человек. В отличие от обычной одежды, которая являлась знаком социальной и половозрастной идентификации, шаманский костюм, символизируя птицу или зверя, с одной стороны, воплощает идею неопределенности внешнего облика шамана, с другой стороны, помогает духовной трансформации шамана во время моления, превращая его в глазах участников ритуала в сверхъестественное существо. Не случайно во время камлания лицо шамана было закрыто либо маской, либо многочисленными ленточками, свисавшими с головного убора.

В работах, посвященных исследованию магии, обращает на себя внимание то, что авторы приводят примеры, охватывающие совершенно различные культуры: от античной Греции, племен Африки, Америки, Сибири до культуры народов Западной Европы. Такой широкий спектр сходных явлений говорит о том, что в основе магического мышления лежит психология человека, которая вырабатывает коллективные представления. Основой для многочисленных вариантов всех магических представлений служат архетипы, которые присущи человеку, вне зависимости от культурных различий. К.-Г. Юнг определяет архетипы как «автохтонные возвращения, независимые от какой бы то ни было традиции... эти продукты не являются оформленными мифами, скорее это мифологические компоненты, которые ввиду их типической природы можно назвать “первообразами” или “архетипами”» [11, с. 87]. По мнению К.-Г. Юнга, коллективная, внеличностная структура подобно морфологическим элементам человеческого тела, она передается по наследству. Потеря мифологического компонента ведет к моральной катастрофе, поскольку для индивидуума мифология есть основа морали. Таким образом, сегодняшнее проявление архетипических структур у индивида возникает тем же путем, что и мифологические архетипы, и составляет основу его восприятия.

Мифология активно выстраивает человеческие отношения и в современном обществе. Так, по мнению К. Леви-Строса, «миф объясняет в равной степени как прошлое, так настоящее и будущее. Сравните – ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в современном обществе последняя заменила первую» [12, с. 186]. Для объективного изучения этнической культуры К. Леви-Стросс считает необходимым выявление структурных элементов, проявлением которых являются факты, которые основываются в бессознательном. В его теории

мифологическое мышление выстраивает третью систему между означающим и означаемым, в которые вписываются противоречия между вселенной и разумом. Но эта третья система (мифологическая по своей сути) возникает в ущерб объективному познанию. В отличие от Л. Леви-Брюля К. Леви-Строс считает магию и науку двумя параллельными способами познания, не равными по теоретическим и практическим результатам, но сходными по роду ментальных операций, которые отличны не столько по характеру, сколько по типу явлений, к каковым они прилагаются. Автор приходит к выводу, что существует два различных способа научного мышления, являющихся функциями двух разных уровней научного познания: один основан на чувственной интуиции, другой – более отдален от нее [13, с. 124–125]. Таким образом, рассматривая любой из культурных артефактов, мы сталкиваемся с проблемой интерпретации. Коллективное бессознательное некоторыми исследователями трактуется как ментальность, которая выстраивает мировоззренческую систему, а ее мы, в свою очередь, пытаемся расшифровать с помощью различных культурных артефактов, каждый из которых имеет семантическую составляющую. Подобный подход в отношении костюма, отделение его утилитарной функции от семантической, не позволяет объективно представить его как культурный феномен, искусственно отрывает его от общего культурного контекста. А. К. Байбурин, определяя семиотический статус вещей, обуславливает «знаковость» вещи ее вхождением в некоторую семиотическую систему (например: ритуал, этикет). В этом случае актуализируется знаковость вещи и увеличивается ее семиотический статус. Высокий семиотический статус «прямо пропорционален “знаковости” и обратно пропорционален “вещности”» [14, с. 216]. По мнению автора, семиотический статус вещей может существенно изменяться во времени, быть различным для разных этнических общностей и изменяться в зависимости от ситуации. Участие в магическом ритуале вещей исключительно утилитарных не только повышает их семиотический статус, но и выстраивает ситуацию, которая должна вернуть нормальный обыденный ход повседневной жизни. Использование в лечении вещей, относящихся к телесному низу, – штанов или обуви, – провоцирует негативное отношение и имеет целью отпугивание духов, изначально принадлежащих сфере нематериальной, сакральной. Все магические действия соотносятся с представлениями о мире, главным в магическом ритуале является ожидаемый результат, воздействие материальными и вербальными средствами на сферу идеальную, возвращение порядка в окружающий мир.

Литература

1. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник [Текст] / С. В. Иванов. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 605 с.
2. Фрэзэр, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии [Текст] / Дж. Дж. Фрэзэр. – М.: ООО «Фирма АСТ», 1998. – 784 с.
3. Бутанаев, В. Я. Народная медицина Хакаско-Минусинского края [Текст] / В. Я. Бутанаев. – Абакан: ТООО «Мединком». Лаборатория этнографии НИС ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 56 с.
4. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура [Текст] / Э. Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.
5. Мосс, М. Социальные функции священного [Текст] / М. Мосс. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с.
6. Чебодаев, И. П. Традиционная семейная обрядность хакасов [Текст] / И. П. Чебодаев. – Абакан: Хакаское книжное издательство, 1996. – 72 с.
7. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
8. Иванов, С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири [Текст] / С. В. Иванов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 161–167.
9. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал [Текст] / Л. В. Львов, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
10. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм [Текст] / Л. П. Потапов. – Л.: Наука, 1991. – 319 с.
11. Юнг, К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов [Текст] / К.-Г. Юнг. – М.; Киев: Порт рояль-Совершенство, 1997. – 384 с.
12. Леви-Стросс, К. Путь масок [Текст] / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
13. Леви-Стросс, К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Стросс. – М.: Терра кн. клуб; Республика, 1999. – 392 с.
14. Байбурин, А. К. Семиотический статус вещей и мифология [Текст] / А. К. Байбурин // Сборник музея антропологии и этнографии XXXVII. Материальная культура и мифология. – Л.: Наука, 1981. – С. 215–226.

Е. А. Петрова

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА У НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ МИНУСИНСКОГО РАЙОНА)

Одним из важнейших семейных праздников в жизни каждого народа являлась свадьба, которую, наряду с обрядами похоронно-поминальным и родильно-крестильным, относят к «переходным» обрядам жизненно-

го цикла: во время этого обряда молодые люди прощались со своей половозрастной группой и относительно свободной жизнью и переходили в разряд семейных мужчин и женщин, имевших совершенно иной социальный и экономический статус [см.: 1, с. 14].

Свадьба – одно из наиболее ярких, эмоциональных и значительных событий в жизни человека. С нее начинается важнейший после рождения и крещения этап жизни, открывается совершенно новый круг гражданских обязанностей личности. Создание семьи, рождение и воспитание детей обеспечивают будущее государства. Такова изначально роль свадьбы.

В условиях различных общественно-исторических формаций, начиная со времен Древнего Рима, вступление в брак расценивалось как обязанность каждого гражданина, а холостяки обычно облагались специальной данью. Как бы вольготно ни жилось парню и девушке в родительском доме, какой бы ни пользовались они любовью в родной семье, их подготавливали к женитьбе и замужеству. На не вступивших в брак до определенного возраста окружающие смотрели с сожалением, предполагая наличие у них пороков и недостатков физических, психических, имущественных. Не выданная замуж девушка к 20–22 годам могла попасть в разряд «перестарок», старых дев, а холостяка 23–25 лет начинали сторониться девушки. Многие отголоски таких оценок сохранились в трансформированном виде и до сих пор.

Родители всегда считали своим долгом женить сыновей и выдать замуж дочерей, чтобы обеспечить им благополучное и счастливое будущее. Таковы были устойчивые нормы народной морали. Исполняли этот долг и родственники, и специально приглашаемые свахи и дружки. Все они решали целый комплекс задач, связанных с выбором невесты для жениха и жениха для невесты, достижением договора между семьями, определением размера и состава приданого, условиями проведения самой свадьбы. В предсвадебное время и во время свадьбы они знали, что и в какой момент требуется от каждого из них, как вести себя в той или иной ситуации, какими действиями и словами обеспечить максимально безболезненное введение девушки в новую семью и т. д. [см.: 2, с. 28–29].

Первые специальные записи свадебного обряда показывают, что свадьба отличалась красотой и монументальностью, была сложна по композиции и состояла из множества различных по происхождению, характеру и функциям элементов. Разнообразие этих элементов связано с социальными особенностями и географическим положением. В свадебном обряде отчетливо просматривались не только «пространственные» различия, но и «временные» напластования, пережитки разновременных форм брака [см.: 3].

Своим подтекстом ритуал создания брачного союза опирается на мифологемы – глубинные образы, корнящиеся в подсознании: пронизание живительным небесным светом земли, способной к плодоношению, триумф созидательных сил над стихиями деструкции, взаимообразная связь смерти и рождения, утраты и обретения. Свадьба – это «Божий суд», «Божий венец», конец и начало. В традиционной культуре свадебный ритуал дистанцирован от любви как основы брака, от свободы личного выбора, а также от брака по расчету, будучи значительнее и выше всего этого. Надличностное начало, заключенное в этом ритуале, поддерживает в народе отношение к свадьбе как к исполнению веления судьбы. Свадьба судьбоносна, так как в ней вершатся личные судьбы [4, с. 8–9].

Как отмечают исследователи-этнографы, германский народный календарь строился на природно-хозяйственной основе с наложением на нее церковного календаря. Такое совмещение древних языческих и христианских обрядов более позднего происхождения характерно и для немцев, проживающих на территории Сибири. В обрядовой сфере немецкой культуры существуют различия и в Германии, так как сохраняется принадлежность к той или иной конфессиональной группе. Поэтому подобные различия в традиционной семейно-обрядовой культуре существуют и у сибирских немцев.

Так, в 1907 году немецкими переселенцами было основано село Николаевка (Gnadendorf). Для них Переселенческое управление Енисейской губернии выделило 140 усадебных мест на р. Поперечный Карасук Абаканской волости. Несмотря на то что география мест выхода первых переселенцев Gnadendorf представляла большое разнообразие: от Центральных губерний Европейской России (Волынская, Донская, Таврическая, Курляндская, Саратовская и пр. губернии), тем не менее, религиозная принадлежность была единой – лютеранство. Это наложило отпечаток и на обряды немецкого населения села Николаевка.

Жители этого села сохранили свои традиции и обычаи до настоящего времени, особенно это прослеживается в свадебном обряде. Свадьбе предшествует сватовство (Freieren). Сватают обычно за месяц до свадьбы. Родители жениха снаряжают свата (Freiersmann), который приходит к родителям невесты со словами: «У вас хорошая телочка, у нас бычок» или «У Вас хорошая девушка, у нас жених неплохой».

За несколько дней до свадьбы сват или дружка берет посох и идет по селу, заходит в каждый дом и приглашает на свадьбу. Принявшие приглашение привязывают ленточку к посоху свата.

Следующие моменты свадебного обряда немцев с. Николаевка очень схожи с элементами свадебного обряда жителей горной Баварии в Герма-

нии. Так, например, в Баварии дружка, обязанность которого – наполнить свадебную залу достойными гостями, отправляется приглашать жителей селения. Он берет свою палку с серебряным наконечником (похожим на шар) и украшает красными и белыми лентами, а затем идет от дома к дому, держа витиевато-эмоциональную речь. Еще один элемент, сохранившийся до нашего времени, – это использование свадебной корзины, украшенной цветами, лентами, кружевами, с которой подружки невесты собирают посуду для застолья. Описанные выше элементы свадебного обряда баварцев сохранились и бытуют до сегодняшнего дня на месте проживания. Однако с течением времени корзина приобрела иное назначение. В такую корзину собирали подарки для невесты в день свадьбы.

Еще один обряд, привезенный из Гнадендорфа, «живет» в с. Николаевка: накануне свадьбы для жениха и невесты устраивается вечер – прощание с юностью. Свадьба (Hochzeit) **празднуется 3 дня. В первый день** жених с друзьями забирают невесту из родительского дома и ведут в свой дом, где собираются приглашенные на свадебный пир. До 1930-х годов жених и невеста обязательно венчались в лютеранской церкви (Kirche). Обычай молодых садили во время застолья в центре, на видном месте.

После первых танцев и речей в честь молодых начинается обряд дарения. Крестные дарят молодоженам деньги, подушки, ткани и пр. Вручение сопровождается песнями, частушками и танцами. В ответ невеста угощает их вином.

Такой же обряд существует и в Баварии. Молодые сидели за почетным столом, перед ними ставили миску, украшенную внутри кружевами, в которую присутствующие родственники и гости клали подарки. Молодые каждому из гостей пожимали руку, а невеста подавала стакан вина. Гость обязан был в это время пропеть **Schnadahupfeln**, сочиненный тут же, или какую-нибудь известную старую песню.

На свадьбе в с. Николаевка можно увидеть и услышать и разного рода шутки. В самый разгар веселья вдруг раздаются крики: «Was ist heute?» («Что сегодня?»). **За этим выкриком следует ответ: «Hochzeit» («Свадьба»).** На что присутствующие снова отвечают: «Hochzeit ist in unserer Ecke, man tragt Schmutz in Ihrer tragt» («В нашем углу свадьба, а в вашем собирают грязь»).

Главным событием в свадебном обряде является снятие венца с невесты. Молодых усаживают в центре, а гости встают вокруг и поют соответствующую для этого обряда песню. С невесты снимают венок и надевают платок. После этого элемента обряда невеста становится молодой хозяйкой.

На второй день свадьбы молодые угощают гостей блинами, а гости чуют и вновь пришедших мажут сажей, требуя откупа. Переодеваются в жениха и невесту («Vorkleide»).

Третий день называется «хвостик» («Schwanzchen»). В этот день угощают сватов, поваров и всех тех, кто помогал в устройстве свадьбы. «Schwanzchen» завершает свадебный обряд, который длится не один день (сватовство, подготовка приданого, приглашение гостей, вечер прощания с молодостью и три дня свадьбы).

В селе Николаевка до настоящего времени сохранились национальные свадебные украшения: венок невесты «Rosenkranz» и свадебный букет «Strauss», которые являются неизменными атрибутами свадебного обряда [5].

Венец имел форму замкнутого круга. Как и многие другие народные обычаи, этот в своей основе опирается на веру в магическую силу кольца. Его основу составлял каркас из проволоки, в который вплетают цветы из цветной гофрированной бумаги, елочные украшения, а также капельки из воска на свиной щетине. Таким же образом делают и букеты. Эти украшения хранятся и после свадьбы. Так, М. А. Шмунк подарила музею венец и букеты со свадьбы сына (нач. 1970 года) (6, МКМ, инвентарн. № 2414–28).

Немецкий свадебный обряд с. Николаевка пропагандировала и фольклорная группа, которая существовала до недавнего времени. Сохранились и фотографии, на которых отражено выступление в национальных костюмах, но подлинного традиционного национального костюма у немцев этого села не сохранилось. Костюмы фольклорной группы создавались по сохранившимся рисункам, фотографиям, используя фантазию.

Группа выступала не только с показом свадебного обряда, но и с немецкими песнями. В с. Николаевка жители до сих пор помнят и знают эти песни. В одной из таких песен говорится о том, как немецкий мальчик едет и поет:

Меня везут от родителей,
от родины в глухую далекую Сибирь,
где нет у меня ни сестры, ни брата,
нет родителей, нет родины.

В селе Николаевка до сегодняшнего дня встречаются подлинные национальные предметы – свадебный венец, букеты и коромысло – Traqt. Есть предметы, которые схожи с русскими, но имеют немецкие названия: Maanholz – рубель для глажения одежды, Pezstreicher – палочка для равнения кровати (перины).

Таким образом, свадебный обряд является наиболее важным и социально-значимым компонентом традиционной культуры немцев, который был сформирован их предками.

Основу свадебного обряда немцев, проживающих на территории Восточной Сибири, а именно в селе Николаевка Минусинского района, составляет обряд, привезенный местными жителями из Гнадендорфа. Однако главным является то, что жители села Николаевка сохранили ключевые элементы этого уникального обряда, на что указывает: предсвадебный вечер, для жениха и невесты, прощания с юностью; обряд дарения подарков и украшенный предмет, в который складывали все подарки; снятие венца с невесты; угощение блинами гостей, сватов, поваров и всех тех, кто помогал в устройстве свадьбы в последующие дни. Очень важным является сохранение свадебных песен и шуток, разыгрываемых на свадьбе.

Литература

1. Неклепаев, И. Поверья и обычаи Сургутского края [Текст]: альманах / И. Неклепаев // Русская традиционная культура. – 1996. – № 1–2. – С. 5–66.
2. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока [Текст]: песни и заговоры / сост. Н. И. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. – Новосибирск: Наука, 1997. – 605 с.
3. Федорова, В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья [Текст] / В. П. Федорова. – Курган, 1997. – 140 с.
4. Островский, Е. Б. Вологодский свадебный фольклор (история, традиции, поэтика) [Текст]: автореф. дис. / Е. Б. Островский. – М., 1999. – С. 14.
5. Личный семейный архив жительницы п. Курагино Бехер И. А. (в девичестве Эргард).
6. Минусинский краеведческий музей (МКМ), инв. № 2414–28.

А. П. Баснина

ПЕРСОНАЖИ ДЕТСКОГО ОБРЯДА «ВЫЗЫВАНИЙ», ВОСХОДЯЩИЕ К КАРТОЧНОЙ СИМВОЛИКЕ

Современный детский фольклор занимает важное место в культуре детства: «...представляя собой социогенетический инвариант, сохраняющийся на протяжении длительного периода социогенеза и передающийся непосредственно из поколения детей в новое поколение, имеет важное значение в регулировании их игровой и коммуникативной деятельности» [2, с. 82]. Устные жанры детского фольклора, а также обрядовые маги-

ческие действия (гадания, «вызывания» мифологических персонажей) репрезентируют особое детское мифологическое видение мира и своего места в нем.

Данная статья посвящена исследованию картины мира ребенка, проявленной в системе обрядовых действий, связанных с «вызыванием» мифологических персонажей. Этот обряд распространен, чаще всего, среди детей школьного возраста, 8–13 лет, и является отражением представлений ребенка о вере в существование «другого», отличного от реального, мира. Материалом для анализа стали записи устных рассказов.

Анализ собранных текстов дает основание для системного описания многочисленных групп персонажей «вызываний».

Это персонажи, восходящие к традиционному фольклору (Домовой, Русалочка), персонажи, которых условно можно именовать как мифологическая персонификация сладостей (Король Сладостей, Шоколадный Принц), персонажи, связанные с наименованиями карточных мастей (Пиковая Дама, Червовая Дама и т. д.), и многие другие.

Одними из самых распространенных персонажей являются именно «карточные», к ним можно отнести Пиковую Даму, рассказы о «вызываниях» которой встречаются наиболее часто (наряду с рассказами о Гноме-Матерщиннике). Существенно и то, что данный персонаж действует и в других жанрах детского фольклора, в частности, в страшилках, причем представления о нем в различных жанрах практически однотипны.

К «карточным» персонажам можно также отнести Пикового Короля, Пикового Вальта (именно так произносят информанты) и Червовую Даму, рассказы о которых периферийны, встречаются значительно реже. Тем не менее, можно проследить четкое разделение мифологических существ на «злых» и «добрых» по признаку карточной масти. Пиковые персонажи оцениваются информантами как «страшные» или вредоносные: «Ну, Пиковый Валет, ну, он всегда пинает всех» (информанту 11 лет), тогда как Червовая дама называется «доброй»: «Мы тоже Червовую Даму вызывали. Она добрая» (информанту 13 лет). Такое противопоставление «черных» и «красных» карточных мастей наблюдается, например, в детских гаданиях «На женихов», имеющих свои корни в карточных гаданиях взрослых, где «черные» масти, в отличие от «красных», означают неблагоприятное будущее.

Рассказы о «вызывании» Пикового Вальта и Пикового Короля даны в редуцированном виде: не зафиксирована система действий, необходимых для их появления. Как правило, информанты говорят, что «вызывают» их «почти так же, как Пиковую Даму», то есть обозначают сходность обрядов «вызывания» персонажей одинаковой карточной масти. Кроме

того, непременно обозначено их вредоносное начало: «Мне одна подружка рассказывала, что это случилось на шахте Ягуновской. Они с девочками вызывали Пикового Короля. И когда они вызвали его, они вызывали его в подполье дома, они выскочили, одна девочка спаслась, а одна умерла. Ей прям в горло когти воткнул, и она умерла» (информанту 12 лет). В данном тексте вредоносность «вызываемого» персонажа подчеркнута еще и пространством, в котором происходит обряд: подполье дома, ниже темное пространство, в представлениях детей связанное со «страшным» и неизвестным потусторонним миром.

Обряд «вызывания» Червой Дамы связан с ритуальной ситуацией кормления мифологического персонажа: «Брали кружку, туда, мы так знали, как будто туда крошки кладут, если они потонут, то как бы она ела» (информанту 13 лет). Данный персонаж, по словам информантов, «добрый», то есть не причиняет вреда участникам обряда. Цель его «вызывания» – убедиться в существовании потустороннего мира и его обитателей через своеобразные «следы», оставленные персонажем в «нашем» мире, в данном случае это утонувшие («съеденные») крошки. Интересно, что «доброта» данного персонажа проявляется, в детской интерпретации, не в исполнении желаний «вызывающих», как, например, происходит при «вызывании» Короля Сладостей, а в непричинении вреда участникам обряда.

Наиболее распространенными в детском фольклоре являются «вызывания» Пиковой Дамы. На тексты, связанные с этим персонажем, обратил внимание А. Л. Топорков в своей работе «Пиковая Дама в детском фольклоре» [3], посвященной всем жанрам детского фольклора, в которых действует данный персонаж, – кроме «вызываний», сюда включаются страшилки, а также тексты, не поддающиеся четкой жанровой классификации. Исследователь высказывает предположение о вторичном проникновении образа Пиковой Дамы в страшилки – из «вызываний» с помощью зеркала, распространившихся во второй половине 1970-х годов и в неизменном виде функционирующих по сей день, то есть обрядовый компонент связанных с этим персонажем жанров первичен. В данной работе «вызывания» Пиковой Дамы рассмотрены прежде всего с точки зрения происхождения самих «вызываний» и образа Пиковой Дамы. Генетически данный ритуал связан с традиционными девичьими гаданиями «и по времени, и по общей обстановке, и по использованию таких предметов, как зеркало и свечи» [3, с. 22]. Происхождение же самого образа мифологического персонажа связывается с карточными гаданиями. Кроме того, обнаруживаются переклички с повестью А. С. Пушкина

«Пиковая дама» как в плане проникновения сюжета повести в детский фольклор, так и в плане пересечения связанных с карточными играми и гаданиями верований, общих для повести и для детских «вызываний». Интерес представляет описание «вызывания» с точки зрения особенностей психологии, когда в результате длительного взглядывания в зеркало, представляющее собой границу между «нашим» и «иным» мирами, ребенок погружается в некое подобие транса. А. Л. Топорков дает классификацию рассказов о Пиковой Даме: описания-инструкции «вызываний», собственно страшные истории, а также мифологизированные описания «вызываний», которые «строятся как повествования о некоем происшествии в прошлом, причем акцент делается не на “технике” “вызывания”, а на его обстоятельствах и коллизиях» [3, с. 23]; собранный нами материал дает тексты всех трех указанных типов.

Образ Пиковой Дамы в детских представлениях выступает как негативно окрашенный, эта карта является знаком проигрыша, например, в детской карточной игре «В Акулину». Пример такого «вызывания»: «Мои друзья рассказывали. Они вызывали Пиковую Даму. Брали карту, с другой стороны рисовали помадой ступеньки, на обратной стороне. Рядом свечку поставили. Ну, свечка потухла, они испугались, включили свет, а карта как прямо стояла на конце» (информанту 11 лет).

Главным предметом в «вызываниях» Пиковой Дамы является зеркало, выполняя роль границы между нашим и потусторонним мирами, как и в традиционных девичьих гаданиях: «При гадании смотрят в воду или зеркало, что позволяет открыть границу между миром обыденным и сверхъестественным и заглянуть в будущее» [1, с. 361]. Крайне редко встречаются рассказы, демонстрирующие еще большую близость обряда «вызывания» к традиционным святочным гаданиям, поскольку в них участники обряда имеют возможность узнать у мифологического персонажа будущее: «У нас вот говорили, что пока она по лестнице спускается, нужно или карты как-то по-особенному выкинуть, или спросить о чем-нибудь, тогда она соизволит ответить. Но надо успеть, пока она не спустилась» (информанту 10 лет). Для сообщения между мирами необходим «мостик» – лестница, которую рисуют на зеркале или на карте. В этом случае карта одновременно выполняет роль границы между мирами и знака мифологического персонажа в нашем мире, как рисунок, но здесь это именно знак, а не воплощение, так как в обычных условиях карта не воспринимается детьми как мифологический персонаж, а изображения «страшилок» всегда вызывают страх, что они оживут: «Когда мне было лет 8, я пришла в гости к подруге, и мы стали рисовать.

И почему-то нам понравилось рисовать страшные рожицы, “страшилки”, с фиолетовыми ушами, красным носом и длинными черными зубами. Дома, кроме нас, никого не было. И вдруг нам стало страшно-страшно, что эти страшилки оживут. Мы испугались, порвали их и спустили в унитаз. И больше не рисовали их» (информанту 22 года). Лестница часто указывает на пространственное нахождение иного мира, расположенного в верхнем или нижнем пространстве, из которого «выходит» мифологический персонаж: Пиковая Дама либо спускается по ней, либо поднимается. Информанты называют момент соприкосновения «нашего» и «иного» миров «дыркой», откуда «выходят, приходят» потусторонние мифологические персонажи. «Способ» рисования также имеет значение, чаще всего лестница нарисована предметом, не предназначенным для рисования, – мылом, помадой (реже всего – фломастер, изначально инструмент для рисования). Помада – знак взрослой женщины, дамы, иногда включает элемент запретности, если «украдена» у взрослых, в этом случае также имеет место ритуальное воровство, когда украденный предмет наделяется сверхъестественными свойствами: «Кража – ритуальное действие, придающее добытым таким способом предметам особую сакральную и магическую силу. Является способом “отстранения” предмета, выведения его из привычного ряда, придания ему черт чужого, случайного, найденного, “нездешнего”, посланного из “иного” мира» [4, с. 232]. Красный цвет становится неперенным атрибутом «вызывания», поскольку в детском представлении это цвет «страшный», что нашло отражение, например, в страшных рассказах – страшилках [5, с. 109]. В некоторых случаях знаком вызывания Пиковой Дамы из иного мира является карта. В некоторых случаях кроме лестницы изображают силуэт Пиковой Дамы. Рисунок в данном случае не является воплощением персонажа, скорее, это его знак, необходимый для призыва персонажа в «наш» мир. Пиковая Дама не равна этому нарисованному силуэту, в большинстве рассказов она появляется в виде свечения, следов и т. д. Описания Пиковой Дамы различаются по способности персонажа воплощаться в «нашем» мире: она может либо полностью перейти в наш мир (выйти, летать, причинить кому-либо вред), либо нуждается в «посреднике», предмете, в котором она находится в мире людей и после изгнания из которого она возвращается в иной мир. Нарушение «мостика» между мирами не позволяет персонажу проникнуть в «наш» мир (надо сказать, что это «самый удаленный» от «нашего» мира персонаж, так как для вызывания других персонажей «мостик» не нужен, достаточно «призывать»). При несоблюдении правил обряда Пиковая Дама, по детским представлениям, причиняет

вред «вызывающим»: «И когда появится тень, ты должна, чтоб свет попал, а то она задушит» (информанту 12 лет). По детским представлениям, Пиковая Дама является наиболее «страшным», опасным мифологическим персонажем, поскольку вред, который она может причинить «вызывающим» во всех рассказах описывается одинаково: «убить, задушить», то есть забрать участников обряда из мира живых людей в потусторонний мир «духов».

Для предотвращения нанесения вреда Пиковой Дамой существует система оберегов. Самый распространенный способ – разрушение установленной «вызывающими» связи между мирами – стирание лесенки: «Если она еще не вышла, надо все стирать» (информанту 11 лет), накрывание зеркала тряпкой: «И когда она должна была появиться, теоретически, и подходить уже совсем близко к границе между зеркалом и настоящей реальностью, нужно было сразу все убирать и накрывать зеркало тряпкой. Если не сделали этого, то считалось, что Пиковая Дама выйдет из этого зеркала и может либо остаться рядом с этим человеком, сопровождать, пока не доведет его до какого-нибудь несчастья, который вызывал, сидя непосредственно перед зеркалом, либо вообще может задушить всех, кто находится в комнате» (информанту 11 лет), возможно также разрушение смоделированных условий «вызывания» – необходимо включить свет или направить на зеркало свечу: «Потом, когда выключаешь свет, она все сходит, сходит, потом выходит оттуда Пиковая Дама, надо включить свет, потому что она может подойти и задушить» (информанту 11 лет). В этом случае, как и в «вызываниях» многих других персонажей, включенный свет считается универсальным оберегом от действия потусторонних сил, поскольку именно свет, по детским представлениям, является характерным отличием «нашего» мира от потустороннего. При включении света необходимая для успешного «вызывания» модель «ино-го» мира разрушается, и, следовательно, мифологический персонаж вынужден вернуться в свой мир.

Таким образом, в «вызываниях» персонажей, восходящих к карточной символике, актуализируются значения цветов масти. Важные для представлений ребенка о мире красный и черный цвета, оба связанные с описанием потустороннего мира, различаются в характеристике персонажей «вызываний», обозначая «характер» мифологического существа.

«Вызывания» Пиковой Дамы, наиболее распространенного персонажа данного обряда, в большинстве своем восходят к традиционным святочным гаданиям при помощи зеркала, в котором участники обряда или гадания видят мифологического персонажа. Кроме того, встреча-

ются рассказы, указывающие на близость обряда к гаданиям, поскольку «вызывающие» имеют возможность узнать у Пиковой Дамы, обитателя потустороннего мира, будущее.

Обряд «вызываний» в мире ребенка выполняет важную функцию – подтвердить его представления о существовании «второго плана» «нашего» мира, то есть потустороннего мира, неизвестного и небезопасного. Таким же «вторым планом», мистическими свойствами, в «вызываниях» персонажей, связанных с карточной символикой, наделяются привычные вещи – зеркало, карта и т. д. Описания персонажей отражают представление о добре и зле, воплощением которого становится, например, смертоносная Пиковая Дама.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Смотреть [Текст] / Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 360–361.
2. Клявина, И. И. Культура детства: методологические основы изучения и структурный анализ [Текст]: в 2 ч. / И. И. Клявина. – Кемерово, 2004. – Ч. 1. – 204 с.
3. Пиковая Дама в детском фольклоре [Текст] // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. – М., 1998. – С. 15–55.
4. Толстая, С. М. Кража [Текст] / С. М. Толстая // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 232–233.
5. Чередникова, М. П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре) [Текст] / М. П. Чередникова. – М., 2002. – 224 с.

Е. Е. Бычкова

СЛОВЕСНЫЕ ФОРМУЛЫ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКОЙ ПОДВИЖНОЙ ИГРЫ

В последние годы мир детства как сложный психосоциокультурный феномен находится в центре внимания зарубежных и отечественных фольклористов, этнографов, психологов, педагогов и социологов. Он «обретает свою “макрокосмологию”, переставая быть лишь “развивающейся производной” от “развивающегося социума”» [1]. Современные дети признаны не только носителями, но и творцами особой *детской культуры* [2]. Данная культура представляет собой живой, динамичный процесс осмысления детьми многочисленных фактов и явлений современной жизни, являясь наиболее ярким и достоверным материалом для суждений о внутреннем мире маленького человека, пытающегося укорениться в мироздании. Одним из способов такого приобщения к миру можно считать игру.

Игру считают ведущей деятельностью ребенка психологи, педагоги, социологи. Об игре говорят как о средстве обучения и воспитания (форма народной педагогики). В то же время, она воспринимается как основа искусства (форма условности и перевоплощения). Культура не рождается в игре, а возникает как игра – таков один из центральных тезисов работы Й. Хейзинги, которым были выделены следующие признаки игры [3]:

1) Игра есть свободное действие. Игра по принуждению не может оставаться игрой.

2) Игра не есть «обыденная» или «настоящая» жизнь.

3) Она замкнута и ограничена, «разыгрываясь» в определенных границах места и времени). Ее течение и смысл заключены в ней самой.

4) Игра устанавливает порядок, она и есть порядок. В ней есть свои правила.

В данной работе речь пойдет о детской игре, ее структуре и организации. Игры детей вбирают в себя целый спектр значений: они могут стать как формой их мироосмысления, жизнетворения, так и фактом передачи фольклорного знания: «...игра есть путь познания мира. В ней ребенок выступает как субъект познания» [4, с. 106]. При этом нельзя исключать прагматики игры и ее развлекательной основы. Она имеет свой хронотоп и регламентируется особыми правилами, «именно через нее высвобождается творческая свободная фантазия ребенка, и в динамично меняющейся, зависящей от случайностей ситуации он не просто получает удовольствие, но и учится устанавливать власть над реальностью, моделирует те или иные жизненные ситуации» [5, с. 189]. «Сюжетно-ролевая подвижная игра – это своего рода “агент” мира взрослых в мире детей. Как таковая она стоит на страже интересов первого, даже когда взрослого нет рядом с детьми. По своей общественной природе и функциям сюжетно-ролевая игра была и остается мощным средством социализации, “овзроslения” подрастающего поколения. В ней у ребенка формируется и сама потребность быть взрослым» [6, с. 23].

Проводимое нами исследование базируется на изучении особенностей детской культуры на материале включенного наблюдения за жизнью конкретного городского двора, на анализе записей устных рассказов, комментирующих правила и процесс игры. Информанты, с которыми велась работа, в основном – дети младшего школьного возраста. Большинство из них считает себя настоящими «дворовыми» ребятами, прошедшими для получения этого статуса ряд испытаний, активно участвующими в дворовой жизни, имеющими свое дворовое имя («кликху» / «погоняло», по детской терминологии).

Городской двор формирует особый характер взаимоотношений между детьми: играющие на детской площадке четко осознают возрастную иерархию («малышня» / «взрослые»). Здесь же возникает семиотическая оппозиция «своего» (защищенного) и «чужого» (враждебного) миров. Опыт дворового общения диктует круг фольклорных жанров и вырабатывает стиль общения.

Анализ подвижных игр, таких как «Слепая обезьяна», «Сифа», «Зомби», «Тапкоснималки», «Машина едет, едет – стоп!», «Бомж», «Догони», «Уголки», «Прятки», «Скелетоны», свидетельствует об особой системе регулирования взаимоотношений между детьми. Стержневой моделью организации игрового действия является:

1. Подготовительный этап (сбор желающих играть, объявление названия игры, выбор голящего, объявление и закрепление правил).

2. Ход игры.

3. Завершающий этап игры, выход из игрового поля.

Важную роль в оформлении данных этапов играют словесные регуляторы. Так, например, для сбора заинтересованных могут использоваться так называемые «собиралки» / «зазывалки»: «Кто будет играть / В интересную игру? / А в какую – не скажу» (*Иваненко Руслан, 10 лет*); «Кто будет играть? / В интересную игру, / А в какую – не скажу. / Догадайтесь сами, / Котики с усами!» (*Овчинникова Тамара, 9 лет*).

Во время проговаривания «зазывалки» ребенок ходит по детской площадке с поднятым вверх большим пальцем. Желающие играть цепляются за его палец. Для этой же цели может использоваться палка. На данном этапе возможен вариант демонстративного отказа от подобного приглашения: «Громче всех я тут кричу: / Играть с вами не хочу!» (*Овчинникова Тамара, 9 лет*).

Следующим обязательным этапом является объявление названия игры, которое до этого момента было для участников тайной. После этого события желающим принять участие в игре необходимо выдержать некоторую паузу, потому что нетерпеливый переход к следующим действиям, как-то: «А кто голить-то будет?», – карается. В детском мире существует необычная словесная формула, которая обязывает голить того, кто первым нарушает «этикет» подготовительного этапа игры. Обычно это ребенок-новичок, нетерпеливо интересующийся еще до начала «честной» считалки именем главного антагониста игровой реальности. Обычно ему отвечают следующим образом: «Кто про голю вспоминает, тот голить и начинает!» (*Лузгин Сережа, 8 лет*).

Игра после этих слов начинается, а любопытствующий покорно становится на место голящего. На наш взгляд, объяснением этому мо-

жет служить то, что в любой культуре считается плохим тоном нетерпеливо требовать действия. В детской среде подобная невыдержанность становится знаком того, что играющий еще не умеет вести себя «по-взрослому».

Выбор голящего практически в каждой детской игре осуществляется несколькими способами, например, с помощью словесной формулы (сопровождающейся или не сопровождающейся каким-либо условленным действием) или же с помощью считалки. Достаточно редки случаи занятия данной позиции по собственному желанию ребенка, обычно это происходит в играх, где роль голящего является «престижной», например: «Царь, царь, сколько время?» / «Заяц, заяц, сколько время?»

Выбор «голи» или голящего – событие исключительно важное в игровой обрядности, оно восстанавливает иерархические отношения внутри детского коллектива, несет в себе элементы испытательно-посвятительных действий. Необходимо сразу оговорить, что слово «голя» в детской игре неоднозначно: им обозначается как ребенок, избранный на роль голящего, так и свойства «голящего», которые в момент передачи будто бы начинают жить самостоятельной жизнью. Так, чтобы передать эти свойства (то есть «голю»), необходимыми инструментами голящего становятся, как правило, касание ладонью (так называемая «чика»), а также зрительный контакт и фиксирование им нарушений правил игры кем-либо из игроков.

При выборе голящего с помощью словесной формулы действенными считаются следующие комбинации слов: «Кто последний, тот и голит!» (*Овчинников Максим, 8 лет*). Данная формула обычно сопровождается каким-либо действием. Например, чиканием стены: «Ну мы вот тут... возле как бы бордюрика встаем, а потом надо бежать... И кто чикает стену последний, тот вот и будет голить» (*Овчинников Максим, 8 лет*). Существующие в дворовом мире игры, как правило, проверяют ловкость, выносливость ребенка. Так, более слабый / неопытный ребенок в данном случае оказывается голящим.

Дети «дворовой» группы обычно знают одну из формул-оберегов от участи голящего, если им вместе со всеми не удалось вступить в игру:

– Жига, ты играть-то будешь?

– Буду! Начинайте без меня, если чё, я – за старенького!

(*Сергей Лузгин и Иваненко Руслан, 11 и 12 лет*).

Это означает, что ребенок может в любой момент игры войти в нее на правах «старых» играющих, а не «новых», которых, как правило, ставят голить.

Кроме обращения к словесным формулам при выборе голящего также используется считалка, являющаяся своего рода «классическим» способом: «Выбирается голящий. По считалке лучше» (*Настя Зыбина, 9 лет*).

Право считать дается обычно тому, кто зазывал на игру, но это почетное право также можно выпросить: «Курица болела, / Мне считать велела!» (*Овчинникова Тамара, 9 лет*).

Считалка является для многих детей самым «честным», то есть объективным способом определения голящего. Впрочем, через некоторое время их в этом могут разубедить ребята постарше. Один из примеров прагматического отношения к считалке связан с «подтасовкой» жеребьевки, когда «просчитанный» текст используется в «корыстных» целях. Примером тому может служить считалка по пальцам «Чики-брики / Пальчик выкинь», основанная на двоично-кратной системе расчета. Обычно подобному обману подвергаются маленькие дети или новички, желающие вступить в игру. Не видя подвоха, они соглашаются голить.

На этом этапе возможны случаи отказа голить, тогда в адрес ребенка используются следующие формулы: «Неотвожа, красна рожа, / На татарина похожа. / Семьсот поросят / Все на (имя) висят!» (*Васильев Саша, 10 лет*).

Данная формула, кидаемая в адрес избегающего участия голящего ребенка, напоминает дразнилку, от которой в данном случае никакие отговорки не спасут. Адресат подобного слова как бы попадает в «магическое поле» [7], из которого ни физический, ни даже словесный ответ, защищающий в случае обычной дразнилки, не способны вывести, так как нарушается правило игры, по которым ребенок должен занять место голящего, если на него указали.

Непосредственно начало игры может в некоторых случаях фиксироваться словесной формулой: «Бомбочка взрывается, / Игра начинается!» (*Лузгин Сережа, 8 лет*). В этой словесной формуле начало игры сравнивается со взрывом бомбочки, неожиданным и громким. Возможен вариант, когда в ход игры встраивается «рыбная» тематика: «Рыба-карась, / Игра началась!» (*Овчинников Максим, 8 лет*).

Сам ход игры также регулируется словесными формулами. Так, например, включение нового игрока сопровождается словами: «Новенький-голенький!» (*Овчинников Максим, 10 лет*). Эта короткая словесная формула достаточно емко концентрирует в себе отношение к новичку, вступающему в игру: «Мы новеньких всегда обижаем!» (*Овчинников Максим, 8 лет*). В этой фразе воплощается и некая непосвященность новичка в таинство игры, в ней же – его некоторая открытость и незащищенность

перед остальными игроками, уже прошедшими игровые испытания. Эта игровая иерархия детского общества: оппозиция участника «нового» и «старого» синонимична оппозиции «своего» и «чужого» человека. Так, «старые» игроки становятся теми, кто посвящает в игру «новеньких». Не случайно детские игры называют иногда «школой жизни».

Некоторые игры допускают возможность передышки / отдыха, в этом случае ребенок как бы временно находится вне игрового действия: «Шишки, шишки, я на передышке!» (*Лузгин Сережа, 8 лет*); «Я в домишке!» (*Овчинникова Тамара, 9 лет*).

Для фиксации самого напряженного момента игры может, как и на начальном этапе, ввестись «рыбная» тематика: «Рыба-кит, игра горит!» (*Иваненко Руслан, 12 лет*). Образ рыбки в игровых словесных формулах связан с попыткой определить этапы действия: от «Рыба-карась – игра началась!» к «Рыба-кит – игра горит!» и, наконец, к «Рыба-акула – игра утонула!».

Завершение игры связано, как правило, со снижением к ней интереса у играющих, либо же воздействием извне: «Ну... там домой загоняют же, тогда и перестаем играть» (*Лузгин Сережа, 8 лет*).

Среди дворовых детей необычайно ценностным оказывается умение играть, которое предполагает соблюдение определенного этикета. Он запрещает нарушать правила игры, предполагает наличие гуманного отношения к тем, кто младше тебя по возрасту. В лучшем случае нарушитель займет позицию голящего, в худшем – будет исключен из «дворовой» группы, поскольку игровая стратификация этого общества часто переходит во внеигровую [7]. Подобное наказание считается самым страшным, ребенку потребуется огромный запас терпения, силы воли, чтобы вновь вернуть себе статус и дворовое имя.

В игровом хронотопе, как в маленьком созданном мире, ребенок постигает принятые нормы поведения, учится сам разрешать сложные, порой противоречивые ситуации, ему помогает в этом набор готовых словесных формул, существующих в детской среде, передающихся от одного поколения детей к другому. Словесная формула организует ход игры на различных ее этапах, призвана поддерживать внутренний игровой этикет. Силу убеждения придает словесной формуле ее поэтическая структура, а значит, некая сакрализованность и нерушимость. Взрослый мир уже предлагает готовые стереотипы поведения, мир детский – мир изменчивый, «формирующийся», в нем любое действие или мнение обязательно должно быть подкреплено доказательством. Это как бы испытание ребенком границ его сил, умений. Создаваемое словесной формулой защитное магическое поле помогает ребенку преодолеть многие сложные ситуации

на начальном этапе развития, когда эмоциональный план порой перекрывает рассудочные действия. Структурная и внутренняя организация игрового действия приучает ребенка к соблюдению игрового этикета, оказывает огромное влияние на процесс его интеграции в дворовом социуме.

Литература

1. Кудрявцев, В. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (9 000 bytes). – М., 2003. – Режим доступа: <http://www.tovievich.ru/book/1/14/1.htm>
2. Мид, М. Культура и мир детства [Текст]: избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
3. Хейзинга, Й. Homo Ludens; В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хейзинга. – М.: АСТ, 2004. – 539 с.
4. Рыбалко, Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология [Текст]: учеб. пособие / Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Питер, 2001. – 224 с.
5. Лазарева, Л. Н. Этнография детства: традиции и современность [Текст] / Л. Н. Лазарева // Дети и народные традиции. Материалы Пятых Виноградовских чтений. – Челябинск, 1991. – Ч. 2. – С. 189–193.
6. Эльконин, Д. Б. Психология игры [Текст] / Д. Б. Эльконин. – М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
7. Головин, В. В. Детское обычное право в контексте игры [Текст] / В. В. Головин // Теория и история игры. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 27–43.

О. И. Мизунова

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Паремиология – филологическая дисциплина, раздел фольклористики, изучающий «малые речевые жанры»: пословицы, поговорки, загадки, скороговорки, дразнилки, считалки и прочее. В качестве родового термина для этих жанров используются термины «изречение» и «паремия». «Паремии... представляют собой тексты, то есть словесные образования, имеющие самодовлеющее значение и могущие употребляться самостоятельно» [8, с. 251].

Паремиологические жанры выделяются по разным критериям. Уже по причине чрезвычайной разнородности этих критериев исчерпывающий список паремиологических жанров вряд ли может быть составлен. Традиционно выделяемые малые фольклорные жанры (пословица, поговорка, загадка, дразнилка, считалка) сохраняются в речи современных горожан, которые оценивают свой паремиологический репертуар более чем скромно [см.: 10, с. 645].

Устная культура детства в основном смеховая: «...каждое серьезное явление непременно сопровождается пародией, снижающей, травестирующей его суть. Дети смеются над собой, над своими промахами, увлечениями и заблуждениями, они весело смеются над взрослыми людьми, родителями и учителями, героями кинофильмов и эстрады, политическими деятелями, над всем, что для взрослых – истина в последней инстанции» [12, с. 45].

Паремиологические жанры разнообразны по форме, традиционно к ним относят прозвища, дразнилки, поддёвки (заманки), остроты. Г. С. Виноградов называл все подобные произведения детской сатирической лирикой [см.: 3, с. 12].

Наименование «дразнилки» является наиболее общим и часто употребляется как обозначение всей совокупности детских сатирических жанров. Оно отражает общее для его отдельных форм функциональное предназначение – высмеять явление или подшутить над собеседником. Активное бытование сатирических жанров в детской среде также позволяет говорить о продуктивности форм.

Дразнилки интересно изменяются в зависимости от конкретной исторической ситуации. Смысл некоторых дразнилок может быть понят только тогда, когда известен повод, по которому они сочинены.

Часто прозвища даются по фамилии, по внешности, по моральным качествам. Смысл многих прозвищ и дразнилок проявляется только при знакомстве с обстоятельствами, вызвавшими их появление.

Прозвища даются как ученикам, так и преподавателям. В них также выявляются отношения учеников. Иногда повод для прозвищ дают бросающиеся в глаза привычки или внешний вид, основанием для прозвищ могут стать пройденный материал, сравнение с известными деятелями культуры.

Часто основой для прозвищ становилось сокращение, образованное от фамилии или должности. Для насмешки над преподавателями использовались частушки и стихи:

Катится, катится
Надежда-карактица.

Дразнилки – это один из жанров паремеологии, уже почти всецело развитый детьми, но нельзя сказать, чтобы и у него не было своего «предка» в творчестве взрослых. Взрослые давали друг другу прозвища, клички, отмечавшие мнимые и действительные недостатки. Клички-прозвища связывали с профессиями и ремеслами, преобладающими в той или иной местности или краю.

Дети принимали участие в стычках и спорах взрослых, усваивали от них самую манеру давать прозвища и дразнить. Клички и обидные прозвища в детской среде в известной мере смягчались. В большинстве случаев они возникали как рифмованные прибавления к имени, без всякой связи с предметом спора или поводом, вызвавшим столкновения.

Присоединение к этому прозвищу какого-либо нового стиха превращало прозвище в дразнилку [см.: 2, с. 118]:

Алеха-Алексей,
Полна пазуха мышей.

«Прозвища являются наиболее ранним по времени видом детского сатирического фольклора. В Древней Руси они заменяли фамилии, которые часто и восходят к прозвищам. Важнейшей особенностью прозвищ является ярко выраженная экспрессивность. Она представляет собой сохранившийся до наших дней пережиток охранительной магии» [1, с. 17].

От взрослых к детям переходило обыкновение давать друг другу прозвища, дразнить. Однако дразнилки создавались и безотносительно к реальным особенностям высмеиваемого – в коротком стихе обыгрывалось имя прибавлением к нему смешного: «Вася-Гарася, нога порвалася».

Дразнилки как поэтические произведения детей уже давно привлекали внимание ученых. П. В. Шейн опубликовал около шестидесяти текстов. Он называл их передразниваниями и прибаутками.

«Представляя известный этнографический интерес и давая материалы для суждения о детской психологии и детском словотворчестве, дразнилки не обладают крупными художественными достоинствами. В них масса бранных выражений. В самой детской среде обычай дразнить вызывал протест: о любителях подражать говорили: “Дразнило – собачье рыло”» [2, с. 118].

При всей негативности обычай дразнить развивал чувство юмора и, что еще ценнее, открытость при выяснении отношений, прямоту в осуждении недостойного поведения, неблагоприятных дел. У вошедшего в возраст человека эти черты могли стать и доброй частью общего душевного и психологического склада [см.: 1, с. 17].

По-видимому, именно экспрессивно-оценочные прозвища стали основой дразнилок. На них впервые обратил внимание Г. С. Виноградов в статье «Детская сатирическая лирика» (1925). Он показал, что дети используют в основном эпитеты, которые выполняют функцию приложе-

ний. Ни по содержанию, ни по форме дразнилки и прозвища существенно не отличаются. Различие между ними в том, что прозвище прикрепляется к имени как устойчивый эпитет, а дразнилка не закрепляется за отдельным лицом и применяется в подходящем случае [см.: 3, с. 59].

«Им присущи преувеличение, насыщенность забавными, неожиданными сравнениями. Характерной их чертой является запрет на осмеяние действительных физических недостатков человека. Традиция детских дразнилок вытекает из распространенного с глубокой древности в народном быту обыкновения посрамлять противника острым словом, а также из языческого обычая давать людям прозвища» [8, с. 123].

Существуют различные взгляды на происхождение дразнилок. Г. С. Виноградов показал, что многие дразнилки произошли из песен юмористического характера, встречавшихся в обрядах и исполнявшихся во время различных ритуалов [см.: 3, с. 12].

«Именные дразнилки» часто использовались, чтобы поддразнить, поиздеваться над их носителями.

Иногда высмеивается вся семья, высмеиваются недостатки, вызывающие осуждение в детской среде, также свойства характера.

Дети не любят, когда их дразнят женихом и невестой. Такое поддразнивание производится хором и часто доводит до слез тех, на кого оно направлено.

Настоящие детские дразнилки лишены «национальной или религиозной окраски, что говорит о возможной древности их мотивов» [см.: 6, с. 107].

Новые дразнилки появляются по определенным поводам, обычно они свидетельствуют о творческом потенциале его сочинителя [см.: 6, с. 107].

Меньше стало дразнилок о внешности, вдвое больше стало «ничейных» текстов, которые можно приложить к любому человеку, которого нужно обидеть, оскорбить. Это подтверждает тезис, что дети, хотя и идут иногда по пути случайных ассоциаций при создании дразнилок, но материал все равно черпают из окружающей их действительности.

Дразнилки испытывают влияние профессиональной поэзии, частушек, некоторые усвоили считалочную поэтику [см.: 7, с. 68]:

Витя-титя-карапуз
Съел у бабушки арбуз.
Бабушка ругается,
Витя отпирается.

Если импровизация «хороша, складна, подходяща, то есть отвечает общей потребности заинтересованной группы», то она сохраняется, переходя от одних к другим, замечает О. И. Капица [5, с. 71].

Детские дразнилки бывают направлены на решение ряда конфликтных ситуаций, возникающих во время игры.

Поддёвки – короткие прибаутки, ставящие своей целью повеселиться, поставить в смешное положение простодушного собеседника [см.: 8, с. 126].

Поддёвки введены в научный оборот Г. С. Виноградовым, он же предложил их первую классификацию. Поддёвки, по его терминологии, представляют одну из разновидностей произведений детского смехового творчества. Один из детей, шутки ради, чтобы посмеяться, «поддевает» своего собеседника и ставит его в смешное положение, «поддетый» может оказаться неопытным новичком, не знающим шутки [см.: 3, с. 14].

«Поддёвка представляет собою диалог, где следует ожидать возможности быть пойманным (поддаться на слова) совершенно неожиданно для себя» [4, с. 175]. Исследователи также употребляют такие определения, как «уловки» или «обманки».

Игровой характер создается диалогической формой, носящей обязательный характер [см.: 11, с. 40]:

- Скажи «клей».
- Клей.
- Выпей баночку соплей!

В создаваемой игровой ситуации собеседник заманивается в словесную «ловушку» и своеобразным образом высмеивается. Отсюда и происходит другое название рассматриваемой формы, которую Г. С. Виноградов называет «заманками».

Одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль повторяющего условленную фразу или слово.

Современные дети называют подобное явление «заманкой», полагают, что завлекают собеседника в словесную игру и насмеваются над ним.

Традиционные подшучивания и розыгрыши в виде словесной игры достаточно распространены. Они играют важную роль в развитии ребенка. Прежде всего, через них происходит обучение речи, повторяются определенные слова и вносятся коррективы, направленные на устранение ошибок произношения или неправильного использования словоформ. Словесная ситуация демонстрируется с разных сторон, как в статике, так

и в динамике. «Заманка» – это игра особого рода. Время и место для нее не важны, а необходимо лишь наличие двух участников спонтанно возникающего диалога.

Роли двух участников игры не равнозначны. Инициатор диалога оказывается в ней ведущим, «знатоком». Тот, кого приглашают к игровому разговору, напротив, поначалу воспринимает игру как акт бытовой коммуникации, и только последняя реплика «ведущего» придает диалогу комический характер, вызывая всеобщий смех. Смеется и сам незадачливый «собеседник», испытывая двойственное чувство досады и удивления. Здесь обижаются редко, так как обидна не вдруг ударившая фраза, а сам факт оказаться поддетым.

Заманки использовались и для привития определенных навыков. Они являлись элементом общения детей с взрослыми, входили как в повседневный быт, так и в праздничные игры. Взрослый стремился побудить ребенка к активному действию, заставить критически относиться к любому высказыванию или событию.

В свою очередь парадоксальные диалоги детского фольклора сами по себе не проходят бесследно. Они становятся основанием внутреннего диалога, спора с самим собой как необходимого условия мыслительного процесса. Таким образом, «заманки» (как и другие паремнологические жанры детского фольклора) можно рассматривать как культурные орудия, способствующие овладению своим поведением [см.: 13, с. 8].

Стойкость стилистических конструкций позволяет, по мнению Г. А. Барташевич, создавать новые произведения или варьировать уже известные. Как бы развивая ее наблюдения, О. Ю. Трыкова замечает, что в дразнилки активно проникают новые образы, понятия, иногда даже весьма необычные [см.: 11, с. 53]:

- Скажи «Какое небо голубое»!
- Какое небо голубое.
- У голубых всегда такое!

Взаимовлияние дразнилок и считалок часто происходит под воздействием средств массовой информации. Дети старше 12 лет пользуются дразнилками редко. Произведения эти бытуют в среде дошкольников и младших школьников. Эстетическая и нравоучительная ценность дразнилок весьма сомнительна.

Несомненно, что коммуникация детей не ограничивается перечисленными формами. Она более вариативна, многогранна и динамична, а ее изучение требует отдельных исследований.

Таким образом, современные паремиологические жанры детского фольклора испытывают сильнейшее воздействие взрослой устной традиции, народной несказочной прозы, средств массовой информации и литературы, это позволило некоторым исследователям говорить о компилятивном характере детского творчества. Тем не менее, оно представляет особую область народной культуры, тесно связанную с возрастной и социальной психологией.

Литература

1. Аникин, В. П. Мудрость народная [Текст] / В. П. Аникин. – М., 1994. – Вып. 2: Детство и отрочество. – 328 с.
2. Аникин, В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор [Текст] / В. П. Аникин. – М., 1957. – 326 с.
3. Виноградов, Г. С. Детская сатирическая лирика [Текст] / Г. С. Виноградов. – Иркутск, 1925. – 244 с.
4. Виноградов, Г. С. Детский фольклор [Текст] / Г. С. Виноградов // Из истории детской фольклористики. – Л., 1987. – С. 158–188.
5. Капица, О. И. Детский фольклор. История собирания и изучения [Текст] / О. И. Капица. – Л., 1928. – 327 с.
6. Капица, Ф. С. Русский детский фольклор [Текст]: учеб. пособие / Ф. С. Капица, Т. М. Колядич. – М.: Наука, 2002. – 320 с.
7. Мельников, М. Н. Русский детский фольклор Сибири [Текст] / М. Н. Мельников. – Новосибирск, 1970. – 178 с.
8. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда [Текст] / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В. Я. Проппа. – М., 1975. – С. 251.
9. Русский фольклор [Текст] / сост. В. П. Аникин. – М., 1985. – 218 с.
10. Современный городской фольклор [Текст]. – М.: Рос. гуманит. ун-т, 2003. – 645 с.
11. Трыкова, О. Ю. Современный детский фольклор и его взаимодействие с художественной литературой [Текст] / О. Ю. Трыкова. – Ярославль, 1997. – 296 с.
12. Чередникова, М. П. Кто остался в лодке [Текст] / М. П. Чередникова // Живая старина. – 1995. – № 2. – С. 45.
13. Чередникова, М. П. О парадоксальной логике детского фольклора [Текст] / М. П. Чередникова // Живая старина. – 1999. – № 1. – С. 8–9.

Раздел 5. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. В. Черняк

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Результатом коллективных усилий западных «прогрессивных» политиков, общественных деятелей и ученых-экономистов в XX столетии явились претворение в жизнь (судя по всему, уже окончательное и необратимое), институализация и «материализация» комплекса либерально-демократических ценностей, установок и императивов, рожденных еще эпохой Просвещения. К этому разряду относится и понятие «информационное общество», иницирующее гражданское право свободы доступа к источникам информации.

Словосочетание «информационное общество» есть название социального феномена, существование которого, как правило, не подвергается сомнению. Однако «доказательство» существования особого «информационного общества» возможно только через подтверждение его качественных отличий от некоего общества вообще и от предшествовавшего общества индустриального типа в частности. В рамках данной статьи мы попытаемся определить социально-философское понятие «информационное общество» и присущие ему атрибуты.

Поскольку существует обширная зарубежная литература, в той или иной степени посвященная «информационному обществу», массовым коммуникациям, различным аспектам бытия «массового человека», мы, прежде всего, должны определить отношение к этой литературе, взятой как целое. Критическое рассмотрение этих работ приводит к выводу, что она минимально связана с действительным содержанием интересующей нас проблемы. Дополнительная сложность дифференцированного рассмотрения источников заключается в том, что чаще всего мы сталкиваемся с работами, где понятие «информационное общество» считается ранее определенным и хорошо известным. Они подчеркивают, прежде всего, формальные признаки такой информационной культуры. Исследователи в целом не смогли однозначно очертить эмпирические параметры иссле-

дуемого явления: оно оказалось значительно более запутанным, чем это представлялось поначалу, динамичным и далеко не прозрачным. Налицо богатейшая фактография относимых к информационному обществу черт, но ее упорядоченное рассмотрение принципиально не осуществимо без предварительного построения рабочей концепции «информационного общества». Исследователями было выделено два базовых основания, по поводу которых не было особых разногласий, – рынок и развитие электронных средств массовых коммуникаций, которые стали рассматриваться также и как факторы, предопределяющие особое качество и функции «информационного общества».

Современная научная литература констатирует, что «традиционное буржуазное индустриальное общество на Западе в настоящее время интенсивно сменяется обществом постиндустриального (информационного) типа, в котором самым ценным товаром становится информация, а прежние политические и экономические ценности – власть, деньги, обмен, производство – стали подвергаться деконструкции» [4, с. 221]. Причем история этого вопроса, как считается, довольно ясна и не вызывает особых сомнений.

После Второй мировой войны (1939–1945) интенсивная массивфикация культурных процессов и усиление роли всепроникающих средств массовых коммуникаций привели западных интеллектуалов к мысли, что на базе современной им капиталистической культуры появляется качественно иное общество. Вначале новое понятие «постиндустриальное общество» стало распространяться в США примерно с конца 50-х годов, когда стало ясно, что американский капитализм середины столетия все больше отличается от индустриального капитализма. Чуть позже видные западные мыслители (Д. Белл, Д. Рисмен, Р. Арон, З. Бжезинский, Э. Тоффлер, Г. Маркузе и др.) предприняли весьма убедительные попытки показать принципиальные содержательные отличия общества, которое сформировалось в этот исторический период. Оно выступало под разными названиями: «супериндустриальная цивилизация», «научное», «телекоммуникационное», «технотронное», «информационное» общество.

Важный сдвиг в сознании западных интеллектуалов заключался в том, что основные черты этого общества стали рассматриваться ими как качественно новая ступень развития не только Запада, но и всего человечества, противопоставленная доиндустриальной и индустриальной стадиям. Они полагали, что эти процессы радикальных изменений вовсе не ограничивались технологией, но привели к преобразованию общества в целом. Радикальная смена системы накопления и хранения знаний, породившая «информационную революцию», создала предпосылки

для становления постиндустриального общества. Видимо, к таким выводам подталкивала сама действительность западного мира, в котором рельефно выраженными оказались два важных аспекта – относительная демократизация культуры, связанная с включением в ее сферу огромных человеческих масс, ранее вообще игнорировавшихся, и гомогенность культурных процессов.

В данном контексте широкую известность приобрели книги американского футуролога и публициста Э. Тоффлера, в которых постиндустриальное (информационное) общество предстает как комплексное формирование. Его труды «Шок будущего» (1970), «Третья волна» (1980) и «Метаморфозы власти» (1990) стали общесоциологической трилогией, в которой последовательно исследовались ускорение технологических, социальных и культурных изменений, характер формирующихся новых структур и принципов, а также проблема управления этими изменениями. Э. Тоффлер подчеркивал «закат индустриального общества», исчерпанность присущего ему типа производства, распад прежних социальных отношений между классами, этническими группами, в семье или между полами, моральное устаревание прежних ценностей и менталитета.

Американский футуролог в своих произведениях в контексте исторической перспективы дает оценку трем разным способам коммуникации, определяющим, соответственно, и три отличных типа общества. В аграрных обществах («Первая волна») большая часть коммуникаций осуществлялась посредством личного общения внутри относительно небольших человеческих сообществ. В средневековой Западной Европе католическая церковь благодаря своей исключительной организации находилась ближе всего к тому, что можно назвать устойчивым, долго существующим средством массовой информации. Эта уникальная способность дала Ватикану огромную власть по отношению к феодальным королям и князькам в Европе. Это частично служит объяснением и той непрекращающейся борьбы между церковью и государством.

Система производства материальных благ индустриального общества («Вторая волна»), основанная на фабричном массовом производстве, нуждалась в усилении коммуникации на больших расстояниях; она дала стимул появлению почтовой службы, телеграфа и телефона. Газеты, журналы, кинофильмы, радио и телевидение одновременно передавали одно и то же сообщение миллионам людей. Таким образом, они стали основными орудиями массификации в индустриальных обществах.

Напротив, современная система, по Э. Тоффлеру, так называемой Третьей волны отражает потребности в экономике постмассового производства, возникающей в наше время. Подобно самым поздним предприя-

тиям с «гибким производством», она изготавливает свою образную продукцию по специальным заказам и рассылает различные образы, идеи и символы группам населения, подобранным в соответствии с каким-либо общим признаком, определенными возрастными категориями, людям со сходной профессией или близким образом жизни, этническим группам. Причем, эта весьма высокая степень разнообразия сообщений и СМИ необходима, потому что новая система создания материальных благ требует гораздо более гетерогенной рабочей силы и населения, в отличие от аграрного и индустриального обществ. Поэтому, противоположность от средств массовой информации периода «Второй волны», когда каждое из них действовало более или менее независимо друг от друга, новые средства массовой информации, поставляя потребителям данные, образы и символы, теснейшим образом связаны и слиты друг с другом [см.: 5, с. 423].

Близкое по духу концепции Э. Тоффлера объяснение предложил канадский социолог Г. М. Маклюэн, считавший, что «беспрецедентное по своим масштабам и стремительности утверждение массовой культуры связано с развитием и неуклонным совершенствованием средств массовых коммуникаций» [цит. по: 2, с. 194–195]. По Г. М. Маклюэну, «все развитие общества, культуры, сознания людей самым непосредственным образом связано с развитием технических средств сообщения. Изменение средств массовой информации влекло за собой изменение как характера самой информации, так и восприятия мира людьми» [цит. по: 2, с. 201–202].

На этом основании он выделял в развитии цивилизации три этапа: 1) первобытная дописьменная культура, основанная на принципах естественности и коллективности образа жизни, восприятия и понимания окружающего мира, базирующаяся на устных формах связи и передачи информации; 2) культура письменно-печатная, заменившая устно-эмоциональные формы общения книжными и утвердившая вместо естественности и коллективизма дидактизм, индивидуализм и национализм; 3) современная культура, движущаяся в сторону возрождения естественного слуховизуального многомерного восприятия мира и коллективности, но на новой электронно-индустриальной основе с помощью замещения книжно-печатных знаков общения радиотелевизионными средствами массовых коммуникаций.

На современном этапе развития электронные средства массовой информации вновь возвращают нас к первому – дописьменному – этапу развития цивилизации, основанному на слуховизуальном восприятии реальности, что придает культуре «слуховой характер». Из концепции

Г. М. Маклюэна напрашивается вывод: в наши дни возрождается первобытная культура, чьи мифы (такие как, например, «культ звезд», наследовавший культуру идолов) формируются теперь уже средствами массовой информации, сужающими пространство, превращающими мир в «глобальную деревню» и создающими нового «племенного человека» [см.: 2, с. 220–221].

Действительно, отталкиваясь от этих, вроде бы очевидных фактов, озвученных в вышеотмеченных концепциях, мы получаем определенную возможность оценить качественно новые процессы перехода механизма буржуазной культуры в некое другое состояние. Обычно подчеркивается, что информационные и коммуникационные технологии в таком обществе становятся наиболее динамичным компонентом производства – как материального, так и духовного, радикально меняющим многие принципы социальности и регуляции общества. Достижимые на основе компьютерной технологии формализация знаний и накопление данных, а также обеспечиваемый космической связью быстрый перенос информации на огромные расстояния существенно меняют функционирование и других блоков социальной жизнедеятельности. Неудивительно, что современная индустрия информации, производящаяся огромное количество данных и сообщений, превратилась в одну из наиболее мощных областей производства.

Широкая информатизация общества приводит к тому, что прежнее вертикальное деление общества все больше замещается на горизонтальное взаимодействие между самостоятельными группами. Результатом этого становится то обстоятельство, что в важнейших сферах человеческой жизнедеятельности ведущим принципом становится децентрализация структурных и индустриальных связей, когда удельный вес традиционных центров производства и политики уменьшается в пользу многочисленных «периферийных центров». Компьютерно-космическая технология обработки и передачи информации, будучи интернациональной по своей природе, легко пересекает национально-государственные и языковые границы. Доступность и разнообразие информации, получаемой по современным каналам массовой коммуникации, приводят к ослаблению многих социально-политических и культурных барьеров.

Интенсивное внедрение информационных технологий, широкое использование персональных компьютеров, формализация методов обработки данных и оперирования знаниями позволили не только ускорить технологические и управленческие процессы, но и привели к переструктурированию экономики и принципиальному изменению характера труда,

связанного с высвобождением значительной части работников от рутинных трудовых процессов, сокращением занятости и ростом свободного времени. Производители разнообразных товаров добиваются посредством рекламы желаемого результата – расширения производства.

Компактность новых систем хранения информации и способность ее надежного и быстрого переноса на любые расстояния делают возможной радикальную децентрализацию любых процессов, включая производство, управление или образование. Вместо централизованных иерархических систем возникают сети коммуникаций и отношений, поддающиеся относительно легкой трансформации в зависимости от динамики задач и функций.

Но вместе с тем, такая система коммуникаций сохраняет возможность для государственных органов и бюрократии манипулировать движением информации. Поэтому одновременно информация превращается в мощный инструмент воздействия на человеческую психику и используется в самых различных сферах деятельности. Этим пользуются политики, насаждающие через средства массовой информации нужные им идеи, а сама власть не может обойтись без данных о состоянии общества, формируя свои источники информации. Информационные данные становятся важным инструментом управления обществом, а значит, выступают (наряду с властными институтами и силовыми структурами) и как важный источник власти.

Разумеется, власть во все исторические эпохи использовала информацию в своих целях, но при этом следует подчеркнуть, что в настоящее время характер властных отношений также подвергся существенной трансформации. Общеизвестно, что в современном буржуазном обществе место прямого давления (экономического, пропагандистского) все в большей степени занимает эластичное воздействие на сознание человека (потребителя), опирающееся на его детальную психологическую реконструкцию, предлагающее ему как дифференцированному конкретному элементу культурной группы, а не «человеку вообще», лишь те ценности (информацию), которые, как предполагается, он осознает как «свои». Другими словами, сохраняется свойственная традиционному типу функционирования буржуазной культуры дифференцированность по стратам и субобществам. Поэтому те, «кто владеет СМИ, прекрасно понимают, что в условиях глобализма их теле- и радиостанции, а также их газеты и журналы смогут достичь финансового успеха только тогда, когда займутся поисками удобных ниш, доставкой узкоспециальной информации, апелляцией к местным интересам своих зрителей и слушателей. Известный лозунг – “Мыслить глобально, действовать локально” – очень хоро-

шо отражает задачи новых массмедиа» [5, с. 414]. Чтобы быть востребованным, любая информация, выступающая как товар, должна максимально соответствовать запросам потенциальных покупателей.

Кроме того, существует еще один немаловажный момент, заключающийся в том, что социализация продукта деятельности (в нашем случае – информации), то есть превращение его в культурную ценность, может осуществляться по-разному. Первый путь реализуется через активное потребление, когда информация используется для будущей профессиональной деятельности, порождая «людей знания». Второй путь – псевдоактивное потребление – имитирует первый во имя удовлетворения комплекса приобщенности к престижной сфере культуры, подтверждающей социальный статус. И, наконец, через собственно пассивное потребление, регулируемое социокультурной стратификацией общества.

К сожалению, удельный вес пассивного потребления информации значительно превышает другие, что не может не вызывать опасения, так как потенциально порождает целый комплекс сложных социальных рисков, способных свести на нет эйфорию от возможностей технологического прогресса. Проблема «информационного загрязнения», то есть полезности и адекватности поставляемой информации, давно стала болевой точкой современного общества.

Возможно, как полагает ряд исследователей, «информационное общество» выявляет новые онтологические и антропологические измерения человека, несет с собой новую аксиологию (новые ценности) и новую праксиологию (новые представления о совершенной жизни). Однако с ним связываются не только надежды и упования, но также страхи и тревоги современного человека.

Это отчетливо обнаруживается, в частности, в докладе Римскому клубу, который был озаглавлен «Микроэлектроника и общество. На радость или на горе» (1982). В докладе ставилась цель как можно яснее выявить перспективы и проблемы и дать возможность широкой общественности понять, что означает для нее развитие микроэлектроники, стимулируя, таким образом, информированное общественное обсуждение вопроса о том, какой должна быть стратегия, чтобы обеспечить работу новых технологий на пользу, а не во вред человечеству. Доклад затрагивал множество аспектов этой сложной и комплексной проблемы: технологических, управленческих, социальных, политических и других. В докладе акцентируется внимание на общих проявлениях внедрения микроэлектроники в различных областях, включая быт, создание автоматизированных промышленных предприятий, автоматизацию управления и конторского труда, сферу обслуживания, его воздействие на политику и международ-

ные отношения, а также социально-экономическое развитие различных стран и регионов и такие важные его стороны, как занятость, досуг и образование.

В этой связи представляет существенный интерес исследование становления специализированного аппарата регулирования социальных процессов, связанного с усилением информационного блока культуры и направленностью информационных потоков.

Говорить об ускоренном развитии аппарата, преобразующего традиционный механизм культуры на основе технологических процессов в искусственный, можно лишь с момента обособления экспертной службы, регулирующей построение ценностных рядов и нормирующей ценностное сознание масс.

Возникновение экспертных служб было спровоцировано в США кризисом 1929–1932 годов и окончательно оформилось в ходе Второй мировой войны, когда многие технические специалисты и антропологи внесли заметный вклад в разработку американских военных программ. А уже к концу 60-х годов аналогичные службы занимают важное место во всех наиболее экономически развитых капиталистических государствах. Взятая как целое, эта экспертная служба вырабатывает наиболее эффективную стратегию и тактические линии проектирования посредством анализа усредненных типов массового сознания и потребительских реакций.

Такой тип функционирования культуры, являющийся предметом совокупного воздействия со стороны специального аппарата, наиболее продуктивно осуществляется с помощью производства, селекции, трансляции и потребления информации. Понимаемое именно так, информационное общество обладает действительным качественным отличием от всех ранее существовавших социальных организаций. Сросшаяся властвующая элита буржуазного общества находится в постоянном поиске новых средств управления массовым сознанием, при этом технологии тиражирования ценностей и производства информации, а также психотехника массовых коммуникаций обеспечивают экспертную службу эффективными средствами реализации. Механизм циркуляции в обществе информационных потоков рассматривается аппаратом управления капиталистического общества как важное средство решения его экономических и идеологических задач.

Эффективность функционирования информационного общества напрямую зависит от всеобщности, охватывая (при частичном исключении социально деклассированных групп) всю структуру современного буржуазного общества, прежде всего «истеблишмент». Всеобщность инфор-

мационного общества придает его характеристикам абсолютную доминантность, вытесняя и подавляя элитарно-культурный идеал творческой личности и культ знания, замещая их другими идеалами – «человек потребляющий» (*homo consumens*) и «человек играющий» (*homo ludens*).

Эта универсальность информационного общества приводит к тому, что любые культурные сообщества (профессиональные, региональные, религиозные, квазиполитические) являются ее органическими элементами, соблюдающими во всех проявлениях автономной активности общие правила игры.

Непреложным фактом является то, что свое самоопределение человек обретает лишь посредством связей. Информационное общество связало человека с миром в целом, и в этом усматривается его особый гуманизм. Оно дало возможность человеку узнать то, чего он, ограниченный физическими условиями пространства и времени, ни при каких обстоятельствах не мог знать раньше. Мир как целое перестал быть для человека туманным образом или логической конструкций. Он явился ему на экране суммой живых картинок и заговорил на разных языках, изменив его представление о пространственно-временных связях: пространство и время предстали перед ним как нечто относительное, подвижное и лишенное постоянных измерений. Последовательность и сорасположенность событий перестали быть значимыми, события оказались возможным располагать в каком угодно, произвольном порядке. Далекое стало близким, то, что когда-то по законам физики было необратимым, может многократно возвращаться, каждый раз делая его одним из моментов в сумме моментов «теперь».

Лишая человека чувства укорененности в пространстве и времени, «информационное общество» включает его в особого рода игровую ситуацию, уничтожающую разницу между игрой и реальностью. Тем самым оно компенсирует ему, хотя и иллюзорно, его реальную ограниченность и, прежде всего, – подчиненность монотонности жизни. В этом, однако, если угодно, можно видеть не только компенсацию, но и особый тип духовности, особое состояние человеческого духа с его мелочными попытками объять необъятное и одновременно с его трагическим сознанием невозможности овладеть миром, встать вровень с ним.

Информационное общество, таким образом, можно связать с растущим в современной культуре чувством неукорененности человека, с отказом от долгосрочных программ и с поиском новых перспектив, не столь обременительных. Результатом является замыкание человека в мире потребительских ценностей «краткой перспективы», вообще избавленных от какой бы то ни было перспективы. Выдвижение на первый план культуры игры и зрелища идет в паре с уменьшающимся значением труда.

Функционирование современной рыночной экономики, отмеченной все возрастающей интенсификацией производственного процесса, ориентировано на массовое изготовление и потребление товаров. Иррациональна избыточность производства – производимые в количествах, превышающих существующую в них потребность, вещи используются, расходуются и поглощаются сразу же по их появлению в мире. Человек, захваченный этим потоком, вынужден потреблять – почти автоматически, не придавая значения потребляемому, не заботясь о «субстанциональной» (нерыночной) природе тех или иных выставляемых на потребительский рынок товаров, их действительной полезности, целесообразности и ценности. Получается, что в условиях современного буржуазного общества, развитого капиталистического производства не спрос формирует предложение, а предложение – спрос, причем предложение всегда выступает в виде информации.

Гиперизбыточность, являясь отличительной чертой капиталистического хозяйствования, характеризует производство не только материальных, но и так называемых «духовных» благ. Информация, то есть произведения литературы и искусства, научные теории, философские, религиозные и политические доктрины, приобретает на рынке «товарный вид» и становится пригодным к употреблению. Этот специфический вид продукции, некогда доступный узкому кругу избранных, ныне потребляется всеми без ограничений в количествах, превышающих всякую разумную меру. Однако возрастание интенсивности такого потребления оборачивается минимизацией его социальной полезности и эффективности. Развращенная обилием информации и текстов для чтения («художественной» и «интеллектуальной» продукции, используемой главным образом в целях развлечения) личность лишается специфически модернистских качеств субъекта (любопытность, целеустремленность, здоровый скептицизм), приобретая постмодернистскую всеядность, рассеянность и равнодушие. Скандалы, виртуальные информационные «войны», сенсационно-разоблачительные кампании в прессе, бесконечные политические склоки, конфликты и перепалки, инспирируемые средствами массовой информации, – все это, без чего уже не может жить современный *homo civilis*, развращенный так называемой «свободой слова» и правом беспрепятственного доступа к источникам информации, гипнотически действует на психику коллективного потребителя и общественное сознание.

Прерогатива критического осмысления информации и вообще происходящего концентрируется в руках избранного меньшинства, а ведущей группой общества становятся люди знания, то есть специалисты, которые располагают знаниями, вырабатывают, контролируют и при-

меняют их на практике. Ведущая роль в новых социальных структурах принадлежит не промышленно-финансовым корпорациям и фирмам, а центрам исследования и развития. По мнению американского социолога Д. Белла, если в индустриальном обществе ведущими лицами считались предприниматели-бизнесмены, то в обществе постиндустриального типа эту социальную когорту представляют «меритократы» (специалисты) и «когнитариат» (элита точных знаний – менеджеры, ученые, математики, социологи, экономисты, инженеры). Они вряд ли будут рисковать своим привилегированным положением и всячески будут стараться свести к минимуму все старания потенциальных конкурентов из более низших в социальной иерархии страт. По словам немецкого социолога У. Бека, «источники опасностей коренятся уже не в невежестве, а в знании, не в сфере, недоступной человеческому воздействию, а как раз наоборот, в системе решений и объективных принуждений, которая создана индустриальной эпохой» [1, с. 278].

Формально нет различия между традиционным буржуазным обществом и обществом современного типа. Принципиальное различие заключается в том, что информационное общество осознанно рассматривается наиболее просвещенным крылом правящих кругов (прежде всего США) как главное средство глобальной политики. Впервые это проявилось в европейской политике США в 40-е годы как задача распространения «американского образа жизни» и потребительского идеала американской массовой культуры. Возникший в США этот культурный стереотип постепенно охватил весь капиталистический мир и определенные слои стран «третьего мира». Соответственно, стереотипы информационного общества стали опознаваться классическим мелкобуржуазным сознанием как прогрессивная форма выражения присущего ей традиционно потребительского идеала, тем самым создавая плацдармы для его дальнейшей экспансии.

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Издательство «Прогресс-Традиция», 2000. – 384 с.
2. Ерасов, Б. С. Социальная культурология [Текст]: учеб. пособие / Б. С. Ерасов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 1997. – 591 с.
3. Проблемы мира и социального прогресса в современной философии [Текст]. – М.: Политиздат, 1983. – 320 с.
4. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М.: Изд-во «Аграф», 1999. – 384 с.
5. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 669 с.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ИНТЕГРАЦИИ ЭЛИТАРНЫХ КЛУБОВ
В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РЕГИОНА**

Элитарные клубы как современные субъекты социально-культурной деятельности пока еще не достаточно изучены, также не исследованы организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду регионов. Комплекс противоречий, связанных с современным развитием элитарных клубов, включает в себя социально-культурный, педагогический, организационный, технологический аспекты, а именно:

- между ответственностью элиты за выполнение своих традиционных функций, возлагаемых на нее обществом и государством, актуальных текущих задач по стабилизации социально-экономической ситуации в стране, с одной стороны, и недостаточно гармонично развитыми социально-культурными и педагогическими условиями формирования самой элиты – с другой;

- между духовными потребностями современной элиты в досуговом избирательном локальном общении по интересам, в получении эксклюзивной информации, занятиях творческой деятельностью, как в рамках профессиональной, так и внепрофессиональной деятельности, и недостаточным количеством культурных учреждений, соответствующих ее запросам;

- между интенсивным участием предпринимательских структур в создании частных клубов как центров развлечений для элиты и отсутствием теоретических разработок относительно педагогического воздействия предлагаемых клубных программ на воспитание и формирование элиты;

- между сложностью и высокой значимостью социально-культурной деятельности элитарных клубов для общества в целом и недостаточной степенью создаваемых для этого организационно-педагогических условий;

- между востребованностью в обществе личностей, способных стать источниками инноваций, инициаторами, организаторами, лидерами, социально-культурная активность которых могла бы служить повышению уровня культуры общества в целом, и недостаточным вниманием органов власти к деятельности элитарных клубов, которые являются социокультурной средой, способствующей формированию таких личностей;

- между высоким уровнем развития теории и методики социально-культурной деятельности в целом и недостаточной разработанностью теории и дифференцированных методик социально-культурной деятельности элитарных клубов;

- между сложностью и значимостью реальных процессов педагогической и социокультурной деятельности в современной практике элитарных клубов и отсутствием научно-обоснованной социопедагогической модели элитарного клуба;

- между необходимостью интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона и неопределенностью организационно-педагогических условий осуществления процессов интеграции.

Опытно-экспериментальная работа позволила выявить и проанализировать необходимые для успешной деятельности элитарных клубов организационно-педагогические условия. Экспериментальным объектом являлась совокупность элитарных клубов сибирского, в первую очередь, омского региона. В их числе клубы, входящие в международную клубную систему **Rotary International**, «Ротари – Омск» и «Ротари – Достоевский», омское отделение Международной ассоциации «Искусство народов мира», Музыкальная гостиная Омского Дома актера, клуб «Музыкальные субботы» в Центральной библиотеке им. Ленина г. Омска, клуб «Рисовальные понедельники» в музее Кондратия Белова, областное Пушкинское общество, Гражданский клуб, клуб «Эгоист» и др.

Базу исследования составили, во-первых, те, пока немногие, государственные учреждения культуры, искусства и досуга Омска, в которых создаются и развиваются элитарные клубы. Во-вторых, частные коммерческие предприятия, на базе которых функционируют элитарные клубные сообщества. В-третьих, общественные организации. В-четвертых, образовательные учреждения, в учебные программы которых были внедрены элементы авторской модели современного элитарного клуба.

В результате мы установили, что в омском регионе активно развиваются процессы формирования новых элитных групп во всех сферах человеческой деятельности: власти и бизнеса, науки и образования, культуры и спорта, религиозных конфессий и этнических сообществ. Данные элитарные группы обладают различными видами и объемами ресурсов не только для осуществления своей профессиональной, но и социально-культурной деятельности в сфере досуга. Участие в деятельности элитарного клуба дает возможность представителям элиты удовлетворять определенный комплекс интересов и потребностей, как чисто духовных (интеллектуальных, творческих и др.), так и материальных (политических, профессиональных, имиджевых и др.).

Социокультурная деятельность элитарного клуба, во-первых, способствует формированию слоя современной элиты, во-вторых, оказывает положительное воздействие на социокультурную ситуацию в регионе, что выражается в поддержании определенного уровня элитарности в культуре региона, в искусстве (профессиональном и самодеятельном) и досуге.

Основными предпосылками образования в регионе элитарных клубов интеллигенции являются личная инициатива и целеустремленность представителей элиты при условии оказания ресурсной поддержки со стороны отдельных руководителей и специалистов учреждений культуры и искусства, посредством бесплатного предоставления помещения (комнаты, зала) и оборудования (музыкальной аппаратуры, инструментов, мебели, предметов искусства, образцов коллекций и др.) для встреч и проведения мероприятий; помощи в информационно-методическом обеспечении деятельности клубного объединения; поддержки развития процессов интеграции деятельности клуба и учреждения; планирования совместных проектов и программ; содействия созданию престижного имиджа клуба, как в рамках учреждения, так и в регионе.

Анализ нормативных документов и опросы руководителей показали, что штатные сотрудники государственных и муниципальных учреждений культуры, органов управления отраслью пока не рассматривают работу с элитарными клубами как приоритетное или актуальное направление, поскольку ни на уровне федерации, ни на уровне региона она таковой не признается, что подтверждается отсутствием каких-либо упоминаний или указаний (в нормативно-правовой документации, в статистических формах отчетности учреждений культуры и искусства) в отношении элиты и интеллигенции как об объекте и субъекте культурной политики. Таким образом, элитарные клубы не подлежат особому влиянию и регулированию.

Деятельность элитарных клубов, базирующихся в коммерческих развлекательных центрах, остается также вне зоны регулирования государственной и региональной культурной политики. Способствуя коммуникации финансово-обеспеченной элиты и «золотой молодежи», эта деятельность все же носит преимущественно рекреационно-развлекательный характер. Средства массовой информации, освещающие, комментирующие и рекламирующие работу данных клубов, в подаче материала усиливают и акцентируют их «тусовочный» характер с присущим ему культом развлечений, скандалов, экзотики, эротики и снобизма. Это приводит к формированию отрицательного отношения широких слоев общества к элите в целом и разрушению позитивного имиджа ее клубов.

Анализ моделей исследованных клубов показал, что в наибольшей степени близка к идеальной модели элитарного клуба модель клуба Ротари, что неудивительно с учетом его более чем столетнего возраста, высочайшей степени организации и ресурсообеспеченности. Другие клубы, задействованные в исследовании, мы можем соотнести с элитарными, однако степень их зрелости меньше. Согласно нашей социодинамической модели формирования элитарного клуба, развитие Ротари соответствует наивысшему этапу. Другие омские клубы, задействованные в исследовании, по степени своей зрелости располагаются в середине диапазона развития.

Интеграция современных элитарных клубов в социально-культурную среду региона предполагает, по нашему мнению, соблюдение ряда взаимосвязанных и вытекающих друг из друга организационно-педагогических условий. При этом организационные условия обеспечивают выполнение педагогических; и те и другие, в конечном счете, позволяют достигать желаемых результатов, способствующих успешной интеграции.

Результаты нашей опытно-экспериментальной работы показали, что этими организационно-педагогическими условиями являются следующие.

1. Прежде всего, необходимо четкое осознание целей и задач клуба его лидером, инициативным ядром и всеми участниками, что позволит им определить адекватную целям и задачам внутреннюю организационную структуру клуба, а это, в свою очередь, послужит основой гармоничной и устойчивой клубной организации.

2. Для образования активной, инициативной и сплоченной группы единомышленников желательное единство интересов, потребностей и действий всех участников клуба, которое должно поддерживаться соблюдением положений устава клуба, участием всех членов клуба в составлении и реализации его планов и программ.

3. Для выбора приоритетных направлений деятельности клуба, способствующих воспитанию, развитию, профессиональному и творческому самовыражению всех участников клуба, их социализации и адаптации в социально-культурной среде, необходим анализ специфики инфраструктуры региональной и локальной социально-культурной среды.

4. Для получения элитарными клубами стабильной поддержки со стороны региональных органов управления культуры требуется установить соответствие задач и направлений деятельности клуба приоритетным направлениям развития культуры в регионе, а для этого участникам клубов не обойтись без знания действующих законов и нормативных документов в сфере культуры, науки, образования и др.

5. Развитию сети контактов клуба с субъектами и объектами социально-культурной деятельности в регионе будет способствовать яркая и эффективная социально-культурная деятельность клуба, проявляющаяся не только внутри, но и за рамками клуба; выбор соответствующих партнеров, механизмов и форм взаимодействия клуба с социально-культурной средой.

6. Необходима сильная и устойчивая мотивация активистов элитарных клубов к участию в социально значимых культурных программах региона, для чего органам управления желательно применять методы поощрения участников клубов. В этом случае следует опираться на нормативную базу, регулирующую деятельность общественных объединений, Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе “Культура России (2006–2010 годы)”», а также соответствующие региональные документы, в частности, в Омском регионе таковым является Постановление Правительства Омской области «Концепция приоритетного регионального проекта “Культура Омской области” на 2006–2008 годы».

7. Грамотные шаги по информационно-рекламному обеспечению деятельности элитарного клуба, его взаимодействию со СМИ, паблисити и пиар позволят донести сведения о социально-культурных инициативах, планах, программах и делах клуба до широкой общественности, создадут ему соответствующий позитивный имидж и авторитет в регионе.

8. Накопление и распространение педагогического опыта по созданию и развитию элитарных клубов может и должно стать предметом изучения и обсуждения на методических семинарах для работников учреждений культуры, клубных лидеров, что послужит залогом компетентного управления и руководства процессами клубообразования и дальнейшего развития элитарных клубов в гармонии со всеми субъектами социально-культурной деятельности региона.

Результаты опытно-экспериментальной работы позволили сформулировать следующие практические рекомендации, которые, на наш взгляд, могли бы способствовать оптимизации интеллектуально-креативной деятельности элитарных клубов и их интеграции в социально-культурную среду региона:

1. Региональным органам управления следовало бы осуществлять стимулирование деятельности элитарных клубов и досуговых объединений интеллигенции в направлении участия их в масштабных региональных программах историко-культурного, социально-политического, художественно-эстетического, информационно-просветительного, эко-

лого-защитного содержания. Для этого необходимо заблаговременно информировать клубы о предстоящих культурных акциях, привлекать их к разработке программ, как в качестве генераторов идей, так и в качестве экспертов, оказывать помощь в обеспечении требуемыми ресурсами, поддерживать престиж социально-значимой деятельности клубов, использовать формы материального и морального поощрения, гранты.

2. Учреждения культуры и искусств, при планировании своей работы, необходимо полнее учитывать социокультурные и досуговые интересы и потребности элитных групп региона. Содействовать интеграции различных видов элиты, что позволило бы им взаимодополнять друг друга в плане ресурсообеспеченности.

3. Федеральные и региональные власти могли бы обратить более серьезное внимание на положение и статус интеллигенции в сфере культуры и образования. Этот слой духовно-интеллектуальной элиты в течение многих десятилетий привыкли больше «эксплуатировать» в интересах организации образования, просвещения и воспитания других групп населения, не придавая должного значения интеллектуальному, эмоциональному, психическому воспроизводству самой интеллигенции.

4. Учреждения высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства могли бы принять во внимание актуальность введения в учебный план подготовки будущих специалистов, в первую очередь менеджеров социально-культурной деятельности, курсов дисциплин, вооружающих дополнительными научными знаниями для работы с элитными группами как в государственных, так и коммерческих структурах.

5. Элитарные клубы, особо отличающиеся своей яркой креативной деятельностью, имеющие широкое общественное признание в городе и за его пределами, достойны того, чтобы включить их в реестр особо ценных субъектов социально-культурной деятельности региона. Соответствующим органам власти, как мы полагаем, следует рассмотреть вопрос о том, названия каких элитарных клубов можно было бы использовать при разработке брэнда, «визитной карточки», города и региона. Это, на наш взгляд, могло бы принести практическую пользу не только туристическим фирмам, но и имиджу региона в целом.

Таким образом, организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона представляют собой целостную совокупность необходимых и достаточных требований, создаваемых и регулируемых субъектами деятельности с целью включения и органического участия элитарных клубов в социально-культурном развитии региона.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИГРОВЫХ СООБЩЕСТВ В СФЕРЕ ДОСУГА

Своеобразие развивающего потенциала игровых сообществ для социально-педагогической практики заключается в том, что игра сразу выступает как целостный феномен становления всех сущностных сил человека. В этом случае педагогика формирования игровой культуры служит целям целостного развития личности и становлению игрового пространства жизни человека как сферы его духовно-творческой активности, приданию нового, более глубокого смысла культуротворческой деятельности «человека играющего» в сфере досуга, жизненным переменам человека (например, обрядово-игровые и празднично-игровые формы культуры), поддержке в критические моменты жизни (например, игровые методы в психотерапии), в конечном счете – увеличению вариативности жизни человека и его игрового пространства.

В реальности человеческого мира возможность игрового сообщества, «игровых ассоциаций» в своем высшем проявлении включает качество социальной проективности, так как «игровая ассоциация обладает общей склонностью самосохраняться, консервироваться, даже когда игра уже сыграна» [3, с. 123].

Игровое сообщество – инициативное и организационно оформленное, педагогически управляемое и связанное игровой потребностью объединение или игровой коллектив в сфере досуга и формах социально-культурной деятельности [см.: 1, с. 51–62].

Исследовательская стратегия темы «игрового сообщества» как «зоны ближайшего развития» личности должна учитывать следующие компоненты:

1. Этапы развития игрового сообщества как формы организации совместной игровой деятельности в сфере досуга.
2. «Опережающая инициатива» (педагогическое влияние на игровую деятельность) в становлении игровых сообществ.
3. Становление личности в формах игрового сообщества в освоении социальной традиции.
4. Проективная возможность игрового сообщества в социально-педагогической практике.

В. Д. Пономарев представляет динамику становления игровых сообществ сверстников следующим образом:

1. Игры рядом опираются на достаточно сформировавшуюся у ребенка сосредоточенность на своей игровой деятельности. Это позво-

ляет ему спокойно действовать, не отвлекаться игрой соседа. Качества общности здесь еще очень нейтральны. Но и это существенно, так как позволяет детям быть в группе рядом друг с другом, соблюдая «дисциплину расстояния».

2. «Механическое взаимодействие» в игре. Качества общности начинают проявляться более активно тогда, когда ребенок переходит к совместному действию с кем-то из детей. Возникает процесс взаимодействия, вызывающий детей на общение, на установление отношений друг с другом. Проявляется взаимодействие по-разному. Оно может быть чисто механическим слиянием действий, по существу разнородных. Тогда происходит как бы мирное течение двух индивидуальных игр. Даже действия детей, переплетаясь, остаются каждое в своем плане. Это похоже на игры рядом.

3. Игровое взаимодействие на основе личных предпочтений детей. Взаимодействие может быть и на основе интереса друг к другу. Здесь участвует личное отношение, предпочтение, знакомство и т. д.

4. На уровне овладения детьми взаимодействием появляются первые общественные образования – играющие группы; они немногочисленны, кратковременны, но они существуют и организуют детей [см.: 1, с. 54–56].

В сфере игры возникают следующие социокультурные и социально-педагогические проблемы формирования игровых сообществ, влияющие на устойчивость и перспективу развития игровых ассоциаций в условиях социально-культурной деятельности, а также на разработку ролевых стратегий, способов и сюжетного построения игровой деятельности в условиях игровых сообществ: «возрастные и социально-статусные факторы, национальные, гендерные и сиблинговые (игровые отношения братьев и сестер) особенности» [см.: 1, с. 51–62].

Анализируя игровые отношения в условиях игровых сообществ, В. Д. Пономарев сделал следующий вывод: гармония и целостность психологических компонентов игровых взаимодействий «человека играющего» представлены именно во взаимном общении с участниками игрового сообщества: идентификация с другими участниками открывает возможность наиболее адекватно удовлетворять и потребность в самооценке, и потребность самому оценивать партнера по игре.

Именно взаимное оценивание является источником эмоциональной жизни в игровом сообществе. Усложняясь и углубляясь, эмоциональное пространство совместной игры приобретает формы состязания, соперничества, взаимной симпатии, дружбы в структуре игрового сообщества. «Обоюдность» в совместных играх обогащается эмоциональной от-

звичивостью, солидарностью и ведет к уже совершенному духовному проявлению эмоциональной жизни – эйективации. Такая совместность, «обоюдность» выражается в слове «мы» и является духовным качеством совместной игровой деятельности, выступая одновременно и как определенный результат, и как одна из сторон готовности к высшей форме опыта со-существования – этики игровых сообществ. Игровые сообщества – возможность социального ориентирования и социального творчества личности.

Основной педагогической проблемой, связанной с нравственным воспитанием коллективных взаимоотношений в игре, является проблема формирования такого ценного чувства человека, как солидарность, наличие которого свидетельствует о следующих нравственных началах в человеке: со-переживание, со-чувствие, со-страдание, со-действие. Этот вывод явственно исходит из того, что сама реальность человеческого мира – это не только я сам (индивидуальность), но еще и другой человек, с кем (даже помимо своей воли) необходимо считаться, дружить, общаться, то есть со-существовать.

Следовательно, взаимная необходимость считаться друг с другом, «обоюдность» – первый признак собственно реальности человеческого мира, а сообщество с другим человеком – это путь, намеченный природой человека. Именно игровое сообщество как социальная микросреда выступает формой достижения социального идеала – солидарности. В игре человек начинает чувствовать себя членом коллектива, справедливо оценивать действия и поступки своих товарищей и свои собственные. Общность чувств и действий, способность установления между людьми отношений, основанных на дружбе, справедливости, взаимной ответственности, солидарности, и есть основа становления игровых сообществ.

В становлении социальных чувств человек стремительно проходит путь от «существования в одиночку», «изначального одиночества» до сотрудничества и эффективно осваивает нравственно-эстетическую сферу человеческих отношений, строящуюся на удовлетворении притязаний к признанию, доброте, честности, долженствованию. Однако свобода духовно-нравственного самосозидания не дана человеку от природы. Здесь одним из решающих факторов являются игровые сообщества детей, в которых и формируется «социальное чувство» (или «общественность») человека на основе совместных действий [см.: 1, с. 51–62].

Игра – явление многогранное, ее можно рассматривать как особую форму существования всех без исключения сторон жизнедеятельности коллектива.

В отечественной педагогической теории и практике определились следующие гипотезы становления игровых сообществ детей и, следовательно, методические требования к организации педагогического процесса:

- когда дети более организованы, динамичнее и качественнее (в смысле сотрудничества) складывается жизнь игрового сообщества; организующее начало здесь относится к организованности как личному качеству ребенка;

- дисциплинированность детей; только при достаточном уровне личной дисциплинированности поведения возможна сама жизнь игрового сообщества;

- ведущую роль в становлении игровых сообществ играет эмоциональная привлекательность и интерес; если участники игры увлечены, если происходит относительно частая смена эмоциональных состояний, то и жизнь игрового сообщества развивается и протекает организованно; соответственно, при отсутствии эмоциональной привлекательности исчезает интерес, и игровое сообщество распадается;

- становление игрового сообщества происходит на основе опыта индивидуальных игровых действий, то есть при наличии определенных индивидуальных знаний, умений и навыков действий с игрушками, вообще в играх; следовательно, совместная игровая деятельность сверстников – это, в первую очередь, передача индивидуального игрового опыта.

Соответственно тому, что признается в качестве ведущего фактора в становлении игрового сообщества, строится и педагогический процесс в сфере игры, и определяются способы воспитательного воздействия, и формируется традиция педагогики игровых сообществ [см.: 1, с. 51–62].

Игровые сообщества – самостоятельная деятельность, в которой дети впервые вступают в общение со сверстниками. Их объединяет единая цель, совместные усилия к ее достижению, общие интересы и переживания.

Организация игрового коллектива и становление в этом коллективе личности каждого ребенка – один из важнейших и сложных вопросов педагогики. Сложность эта вызвана двойственным характером переживаний и взаимоотношений играющих.

Таким образом, игровые сообщества должны являться школой такой деятельности, в которой подчинение необходимости выступает не как навязанное извне, а как отвечающее собственной инициативе ребенка, как желанное.

Игровое сообщество является деятельностью, в которой разрешается противоречие между быстрым ростом потребностей и запросов ребен-

ка, определяющим мотивацию его деятельности, и ограниченностью его оперативных возможностей. Отсюда игровое сообщество – способ реализации потребностей и запросов ребенка в пределах его возможностей.

В связи с этим, необходимость создания игровых сообществ заключается в следующем:

- во-первых, происходит формирование опыта переживания положительных чувств (удовольствие, восторг, катарсис и т. д.);

- во-вторых, через опыт эмоциональных переживаний формируется положительное отношение «человека играющего» к себе самому (положительная самооценка);

- в-третьих, на основе эмоционального опыта определяется положительное отношение к ценностному содержанию игровой деятельности, «человеком играющим» принимается и осваивается не только оперативное, но и ценностное поле игры.

Педагогическая ценность игрового времени и игрового пространства заключается не столько в предоставляемом многообразии переживаний, сколько в возможности формирования и проявления самой способности к переживанию, не столько в многообразии чувств, сколько в проявлении самой способности чувствовать; как проявление развитого эмоционального опыта – в способности со-переживать играющему. Как только он «войдет в роль», ему открываются не только чувства его роли, которые станут его собственными чувствами, но чувства партнеров, объединенных с ним единством действия и воздействия [см.: 1, с. 51–62].

Игровые сообщества – практика развития. Ребенок играет потому, что развивается, и развивается потому, что играет. В этом случае можно рассматривать определение значений игровой деятельности как интерпретацию теории игры, когда в игре ребенок, упражняясь, совершенствует свои способности, и если развитие приспособлений для дальнейших жизненных задач составляет главную цель нашего детства, то выдающееся место в этой своеобразной связи явлений принадлежит игре

В игровых сообществах формируются все стороны психики ребенка. В игровых сообществах у ребенка формируется воображение, которое включает в себе и отлет от действительности и проникновение в нее. Способности к преобразованию действительности в образе и преобразованию ее в действии закладываются и подготавливаются в игровом действии. В игре прокладывается путь от чувства к организованному действию, от действия к чувству; словом, в игре, как в фокусе, собираются, в ней проявляются и через нее формируются все стороны психической жизни личности. В ролях, которые ребенок, играя, на себя принимает, расширяется, обогащается, углубляется сама личность ребенка. А спо-

способность взрослого человека отдаваться игре и переживать в ней во всей непосредственной действенной эмоциональности остается проявлением и доказательством его неувядающей молодости.

Социокультурное назначение игровых сообществ заключается в том, что игра – своего рода эталон культуры, контролируемый феномен, который наиболее полно выражает самобытное в людях, психологический склад народов, национальностей, традиции сублимации. Социокультурный смысл национальной игры в том, что она формирует типовые навыки социального поведения, специфические системы ценностей, ориентацию на групповые или индивидуальные действия, соревновательность и кооперацию, развивает схожие этнические характеры, стереотипы поведения в человеческих общностях.

Для ребенка игра важна как сфера реализации себя в качестве человека, личности. Именно в этом плане ребенку важен сам процесс игры, а не ее результат, или конкурентность, или возможность победы, или достижение какой-либо цели. Процесс игры – пространство самореализации. Игра – уникальный полигон человеческой практики ребенка, действительности как области применения и проверки накопленного опыта. Игра позволяет, с одной стороны, построить и проверить проект снятия конкретных жизненных затруднений в практике ребенка, с другой – выявить недостаточность опыта. Человеческая практика постоянно вводится в игровую ситуацию для того, чтобы раскрыть возможные или уже имеющиеся проблемы у ребенка и моделировать их снятие.

Любое игровое общество (кратковременное или долговременное) – коллектив, выступающий применительно к каждому игроку как организующее и коммуникативное начало, имеющее огромное количество коммуникативных связей. Это общение включает в себя специфические нормы поведения: сыгранность и независимость, общность интересов и личные пристрастия, взаимопонимание и способность самому принимать решения, уступки и эмоциональную контактность. В овладении игровой ситуацией действуют такие коммуникативные средства, как развитая речь, способность предвидеть реакции партнеров на несколько ходов вперед, быстрая реакция в игровом диалоге, игровой опыт играющих. Безусловно, на коммуникативные отношения играющих оказывают влияние и «нравы» детского игрового сообщества, моральные требования в соблюдении правил игры, нравственные принципы и установки собственно играющих.

Таким образом, в игровой деятельности детей существуют абсолютно реальные общественные отношения, складывающиеся между играющими.

Стратегия становления игровых сообществ является смыслообразующей:

- во-первых, в игровом сообществе, с одной стороны, отражается и проявляется реальность человеческого мира, с другой стороны, игровое сообщество, как правило, формирует и определяет реальность человеческого мира (проективность игровых сообществ);

- во-вторых, первичное и непосредственное нравственное переживание человеческой среды, как таковой, являющееся основой социального творчества личности, лежит в основе игрового сообщества сверстников, а формирующаяся и закрепляющаяся в игровом праве этика игровых сообществ сверстников есть настоящий источник аксиологии игровой культуры;

- в-третьих, сущностные, постоянные величины игровой культуры в своем совершенном (полном и завершенном состоянии) находят выражение только в условиях игровых сообществ;

- в-четвертых, игровое сообщество есть форма освоения и усвоения социальной традиции, культуры в целом.

Проектирование игровых сообществ, моделирование совместной игровой деятельности и есть педагогическая теория и практика игровой культуры.

Эффективное формирование игровых сообществ в сфере досуга способствует:

- свободному, без принуждения, «вхождению» участников в игровой режим;

- развитию творческой инициативы участников;

- проявлению психологической свободы и эмоционального опыта участников;

- достижению коммуникативной свободы (спонтанные каналы общения).

Однако сам факт наличия взаимоотношений сверстников еще не определяет педагогическую возможность игровой культуры в условиях игрового сообщества. Существенной особенностью игрового сообщества сверстников как социального факта является некоторое единство, сближающее участников игровых сообществ. Степень устойчивости, глубины и продолжительности установившегося единства определяется возможностью социального творчества в условиях совместной игровой деятельности. В этом случае речь идет о педагогическом проектировании игрового сообщества, моделировании игровых форм жизнедеятельности сверстников, когда этическое и нравственное содержание игровой культуры проникает в систему взаимоотношений в игровом сообществе.

Здесь алгоритм педагогического моделирования представляет собой следующие этапы:

1) построение собственно логики игровых событий в соответствии с сюжетом и правилами игры, которая выражается через игровые действия;

2) построение психологической логики игры – действительности взаимоотношений, влияний, восприятий, взаимооценок и переосмыслений отношений сверстников.

В первом случае определяется собственно игровой контакт на основе формирования выразительности игровых действий: умение владеть своим телом, голосом, походкой, жестами, мимикой, с их помощью выражать свое отношение, чувства, настроение. Во втором случае формируется социальное пространство игрового сообщества в соответствии с этическими императивами игровой культуры.

Понимание специфики движения в игровом сообществе сверстников как установление взаимоотношений приводит нас и к пониманию игрового общения как осуществления той или иной ролевой стратегии поведения ребенка.

Совместная игра сверстников – путь соединения в душе ребенка чувства индивидуальной свободы с этическими ценностями человеческого сообщества. Следовательно, социальное творчество играющих (освоение социальной традиции) выступает, в первую очередь, как ценностно-ориентированное взаимодействие.

Возможность осуществления совместной игровой деятельности среди сверстников зависит не только от одного играющего, но и от действий его партнеров по игровому сообществу. В этом случае всегда появляется необходимость выстраивать открытые отношения с действиями партнера по игре, согласовывать свои действия с действиями других, наконец договариваться о распределении ролей, о начале и конце игры, решать возникающие по ходу игровой деятельности конфликты, принимать возможные изменения правил игры, то есть допускать различного рода конвенции.

С точки зрения проективной методики игрового общения, становления игровых сообществ, принцип диалога, основанный на указанных выше характеристиках, решает задачу вариативности ролевых стратегий и, соответственно, гарантирует процесс самоутверждения личности и реализацию творческой свободы «человека играющего»: во-первых, каждому участнику в режиме диалога предоставлено право и коммуникативного, и морального выбора; во-вторых, каждый участник игрового обще-

ния получает объективную возможность экспериментировать со своим поведением, исследовать альтернативные варианты игровых решений в рамках правил и сюжета игры.

Первичное и непосредственное нравственное переживание человеческой среды как таковой, являющееся основой социального творчества личности, лежит в основе игрового сообщества сверстников. При этом нравственными критериями социального творчества личности выступают такие понятия, как:

- эмоциональная отзывчивость, на основе которой и развивается собственно влечение к людям;
- социальный стыд как условие высокой чувствительности к оценкам окружающих людей и, соответственно, самоограничение, то есть моральная привычка считаться с людьми;
- солидарность как сознание единства с участниками социального целого (в нашем случае, с участниками игрового сообщества), как путь сотрудничества, дружбы, товарищества.

Устойчивость и глубина этих чувств в социальном творчестве личности развивают не только способность к социальному ориентированию, но выступают как источник целостного духовного становления личности.

На становление способности к социальному творчеству, укрепление индивидуальности и обретение личностной свободы влияет также фактор вариативности игровых сообществ. В реальности человек живет в мире различных социальных ролей, участвует в общении во многих социальных кругах. Соответственно, человек в реальности никогда не является членом только одного социального круга, а принадлежит одновременно к различным социальным кругам. Социальное творчество в жизненной стратегии личности интегрирует эти различные социальные круги и социальные роли.

Ориентированность практики на становление игровых сообществ не только способствует развитию способности социального творчества личности, но и одновременно служит условием свободы, независимости личности, формирует и развивает индивидуальность. Вариативность игровых сообществ в педагогической практике осуществляет идею «общения с возможностью» – свободного выбора ребенком различных форм деятельности, расширяет сферу социального ориентирования и социального творчества в плане самостоятельного выбора ребенком социальных связей.

При создании игровых сообществ необходимо учитывать, что:

- они призваны привлекать эмоциональный опыт, вызывать положительные чувства, интерес;

- они призваны воплощать принципы творения-преобразования;
- творческие задачи должны превосходить имеющиеся возможности;
- должно быть осуществлено свободное, без принуждения, какой-либо зависимости вхождение в процесс деятельности и существование в нем.

Участие в игровых сообществах способствует формированию:

- умения принимать на себя и владеть творческой инициативой, способствующего проявлению и формированию волевых качеств личности;

- умения, открывающего в человеке способность к творческому мышлению, к нестандартности и вариативности принимаемых игровых (творческих) решений; здесь раскрываются индивидуальные качества и особенности личности, формируется и проявляется ассоциативное, образное (не однообразное) мышление личности;

- умения и способности, составляющих основу коммуникативной культуры человека (культуры восприятия, культуры речевого действия и т. д.);

- умения и способности «эмоционального мышления» (динамика и глубина чувств и переживаний) человека, эмоционально-психологического саморегулирования (культура выражения эмоций, способность к эстетическому переживанию, снятие отрицательных эмоций, способность со-переживать и т. д.).

Сама тема и стратегия становления игровых сообществ для педагогики игры является смыслообразующей:

1. Именно в игровом сообществе, с одной стороны, отражается и проявляется реальность человеческого мира, с другой стороны, игровое сообщество, как правило, и формирует, определяет реальность человеческого мира (проективность игровых сообществ).

2. Формирующаяся и закрепляющаяся в игровом праве этика игровых сообществ сверстников – есть настоящий источник аксиологии игровой культуры.

3. Сущностные, постоянные величины игровой культуры в своем совершенном (полном и завершенном) состоянии находят выражение только в условиях игровых сообществ.

Игровое сообщество есть форма освоения и усвоения социальной традиции, культуры в целом.

Отсюда, социально-культурная практика формирования игровых сообществ, моделирование совместной игровой деятельности и есть педагогическая теория и практика игровой культуры.

Литература

1. Пономарев, В. Д. Педагогика игры [Текст] / В. Д. Пономарев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 183 с.
2. Пономарев, В. Д. Игровая технология праздничного досуга [Текст]: учеб. пособие / В. Д. Пономарев. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 72 с.
3. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня [Текст]: пер. с нидерл. / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс; Академия, 1992. – 464 с.

Е. Н. Лиханина

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННОЕ СРЕДСТВО МОНТАЖА ПРАЗДНИЧНЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ

Современная социокультурная практика ориентирована на проективный подход к технологии создания праздничных форм культуры, опирающийся на новые знания, умения, способности. Подобная ситуация позволяет нам считать проективную деятельность инновационной, так как подразумевает преобразование действительности, основывается на соответствующей технологии, которую можно изучить, осмыслить, овладеть и улучшить.

Технологический феномен интегративен – он генерирует современную цивилизацию и культуру, деятельностьную структуру общества и способ жизни, во многом определяет современное состояние и перспективу человечества. Феноменальность категории «технология» проявляется в том, что технология пронизывает всю практическую деятельность человека, является жизненной основой его существования в современном мире, интегрирует все наиболее абстрактные стороны этой деятельности – познания и мышления [см.: 5, с. 122.]. То же самое можно сказать о познании и мышлении сценариста-режиссера праздничных форм культуры, который в своей работе достигает интеграции «фактов жизни» и «фактов искусства» при помощи метода монтажа.

В своей монографии «Педагогика игры» В. Д. Пономарев указывает на следующие научные выводы:

1) *современный уровень развития производственной и социальной деятельности характеризуется целенаправленным разграничением процесса деятельности на отдельные этапы и последовательно сменяющие друг друга операции;*

2) *непременным условием достижения искомых результатов какой-либо деятельности становится фиксирование способов выполнения каждой фазы и операции;*

3) соответственно, оптимальным условием достижения эффективности деятельности является *специализация деятельности в конкретных фазах процесса*;

4) *специализация человеческой деятельности и вместе с этим интеграция разнородных в прошлом видов деятельности в систему внутренне связанных процедур и операций* являются закономерной особенностью современных социокультурных процессов;

5) интегративность процесса преобразовательной деятельности создает объективные условия развития и использования *различных направлений научного знания*.

Проведенные автором монографии научные изыскания позволяют предположить, что технологический процесс практической деятельности человека можно соотнести с работой сценариста-режиссера в ходе подготовки и проведения театрализованного представления и праздника. Так, в первом случае, задумывая будущее представление, мы поэтапно проходим этот процесс – начинаем со сбора материала, далее приступаем к детальной разработке сценария, его написанию, составлению монтажного листа, конструктивно работаем над блоками, эпизодами, номерами программы и т. д. Во втором – из всего арсенала нам необходимо выбрать технологию, методы, средства, приемы и способы, которыми будем руководствоваться в процессе разработки, подготовки и проведения праздника. В третьем – на каждом этапе работы стараемся найти наиболее эффективные подходы, максимально яркий и запоминающийся материал, который бы наиболее точно отражал идею автора. Выбрав необходимый материал на третьем этапе, используя монтажный метод, мы приступаем к интеграции «фактов жизни» и «фактов искусства», стараемся добиться согласованности, взаимозависимости. И, наконец, в результате поэтапной, целенаправленной работы, добившись желаемого результата, мы начинаем анализировать, подвергать скрупулезному рассмотрению все этапы работы и непосредственного воплощения замысла; в результате такого разбора, как правило, обнаруживаем новые подходы, пути и возможности достижения сверхзадачи.

Таким образом, опираясь на вывод В. Д. Пономарева, согласимся, что процесс технологизации человеческой деятельности можно рассматривать как *системную интеграцию различных направлений специализированного научного знания и областей профессиональной практики в единый культуротворческий процесс деятельности*, в данном случае это относится и к праздничным формам культуры.

Понятие «технология» в современной науке и практике находится в постоянном развитии и дополнении новыми признаками. Общеизвестно,

что в это понятие входят такие категории, как метод, процесс, система и т. д. Первостепенное место в этой цепочке занимает метод, в нашем случае – монтаж, который достигается путем интеграции «фактов жизни» и «фактов искусства».

Интеграция – одно из основных понятий системного подхода к изучению социокультурной реальности – выражает наличие согласованности и взаимозависимости между элементами системы, обеспечивающее ее внутреннее единство, сохранение, гармоничное функционирование, устойчивость и стабильность. В зависимости от того, какая система рассматривается (социальная, культурная и т. д.), используются термины «культурная интеграция», «социальная интеграция», «социокультурная интеграция». Интеграция может рассматриваться как качественная и количественная характеристика системы. Понятие «интеграция» имеет давнюю историю, и сам этот термин фигурировал в истории мысли под разными наименованиями («гармония», «всеобщее согласие», «солидарность», «консенсус» и т. д.). В философской и социологической мысли XVIII–XIX веков преобладало понимание интеграции как качественной характеристики макросистем (обществ, культур, цивилизаций). Культуры (или «цивилизации») рассматривались как замкнутые, тотально интегрированные органические единицы, характеризующиеся внутренней согласованностью составляющих элементов (Дж. Вико, Ш. Монтескье), естественным внутренним равновесием (Э. Берк, Ж. де Местр), воплощающие в себе некие общие принципы, единые «культурные конфигурации», специфические «национальные идеи» или «коллективный дух» (Ж.-Ж. Руссо, И. Гердер, П. Чаадаев, Шпенглер, Дильтей, Буркхардт и др.). Спенсер выделял две стороны любого процесса развития: дифференциацию (структурную и функциональную) и интеграцию, обеспечивающую согласованность все более специализирующихся функций, выполняемых все более специализированными институтами. С 30-х годов XX века в связи с недостаточностью качественного аспекта понимания интеграции пробуждается интерес к количественному измерению интеграции, и интеграция все более рассматривается как относительная категория, как структурная переменная (Малиновский, Бенедикт, Крёбер, Линтон, Парсонс и др.). Одновременно исследовательский интерес перемещается со стабильности систем на изучение взаимодействия интеграционных и дезинтеграционных процессов с процессами социокультурного изменения, аккультурации, социализации. Эти изменения в подходе к интеграции способствовали освобождению понятия «интеграция» от ценностных коннотаций, связанных с превознесением стабильности и игнорированием таких аспектов социальной реальности, как конфликт, проти-

воречие и т. п. В современной науке интеграция понимается как структурное свойство любой системы, всегда в ней присутствующее, но никогда не достигающее абсолютного значения, как переменная, которая изменяется от общества к обществу и во времени от относительно низкого до относительно высокого уровня. Вопросы измерения интеграции и типологии ее форм остаются дискуссионными [см.: 1, с. 148]. Однако как термин, применимый в различных областях науки, культуры и искусства, следует рассматривать как понятие, означающее состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма, в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию [см.: 3, с. 324].

В данной работе нас интересует интеграция в праздничных формах культуры, а именно такое ее свойство, как способность объединять разнородные взаимодействующие элементы в целое, в единство. К подобной связности в сценарии и постановке театрализованных представлений и праздников стремится метод монтажа. Монтаж – термин, введенный кинематографом, но используемый с 30-х годов (Эйзенштейн, Пискалов, Брехт) в качестве обозначения драматургической формы, с помощью которой независимые фрагменты монтируются в единое целое [см.: 4, с. 220].

Казалось бы, термин «монтаж» исключительно киноведческий. Но на протяжении XX–XXI веков он распространяется все более широко и уже связывается не только с кинематографом, но и с другими видами искусства. Проникает он и в праздничные формы культуры. Однако при более подробном изучении этого явления становится очевидным, что монтажность связана не только и не столько с влиянием кинематографа, а выступает как некий универсальный тип мышления, который может проявляться в любом виде художественного творчества. Монтаж стал показателем качественно нового мировоззрения, состоящего в поисках полярных контрастов и несовместимых данностей. Влияние кинематографического монтажа на различные виды искусства в целом сводится к повышению дискретности композиции. Отсюда вытекает усиление символичности, знаковости, смысловой множественности каждой детали художественного текста.

В сценариях театрализованных представлений и праздников в качестве разнородного материала, который нужно свести в единое целое, выступают «факты жизни» и «факты искусства». К «фактам жизни» отнесем реальные факты и события, происшедшие в жизни и не относящиеся к сфере искусства, а также реальные события, зафиксированные в документах, фотографиях, аудиозаписях, кинохронике, письмах, официальных документах и т. п., а к «фактам искусства» – все жанровое

разнообразие произведений искусства, а также их фрагменты (музыкальные, поэтические, хореографические, драматические, отрывки из художественных кинофильмов и т. п.) [см.: 2, с. 17].

Документ, реальный факт, конкретное событие и конкретный человек, при первичном взгляде режиссера, являются лишь предпосылкой, отправной точкой, его художественного осмысления и, только преломившись через острый взгляд художника, попав в напряжение поле искусства и подвергшись художественной обработке и обобщению, – документ, реальный факт, конкретное событие и конкретный человек, не переставая быть «фактом жизни», перерастает в «факт искусства». И только при взаимопроникновении документа и поэтического видения, документ, сохраняя в себе черты реального факта, становится явлением искусства. В подтверждение сказанного приведем слова выдающегося советского режиссера И. М. Туманова: «...документы, документальные кадры, фотографии в соединении с художественными образами – поэтическими, хореографическими, музыкальными, могут создать эмоциональный эффект огромной силы» [6, с. 31].

«Фактам жизни», переведенным в «факты искусства» свойственны: расширение очерченных границ фактов и событий в документе; овладение все более широкими зрительскими аудиториями; доступность и близость типичных и обобщенных проблем, раскрываемых в инсценированном документе; способность оказывать активное социально-воспитательное воздействие на зрителя. Вот почему факт (документ), появившийся в сценарии, несет в себе авторское понимание его социального смысла, отражает позицию гражданина и художника. Используемые документы зачастую диктуют режиссеру выбор художественных средств, сценарно-режиссерский ход, позволяя осознать и связать воедино цепь времен, предельно точно и доходчиво передать историческую обстановку. В конечном итоге, сценарий должен представлять собой не просто литературную запись художественного и документального материала, а сценический эквивалент, выраженный в образном, пластическом, пространственном решении. Автору необходимо не просто перечислить пусть интересные, волнующие документы и факты, или выстроить ход только художественными средствами, а добиться синтеза, общности, единства, посредством которых и будет достигнута зрелищность, эффективность. Таким образом, сочетание двух линий – документальной публицистичности и художественной образности – придает сценарию и представлению масштабность, выразительность и глубину благодаря такому монтажному средству как интеграция. Использование интеграции как средства монтажной организации художественного и документального материала

позволит автору справиться с главной задачей сценариста-режиссера, которая, по мнению известного теоретика и практика сценарной драматургии О. И. Маркова, состоит «...в обнаружении и *опозитизации* социально значимого “факта жизни” (документа), взятого и раскрытого так, чтобы люди увидели обычное, знакомое, повседневное в новом свете и качестве» [2, с. 104].

В XX веке монтаж стал одним из творческих методов современной культуры, в котором в качестве инновационного средства объединения разножанрового материала выступила интеграция. Все это оказалось актуальным для праздничных форм культуры как оптимальная форма отражения многообразной действительности нашего времени, попытка найти компромисс между спонтанностью и рационализмом, чувством и логикой, реальностью и вымыслом, традицией и новаторством. Такой принцип мышления позволяет организовать в одном художественном образце огромное количество информации. Монтажность органично вплелась в стилевую разноголосицу XX века и сегодняшних дней, с характерным пересечением несходных творческих импульсов.

Стремление проникнуть в глубинный смысл проблем, связанных с функционированием монтажного метода и распространением такого типа организации «фактов жизни» и «фактов искусства» в театрализованных представлениях и праздниках, побуждает обратиться к социокультурным, философским, психологическим и общелогическим основам, порождающим возникновение данного типа мышления. Сама идея выделения универсальных принципов, действующих в различных видах искусств, требует привлечения широкого спектра культурологического материала – от памятников первобытного творчества до неповторимых явлений наших дней в области кинематографа и театра, архитектуры и живописи, поэзии и прозы, философской мысли и фольклора и, конечно, социально-культурной деятельности. Очевидно, что изучение интеграции как инновационного средства монтажа не видится возможным без параллельного рассмотрения его в других видах творческой деятельности.

Сталкивая между собой разнородный материал, монтаж, в то же время, объединяет его в единое целое – результатом такого столкновения становится объединение и в итоге достигается интеграция. Целое собирается на основе разнообразного взаимодействия всех элементов, допускающих самый непредвиденный художественный результат. Нельзя забывать о том, что инновационный характер интеграции возможен лишь при условии проективного подхода к технологии создания праздничных форм культуры. Только в этом случае интеграция как инновационное средство монтажа станет наиболее привлекательным для специалистов социально-культурной деятельности нашего времени.

Литература

1. Культурология. XX век. Словарь. – СПб. [Текст]. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
2. Марков, О. И. Сценарная культура режиссеров театрализованных представлений и праздников [Текст]: учеб. пособие / О. И. Марков. – Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2004. – 408 с.
3. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
4. Пави, П. Словарь театра [Текст]: пер. с фр. / под ред. Л. Баженовой. – М.: Изд-во «ГИТИС», 2003. – 516 с.
5. Пономарев, В. Д. Педагогика игры [Текст] / В. Д. Пономарев; КемГУКИ. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 183 с.
6. Туманов, И. М. Ради жизни на земле [Текст] / И. М. Туманов // Культурно-просветительская работа. – 1975. – № 3. – 163 с.

А. Ю. Шернаева

ПРОБЛЕМЫ РЕЛАКСАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СЮЖЕТНО-РОЛЕВЫХ ИГРАХ

Игровая деятельность освобождает человека от утомления. Угроза стресса укрепляет его жизненный тонус и психическое состояние. Й. Хейзинга писал, что «игра старше культуры, она присуща не только человеку, но и животным» [7, с. 21] и, следовательно, есть прямая психофизиологическая необходимость.

В настоящее время кризис государственной системы образования и воспитания обернулся для общества градом отрицательных последствий, среди которых можно выделить снижение уровня здоровья различных возрастных контингентов населения, особенно молодежи. Этот факт имеет особую значимость, так как состояние здоровья детей и подростков является важнейшим показателем жизнеспособности народа любой страны.

За последние десятилетия существенно изменилась система образования в России. В современном обществе значительно выросла вариантность типов учебных заведений, появились многочисленные авторские школы, предлагающие собственные программы по обучению детей. Такие школы в основном предназначены для обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста, родители которых имеют достаточное количество денег, чтобы оплачивать это обучение. В этих школах стараются вспомнить о методах обучения и воспитания детей, которые применялись до революции – так, наряду с привычными школьными предметами вводят уроки пения, танца, лечебной физкультуры и обучение игре на фортепиано. Основной акцент российской школы сделан на обучении,

приобретении знаний. Воспитание до сих пор выступает побочным продуктом обучения, хотя история педагогики с древних времен говорит об обратном, на первом месте стоит воспитание гражданина своей страны, формирование социально-культурной, адаптированной личности и интеллектуальной и образованной – на втором.

А в общеобразовательных школах идет постепенное сокращение уроков музыки, ИЗО, МХК. Совсем исчезли школьный хор и вокально-инструментальный ансамбль. Чем занимаются наши дети в свободное время? Они предоставлены сами себе. Как же научить ребенка работать, как не отбить у него желание учиться, как сформировать культурную, морально устойчивую и физически развитую личность? На наш взгляд, в этом смогут помочь виды и формы социально-культурной деятельности, внедренной в учебно-педагогический процесс, и, конечно, игра, как один из видов социокультурной терапии.

Неоспоримым качеством, которое лежит в основе успешного формирования социально-активной личности, является состояние ее здоровья. Нарушения нервно-психического и физического развития детей проявляются в невротических состояниях, дефектах полового развития, снижении устойчивости к факторам риска, наркотикам, токсическим веществам, алкоголю, ухудшении физического развития. Это заставляет искать возможные пути преодоления негативных последствий стрессогенных факторов общественной жизни. Одним из таких путей является социально-культурная терапия, представляющая собой целый комплекс методов и приемов, благодаря которым удастся заблокировать, погасить, переключить зоны отрицательных переживаний мозга и наполнить сознание положительными чувствами и мыслями.

Организационно-педагогические методы внедрения социально-культурной терапии в урочные и внеурочные формы обеспечивают здоровьесбережение в рамках воспитательно-образовательного процесса.

Все виды социокультурной терапии могут внедряться в следующие формы организации учебного процесса:

- внеклассные формы;
- малые формы в режиме учебного дня;
- общешкольные формы;
- учебные занятия.

Отметим значение и функции игры в социокультурной деятельности:

- обучающая функция – развитие памяти, внимания, восприятие информации различной модальности;
- развлекательная функция – создание благоприятной атмосферы, превращение скучного мероприятия в увлекательное путешествие;

- коммуникативная функция – объединение участников в коллектив, установление эмоциональных контактов;
- релаксационная функция – снятие накопившегося эмоционального напряжения, вызванного нагрузкой на нервную систему конфликтными ситуациями на работе и в быту.

Естественное эмоциональное состояние ребенка-дошкольника – эстетическое, это – мир игры. С началом школьного обучения начинается процесс логизации мышления ребенка, при котором прежде увлекательный мир «беззаботности» детского сознания начинает тускнеть. Отмечено, что коренной перелом в логизации мышления у ребенка происходит примерно к 12 годам. Меняются и ценностные ориентации. То, что приводит к появлению кажущейся «взрослости», означает оскудение чувственного восприятия мира, а это сказывается на полноценном развитии характера подрастающего человека. Мир взрослого человека по сравнению с миром детства представляется эмоционально гораздо более обедненным, что можно отметить как недостаток современной техногенной цивилизации.

В предыдущие исторические эпохи, через круглогодичный цикл народных праздников, бытовых обрядов и игр, мир представлялся человеку эстетически более ярким, эмоционально содержательным.

Переключение логизированной психики на игру, в которой задействована эмоционально-эстетическая сфера психики с опорой на подсознание и интуитивное познание, не только дает необходимую «разрядку», но аккумулирует психические силы человека, активно повышая его интеллектуальные возможности, стимулирует его дальнейшее творческое развитие.

Необходимость игрового общения для людей любого возраста подчеркнута в афоризмах типа: «Делу время, а потехе – час».

Анализ наблюдений за поведением отдельных личностей в ситуации проведения сюжетно-ролевых игр позволяет утверждать, что особенностью данного вида общения является преобладание эмоциональной информации, связанной со стремлением передать свои чувства, эмоции, порожаемые личностно-ценностным отношением к событию, к проблеме.

Сюжетно-ролевые игры во время организованного отдыха выявляют constitutively-соревновательный характер современной культуры, ненавязчиво помогают участникам преодолевать некоторые психологические комплексы, что мы связываем с мыслью Й. Хейзинги о том, что «всякая игра способна во все времена полностью захватывать тех, кто в ней принимает участие» [7, с. 28].

От игры неотделимы юмор и смех, являющиеся хорошей профилактикой для снятия душевного напряжения, преодоления дискомфорта

состояния, способствующие непринужденности поведения, налаживанию личностных контактов у отдыхающих. Терапевтический эффект от смеха возникает и потому, что во время смеха в голове человека возникают сотрясения и вибрации, при которых мозг освобождается от излишних продуктов обмена веществ, в результате чего у человека появляется психологическое состояние «свежести». Ученые обнаружили: смех, веселость, веселый нрав, веселое настроение стимулируют кровообращение, уменьшают вероятность стресса, смягчают боли, активизируют защитные силы организма, расслабляют мышцы. В Германии сегодня существуют сотни клубов смеха, то есть юмора. Психологи часто прибегают к смеху, чтобы помочь душевнобольным. В психиатрических клиниках в Германии принимают на работу клоунов, чтобы они смехом отвлекали больных от мрачных мыслей. Врачи и психологи утверждают: юмор – это лекарство. После многих научных исследований медиками и психологами в области смеха появилась новая медицинская наука – гелотология (проще – смехология, или лечение смехом) [см.: 3, с. 18].

Следует заметить, что игровая культура – важная часть досуга.

Игры являются весьма действенным способом отвлечения от пьянства, безделья. Игры и развлечения оказывают положительное воздействие на развитие личности.

Игровая деятельность – важное поле самоутверждения, самореализации личности. Игры обладают познавательным и воспитательным значением. Игры способствуют установлению межличностного общения, состоящего из трех основных компонентов:

- восприятие,
- взаимодействие,
- взаимоотношение.

Игры максимально обеспечивают разностороннюю активность.

Игры способствуют рекреации, мышечному освобождению и эмоциональной разрядке. Игровые формы давно уже используются преподавателями-новаторами, психологами как универсальное средство в деле обучения, развития и воспитания личности. Игровые формы используем и мы в своей работе с отдыхающими в санатории Алтайского края «Расветы над Бией».

Исследуя педагогику игры, Н. П. Анишева пишет: «...сущность игры заключается в том, что в ней важен не результат, а сам процесс переживаний, связанных с игровыми действиями. Хотя ситуация и воображаема, но чувства и переживания реальны» [1, с. 18–19].

Игра – основной вид социально-культурной деятельности.

Игра есть такая форма проведения досуга, которая, как правило, не направлена на достижение какого-либо практического результата, а пред-

ставляет собою индивидуальное или коллективное развлечение, регламентируемое правилами. Опирается на народные традиции, благодаря которым и реализуется любой личностью легко и с удовольствием. Игра социальна по природе и непосредственному насыщению. В процессе игры человек удовлетворяет целый ряд своих потребностей и, прежде всего, потребность к самовыражению.

Очень важно отметить особенности игровых отношений:

1) Игра расширяет систему традиционных свободных связей, создает наиболее благоприятный тип общения, характеризующийся простотой, доброжелательностью, уступчивостью. Игровая коммуникация обладает поистине чудотворными свойствами. Исчезает излишняя застенчивость.

2) Игровое сообщество – это самостоятельный микроколлектив, выступающий применительно к каждому участнику игры как организующее начало, поддерживающее установленный стиль взаимоотношений.

3) Игра способствует творческому развитию личности. Успех здесь зависит от способности находить нестандартные пути, способы достижения цели. Необычность игровых задач заставляет человека по-новому оценить привычные взгляды и представления. Нередко игрок припоминает такие сведения, производит такие мысленные операции, с которыми в обыденной жизни почти не сталкивается.

4) Содержание игровых занятий связано с искусством и потому способствует художественному развитию участников.

5) Игра способствует активизации аудитории, вовлекает ее в действие, насыщает мероприятие импровизационно-творческими элементами.

6) Игра способствует релаксации, так как способствует возникновению и накоплению положительных эмоций, поднимает жизненный тонус.

Один из важнейших социальных и педагогических аспектов игры – включение человека через игровую деятельность в систему межличностных контактов в наиболее благоприятной, доступной форме, желаемой им роли. Межличностное общение в условиях игры характеризуется большой степенью непринужденности, неофициальности, раскрепощенности. Демократизм игрового общения способствует быстрому установлению контактов.

Санаторий представляет собой уникальную релаксационную и культурообразующую среду, где определенным набором культурно-досуговых программ можно учить людей содержательному и полноценному использованию досуга, создать им условия для эффективной организации свободного времени с целью формирования интересов и духовных потребностей, гармоничного развития личности. В практике нашей деятельности можно назвать программы, которые соединяют в себе такие

виды культурно-досуговой деятельности, как концерт, творческие импровизации, пение, танец, в которых используются познавательные аспекты; в них применяются приемы психологической релаксации на основе сюжетно-ролевых игр: «Ретро-парк», «Именины сердца», «Познакомило нас танго однажды», «Восточные арабески», «Колдовская ночь» и другие.

Поскольку игра – одна из форм проведения досуга в санатории, главное заключается в умении полноценно ее использовать. Культурный досуг в процессе игры, общения с искусством может сделать человека духовно богатым и расширить его кругозор, увеличить возможности его духовного роста, реально повысить культурные потребности человека, ведущие к изменению стиля и образа жизни, способствовать его оздоровлению.

Литература

1. Анишева, Н. П. Анализ имитационных педагогических игр [Текст] / Н. П. Анишева // Воспитание игрой. – М., 1987. – 170 с.
2. Гиппиус, С. В. Гимнастика чувств. Тренинг творческой психотехники [Текст] / С. В. Гиппиус. – М.; Л., 1967. – 207 с.
3. Исаев, В. П. Смехотерапия – лекарство от всех болезней: Книга – розыгрыш [Текст] / В. П. Исаев, М. Ю. Краснощеков, А. Ю. Краснощеков. – М.: Эксмо, 2007. – 240 с.
4. Леви, В. Искусство быть собой [Текст] / В. Леви. – М., 1977. – 207 с.
5. Первушина, О. В. Социально-культурная деятельность (историко-культурные процессы в России XVIII – первой четверти XX вв.) [Текст]: учеб. пособие / О. В. Первушина; АлтГАКИ. – Барнаул: АлтГАКИ, 2006. – 100 с.
6. Петрова, З. А. Методология и методика социологических исследований культурно-досуговой деятельности [Текст] / З. А. Петрова; МГИК. – М.; 1990. – 156 с.
7. Хейзинга, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Текст] / Й. Хейзинга; пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильверстрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
8. Цзен, Н. В. Психотехнические игры в спорте [Текст] / Н. В. Цзен, Ю. В. Пахомов. – М., 1985. – 160 с.

Т. Б. Соколова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Дополнительному образованию в современном его понимании, имеющему в образовательных системах большинства стран серьезные исторические корни, в России в начале XX века предшествовало активное строительство системы внешкольной деятельности.

В 1906 году в Москве известные русские педагоги С. Т. Шацкий и А. У. Зеленко создали общество «Сетлемент» (от англ. – поселение), которому удалось развернуть разнообразную работу: начала создаваться система детских учреждений, включающая детский сад, начальную школу, детский клуб, различные мастерские. В 1909 году вместо «Сетлемента» было открыто другое общество – «Детский труд и отдых». В его состав входили внешкольные учреждения для детей и взрослых: детский сад, клуб, начальная школа, детская колония (лагерь труда и отдыха) – «Бодрая жизнь» под г. Калуга, функционировавшая в летнее время, а также курсы по подготовке и повышению квалификации учителей. После Октябрьской революции была сформирована целая сеть домов и Дворцов пионеров и школьников, а также открыты такие внешкольные учреждения, как станция юных любителей природы (1918), бюро школьных экскурсий (1918), станция юных техников (1926), детские спортивные школы (1934) и многие другие [см.: 7, с. 32].

Очевидность и необходимость коренных изменений организационно-экономических, правовых и социально-психологических отношений, сложившихся в системе образования, прозвучали на Всесоюзном учительском съезде (1988). Встал вопрос реформирования консервативной системы образования, сложившейся в СССР. Это означало:

- деидеологизацию (отказ от обязательного марксизма-ленинизма, атеизма);
- гуманитаризацию (отказ от технократизма);
- гуманизацию (отказ от крайностей «казармы» и коллективизма).

Со Всесоюзного съезда учителей не только началось разрушение жесткого вертикального управления, но и активизировались поиски и разработка механизмов создания принципиально новых образовательных учреждений. Идеи гуманизации конца XX века в центр внимания педагога в учебно-воспитательном процессе ставят личность ребенка, его интересы, мотивы, способности.

На протяжении многих десятилетий школа, как показывает многолетний опыт, занималась воспитанием личности ребенка в неразрывном единстве с внешкольными воспитательными учреждениями. Однако развитие рыночных отношений в стране привело к ослаблению сложившихся ранее педагогических воздействий на детей через систему школьных и внешкольных кружков, клубов, секций. Изменилась ситуация с дошкольными учреждениями. Вместо существовавшей многие годы системы внешкольных учреждений появились новые секции, клубы с красивыми названиями, прекрасным оснащением и оборудованием, но с платными

услугами, которые недоступны для многих родителей. Были организованы новые учреждения дополнительного образования: центры художественного, технического творчества (вместо домов, Дворцов пионеров и школьников и др.). Из прежних внешкольных учреждений сохранились станции юных туристов, станции юных натуралистов. Пока они остаются на государственном бюджете и, следовательно, доступны для всех детей, так как бесплатны. В летнее время сохранилось незначительное количество лагерей отдыха, при закрытии которых огромное количество детей было предоставлено самим себе. Вместе с тем госбюджетные учреждения дополнительного образования крайне необходимы, так как способствуют развитию личности детей, развитию их творческих способностей, оказывают помощь родителям в семейном воспитании [см.: 1, с. 27].

На сегодняшний день система дополнительного образования детей включает в себя: центры внешкольной работы, Дворцы творчества, детские экологические центры, центры юных техников, Дворцы спорта, детские стадионы, центры и базы туризма, детские парки, центры эстетического воспитания, детские картинные галереи, клубы юных моряков, авиаторов, автомобилистов; детские спортшколы и т. д. [см.: 3, с. 50–51]. Многообразие учреждений и укрепление связей между ними важно не само по себе, а потому, что это дает возможность откликаться на самые острые проблемы: растущую среди детей безнадзорность, алкоголизм и наркоманию.

Система дополнительного образования в нашей стране в последние годы строится в соответствии с Законом РФ «Об образовании» (1992) и «Концепцией модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации на период до 2010 года» [4]. В Законе РФ «Об образовании» целый раздел (ст. 26) посвящен дополнительному образованию [см.: 9, с. 17]. В данном разделе не только был введен новый термин «дополнительное образование», но и дано правовое обоснование реформирования внешкольной работы и превращения ее в подсистему общего образования. И хотя в этом документе обозначены лишь самые общие контуры и задачи дополнительного образования, но они дали мощный толчок для серьезных преобразований в системе образования.

Система дополнительного образования в последние годы претерпевает существенные изменения, связанные с модернизацией современного образования. В педагогической литературе модернизация образования рассматривается как масштабная акция государства, осуществляемая при активном содействии общества, которая должна привести к достижению нового качества российского образования [4]. Тема модернизации обра-

зования возникла не случайно. На рубеже XXI века остро встала проблема повышения качества образования в России. Дело в том, что сложившаяся система образования не в полной мере соответствует потребностям рынка труда, требованиям Болонской декларации и международным образовательным стандартам. В связи с этим приоритетным направлением деятельности Правительства Российской Федерации в сфере образования стало законодательное обеспечение модернизации российской системы образования.

В отечественных законодательных документах подчеркивается, что необходимо модернизировать систему образования, начиная с дошкольного и заканчивая высшим и послевузовским профессиональным образованием, путем совершенствования образовательных программ и стандартов, четкого определения границ обязательств государства в области образования на разных его уровнях. Задачи обеспечения качества, доступности и эффективности образования определены в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года и приоритетных направлениях развития образовательной системы» от 29 декабря 2001 года. В Концепции отмечается, что задачи модернизации могут быть решены путем осуществления целого ряда мер:

- обеспечение развития инфраструктуры непрерывного профессионального образования, включающей создание общенациональной системы оценки качества образования на всех уровнях образования;

- осуществление перехода на уровневую систему высшего профессионального образования, создание организационных и правовых механизмов интеграции программ начального и среднего профессионального образования, включения их в систему непрерывного профессионального образования;

- повышение эффективности системы образования детей дошкольного возраста с обеспечением максимального охвата программами детей 5–6 лет, в первую очередь, из малообеспеченных семей, предоставлением им равных стартовых возможностей в получении школьного образования.

- создание условий для повышения инвестиционной привлекательности системы образования путем преобразования образовательных учреждений в новые организационно-правовые формы и повышения качества кадрового состава системы образования [4].

В документе подчеркивается, что «реализация указанных мер позволит обеспечить более эффективное включение образования в процессы повышения уровня благосостояния граждан, сохранения социальной ста-

бильности, развития институтов гражданского общества и обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны» [4].

Сегодня можно говорить об определенных достижениях в системе дополнительного образования по самым разным аспектам. В законодательной области (на федеральном уровне) приняты важные документы, обосновывающие стратегию развития учреждений дополнительного образования детей, в частности Концепция дополнительного образования, содержащая основные положения о том, что:

- дополнительное образование является практико-ориентированной формой организации культурно-созидательной деятельности ребенка;
- основные черты дополнительного образования – дополнительность, непрерывность, системность;
- основное значение дополнительного образования – развитие мотиваций личности к познанию и творчеству, реализация дополнительных программ в интересах личности;
- дополнительное образование формирует дополнительные умения и навыки при опоре на основное образование, создает условия для личностного роста, помогает реализовать способности и склонности ребенка, обеспечивает органическое сочетание видов досуга с различными формами образовательной деятельности [см.: 6, с. 166–167].

Многие проблемы управленческого и организационного характера позволили решить постановления о правилах аттестации и аккредитации учреждений дополнительного образования детей, о поддержке социально-педагогической работы с детьми, о направлении и содержании дополнительного образования в школах и другие [5].

Данные документы направлены на поддержку многообразия учреждений дополнительного образования. Благодаря им в последние годы появились такие новые учреждения и объединения, как школы (группы) раннего развития для дошкольников; гимназии и лицеи в составе учреждений дополнительного образования; культурно-образовательные центры, объединяющие общеобразовательную школу и учреждения культуры (клуб, детскую музыкальную школу, детскую художественную школу, библиотеку, музей); центры христианской культуры, экологические и здоровьесохранительные центры. Все шире распространяются компьютерные клубы, телевизионные и видеостудии, клубы и школы юных журналистов. Возрождается интерес и к военно-спортивным и спортивно-техническим видам деятельности (объединения юных моряков и речников, десантников и парашютистов). Появляются кадетские корпуса и школы с кадетскими классами, престиж которых растет год от года [см.: 2, с. 18–19].

«Произошли очень важные изменения в программно-методическом обеспечении дополнительного образования. Привычным стало создание учреждениями своих образовательных программ, в которых формулируются единый подход и некая общая философия деятельности. Многие руководители различных творческих объединений разрабатывают свои авторские программы, стремясь не только создать условия для развития творческой активности детей, но и реализовать свой собственный профессиональный и личностный потенциал» [2, с. 19]. Педагоги дополнительного образования имеют возможность знакомиться с программами своих коллег благодаря новым периодическим изданиям, в частности журналам «Дополнительное образование», «Я вхожу в мир искусств». Кроме того, начался выпуск серии книг «Воспитание и дополнительное образование детей», организованный Министерством образования Российской Федерации и издательством ВЛАДОС. Изменилась к лучшему и ситуация с повышением квалификации педагогов дополнительного образования: проводятся курсы в институтах усовершенствования учителей на базе региональных и федеральных институтов повышения квалификации [см.: 2, с. 19].

Таким образом, анализ преобразований, произошедших в последнее десятилетие, свидетельствует о том, что в нашей стране сложилась достаточно стройная система дополнительного образования, включающая в себя элементы ранее сформировавшегося внешкольного образования. Дополнительное образование детей в настоящее время можно рассматривать как самостоятельный и инновационный вид образования, который представляет детям свободу выбора педагога, программы, темпа ее освоения; создает условия для социализации и самореализации формирующейся личности, для ее творчества и развития [см.: 8, с. 157].

Вместе с тем, чтобы добиться более высоких результатов в развитии системы дополнительного образования, необходимо решить ряд сложных проблем. Наиболее значимыми среди них являются:

- «- усиление законодательной базы, дополнение ее документами, необходимыми для полноценного функционирования учреждений дополнительного образования детей;

- создание целостной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов в вузах и институтах повышения квалификации с учетом особенностей работы педагогов в разных образовательных учреждениях, развитие системы дистанционного образования;

- развитие дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях, создание системы, позволяющей учитывать возможности

внеурочной и внеклассной работы, особенности содержания основного образования;

- поиск наиболее эффективных связей школы и учреждений дополнительного образования;

- развитие новых форм сотрудничества образовательных учреждений с общественными и государственными организациями;

- работа с семьей на более высоком уровне, направленная на активное вовлечение родителей в сотворческую деятельность с детьми;

- создание нового поколения программ, пособий, учебников для системы дополнительного образования, а также аудиовизуальных, компьютерных материалов, отвечающих всем современным требованиям; материалов, обеспечивающих педагогу возможность разноуровневой работы с детьми и настоящего сотрудничества ребенка и взрослого;

- поиск путей интеграции в систему дополнительного образования групп детей, которые обладают особенностями психического и физического развития, то есть относятся к числу неблагополучных» [2, с. 21].

В заключение можно предположить, что решение этих и других проблем поможет более эффективному функционированию системы дополнительного образования детей в режиме устойчивого, бескризисного развития. Реализация нормативно-правовых документов в образовании будет способствовать повышению эффективности профилактики асоциальных проявлений среди детей и подростков; формированию здорового образа жизни подрастающего поколения; соблюдению прав ребенка в социальных институтах детства; доступности в получении дополнительного образования, преимущественно бесплатного; развитию творческой активности детей и подростков; увеличению количества одаренных детей, их социальной поддержке; повышению уровня профессиональной компетентности работников системы дополнительного образования.

Литература

1. Дополнительное образование детей [Текст] / под ред. О. Е. Лебедева. – М., 2000. – 206 с.
2. Евладова, Е. Б. Дополнительное образование детей [Текст]: учеб. пособие / Е. Б. Евладова, Л. Г. Логинова, Н. Н. Михайлова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 352 с.
3. Клявина, И. И. Культура детства [Текст]: учеб. пособие: в 2 ч. / И. И. Клявина. – Кемерово: КемГУКИ, 2005. – Ч. 2: Проектирующая среда и основные социокультурные процессы. – 300 с.
4. Концепция модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации на период до 2010 г. (одобрена решением коллегии

Минобрнауки РФ от 06.10.2004 г. № ПК–2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://2004_1.xof.ru/lib/tm=147&vp=akt 14745](http://2004_1.xof.ru/lib/tm=147&vp=akt%2014745).

5. Логинова, Л. Г. Аттестация и аккредитация учреждений дополнительного образования детей [Текст] / Л. Г. Логинова. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 240 с.
6. Модернизация муниципальной системы образования: подходы, решения, опыт реализации [Текст] / отв. ред.: М. В. Артюхов, Т. С. Шахматова, С. В. Кривых. – Новокузнецк: ИПК, 2003. – 211 с.
7. Морозова, Н. А. Дополнительное образование в современной России [Текст] / Н. А. Морозова // Педагогика. – 2003. – № 8. – С. 31–34.
8. Развитие дополнительного педагогического образования в Кузбассе: проблемы и перспективы: тезисы региональной науч.-практ. конф.; 23–24 сент. 2003 г. – Кемерово: Изд-во КРИПиПРО, 2003. – 159 с.
9. Российская Федерация. Закон. Об образовании [Текст]: Федеральный закон: [принят 10.07.1992 № 3266–1]. – М.: Изд-во ПРИОР, 2001. – 48 с.

Н. Л. Хижняк

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Приобщение подрастающего поколения к художественной культуре посредством одного из важных ее элементов – художественного образования – является не только действенным инструментом воздействия на личность, но и сказывается на состоянии образования в целом, одной из приоритетных, стратегических доминант современного общества. Исторически сложившаяся уникальная система художественного образования детей в Кемеровской области, которая на протяжении многих десятилетий обеспечивала высокий уровень подготовки профессионалов в области культуры и искусства, занимала и по-прежнему занимает особое место в социальной и культурной системе региона. Являя собою синтетическое пространство, соединяющее, с одной стороны, основания и ценности образовательной, социализирующей деятельности и парадигмы, свойственные художественному творчеству, с другой стороны, данная целостная образовательная система имеет свою логику развития, так как определяется спецификой развития образовательных процессов и закономерностями и тенденциями развития художественной культуры.

В настоящее время под *художественным образованием* понимается вид образовательной деятельности, направленной на создание системы

знаний, умений и навыков, связанных с искусством, и обусловленной уровнем культуры [2; 3]. Это, несомненно, является одним из ключевых аспектов в формировании и развитии личности.

В Кемеровской области создана и реализуется система подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере культуры и искусств, удовлетворяющая культурно-образовательным запросам личности, семьи и общества. Существующая система художественного образования состоит из одного высшего учебного заведения, пяти средних специальных образовательных учреждений, ста двадцати девяти учреждений дополнительного образования детей, Губернаторского культурного центра «Юные дарования Кузбасса» и учебно-методического центра работников культуры и искусств, организующего повышение квалификации руководителей и педагогических работников учреждений культуры.

По количеству учреждений дополнительного образования детей сферы культуры и искусств и количеству обучающихся в них Кемеровская область занимала и в настоящее время продолжает занимать первое место по Сибирскому федеральному округу. По России наша область в течение нескольких лет остается на пятом месте по количеству школ, а по количеству обучающихся – на девятом, после таких густонаселенных областей, как Московская, Ростовская, Челябинская, Нижегородская, Краснодарский край, Республик Башкортостан и Татарстан. По количеству школ в сельской местности регион стоит на третьем месте по Сибирскому федеральному округу (после Алтайского и Красноярского краев) и на пятом по России [4].

В этих образовательных учреждениях постоянно расширяется спектр образовательных услуг, предлагаемых населению. Только за 2007 год открыто 44 новых отделения, в 10 школах функционируют компьютерные классы, где реализуются информационно-коммуникационные технологии в воспитательно-образовательном процессе. Кроме таких традиционных специальностей, как балалайка, гитара, фортепиано, кларнет, востребованными стали отделения раннего эстетического развития, любительского музицирования, эстрадного искусства (синтезатор, электрогитара, джазовое фортепиано), фольклор. Все это позволяет заинтересовать и увлечь обучением в школах искусств как можно большее количество детей, поэтому контингент учащихся ежегодно увеличивается.

На рис. 1 показан рост контингента учащихся, охваченных музыкальным, художественным, хореографическим, театральным и декоративно-прикладным дополнительным образованием с 2004 года в Кемеровской области [5; 6; 7; 8].

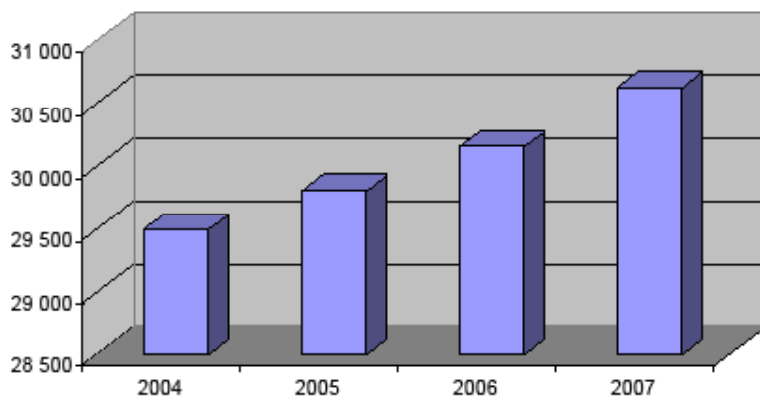

Рисунок 1. Динамика контингента учащихся в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры (чел.)

При этом обращает внимание на себя тот факт, что увеличение контингента учащихся в учреждениях дополнительного образования детей сферы культуры совпадает с темпами роста доходов населения Кемеровской области (рис. 2), на что ссылается в статистических отчетах департамент экономического развития Кемеровской области.

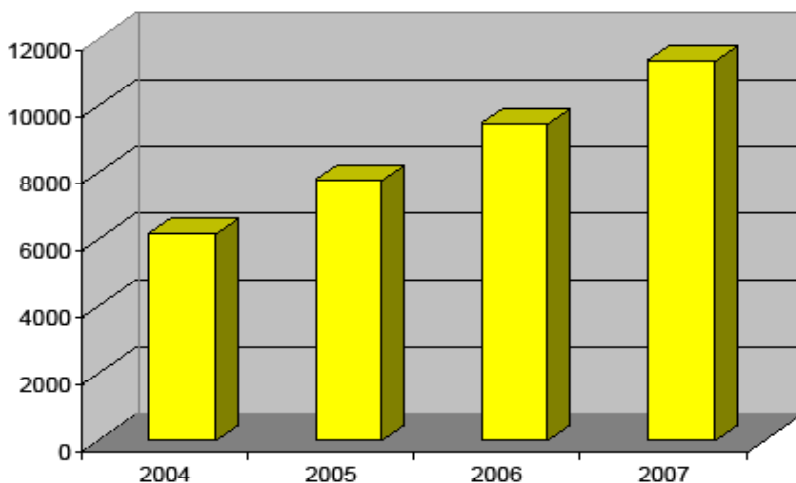

Рисунок 2. Динамика среднедушевого дохода населения Кемеровской области (руб.)

В настоящее время территория Кемеровской области административно разделена на 34 муниципальных образования [11]. Конечно, не все муниципалитеты имеют одинаковые возможности для предоставления детям, подросткам и молодежи художественного образования. Наибольшее число обучающихся проживает в гг. Кемерово и Новокузнецк, что объясняется уровнем экономического и социально-культурного развития и категорией этих городов. Достаточно большая группа территорий (табл. 1) обладает примерно одинаковым контингентом учащихся (гг. Белово, Междуреченск, Прокопьевск и др.), вызванным схожей численностью их населения. Таким образом, наблюдается примерно одинаковое соотношение между численностью населения территории и количеством учащихся.

Таблица 1

Соотношение численности населения территории и количества учащихся учреждений дополнительного образования детей сферы культуры

Города	Численность населения, тыс. чел.	Контингент учащихся, чел.
Кемерово	519,8	6326
Новокузнецк	560,9	5331
Белово	137,4	1594
Междуреченск	106,2	1507
Прокопьевск	215,9	1460
Осинники	64	1369
Ленинск-Кузнецкий	108,8	1030
Киселевск	108	840
Юрга	83,6	800
Мыски	44,5	712
Березовский	51,6	658
Анжеро-Судженск	89,2	552
Калтан	24,9	484
Полысаево	30,8	370
Тайга	26,9	301

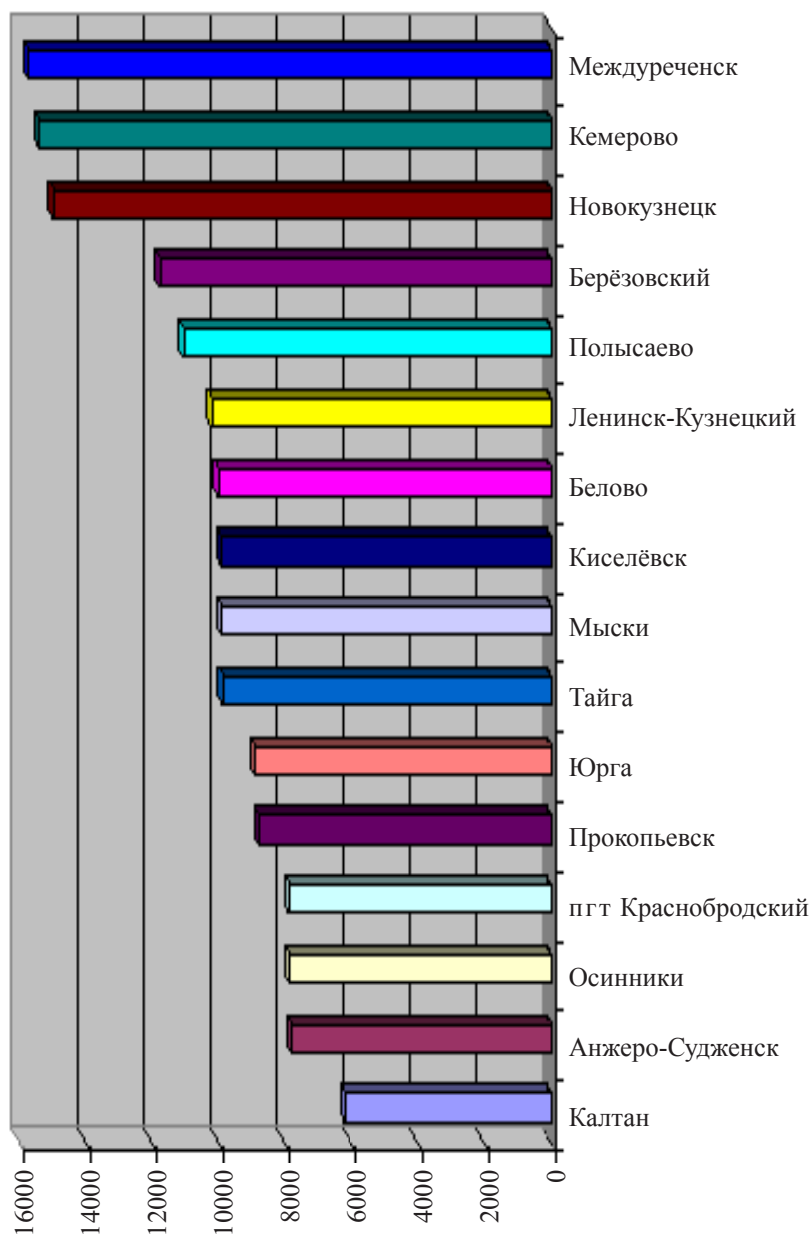

Рисунок 3. Среднедушевой доход населения Кемеровской области по территориям (руб.)

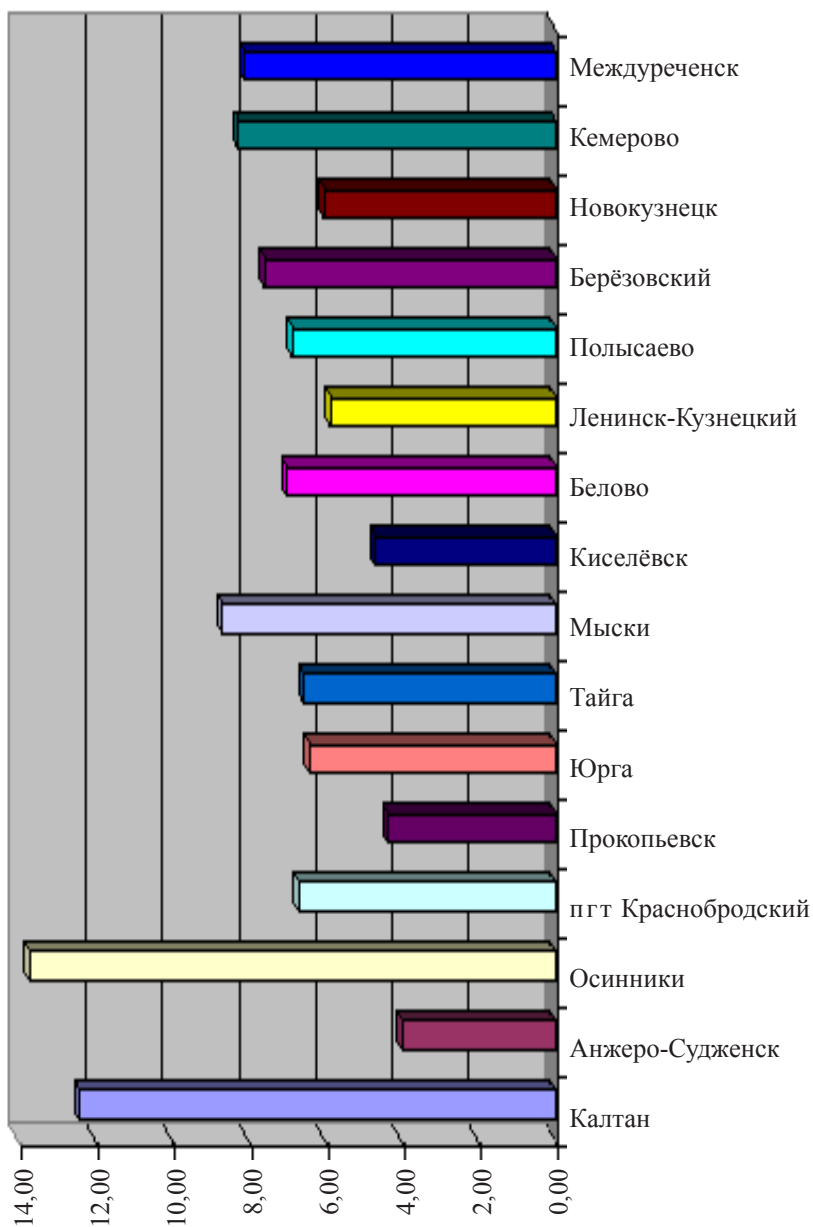

Рисунок 4. Охват детей художественным образованием по территориям (в %)

Анализ среднедушевого дохода по территориям Кемеровской области, представленный на рис. 3, и охвата детей художественным образованием, представленный на рис. 4, не выявляет прямой зависимости между доходами населения и доступностью обучения детей музыкальной грамоте, а также художественным и театральным основам в разных территориях.

Например, среднедушевой доход населения г. Осинники составляет около 8 000 рублей, что значительно ниже, чем в гг. Кемерово, Новокузнецк. Охват же детей художественным образованием в условиях малого города существенно превышает эти показатели по крупным городам – 13,5 % детей, получающих художественное образование в г. Осинники, против 5,9 % детей в г. Новокузнецк и 8,1 % детей в г. Кемерово.

Проанализируем динамику численности детского населения в возрасте от 7 до 15 лет, а также числа детей, занятых художественным образованием, в Кемеровской области за период с 2003 по 2007 годы (рис. 5, 6, 7).

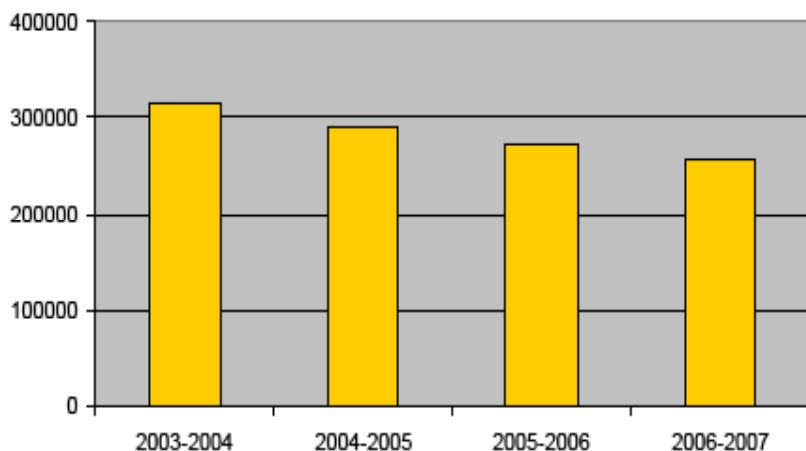

Рисунок 5. Численность детского населения Кемеровской области

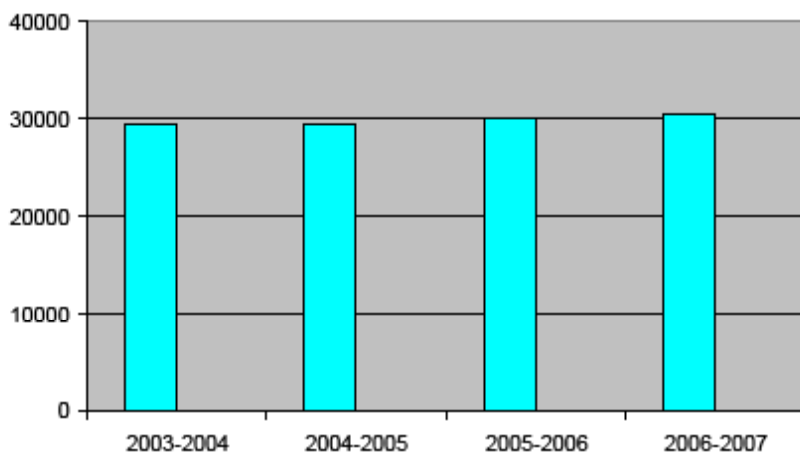

Рисунок 6. Численность детей Кемеровской области, получающих художественное образование

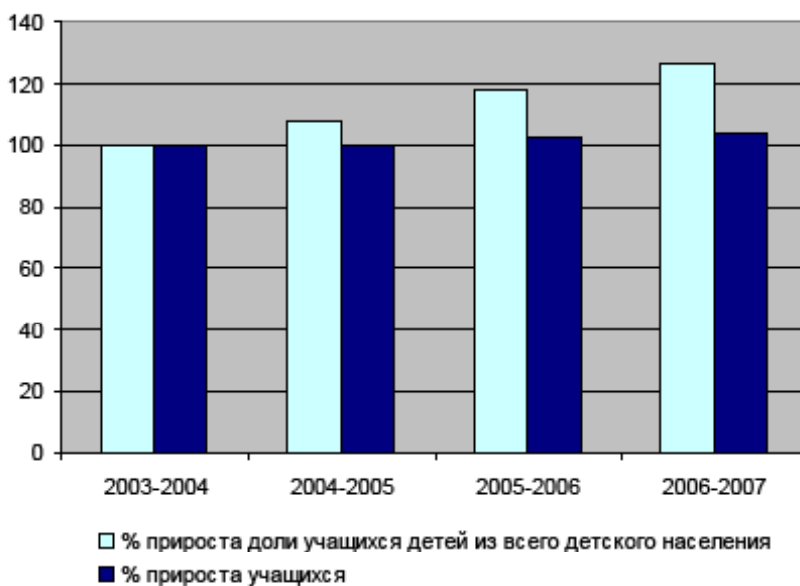

Рисунок 7. Соотношение темпов прироста общей численности учащихся и прироста доли детей, занятых художественным образованием, из всего детского населения

Проведенный на основе этих данных анализ позволяет утверждать существование тенденции, состоящей в том, что, несмотря на снижение числа детей в общей численности населения области (рис. 5), число детей, охваченных художественным образованием, растет из года в год (рис. 6). Более того, на рис. 7 прослеживается стабильное превышение темпов прироста процента охвата детей художественным образованием над темпами прироста числа всех детей Кемеровской области (при условии, что базовым годом был выбран учебный год 2003/2004 год). Это говорит о больших перспективах развития непрерывного художественного образования в Кемеровской области, основанных на претворении национальных проектов, направленных на ускорение темпов демократического развития общества и повышение культурного уровня населения.

В Кузбассе происходит рост контингента учащихся не за счет абсолютного роста численности детей, а именно на фоне снижения их количества. Таким образом, мы говорим об увеличении доли одаренных детей в составе детского населения, с одной стороны, и, как уже говорилось, об адекватности роста благосостояния населения его стремлению приобщиться к богатствам культуры.

В целом по Российской Федерации охват детей художественным образованием составляет 9,6 % от общего количества детского населения, а в Кемеровской области количество детей, посещающих школы искусств, составляет 11 % [4].

Необходимо отметить, что в Кемеровской области на протяжении 15 лет занимает ведущие позиции в системе художественного образования Губернаторский культурный центр «Юные дарования Кузбасса», основные задачи которого – поиск, выявление, поддержка творчески одаренных детей [10]. За эти годы стипендиатами и лауреатами этого государственного учреждения стали несколько сотен талантливых юных кузбассовцев.

Одним из важных показателей качества работы образовательных учреждений является количество стипендиатов Губернаторской стипендии «Юные дарования Кузбасса» и участие в творческих программах Губернаторского центра. Центр является вершиной, венчающей результативность системы художественного образования в Кемеровской области.

Сегодня под эгидой Губернаторского центра находятся несколько сотен юных дарований Кузнецкой земли, судьбы которых центр отслеживает на протяжении 10–12 лет, то есть практически все годы существования этого уникального культурного проекта.

Только за 2006 и 2007 годы стипендиаты Губернаторской стипендии «Юные дарования Кузбасса» стали участниками 22 международных, все-

российских, межрегиональных и областных проектов, завоевали 313 званий лауреатов и дипломантов (табл. 2).

Таблица 2

Результативность на конкурсах различного уровня

Города	Победы стипендиатов	
	в 2006 году	в 2007 году
Белово	13	13
Березовский	3	3
Калтан	2	3
Кемерово	68	71
Киселевск	6	7
Ленинск-Кузнецкий	9	7
Междуреченск	2	7
Мыски	–	2
Новокузнецк	16	19
Осинники	1	2
Полысаево	6	7
Прокопьевск	26	11
Юрга	2	7

Новым направлением работы по поддержке одаренных детей стало участие Центра в Национальном проекте «Образование», в Общероссийском конкурсе «Молодые дарования России», который проходил под эгидой Федерального агентства по культуре и кинематографии, в Общественной межрегиональной программе «Достояние Сибири», проводимой межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение».

Необходимо отметить, что система повышения квалификации работников сферы культуры и искусств выполняет важную миссию адаптации преподавателей к постоянно меняющимся социальным и профессиональным условиям педагогической деятельности. Поэтому важно формировать у каждого педагога потребность и готовность к непрерывному образованию и самообразованию в течение всей жизни. В Кемеровской

области работу по непрерывному совершенствованию профессионального уровня преподавателей проводит специально созданный Областной учебно-методический центр работников культуры и искусства. Только в 2007 году проведены курсы для преподавателей по классу гитары, баяна, духовых инструментов, музыкальной литературе, курсы для преподавателей Кемеровского музыкального колледжа по теме «Информационные технологии в сфере культуры». Организованы и проведены:

- школа молодого руководителя (для директоров школ, имеющих стаж работы до трех лет);

- семинары «Мультимедийные средства обучения» (для завучей), «Обучение по системе детского музыкального воспитания Карла Орфа», «Методика преподавания художественных дисциплин на подготовительных отделениях детских художественных школ и школ искусств»;

- обучающий семинар «Базовые принципы работы пианиста».

На курсах и семинарах работали высококвалифицированные преподаватели не только образовательных учреждений и методических центров Кемеровской области, но и из других регионов России: преподаватель Магнитогорской государственной консерватории В. Вальс, доцент Омского государственного университета В. Мельниченко, доктор искусствоведения, доцент кафедры специального фортепиано Московской государственной академии музыки им. Гнесиных М. Аркадьев, профессор Красноярского института искусств В. Литвин, преподаватель Международного музыкального колледжа г. Эдмонтон (Канада) И. Коновалова и другие. Всего на курсах, семинарах и мастер-классах в учебно-методическом центре прошло обучение в 2007 году 546 преподавателей учреждений дополнительного образования и учебных заведений среднего профессионального образования сферы культуры и искусств.

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что возможности и перспективы роста художественного образования в Кемеровской области являются не только достаточными, но и обоснованными [9]. Кемеровская область является многонациональным конгломератом, и нужно четко понимать, что необходимо развивать и укреплять сложившуюся уникальную систему непрерывного художественного дополнительного образования детей и молодежи, бережно сохраняя духовные и национальные особенности культуры Кузбасса, что должно поддерживаться на региональном и федеральном уровнях [1]. Необходимо выработать такие механизмы, которые стимулировали бы реализацию юных талантов, накапливали опыт и достижения предыдущих поколений и готовили кадры в сфере культуры и искусств для внедрения кузбасского опыта во всех регионах России.

Литература

1. Кудрина, Е. Л. Диверсификация высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства: федеральный и региональный аспекты [Текст]: монография / Е. Л. Кудрина. – Кемерово: КемГУКИ, 1998. – 161 с.
2. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. Н. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 1600 с.: ил.
3. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М.: Альфа-Принт, 2007. – 1239 с.
4. Учебные заведения в цифрах 2006 год [Текст]. – М., 2007. – 161 с.
5. Региональная политика Кемеровской области в сфере культуры, искусства и национальных отношений в 2004 году [Текст]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 80 с.
6. Основные итоги деятельности образовательных учреждений культуры и искусства Кемеровской области за 2005/2006 учебный год [Текст]. – Кемерово, 2006. – 52 с.
7. Ориентиры культурной политики в Кемеровской области в 2005 году [Текст]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 84 с.
8. Основные итоги деятельности образовательных учреждений культуры Кемеровской области в 2006/07 учебном году [Текст]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 24 с.
9. Реализация основных направлений культурной и национальной политики в Кемеровской области в 2007 году в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура» [Текст]. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 87 с.
10. Культура начинается с личности [Текст] / Н. Л. Хижняк // Играем с начала. – 2006. – № 12 (38). – С. 2–3.
11. www.ako.ru

В. В. Колногоров

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РФ

В настоящее время пристальным объектом внимания общественных наук является государственная служба. В первую очередь потому, что от эффективности ее деятельности зависит направление и результат как государственного, так и социального управления – национальных систем, обеспечивающих устойчивое развитие РФ и ее национальную безопасность. Соответственно обеспечение эффективности деятельности систем государственного и социального управления – это как политическая, так и общенациональная задача. Она не может и не должна осуществляться исключительно как ведомственный проект, ей необходимо иметь широкую социальную поддержку и отражать общенациональную идею.

В нашем многонациональном, поликультурном Отечестве философия, методология и практика систем государственного и социального управления всегда были направлены на общенациональное самосохранение, на внутренний, нравственный ответ вызовам времени. Вековые ценности, традиции, идеалы народов России формировали ядро государственной службы. Следовательно, ценностные ориентиры систем государственного и социального управления в Российской Федерации по существу отображают систему идеалов, символов, норм, представлений, образов, верований, интересов, смыслов, сформированных в национальной социокультурной среде, отражающих ее культурные традиции.

Прежде всего, это **гражданственность** – как постоянное ощущение принадлежности к великому российскому народу и его истории; **государственность** – как утверждение идеи сильного, неделимого, развивающегося на общецивилизационных основах российского государства. В общественной жизни России вновь начинает достойно звучать в своем истинном (а не нарицательном) значении слово **патриотизм** – как глубокое и сознательное чувство любви к Родине, готовность к служению ее национальным интересам.

Общественное признание и поддержка систем государственного и социального управления – главные инновационные приоритеты государственной политики, осуществление которых невозможно без формирования положительного имиджа и организационной культуры этих систем.

В этом случае инновационное развитие системы государственного и социального управления будет, в первую очередь, определяться разработкой и внедрением в практику государственной службы передовых педагогических, психологических и социальных технологий, соответствующих современному уровню развития гуманитарного знания, и психолого-педагогической компетентностью сотрудников и специалистов системы государственного и социального управления, приобретением ими навыков корпоративного управления коллективом.

Следует отметить, что в настоящее время российские авторы в своих научных работах, в большинстве случаев, опираются на западный опыт, теории и стандарты культуры организации, в основном, уделяя внимание корпоративной культуре в коммерческой сфере. А речи о существовании этого понятия в органах государственной службы, факторах ее формирования и развития, разработке программ, технологиях совершенствования деятельности государственных служащих почти не ведется.

Учитывая определяющий статус государственной службы как национальной системы, обеспечивающей устойчивое развитие РФ и ее национальную безопасность, проблема формирования организационно-

корпоративной культуры как инновационного приоритета социально-культурной политики системы государственного и социального управления является одной из актуальнейших.

В связи с этим в своем исследовании мы рассматриваем социально-педагогическую стратегию формирования корпоративной культуры в Государственной инспекции безопасности дорожного движения РФ как основу ее социально-культурной политики.

В любой организации существует некий «развитый формальный регламент» [см.: 4, с. 1], а значит, и есть корпоративная культура. Она определяет поведение людей в организации в гораздо большей мере, чем формальные документы, правила и распоряжения.

Однако кроме создания самих правил и требований руководства необходимо «сформировать условия для их выполнения, а также механизм проверки. Важно, чтобы декларируемые вещи обязательно соответствовали действительности» [см.: 2, с. 216], то есть работают правила, или являются, на самом деле, обычной декларацией требований и пожеланий руководителей и личного состава.

Определяемые этими нормами и правилами вошедшие в привычку формы поведения, общения, отношений и взаимодействия «как внутри коллектива, так и за ее пределами: нравы, обычаи, традиции, ритуалы, особый язык, герои, табу, миссия» [см.: 3, с. 3] и т. п. — все вышеперечисленное является ценностно-нормативной основой формирования и развития корпоративной культуры.

В своей статье мы бы хотели сделать акцент на специфике профессиональной деятельности государственных служащих ГИБДД. Мы выяснили, что общественное предназначение государственных служащих реализуется в администрировании, которое заключается в подготовке и исполнении управленческих решений, обеспечивающих реализацию прав граждан, исполнение Конституции РФ, законов и политических решений. А так как государственно-служебная деятельность и управленческая деятельность носят публичный характер, следовательно, имеют свои социально-педагогические корпоративные основы.

Проблема заключается в том, что, с одной стороны, для всей системы государственной службы, и в частности для ГИБДД, характерны закрепленное законодательство РФ, задачи, функции, нормы деятельности, схемы, структуры этих органов, единые требования к прохождению государственной службы, а с другой стороны, на фоне общих норм и ценностей возникает ситуация, которая усложняет процесс внедрения корпоративной культуры в систему Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

Противоречия заключаются между устоявшимися требованиями, законодательно-закрепленной системой повышения квалификации, переобучения и неготовностью госслужащих и руководящего состава к изменениям и нововведениям.

Также мы отметили, что формирование и развитие корпоративной культуры в ГИБДД детерминировано многими факторами, такими как: система образования, социальная мобильность, традиции государственной службы, ценностная система общества, экономический и правовой факторы. И нормативное регулирование является преобладающим в корпоративной культуре ГИБДД. Прежде всего, это обусловлено тем, что существуют законодательные нормы, охватывающие своим действием практически все стороны функционирования госслужащих. И от этого неготовность меняться, развиваться может объяснить тот факт, что полная удовлетворенность сотрудников работой взаимосвязана с полной стандартизацией их деятельности.

С одной стороны, правовой фактор оказывает значительное влияние на формирование положительного портрета госслужащего, с другой стороны, этот фактор вызывает отклонения от положительного образа, вследствие недостаточной проработанности законодательных актов, что является противоречием развития корпоративной культуры в органах государственной службы.

Таким образом, формирование корпоративной культуры, выступающей подсистемой общей культуры, обусловлено совокупностью факторов правового, социально-экономического и социально-культурного характера. При этом факторы оказывают как непосредственное, так и опосредованное влияние на становление и развитие корпоративной культуры в ГИБДД.

Мы считаем, что этот вопрос на сегодняшний день является актуальным для всей системы государственной службы и требует дальнейшего рассмотрения, изучения и детальной разработки.

Литература

1. Ансофф, И. Новая корпоративная стратегия [Текст] / И. Ансофф. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с.
2. Дискин, И. Е. Культура: стратегия социально-экономического развития [Текст] / И. Е. Дискин. – М.: Просвещение, 1990. – 315 с.
3. Иванова, С. И. Корпоративная культура: традиции и современность [Текст] / С. И. Иванова // Эмси Консалтинг. – М., 2002. – С. 1–4.
4. Уотерман, Р. Фактор становления: как сохраняют конкурентноспособность лучшие компании [Текст] / Р. Уотерман. – М.: Прогресс, 1988. – 238 с.

Раздел 6. МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

О. В. Захарова

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Проблема, актуальность которой возрастает с каждым днем и к которой обращено внимание общественности, – это проблема сохранения культурного наследия, в частности сохранения уникальности различных народов.

В решении проблем сохранения культурного наследия, в том числе – сохранения культур различных народов, особое место по праву отводится этнографическим музеям. Это обусловлено тем, что именно этнографические музеи занимаются сбережением объектов национальной культуры, а их главным отличием от других видов музеев является неразрывная связь с конкретным этносом (народом).

Стремительное развитие информатизации открыло для музеев принципиально новые возможности в реализации своих главных задач. Внедрение информационных технологий (ИТ) в традиционные формы музейной работы ведет к изменениям в организации учета музейных коллекций и управления ими, к развитию научных исследований, появлению новых музейных продуктов, организации виртуальных выставок и экскурсий. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) открывают новые возможности предоставления доступа к культурному наследию [см.: 5, с. 56]. Доступ к культурному наследию отныне может быть открыт для самой широкой публики. Это наследие становится предметом обмена и распространения. Популяризация, укрепление и сохранение культуры и языка малочисленных коренных народов возможны также посредством ИКТ, и большое значение при решении этих задач имеют сайты этнографических музеев – виртуальные представительства реальных музеев.

Первый этап проведенного исследования преследовал следующую цель: разработка модели контента сайта (на примере Музея этнографии и природы Горной Шории в г. Таштаголе Кемеровской области).

В рамках данного проекта была проделана следующая работа:

- изучен понятийный аппарат в области музееведения и этнографии,
- составлен информационный образ этнографического музея,
- проведен анализ веб-сайтов этнографических музеев,
- предложена модель контента сайта для этнографического музея.

Дальнейшее проведение исследования потребовало изучения состояния информатизации музеев Западной Сибири, содержащих этнографические коллекции, с целью выявления основных направлений и проблем их информатизации.

Для реализации поставленной цели необходимо решение соответствующих задач:

- 1) выявить основные технологии, применяемые в музеях, и проблемы, возникающие при их внедрении и использовании;
- 2) осуществить анализ теоретических проблем информатизации (на примере анализа микропотока авторефератов диссертаций и «Справочника руководителя учреждения культуры» за 2003–2007 годы);
- 3) выявить количество этнографических музеев России, в том числе Западной Сибири и уровень информатизации в них.

Анализ публикаций ведущих специалистов в области музейной информатизации (И. Винсон, Л. Я. Ноль, Е. А. Кокорина, М. Е. Каулен, Э. А. Шулёпова, Н. В. Бракер, О. Ю. Волков, К. А. Наседкин, Е. Л. Кошечева, И. В. Пролеткин, Л. Л. Калинина и М. Е. Шпак) позволил выявить наличие следующего деления основных современных информационных технологий, применяемых в музеях:

Информационные технологии
для сотрудников музея:

АИС в музее;
Инtranет-сайты;

Информационные технологии
для посетителей музея:

CD-ROM, DVD;
Интернет-сайты.

В специальной литературе существует также и другая группировка использования современных ИТ в музеях:

Компьютер в музее – создание и внедрение автоматизированных информационных систем (АИС) для совершенствования основной деятельности музея (учет, фондовая работа и т. п.).

Музей в компьютере – создание и представление в открытом информационном пространстве электронных публикаций о музее, его деятельности и его коллекциях, организация свободного доступа к этой информации в России и зарубежных странах.

Характеристику использования ИТ в музеях дадим, используя сведения, приведенные в [2; 6; 7; 8; 10; 13; 14; 16].

1. Автоматизированные информационные системы в музее

Автоматизированные информационные системы впервые начали появляться в российских музеях в конце 1980-х годов. Внедрение автоматизированных информационных систем в музеях началось с создания баз данных о коллекциях, фондах, выставках, а также с автоматизации учета и отчетности.

зированной информационной системы в музее влечет за собой изменения технологии работы с его коллекцией: перевод информационных ресурсов музея с традиционных носителей, которыми являются различные бумажные картотеки и книги, в электронный вид – базу данных.

АИС позволяют вести учет музейных фондов, банк музейных изображений, формировать электронные каталоги, описывающие экспонаты музея, и другую научно-фондовую работу музея [16].

Необходимо отметить, что в России отсутствует стандартная АИС, которая была бы закреплена регламентирующими документами, как обязательная к применению, поэтому многие музеи разрабатывают системы самостоятельно, учитывая специфику собственного документооборота. Примерами наиболее известных в настоящее время АИС в России являются «Атлант» (для Эрмитажа), «Ника», «КАМИС», «Музей» [7].

2. Интранет-сайт музея (внутренний сайт музея)

Интранет-сайты музеев – это внутренние корпоративные web-порталы, решающие задачи по систематизации, хранению и обработке информации. Интранет-сайт доступен только в рамках локальной сети музея, включая удаленные филиалы, и требует авторизации при входе. Доступ к страницам портала осуществляется через web-браузер, что позволяет пользоваться интранет-сайтом людям с минимальной компьютерной подготовкой [6].

Как отмечают И. В. Пролеткин, Л. Л. Калинина и М. Е. Шпак [14], использование внутреннего сайта дает музею возможность получить максимальный эффект от работы. Простота доступа к информации, ее безбумажный характер, высокая скорость обмена данными между сотрудниками учреждения оказывают существенное влияние, прежде всего, на методы и формы системы управления. Интранет-сайт позволяет всем сотрудникам музея общаться на едином языке, с помощью единой информационной среды, не дублируя работу друг друга, и в то же время постоянно отслеживая ее результаты.

3. CD-ROM, DVD по музейной тематике

М. Е. Каулен [8], Э. А. Шулепова [13] среди электронных публикаций на жестких носителях выделяют:

- путеводители по музеям;
- альбомы;
- монографии;
- учебники;
- информационно-справочные пособия и др.

Материал на дисках публикуется в окончательной форме и в дальнейшем не подлежит изменениям. Электронные публикации такого рода принято называть статическими.

Статические публикации подлежат обязательной государственной регистрации. Существует организация: НТЦентр ИНФОРМРЕГИСТР при Госкомитете РФ по телекоммуникациям, на который возложены функции регистрации, государственного учета, хранения и комплектования обязательного экземпляра публикации.

4. Интернет-сайт (внешний сайт музея)

В конце XX века все более популярными становятся электронные публикации музеев, доступ к которым открыт в глобальной сети Internet, – сайты музеев. Публикации в Internet чаще всего являются динамическими: данные на сайте могут оперативно корректироваться, модифицироваться после первоначального опубликования.

Нами была изучена литература [2; 3; 4; 7; 10; 12; 13; 14], отражающая технологии конструирования и оформления музейного представительства в сети, на основании которой можно утверждать, что на данный момент существует следующие модели музейных сайтов:

1. Сайт-справочник (служит в качестве краткой справки-путеводителя для посетителей).

Минимальная конфигурация этого варианта сайта:

- организационная информация (часы работы, проезд, цена билетов, информация о вакансиях музея, юридический адрес, справочные телефоны, e-mail);

- справочная информация о культурной программе (краткое иллюстрированное описание постоянной экспозиции музея, информация о проводимых выставках, краткая историческая справка о музее).

Создание такого представительства позволяет сделать музей более известным, поднять его престиж.

2. Электронный музей (электронная копия реального музея или его части).

Помимо минимального набора элементов, представленных на сайтах-справочниках, «Электронный музей» должен содержать полную информацию об имеющихся коллекциях, фонде. Основу контента сайта должны составлять фотографии музейных экспонатов, снабженные качественными комментариями.

3. Сайт, дополняющий реальный музей (продолжение музея в сети).

Такой сайт является продолжением музея в Internet. По сравнению с обычным электронным музеем подобная система не только представляет собой проводник и носитель музейной информации, но и включает в себя дополнительные средства, интерактивные модули, служащие для нестандартного представления информации, развлечения и обучения посетителей.

Кроме обучающих элементов, **Internet-представительство** подобного класса должно содержать и другие информационные ресурсы: библиотеку или ссылку на справочную литературу, статьи экспертов, форумы для обмена мнениями, то есть оно должно стать сосредоточением как можно большего количества знаний по музейной тематике.

Анализ публикаций [1; 2; 5; 7; 8; 12; 13; 14; 16] позволил выделить три группы проблем, возникающих при внедрении и эксплуатации ИТ в музеях.

К их числу относятся:

- проблемы теоретического характера (неразработанность теории проектирования и оценки качества контента музейных сайтов, отсутствие унифицированного описания музейных предметов, препятствующее обеспечению совместимости различных музейных АИС; ограниченность информации о возможностях использования новых ИТ и др.);

- проблемы материально-технического характера (слабое материальное обеспечение музеев);

- проблемы психологического характера (боязнь музейных сотрудников переходить на новый уровень работы (электронный тип работы); не готовность музеев передавать свои информационные ресурсы в «коллективное пользование» и т. п.).

Далее представим результаты анализа теоретических проблем информатизации. Нами были проанализированы авторефераты защищенных диссертаций за последние пять лет по разделам «004 Информационные технологии. Вычислительная техника», «39 Этнография. Этнология. Нравы. Обычаи. Образ жизни. Фольклор» и «069 Музеи». Результаты получились следующие: за 2003–2007 годы лишь две диссертации посвящены теме информатизации музеев и четыре – этнографическому музею.

Среди профилирующих периодических изданий, таких как международный журнал «*Museum*», «*Музей*», для дальнейшего анализа был выбран «Справочник руководителя учреждения культуры», поскольку именно это издание наиболее активно отражает достижения информатизации учреждений культуры, в том числе и музеев, в рубрике «Информационные технологии».

Результаты проведенного анализа микропотока данного периодического издания за четыре года оказались следующими: одинаковое количество статей приходится на 2003, 2004, 2006 годы – по пять статей за год, в 2007 году – произошел спад – было опубликовано лишь три статьи.

Всего за четыре года теме информатизации музея было посвящено 18 статей, из них:

- 6 статей – по проблемам музейных АИС;

- 5 статей – по разработке веб-сайтов;

- 4 статьи – по общим вопросам информатизации;
- 2 статьи – по современным средствам отображения информации;
- 1 статья посвящена Интернет-сайту.

Заметим, что четыре из 18 статей представлено сотрудниками Саратовского государственного художественного музея им. А. Н. Радищева.

Статьи по информатизации этнографических музеев отсутствуют.

Таким образом, результаты анализа микропотока «Летописи авторефератов диссертаций (2003–2007 годы)» и «Справочника руководителя учреждения культуры» (2003–2007 годы) свидетельствуют о недостаточной степени теоретической разработанности проблем информатизации музеев и, в частности, об отсутствии исследований, специально посвященных информатизации этнографических музеев.

Для решения следующей задачи – определения количества музеев России, в частности Западной Сибири, содержащих этнографические коллекции, мы воспользовались такими источниками, как:

- Музейный портал «Музеи России» (в систематическом каталоге рубрика – этнографические музеи) [9],

- Российская музейная энциклопедия [15].

Итак, в них представлено 483 музея России, содержащих этнографические коллекции, из них:

- 281 – краеведческие музеи,
- 68 – исторические, историко-культурные,
- 58 – этнографические,
- 45 – уникальные (музей леса, музей старины и другие),
- 12 – народные, национальные,
- 8 – литературные,
- 6 – дома-музеи,
- 5 – музейные центры.

По данным энциклопедии [15] всего в России 1871 музей, и около 400 из них находятся в Сибири. Таким образом, получается, примерно 26 % российских музеев содержат этнографические коллекции.

Административно-территориальные границы Западной Сибири определены в соответствии с [11] и включают в себя Тюменскую обл. (Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий авт. округ), Омскую обл., Новосибирскую обл., Томскую обл., Кемеровскую обл., Алтайский край, Республику Алтай, Республику Хакасия.

Алгоритм поиска музеев в энциклопедии включал в себя:

- 1) определение местоположения музея,
- 2) определение профиля музея,
- 3) прочтение энциклопедической статьи,

4) отбор этнографических музеев и музеев, содержащих этнографические коллекции.

При поиске информации использовались такие формализованные текстовые признаки, как:

- «особенную ценность представляет этнографическая коллекция»,
- «специфика истории развития края раскрывается темами “Древнейшие племена и народы Алтая”»,
- «сформированы коллекции: этнографич. (предметы материальной культуры кор. нас. Алтая)»,
- «экспозиция отражает основные природные и этнографические особенности края»,
- «наиболее ценны предметы быта телеутов – одной из коренных народностей обл.»,
- «материалы музея используются в исследованиях по этнографии и культуре Дагестана» и др.

Результаты получились следующими.

Всего этнографических музеев и музеев, содержащих этнографические коллекции, в Западной Сибири – 41 музей¹⁰, из них:

- по профилю: краеведческих – 22, этнографических – 14, исторических – 5,
- музеи, имеющие **Internet-сайт**, – 8,
- музеи, имеющие электронную почту, – 14.

В заключение приведем основные результаты проведенного пилотажного исследования:

- выявлены основные направления и проблемы информатизации музеев;
- установлено количество этнографических музеев и музеев, содержащих этнографические коллекции, в Западной Сибири (таким образом, определен экспериментальный массив музеев для дальнейшего исследования);
- разработана рабочая модель контента сайта этнографического музея.

В рамках направлений дальнейшего исследования необходимо:

- подготовить аналитический обзор по проблеме информатизации музеев на основе сопоставления отечественного и зарубежного опыта;
- теоретически обосновать подходы к проектированию контента сайтов этнографических музеев;

¹⁰ Всего в России – 483 этнографических музеев и музеев, содержащих этнографические коллекции.

- экспериментально изучить состояние информатизации этнографических музеев и музеев, содержащих этнографические коллекции, в Западной Сибири (анкетирование, тестирование, наблюдение, анализ документации);

- разработать рабочую типовую модель контента сайта для этнографического музея.

Литература

1. Бракер, Н. В. Стандарты и интеграция информационных ресурсов по культурному наследию [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.spcis.ru/Publicat/26-00.html>
2. Винсон Изабель. Музеи и наследие: важная проблема в Докладе о всемирной культуре, 2000 (ЮНЕСКО) [Текст] / И. Винсон // Museum. – 2001. – № 3. – С. 61–63.
3. Волков, О. Ю. Музейный сайт. Технология оформления музейного представительства в Интернете [Текст] / О. Ю. Волков // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2003. – № 12. – С. 70–77.
4. Волков, О. Ю. Музейный сайт. Технология оформления музейного представительства в Интернете [Текст] / О. Ю. Волков // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 1. – С. 69–77.
5. Кокорина, Е. А. Информатизация музеев [Текст] / Е. А. Кокорина // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2006. – № 5. – С. 55–60.
6. Креативно-производственная группа товарищей [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.grtov.ru/ru/portfolio/intranet/uralfd>
7. Музей будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.future.museum.ru>.
8. Музейное дело России [Текст] / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Косовой, А. А. Сундиевой. – М.: Издательство «ВК», 2005. – 614 с.
9. Музеи России [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.museum.ru>.
10. Наседкин, К. А. Конструирование музейных сайтов от «А» до «Я» [Текст] / К. А. Наседкин // Музей. – 2005. – № 2. – С. 42–46.
11. Наумов, И. В. История Сибири [Текст]: курс лекций / И. В. Наумов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 256 с.
12. Ноль, Л. Я. Тенденция использования в музее автоматизированных информационных систем [Текст] / Л. Я. Ноль // Музей. – 2005. – № 4. – С. 26–31.
13. Основы музееведения [Текст]: учеб. пособие / отв. ред. Э. А. Шулепова. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 504 с.
14. Пролеткин, И. В. Технология создания интранет-сайта [Текст] / И. В. Пролеткин // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 7. – С. 77–80.
15. Российская музейная энциклопедия [Текст]. – М.: Прогресс, М.: РИПОЛ классик, 2005. – 848 с.
16. Создание и использование музейных информационных ресурсов [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.ict.edu.ru/ft/003612/kosheeva.pdf>

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЭКСКУРСИОННОГО ДЕЛА

Понятие «экскурсия» в отечественных музееведческих исследованиях обозначает форму образовательной (просветительной) деятельности, содержанием которой является комплексное (визуальное, вербальное, эмоциональное) восприятие предлагаемых экскурсионным маршрутом визуальных объектов с целью приобретения знаний и впечатлений. Из вышеприведенной дефиниции «экскурсии» становится ясно, что специфика любой экскурсии заключается в единстве показа и рассказа.

В отечественной музеологии экскурсионная работа является одним из традиционных видов культурно-образовательной деятельности. Ее актуальность определяется наличием огромного педагогического потенциала, который реализуется через специфические признаки экскурсии, методику ее работы, через постановку и достижение познавательных и воспитательных целей и задач. А именно, обогащение восприятия зрителя, формирование познавательной активности и ценностных ориентаций личности, воспитание уважительного и бережного отношения к своему историко-культурному наследию. Осуществляя принцип наглядности, экскурсия конкретизирует абстрактные понятия: знакомит с закономерностями развития человеческого общества, с историко-культурными процессами и явлениями, с обстановкой, в которой они развивались, с местом их действия, с памятниками материальной и духовной культуры. Исходя из вышеуказанного, особую актуальность приобретает анализ исторического опыта отечественного экскурсионного дела и связанный с ним вопрос его периодизации.

Изучение истории развития отечественной экскурсионистики позволило выделить следующие периоды становления экскурсионного дела в России.

I период XVIII век – 1917 год – время возникновения и становления экскурсионной практики, создания ее организационной и информационной структуры. В этом периоде система народного просвещения стала основной и наиболее массовой сферой, в которой формировалась экскурсионная отрасль и национальная экскурсионная школа в целом. Здесь выделяется два этапа: первый этап – XVIII век – 1907 год и второй – 1907–1917 годы. На первом этапе экскурсионное дело развивалось главным образом как метод обучения и проведения учебных, музейных, а затем внемузейных и дальних экскурсий. На втором

этапе обобщается накопленный первичный опыт экскурсионной деятельности, вырабатывается ее теоретическая основа.

Разработкой вопросов теории экскурсионного дела занимались практики, педагоги-энтузиасты, возглавлявшие Центральную экскурсионную комиссию при Московском округе – В. И. Комаринский, В. Ю. Ульяновский, Б. Е. Райков, Н. Г. Тарасов и др. Их теоретико-методологические разработки основывались на осмыслении опыта экскурсионной работы с учащимися.

В 1910 году Б. Е. Райковым была издана книга «Школьные экскурсии, их значение и организация». В ней впервые были четко сформулированы основные принципы методики проведения школьных экскурсий [1].

Вопросы развития экскурсионной работы в отечественных культурно-образовательных учреждениях, вопросы методики проведения экскурсий являлись предметом обсуждения на Всероссийских учительских съездах (1906–1916 годы), освещались в журналах «Экскурсионный вестник», «Русский экскурсент», «Школьные экскурсии и школьный музей», издававшиеся в 1910-х годах XX века.

II период – 1917–1930-е годы XX века экскурсионная практика приобретает широкомасштабный, всероссийский, государственный характер. Этому способствовали, во-первых, социально-политические условия: монопольно-правящая коммунистическая партия рассматривала экскурсию как эффективное средство идейно-политической работы. Во-вторых, социально-культурные условия: расцвет краеведения (период «золотого десятилетия» отечественного краеведения, 1917/1918–1927/1929 годы) активизировал экскурсионную деятельность, разработку ее теории и методики. В-третьих, системность организационной, информационной структуры экскурсионной работы: теоретико-методологический арсенал экскурсии приобретает четкий алгоритм, совершенствуется ее психолого-педагогический компонент.

Анализом и обобщением опыта экскурсионного дела в сфере музейной педагогики и краеведения занимались ученые, педагоги и экскурсионисты Н. К. Крупская, Б. Е. Райков, И. М. Гревс, В. А. Герд, Н. Г. Анциферов, А. В. Бакушинский, А. Ф. Родин и др. Анализировались и разрабатывались педагогические основы экскурсионного дела: экскурсия рассматривалась как форма учебно-воспитательного процесса, как метод краеведческого исследования, как одна из действенных форм коммунистического воспитания [2–8].

В первые десятилетия Советской власти теория экскурсионного дела развивалась в условиях творческих исканий, дискуссий, важным итогом которых явилось создание основ методики экскурсионной работы.

На рубеже 20–30-х годов XX века практика и теория экскурсионистики, как и гуманитарный опыт краеведения в целом, оценивались как дворянско-буржуазные. За феноменом большого значения последовал феномен длительного забвения. Экскурсионное дело в жестком формате классового подхода теряло свои эвристические и аксиологические функции, что отрицательно сказалось на процессе его развития.

III этап – 1950–1980-е годы XX века – расцвет экскурсионной работы. Этому способствовали изменения в общественно-политической жизни, ослабившие идеологическое давление на экскурсионную деятельность, что расширило ее тематическое поле (развитие получили экскурсии на военно-историческую, ленинскую, историко-революционную, производственную, литературную, искусствоведческую, природоведческую, архитектурно-градостроительную, историческую тематики).

Государственный характер экскурсионного дела обеспечил эффективную материальную и информационную структуру. Укрепление материальной базы туристско-экскурсионных учреждений, открытие и обучение в вузах специальности экскурсовода, возобновление активной краеведческой работы, явили собой положительный результат – расширение радиуса деятельности туристических и экскурсионных учреждений, повышение качества экскурсионной работы, определение ее четких организационных форм.

Обобщенный и проанализированный богатейший опыт экскурсионной работы в педагогике, краеведении и туристической сфере советскими учеными, исследователями, педагогами, методистами, работниками бюро путешествий и экскурсий (А. Ф. Родиным, Ю. Е. Соколовским, Е. Я. Черниковой, Б. С. Кубанским, Д. В. Кацубой, В. Г. Сердинским, А. И. Шкурко, К. Г. Шуцкой, Г. Косиловым, А. Аграчевым, В. Шолоховым, Ф. Л. Курлат, Н. Н. Злацен, И. Г. Смирновым, Л. Лейбониц, Ю. Ефремовым, А. Шляпак, Б. В. Емельяновым и др.) лег в основу теории и методики советского экскурсионного дела [9–15].

Продуктивная концепция экскурсионистики создавалась путем фиксации современного уровня разработки проблем и вопросов теории и методики экскурсионного дела, обобщения многолетнего практического опыта экскурсионной работы в музеях, разработки вопросов развития экскурсионного дела как одной из важнейших форм коммунистического воспитания населения, углубления теоретико-методологической разработки экскурсии, обновления ее арсенала психолого-педагогическим подходом. Большое внимание уделялось вопросам подготовки и повышения квалификации экскурсоводов.

Главным экскурсионным управлением Центрального совета по туризму и экскурсиям, возглавляемое Б. В. Емельяновым, было подготовлено и издано в 70–80-х годах большое количество методических указаний по основным проблемам экскурсионной работы, таких как «Подготовка и проведение экскурсий», «Основы экскурсоведения», «Организация экскурсионной работы», «Методические рекомендации по подготовке новой экскурсии», «Требования к методической разработке экскурсий», «Городская обзорная экскурсия».

Одновременно в 1970-е годы НИИ культуры г. Москвы проводились социологические исследования в сфере культурно-образовательной деятельности краеведческих музеев и музеев-заповедников. В результате анализа социально-демографических, психологических, мотивационных показателей были выработаны рекомендации по совершенствованию методики подготовки и ведения экскурсий в музеях.

Совершенствованию экскурсионной работы музеев, усилению ее актуальной направленности, росту ее популярности, способствовали Всесоюзные и Всероссийские смотры работы музеев, последний из которых (1971–1972 годы) анализировал массовую научно-просветительскую работу. Смотры показали, что многие музеи добились существенных результатов в деле повышения идейно-воспитательного, методического и организационного уровня экскурсионной работы, обогатили практику новым ценным опытом.

IV период – 80-е годы XX – начало XXI века, с одной стороны, характеризуется сокращением интенсивности экскурсионной деятельности в новых социально-экономических условиях, с другой – концептуальной активностью, как результатом освобождения культурного пространства от идеологических схем.

Опыт отечественного экскурсионного дела, в единстве с приемами и методами современного экскурсионного дела, позволили выработать научно-обоснованные подходы в реализации целей и задач, поставленных социально-экономическими условиями на рубеже XX–XXI веков: **ориентация на самореализацию индивида в его личностной и социальной ипостасях, включение индивида в единое историко-культурное пространство, развитие социально-активной, образованной, нравственно и физически здоровой личности в изменяющихся условиях общественной жизни.**

В работах ученых, методистов М. Коваль, Е. Поповой, Б. А. Столярова, Г. П. Долженко, Н. В. Савиной, Р. А. Дьяконовой, Б. Ф. Омельченко, С. П. Калита, А. В. Святославского и др. осмысливается исторический

и теоретико-методологический опыт отечественной экскурсионной деятельности; предлагаются программы, направленные на активное включение экскурсионной работы в решение проблем социокультурной сферы российского общества [16–25].

Сегодня, экскурсия является предметом исследования экскурсоведения. Это научное направление изучает историю развития экскурсионного дела, методику подготовки и проведения экскурсии, педагогические и психологические основы экскурсоведения, особенности обслуживания различных групп населения, подготовку экскурсионных кадров, организацию экскурсионной работы.

Историко-теоретическое осмысление опыта экскурсионной деятельности позволило нам определить, что актуальность экскурсионной работы в отечественной музеологии, педагогике, краеведении определяется наличием у нее психолого-педагогического аспекта, который реализовывался в соответствии с задачами, поставленными той или иной эпохой. В досоветский период – это активизация учебно-воспитательного процесса учащихся. Именно с образовательной, преимущественно школьной экскурсией, направленной на освоение природного и культурного наследия родного края, связаны основы теории экскурсоведения и создание отечественной экскурсионной школы. В советский период познавательный и воспитательный потенциал экскурсии определялся пропагандой монополизированной партийной идеологии. В первые десятилетия советской власти теория экскурсионного дела развивалась в условиях творческих исканий, дискуссий, важным итогом которых явилось создание основ методики экскурсионного дела. В 1930-х годах экскурсия, как одна из форм массово-просветительской работы советских культурно-образовательных учреждений, была подвержена идеологизации, что, в свою очередь, отрицательно сказалось на процессе развития отечественного экскурсионного дела. В послевоенные годы экскурсионная работа вошла в профессиональную туристско-экскурсионную область. На основе богатого практического опыта советскими учеными и методистами были сформированы основы теории и методики отечественного экскурсионного дела. С 80-х годов XX – начала XXI века в реализации поставленных целей экскурсионной работы центральное место занимает личностно-ориентированное направление.

Опыт отечественной экскурсионистики свидетельствует, что эффективность этой культурно-образовательной сферы зависит от степени государственной поддержки, организационной и информационной

структуры экскурсионной деятельности. Директивные указания, постановления руководящих органов ЦК КПСС и результаты выполнения этих государственных актов привели в 1970–1980-х годах к расцвету советской экскурсионистики. Экскурсионная работа трансформируется в профессиональную туристско-экскурсионную сферу обслуживания, о чем свидетельствует приведенный факт: разработанный объем экскурсионной тематики в советский период в актуализированном виде составляет серьезную часть номенклатуры услуг сегодняшнего российского рынка. Лишившись государственной как материальной, так и моральной поддержки, в конце 80 – начала 90-х годов – экскурсионное дело значительно сократилось, а прекращение подготовки новых экскурсоводов и учебы работающих, привело к снижению качества экскурсионного обслуживания. Ученый Г. П. Пирожков в работе «Теория краеведения» привел статистические данные, которые указывают, что 83,9 % экскурсоводов и научных сотрудников музеев федерального значения в своей работе применяют устаревшие методы и приемы [26].

В настоящее время отечественное экскурсионное дело, имея фундаментальную теоретическую и практическую основу, активно участвует в решение проблем социокультурной сферы российского общества, обогащаясь новыми методами и подходами. Региональный компонент вузовского и школьного образования востребовал экскурсионный метод, в качестве эффективного средства формирования интереса и потребности познания родного края, ознакомления учащейся молодежи с разнообразием форм изучения местного края, оказания помощи в приобретении и совершенствовании знаний о малой родине, профессионального самоопределения и выработки жизненных стратегий молодого поколения.

Литература

1. Райков, Б. Е. Школьные экскурсии, их значение и организация [Текст]: учеб. пособие / Б. Е. Райков. – М., 1910. – 180 с.
2. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения [Текст] / Н. К. Крупская. – М., 1959. – Т. 10. – С. 243–245.
3. Райков, Б. Е. Методика и техника экскурсий [Текст]: учеб. пособие / Б. Е. Райков. – М., 1927. – 123 с.
4. Анциферов, Н. П. Теория и практика экскурсий по обществоведению [Текст] / Н. П. Анциферов. – М., 1926. – 120 с.
5. Герд, В. А. Экскурсии и краеведение в условиях современной школы / В. А. Герд // Педагогическая мысль. – 1923. – № 3. – С. 12–18.
6. Гейнике, Н. А. Книга краеведа [Текст] / Н. А. Гейнике, Н. Е. Елагин, Н. П. Зимин, К. А. Соловьев. – М., 1927. – 139 с.

7. Гревс, И. М. Дальние экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл [Текст] / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. – 1923. – № 4–6. – С. 1–12.
8. Бакушинский, А. В. Исследования и статьи [Текст] / А. В. Бакушинский. – М., 1981. – 160 с.
9. Экскурсионная работа по истории [Текст]: учеб. пособие / сост. Ю. Е. Соколовский, А. Ф. Родин. – М.: Изд-во «Просвещение», 1965. – 127 с.
10. Емельянов, Б. В. Экскурсоведение [Текст]: учеб. пособие / Б. В. Емельянов. – М., 1992. – С. 250.
11. Александров, Ю. Н. Подготовка и проведение экскурсий [Текст]: метод. рекомендации / Ю. Н. Александров. – М.: ЦРИБ «Турист», 1974. – 68 с.
12. Экскурсия. Организация и методика проведения [Текст]: учеб. пособие / сост. Г. Косинов, А. Аграчев, М. Зельнович, Ю. Дужников, В. Шолохов, Ю. Ефремов. – М., 1970. – 113 с.
13. Экскурсионная пропаганда памятных мест [Текст] / сост. И. Г. Смирнов, Л. Лейбониц, Ю. Ефремов, А. Шляпак и др. – М., 1972. – 170 с.
14. Шкурко, А. И. Экскурсионная работа в общественных музеях [Текст] / А. И. Шкурко, К. Г. Шуцкая // Актуализация вопросов деятельности общественных музеев. – М., 1980. – С. 83–94.
15. Основы экскурсионного дела в музеях [Текст] / сост. Г. Косилов, Ф. Л. Курлат, Н. Н. Злацен. – М., 1976. – Вып. 1. – 145 с.
16. Столяров, Б. А. Художественные музеи и эстетическое воспитание молодежи [Текст] / Б. А. Столяров. – Л., 1988. – 32 с.
17. Столяров, Б. А. Музейная педагогика [Текст] / Б. А. Столяров. – М., 2004. – 215 с.
18. Столяров, Б. А. Основы экскурсионного дела [Текст] / Б. А. Столяров, Н. Д. Соколова, Н. А. Алексеева. – СПб., 2002. – 250 с.
19. Герцевич, Н. А. Основы экскурсоведения [Текст] / Н. А. Герцевич. – Минск: Изд-во «Университет», 1988. – 160 с.
20. Калита, С. П. Теория и история экскурсионного дела в России [Текст]: учеб. пособие / С. П. Калита. – Тула, 2004. – С. 210.
21. Коваль, М. Советы начинающим экскурсоводам [Текст] / М. Коваль // Советский музей. – 1990. – № 6. – С. 25–26.
22. Попова, Е. Советы начинающим экскурсоводам [Текст] / Е. Попова, М. Литвак // Museum. – 1993. – № 4. – С. 23–24.
23. Будылин, И. Экскурсовод – кто он? [Текст] / И. Будылин // Советский музей. – 1990. – № 2. – С. 37–39.
25. Долженко, Г. П. Экскурсионное дело [Текст]: учеб. пособие / Г. П. Долженко. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. – 304 с.
26. Дьяконова, Р. А. История экскурсионного дела в СССР [Текст] / Р. А. Дьяконова. – М., 1986. – 130 с.
27. Святославский, А. В. Городская экскурсия. Основы теории и практики [Текст] / А. В. Святославский. – М., 2006. – 64 с.
28. Пирожков, Г. П. Теория краеведения [Текст] / Г. П. Пирожков. – СПб., 2005. – С. 15.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ КЕМЕРОВСКОЙ И НОВОКУЗНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ

В настоящее время, когда российское общество определилось с выбором своего духовного пути, встает задача выработки оптимальных методов приобщения к духовному наследию всего народа.

Богатым историко-культурным наследием обладают наши музеи, в фондах которых еще с первых лет Советской власти сосредоточились многие предметы изъятой церковной утвари. Однако их использование с полной реализацией эстетической и духовной ценности затруднено тем, что еще не найдено пути гармонии взаимодействия церкви и музея. С момента вступления в силу распоряжения Президента РФ «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества», принятого в 1993 году, по настоящее время все еще остается нерешенным вопрос механизма передачи права собственности на предметы Русской православной церкви из фондов государственных музеев.

При рассмотрении проблем передачи церковной собственности со стороны храмов и со стороны музеев становится очевидным, что каждый из претендующих по-своему прав.

Русская православная церковь исходит из того, что Святыни – предметы религиозного почитания, находящиеся в музее, – неправомерно экспонируются как историко-художественные произведения, лишенные сакрального смысла, изначально заложенного православными мастерами. Так, например, при написании иконы, иконописец должен соблюдать пост и творить молитву. Особенно кощунственным, для верующих, считается, когда в экспозиции рядом с иконой «соседействуют» картины светских художников, лишенных нравственного целомудрия. Поэтому Святыня должна находиться в своей естественной среде, то есть в храме.

Работники музеев исходят из иной позиции, считая, что в ходе реституции может быть нанесен существенный урон музейным фондам и музейной деятельности в целом, в связи с тем, что, не имея данных предметов, они не смогут полноценно выполнять свою главную миссию – приобщение посетителей к достижениям древнерусских мастеров.

Церковные ценности, ранее находившиеся в Церкви, в большей части были спасены, сохранены, продолжают существовать и использоваться в целях нравственного и эстетического воспитания благодаря музейным работникам разных специальностей, зачастую вопреки официальным государственным требованиям.

«В послереволюционное время, музеефикация, затронувшая в это время огромное количество культовых памятников, воспринималась не как самоцель, но как высшая форма охраны. Если бы не музеи, то с полной уверенностью можно говорить о том, что значительная часть материального духовного наследия России была бы уничтожена» [2, с. 28–29].

Так, например, 23 февраля 1922 года Советское правительство издало декрет об изъятии церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Музейные работники, участвовавшие в кампании по изъятию ценностей, собирали документальные сведения о памятниках и убранствах церквей и монастырей, чтобы в будущем было возможным восстановить наглядность утраченного. Особо ценные предметы, изъятые из церквей и «отвоеванные» у Гохрана, музейные специалисты сосредотачивали в музеях. Из этих предметов, как основы, создавались систематические экспозиции [2].

«Ко второй половине 1920-х годов в музеях сосредоточились колоссальные ценности, относящиеся к все более изгоняемой из жизни церковной культуре, как в виде музейных предметов, так и архитектурных памятников. При этом не увеличивались ни штаты музеев, ни ассигнования. Музеям не хватало ни сил, ни средств, чтобы как-то поддерживать состояние всех тех сокровищ национальной культуры, которые они отчаянно пытались сохранить при все большем непонимании и даже враждебности со стороны властей и общественности» [3, с. 52].

В музеях созданы благоприятные условия для хранения, реставрации, научной обработки и изучения церковных предметов, сложились разнообразные формы научно-просветительной деятельности.

Благодаря этой деятельности, музейная аудитория «знает дорогу» к историческим духовным ценностям. И вряд ли, как отмечают работники музея, человек, «не посвященный» в дела Церкви, пойдет в храм с целью эстетического удовлетворения.

К тому же, не у каждого прихода Русской православной церкви имеется возможность обеспечить особые условия хранения, консервации, реставрации и даже охраны духовных ценностей, имеющих историко-культурное значение.

На наш взгляд, решением этого противоречия может стать взаимодействие между Церковью и музеями в совместном использовании церковных реликвий в духовной жизни и в популяризации историко-культурного наследия.

Это может быть работа храма при музее, как это практикуется в Третьяковской галерее, на территории которой воссоздан храм, куда передан целый ряд древнейших икон. Возможно проведение Божественных служб

и организация духовной жизни в храме-музее, как это практикуется в Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор».

Мы же предлагаем иную форму сотрудничества храма и музея – создание и организация работы музея при епархиальном управлении.

Известно, что на протяжении многих веков Церковь была не только источником духовной жизни, но и надежным хранителем древностей. Так, в 1721 году Синод Русской православной церкви издал ряд указов о том, что храмам необходимо «иметь подробное описание ризницы, утвари и вообще церковного имущества». Так, например, в 1853 году митрополит Филарет утвердил формы, в которых фиксировалось все церковное имущество. Описи составлялись в двух видах: главный – «важных и прочных» вещей, дополнительный – для «маловажных, подлежащих переменам» (ежедневно употребляемые облачения, церковные книги). Был разработан специальный регламент ведения книги учета церковного имущества. Проверка наличия по описям проводилась особыми комиссиями, «из лиц, известных своими познаниями, опытностью и благонадежностью».

Основные требования раздела «об исправном хранении» касались поддержания чистоты, порядка, неповрежденности и предохранения «от неблагоговеяного и оскорбительного отношения... похищения и уничтожения» [1].

Для духовного и нравственного воспитания россиян в настоящее время открываются музеи при епархиальных управлениях (например, на территории Сибири, музей истории Новосибирской епархии в городе Новосибирске, епархиальный музей истории православия на Алтае и др).

На наш взгляд, создание такого музея целесообразно и при Кемеровской и Новокузнецкой епархии.

Целью создания музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии должно стать: развитие духовно-образовательной деятельности, изучение церковно-религиозной жизни в пределах епархии, сохранение, восстановление материальных памятников православной церкви на территории Кемеровской области.

С этой целью в первую очередь необходимо решение следующих задач:

- организовать сбор архивных материалов и изучить церковную историю региона;
- устроить хранилище для сосредоточения и хранения письменных и вещественных памятников церковной утвари Кемеровской и Новокузнецкой епархии;

- организовать учет и хранение церковной утвари, в соответствии с правилами научной консервации, их научной обработки и исследования;
- вести научную и просветительную деятельность среди православной молодежи, направленную на подготовку активных музейных специалистов;
- создать эксплуатационные отделы, научный и методический кабинеты, библиотеку и фонотеку;
- организовать устройство выставок.

Структура музея может состоять из следующих частей:

- управление музея (Совет музея, директор музея),
- научный отдел (специалисты в области богословия, музейного дела, истории, социологии и др.),
- экскурсионный отдел,
- творческий отдел – искусствовед, художник-специалист по разработке творческих проектов и др.,
- отдел маркетинга и связей с общественностью,
- научно-технический отдел (создание программных продуктов и пр.),
- фондохранилище,
- библиотека и фонотека,
- отдел передвижных выставок,
- хозяйственный отдел.

Практическая значимость предлагаемого проекта музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии найдет свое выражение во внедрении в жизнь модели музея, основанной на интегрированном подходе церковного и музейного методов сохранения и презентации духовного наследия, что в настоящее время актуально. Музей позволит демонстрировать жителям и гостям области новую в Кузбассе, постоянно-действующую религиозно-историческую экспозицию, а не череду временных выставок, как это практикуется в государственных музеях Кемеровской области в настоящее время.

Предлагаемый музей будет являться не только культурно-просветительным учреждением, но и местом несения Слова Божия, проповеди и миссионерства. Поэтому, музей Кемеровской и Новокузнецкой епархии будет рассчитан на создание атмосферы, где будет царить высокая эстетика, объективность, высокий моральный дух и профессионализм.

Литература

1. Дедюхина, В. С. Из истории сохранения отечественных памятников церковной старины [Текст] / В. С. Дедюхина // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: сборник научных трудов Российского института культурологии. – М., 1994. – С. 88.

2. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти [Текст]: монография / М. Е. Каулен. – М.: Луч, 2001. – 165 с.
3. Каулен, М. Е. Музеи-храмы и музеи – монастыри России [Текст]: каталог-справочник / М. Е. Каулен. – М.: РИПОЛ классик, 2005. – 768 с.

А. Н. Тарасова

ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНЫХ МУЗЕЕВ

Современное состояние естественной и искусственно созданной среды обитания поставило перед человечеством ряд проблем, связанных с формированием иного, чем прежде, мировоззрения.

Одно из главных мест в нем должно занять правильное понимание среды обитания и соответствующее к ней отношение. Основной проблемой в формировании нового мировоззрения является недостаточное культурно-экологическое образование людей. В полной мере это относится и к России. Актуальность очевидна, она дополняется тем, что экологический кризис, к которому движется Россия, в том числе и Кузбасс, является результатом хозяйственной деятельности человека, который строит свои взаимоотношения с природой на основе технократических, узкоутилитарных, потребительских принципов

Выход из кризиса следует искать, прежде всего, в изменении самого человека, перестройке его сознания, изменении его ценностей, установок, мировоззрения по отношению к окружающей его природе. **Для решения этой проблемы необходимо духовное возрождение нашего общества. На ее решение и должна быть направлена вся система воспитания и обучения человека.** Существующая ныне система не вполне отвечает этим требованиям. Поэтому задача современной системы образования должна заключаться в том, чтобы помочь человеку обрести себя в культуре, сформировать свой собственный культурный облик и образ, то есть самостоятельную, творческую личность, умеющую принимать решения, умеющую критически мыслить. В свою очередь, творчеству человек может учиться лишь тогда, когда он реально поставлен в ситуацию, требующую творческого решения. Незаменимую помощь в формировании такой личности могут оказать школьные музеи, использующие методы культурно-экологического образования и воспитания.

Культурно-экологическое воспитание – это комплексная система воспитания и образования, направленная на формирование нового типа взаимоотношений человека с окружающей средой.

Эта система воспитания и образования должна стимулировать, вооружать и вовлекать человека в понимание того, насколько правильно мы живем и работаем, в принятие обоснованных решений и создание путей к более устойчивому миру. Ее суть в том, чтобы понять смежные и динамические взаимосвязи между человеком, обществом и природой.

В основе культурно-экологического воспитания лежит новое направление мировоззрения – «экология культуры» [2].

Экология культуры как новое необходимое направление привлекло к себе внимание общественности в 60-е годы XX века. Однако трудно ответить на вопрос, где и когда появилась первая трактовка этого понятия: в России или за рубежом. Исходные позиции экологии культуры обозначены в работах Д. С. Лихачева [см., напр.: 3]. Экология культуры рассматривалась им как направление, изучающее взаимодействие человека с природной, социальной и культурной средой.

Экология, по мнению Д. С. Лихачева, изучает мир как целое. Цель такого изучения – возможность помощи миру, его лечение и выяснение степени опасности вносимых человеком изменений в мир. Понятие цельности и целесообразности мира воплощено в слове «oikos» (греч. – «дом»). Домом может служить как природа – живая и «мертвая», так и та часть мира, которой человек окружает себя. Понятие дома требует пояснений. Человек строит свой дом – культуру. Сюда входят привычки, обыкновения, занятия, все создаваемое им вокруг себя, – в чем он живет и что следует называть культурой в широком смысле этого слова, включая науку, технику, религию и прочее. Природа, как органическое целое, может быть легко нарушена. Мир создан как целое с многообразными внутренними связями, которые нельзя нарушать. Все биологические, физические, космологические связи, весь план мира существуют для того, чтобы мир мог существовать в своих связях, сохраняя в себе существование человека.

Экология культуры – современная доктрина развития искусственной и природной среды, окружающей человека. Концепция экологии культуры подразумевает не просто спасение памятников истории и искусства, составляющих часть среды обитания, но и превращение духовно-эстетической традиции в стержень жизни человека. Экология культуры провозглашает приоритет вечных ценностей добра и красоты во всех сферах деятельности человечества [5].

Тема отношения человека к своим корням, своим истокам выделяется в экологию культуры особо. Важна выработка стремления к сбережению, охране исторической памяти. Эта проблема актуальна сейчас в России как никогда. Что же дает человеку постижение прошлого?

Прежде всего, приобщение к социальным образцам, освоение социального опыта, так называемого генофонда социума. Воспроизведение прошлого осуществляется через создание живой, постоянно развивающейся культуры. И в этом прикосновении к минувшему происходит постижение, возрождение и развитие опыта поколений, передача эстафеты социально-культурного развития.

Оно должно играть определенную роль в создании справедливого и демократического общества. Экологические вопросы не существуют изолированно от политических и социально-культурных. Грамотный и культурный человек должен уметь принимать ответственные решения и решать проблемы, принимая во внимание интересы охраны окружающей среды, развития науки, технологии и общества. Роль учителя заключается в организации совместных проектов с участием общественности, использовании современных научно-педагогических подходов к организации и содержанию учебно-воспитательного процесса.

Школьный музей – своеобразное учреждение, неотъемлемая часть школы – играет наиважнейшую роль в организации образовательно-воспитательного процесса.

Особенностями школьных музеев являются:

- наличие постоянной аудитории;
- доступность для каждого учащегося;
- участие всех желающих в работе школьного музея;
- использование в качестве места для проведения досуга;
- комфортная атмосфера.

В ходе анализа работы школьных музеев города Кемерово, нами были выделены определенные научно-педагогические подходы, используемые руководителями школьных музеев:

- *личностно-ориентированный подход* – личность человека воспринимается как субъект культуры, носитель социальных свойств, духовности, творческих начал.

Основной принцип в работе – признание индивидуальности ребенка и создание доступных условий для развития личности.

- *личностно-деятельный подход* – овладение учащимся способов учебно-познавательной деятельности;
- *аксеологический подход* – введение учащегося в мир ценностей;
- *интегративный подход* – осуществление междисциплинарных связей, взаимообогащение знаний из различных областей, преемственность.

Педагогические подходы оптимизируют и обеспечивают образовательный и воспитательный процессы, предполагают учет ряда позиций:

1. Педагогические подходы – это научно обоснованный выбор характера воздействия в процессе взаимодействия педагога и учащихся, производимый в целях максимального развития личности как субъекта окружающей действительности.

2. Педагогические подходы необходимы, так как ориентированы на развитие условий самореализации личности в мире.

Смысл воспитания – развитие социальной активности посредством включения молодежи в различные виды социально значимой деятельности с целью формирования социального опыта, навыков и умений

В работе со школьниками в музеях последовательно проводится принцип воспитывающего обучения (то есть расширения кругозора, воспитания патриотических чувств, экологического воспитания и др.).

Важнейшее значение имеет принцип связи исторического прошлого с сегодняшней жизнью, проводятся параллели с днем сегодняшним, то есть **основной задачей школьных музеев** является воспитание сознательных и активных граждан своей страны [4].

Важное значение при работе музеев со школьной аудиторией имеет принцип преемственности и системности образовательно-воспитательного воздействия на всех этапах обучения. Не менее важны активность и самостоятельность юных посетителей

Школьные музеи г. Кемерово строят свою работу на этих принципах, используя такие формы работы, как экскурсии, лекции, встречи, уроки мужества, уроки города, самостоятельная научная работа, праздники и др. В городе более 100 школьных музеев, в области более 400.

Все они имеют комплексную структуру и состоят из трех стержневых разделов: история школы, военная история, краеведение. Каждая школа открывает свои разделы в зависимости от ее специфики.

В музеях создаются патриотические клубы, кружки и общества. Материалы музеев систематически используются на уроках истории, обществоведения, географии, литературы, иностранного языка и других предметов. Одно из направлений общественно-полезной деятельности учащихся – краеведов, активистов школьных музеев – посильное участие в восстановлении и сохранении мемориальных объектов и предметов, уточнении местонахождения мемориальных мест, поиске и хранении исторических документов и реликвий.

Школьники участвуют в охране памятников истории и культуры, в посадке аллей, садов, парков, ухаживают за мемориалами. Устанавливаются мемориальные доски, памятные знаки и обелиски, присваиваются улицам и площадям имена лучших людей родного края.

Учащиеся собирают и изучают материалы по истории края, узнают о его людях и их делах, встречаются с местными жителями: оказывают помощь ветеранам войны и труда, семьям умерших или погибших защитников Родины.

Во многих школах появляются свои традиции: проведение в музее первого урока с самыми маленькими учениками, пришедшими 1 сентября в школу, проведение в музее последнего урока в году, проведение различных встреч в музее, например, встреч выпускников, проведение праздников.

Школьные музеи активно сотрудничают с различными учреждениями города.

Согласно нашим представлениям, эта система воспитания и образования в школьных музеях имеет три основных составляющих: эмоциональную, культурно-экологическую (наиважнейшая), этическую.

- **Эмоциональная** – приобщение к природе и культуре путем открытий и чувственного восприятия их, знакомство с природой и культурой и их значением для каждого человека (на уровне личности).

- **Культурно-экологическая** – понимание законов и отношений, функций и взаимосвязей между природой, обществом и культурой.

- **Этическая** – осознание личных ценностей, принятие активной жизненной позиции, умение критически мыслить.

Вышеперечисленные компоненты представляют собой некие рамки, в которых определены цели и конкретные образовательные задачи направления.

Так как особенно важно правильно определить цели образования, то в первую очередь нужно иметь в виду особенности конкретных регионов, их ресурсы, а также такие факторы, как существующая школьная программа.

У школьных музеев огромный потенциал и возможности, однако на пути реализации и создания новых образовательных программ стоит множество проблем и трудностей, связанных с инертностью «старых подходов» (отсутствие государственного финансирования, отсутствие музейного образования, боязнь руководителей музеев приступать к новым формам работы и др.).

Есть несколько путей решения проблем:

- организация музейных курсов повышения квалификации руководителей школьных музеев;
- обязательное включение принципов культурно-экологического образования в воспитательно-образовательный процесс школы;
- проведение семинаров для работников музеев, раскрывающих важность всех образовательных целей и задач;

- разработка долгосрочных программ, в сотрудничестве с другими учреждениями;

- создание Интернет-сайт, который мог бы помочь в доведении целей, задач и программ для более широкой аудитории. (В нашей области можно создать сайт школьных музеев, который способствовал бы усилению контактов и обмену опытом между школьными музеями.)

- усиление внимания администрации города на проблемы школьных музеев.

Все изложенное выше позволяет сделать вывод, что культурно-экологическое воспитание представляет собой целостную систему, способную участвовать в решении проблем общества XXI века. В этом смысле школы и музеи являются уникальными объектами, имеющими огромные возможности и преимущества перед другими организациями для разработки современных научно-педагогических подходов и программ культурно-экологического воспитания и образования.

Литература

1. Калинина, Л. Л. Модернизация музейной деятельности [Текст] / Л. Л. Калинина, М. Е. Шпак // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2003. – № 10. – С. 30–35.
2. Когай, Е. А. Экология культуры: предметное поле исследования [Текст] / Е. А. Когай // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5–6. – С. 136–145.
3. Лихачев, Д. С. Прошлое – будущему [Текст]: статьи и очерки / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1985. – С. 173–179.
4. Нагорский, И. В. Музей как открытая педагогическая система [Текст] / И. В. Нагорский // Педагогика. – 2005. – № 4. – С. 27–35.
5. Небольсин, А. Р. Метафизика Прекрасного. Введение в экологию культуры [Текст] / А. Р. Небольсин. – М.: Паломник, 2003. – 223 с.

Ю. В. Ключев

МОДЕЛИ СЛУЖБЫ МАРКЕТИНГА ДЛЯ МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Для реорганизации и адаптации структуры музейного учреждения к рынку требуется понимание существующих перед конкретным музеем проблем.

Прежде всего, необходимо строить организационную структуру в музейном учреждении, исходя из функций данного конкретного музея, так как именно направление деятельности музея определяет его функции. Исходя из этого, уже формируется структура музея.

Вопрос о пересмотре прежней структуры российских музеев с жестко закрепленными функциями подразделений и обязанностями сотрудников, ориентированных на «спокойную» среду, на сегодняшний день потерял свою актуальность. В современных условиях музеям необходимо создавать такие структуры своих организаций, которые бы функционировали адекватно условиям рыночной экономики. Необходимость совершенствования управления музеями возникла уже давно, оставалось решить, как лучше это сделать [1, с. 62].

Действительно, выбор как совершенствовать управление музеем, очень разнообразен. На наш взгляд, предпочтительнее всего создание службы маркетинга, к тому же проведенные исследования в 2007 году в 42 музеях Кемеровской области подтверждают наш выбор. Мы исходим из того, что структуру музея, как было сказано выше, определяют его функции. Переход музеев к рыночной системе ведет к изменению функций. Особенно это связано с появлением конкуренции и новых ценностей установок общества.

Опыт работы музейных и других учреждений культуры показал, что в экономике с рыночными отношениями только правильный подход в управлении деятельностью приносит им успех.

Изменение социально-экономической ситуации в стране потребовало разработки и проведения новой культурной политики, необходимости введения новых технологий в системе управления культуры и, в том числе, музеями.

Сегодня службы маркетинга могут быть организованы на разных основаниях. Все зависит от позиции руководства музея и целей, которые ставятся перед ним.

На современном этапе существует множество моделей построения служб маркетинга. Однако, на наш взгляд, только три организационные структуры (модели) могут быть реализованы при построении службы маркетинга в музеях Кемеровской области: функциональная, матричная и проектная.

Самой распространенной схемой является функциональная организация службы маркетинга. В этом случае специалисты по маркетингу руководят разными видами (функциями) маркетинговой деятельности. Они подчиняются заведующему отделом маркетинга, который координирует их работу. Основным достоинством функциональной организации является простота управления [2, с. 128]. Для реализации службы маркетинга в музеях на основе функциональной организации потребуются значитель-

ные ресурсы, которые в настоящее время есть не у каждого музея. Данная служба сможет функционировать только при наличии всех необходимых для этого ресурсов (человеческих и материальных).

Таким образом, к достоинству данной структуры можно отнести простоту функционирования, а к недостатку – ее дороговизну.

На основании проведенных нами исследований и статистики мы вправе заключить, что сейчас музеи Кемеровской области не готовы для создания службы маркетинга как самостоятельной структуры (функциональной структуры управления) из-за ограниченности ресурсов (финансовых и др.), поэтому мы предлагаем два альтернативных варианта, которые могут стать промежуточными этапами на пути построения функциональной службы маркетинга.

В качестве первого альтернативного варианта создания «виртуальной» службы маркетинга мы предлагаем организацию службы маркетинга на основе матричной структуры управления, так как она не требует существенных финансовых вливаний.

Матричная структура управления наиболее логична и широко распространена в настоящее время (в том числе и в России) [3, с. 166].

Данная структура обеспечивает четкое разделение управленческой и профессиональной ответственности. Эта система имеет преимущества с точки зрения достижения целей, четкости функций руководителя и исполнителя. Соотношения управленческих и профессиональных потребностей, устанавливаемых матричной организацией, представляет компромисс, гарантирующий энергичное следование целям и одновременно соблюдение интересов большей части персонала. В рамках матричной организации в выполнение работы легко вовлекаются другие службы музея. Отдельные специалисты, работая в рамках одной комплексной «команды», преследуют конкретные и осязаемые цели. Будучи специалистами в своих дисциплинах, такие работники приобретают более высокий статус в «междисциплинарной команде». Вместе с тем они сохраняют связь со своей дисциплиной и не теряют возможности обращаться к руководителю специализированного подразделения по профессиональным вопросам. Так как большинство специалистов любят работать над конкретными задачами, матричная организация отдела маркетинга хорошо воспринимается персоналом, также матричный принцип самый низкозатратный, что очень хорошо для администрации музеев с их ограниченными ресурсами. Поэтому внедрение службы маркетинга на основе матричной организации можно использовать как промежуточную ступень к со-

зданию службы маркетинга. Для функционирования службы маркетинга в музее по матричной системе управления, с целью минимизации затрат ресурсов, достаточно привлечь одного специалиста в области музейного маркетинга для координирования деятельности данной службы.

Матричная организация службы маркетинга – это всего лишь небольшая часть всех возможных взаимосвязей между сотрудниками разных отделов музея. Например, разработкой рекламы могут сообща заниматься сотрудники научно-исследовательского, реставрационного и издательского отделов. А именно, каждый из них может осуществлять свое направление: выбрать наиболее оптимальное средство представления рекламы (щитовую, телевизионную, рекламу на радио, на продуктах питания, ручках и т. д.); разработать макет рекламы (этим мог бы заняться художник реставрационного отдела); разработать слоган или небольшое обращение к аудитории (это задание можно поручить поэту из издательского отдела и научному сотруднику из научно-исследовательского отдела; редакцией займется, соответственно, редактор издательского отдела) и т. п.

Формирование матричной структуры службы маркетинга и подбор кадров в музеях Кемеровской области можно осуществлять по принципу – шесть сотрудников из семи являются сотрудниками самого музейного учреждения, которые помимо своих основных обязанностей дополнительно занимаются и новыми обязанностями, связанными с маркетингом. Только один сотрудник является специалистом в области маркетинга, у которого главная задача – планировать, координировать и декодировать маркетинговые усилия шести сотрудников (не специалистов в этой области, но имеющих желание и определенные способности).

Другим вариантом создания службы маркетинга в музеях Кемеровской области является проектная организация, так как она тоже не требует существенных финансовых вливаний.

Реализация проектного управления в таком случае осуществляется, например, путем создания рабочих групп. Управление проектом осуществляется одним-двумя ведущими специалистами, частично занятыми управлением проектом, или, как мы рекомендуем, можно привлечь специалиста в области музейного маркетинга (заместителя директора по маркетингу), который бы курировал только данные проекты. Рабочая группа состоит из представителей функциональных структур, принимающих участие в реализации проекта. Основной функцией управления проектом в данном случае является координация взаимодействий участников проекта и дополнительный контроль основных параметров проекта. Контроль и управление осуществляются на основе совещаний, встреч, советов и т. д.

Достоинства такой структуры заключаются в следующем:

- возможность использования специалистов с узкой и одновременно глубокой профессиональной подготовкой;
- отсутствие необходимости содержания специального штата управления проектом;
- и, как следствие, незначительное увеличение расходов на содержание аппарата управления музейным учреждением в целом [2, с. 134].

Недостатки такой структуры связаны с тем, что, как правило, такие рабочие группы решают только технические и технологические аспекты проекта. Решение вопросов, связанных с финансированием, а также вопросов, связанных со стратегическими аспектами реализации проекта, остается за руководством музея. Эффективное планирование и контроль за ходом реализации проекта затруднен, потому что практически все сотрудники, занятые в осуществлении проекта, выполняют также и другие обязанности. Низкая эффективность планирования и реализации контроля над выполнением проектных работ обусловлена «размытостью» персонала, отвечающего за выполнение тех или других отдельных этапов проекта. Другим недостатком такой системы является ее «инерционность». Гибкость системы управления особенно актуальна в настоящее время, когда меняются практически все параметры рынка, начиная от резкого колебания структуры рынка и кончая условиями работ субподрядчиков, поставщиков, контактных аудиторий и т. д. Инерционность проявляется в замедленной реакции на запросы рынка, действия конкурентов и т. д. Инерционность большинство специалистов связывают с медленным прохождением информации по функциональным структурам «снизу вверх» и «сверху вниз», что, в свою очередь, усугубляется влиянием субъективных факторов.

Кроме того, руководители проекта в такой схеме не обладают достаточной властью для обеспечения эффективной реализации проекта.

Однако, учитывая все эти недостатки, которые реально преодолимы в музейном учреждении, достоинства выглядят на порядок выше. Если правильно скоординировать работу между руководством музея и координатором по маркетингу, договориться о времени работы над проектом необходимых сотрудников и линейке подчинения, на наш взгляд, недостатков просто не будет.

В современных условиях построение проектной организации службы маркетинга в музейных учреждениях – это наиболее сбалансированный механизм между дефицитом ресурсов, с одной стороны, и низкой конкурентоспособностью на рынке информационных услуг, с другой стороны [4].

Формирование проектной структуры службы маркетинга и подбор кадров в музеях Кемеровской области полностью повторяет условия (музейные ресурсы), необходимые при построении матричной службы маркетинга. Ее существенной отличительной чертой от предыдущего варианта является не постоянная загрузка сотрудников, а в зависимости от реализуемого проекта, то есть поэтапная. Руководитель «виртуальной» службы маркетинга является фактически администратором маркетинговых проектов. Например, при реализации концепции музейного маркетинга в музейном учреждении первым этапом будет проведение маркетинговых исследований. На этом этапе будут задействованы только два сотрудника. Остальные будут заниматься своими основными обязанностями, возложенными на них должностной инструкцией согласно занимаемой должности по штатному расписанию.

Соответственно после реализации первого этапа сотрудники возвращаются к своим основным обязанностям, и начинается второй этап, в котором принимают участие уже другие работники музея. Такое поэтапное замещение будет происходить до прохождения полного цикла реализации концепции маркетинга в музее. А затем все повторяется вновь.

Отдельным разговором является создание эффективной маркетинговой системы для районных музеев Кемеровской области.

Четверть всех государственных музеев Кемеровской области расположена в районах. Как правило, численность персонала данных музеев не превышает трех-пяти человек. Музеи, расположенные в районах Кемеровской области, очень малы и, в отличие от музеев, находящихся в городах, не обладают теми же ресурсами (финансовыми, материальными, кадровыми и т. д.). Из пятнадцати районов Кемеровской области только двенадцать районов имеют свой музей, и то по одному в каждом районе. Поэтому создание службы маркетинга по рассмотренным выше вариантам среди этой части музеев не представляется возможным.

По этой причине мы предлагаем при департаменте культуры и национальной политики администрации Кемеровской области принять специалиста-маркетолога, который бы занимался продвижением музейных услуг районных музеев населению. Фактически данный специалист выполнял бы роль разработчика и координатора проектов в области музейного маркетинга.

Например, маркетологу (руководителю проектов) необходимо выяснить мнение аудитории относительно деятельности музея. Для этого им разрабатывается анкета, включающая в себя унифицированную часть вопросов, которая подходит для всех районных музеев, и вторую часть,

которая состоит из вопросов, разрабатываемых для конкретного музея с учетом его специфики деятельности. Разработанную маркетологом анкету передают в районные отделы культуры, которые помогают на месте (музеем данного района) проводить исследование. Районные отделы культуры выполняют кураторскую программу, они помогают сотрудникам музеев иметь официальное разрешение на сбор информации у населения с поддержкой от органов милиции (участковыми), если это необходимо в целях безопасности.

Затем полученные проводимым маркетинговым исследованием данные передаются через районные отделы культуры в департамент культуры и национальной политики администрации Кемеровской области, а именно, маркетологу, который анализирует полученную информацию и составляет план (планы) действий по повышению эффективности работы районных музеев.

Предложенная нами система реализации службы маркетинга для музеев, расположенных в районах Кемеровской области, построена на основе функциональной организации, которая не требует больших ресурсов, но существенно поможет повысить эффективность деятельности районных музеев.

Таким образом, для повышения эффективности деятельности музейных учреждений Кемеровской области при наличии дефицита ресурсов нами были предложены различные модели построения службы маркетинга.

Литература

1. Калякина, А. В. Маркетинг в музее. Основные этапы разработки и осуществления маркетинговой политики [Текст] / А. В. Калякина // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2004. – № 2. – С. 60–67.
2. Маркетинг [Текст] / под ред. А. Н. Романова. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1996. – 384 с.
3. Соболева, Е. Маркетинговый подход к управлению музеем [Текст] / Е. Соболева, М. Эпштейн // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. – СПб., 1997. – С. 166–202.
4. Museum Strategy and Marketing: Designing Missions, Building Audiences, Generating Revenue and Resources [Текст] / Kolter, Neil and Kolter, Philip. – San Francisco: Jossey-Bass, 1998.

Раздел 7. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ: ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ

М. В. Терехова

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА БИБЛИОТЕЧНЫХ ПРОЦЕССОВ

Цель данного исследования: разработать инструмент для комплексной оценки качества библиотечных процессов. Этот инструмент должен быть прозрачным и понятным для сотрудников библиотеки (участников процессов), адекватно оценивать их труд, способствовать повышению качества процессов и удовлетворенности потребителей процесса.

Актуальность темы исследования вызвана существенными изменениями в библиотеках: из хранителя фонда книг она превращается в посредника, обеспечивающего доступ к информации. Библиотеки, как и другие организации – провайдеры услуг, должны уметь доказывать, что выделенные им средства используются на выполнение правильно сформулированных целей и задач наиболее эффективным образом, что они представляют услуги высокого качества.

Качество в широком смысле означает соответствие поставленной цели назначению услуги или продукции. Назначение услуги или продукции устанавливается потребителями. Следовательно, качество не является самостоятельным, изолированным стандартом; оно оценивается потребителями в каждой конкретной организации [3].

В стандарте ИСО 9000 качество определяется как «полный набор свойств и характеристик продукта или услуги, которые имеют отношение к способности удовлетворять зафиксированные или подразумеваемые потребности» [2].

В Международном руководстве ИФЛА по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек под управлением качеством подразумеваются примерно следующие позиции [3]:

- определение миссии библиотеки и основной группы пользователей;
- выявление существенных и предполагаемых потребностей пользователей;
- установление долгосрочных целей и краткосрочных задач;
- создание адекватных потребностям услуг;
- предоставление этих услуг на максимально возможном высоком уровне;

- измерение эффективности работы и ее сопоставление с поставленными целями;
- создание условий для постоянного повышения эффективности работы;
- создание атмосферы внимания к потребностям и запросам пользователя и обеспечение высокого уровня качества обслуживания.

В соответствии с идеологией стандартов ИСО необходимым и достаточным условием системы менеджмента качества является наличие в организации структурированных (описанных) и взаимосвязанных процессов.

Каждый процесс в организации, ориентированной на процессный подход, оснащен способами измерения его входов и выходов, промежуточных и конечных результатов деятельности, позволяющих оценивать движение к цели процесса и организации.

В соответствии с требованиями международного стандарта, организация должна [1]:

- 1) определить процессы, их применение во всей организации (процессный подход);
- 2) определить последовательность и взаимодействие этих процессов (системный подход);
- 3) обеспечивать наличие ресурсов, необходимых для поддержки этих процессов и их мониторинга;
- 4) осуществлять мониторинг, измерение и анализ этих процессов;
- 5) принимать меры, необходимые для достижения запланированных результатов и постоянного улучшения этих процессов.

Этапы построения системы менеджмента качества в Научно-медицинской библиотеке Сибирского государственного медицинского университета (НМБ СибГМУ):

- 1) выявление полной системы процессов, ранжирование процессов, построение карты процессов. Назначение владельцев процессов,
- 2) моделирование процессов,
- 3) документирование процессов,
- 4) определение (корректировка) целей и контрольных показателей (индикаторов) процессов,
- 5) управление процессами на основе целей и индикаторов.

1 этап

Технологические процессы НМБ были ранжированы на:

- 1) основные бизнес-процессы, отражающие уставную деятельность библиотеки и подлежащие сертификации по стандарту ИСО 9001:2000 (категория процессов А);

2) основные бизнес-процессы, отражающие инновационную деятельность библиотеки и не подлежащие сертификации (категория процессов В);

3) подпроцессы, детализирующие основные процессы (категория процессов С).

Категория процессов А:

- 1) Комплектование фонда.
- 2) Библиотечная обработка документов и организация СПА.
- 3) Организация фонда.
- 4) Предоставление информационно-библиотечных услуг.

Категория процессов В:

- 1) Формирование БД «MedArt».
- 2) Формирование АБД «Медики России».
- 3) Формирование ПБД «Медицина Томска».
- 4) Авторитетный контроль.
- 5) Организация ОПАС – системы.
- 6) Книгообеспеченность.
- 7) Реализация литературы в киосках «Медицинская книга».
- 8) Формирование БД «Медицинские конференции».

Категория процессов С:

- 1) Импорт аналитических записей.
- 2) Внедрение ПО Cuba-Опас.
- 3) Внедрение конвертора IRBIS/RUSMARC.
- 4) Отчетность по реализации литературы.
- 5) Организация доступа к внешним БД.

2 этап

На данном этапе были построены *графические модели основных процессов*. При построении графических моделей процессов была использована методология функционального моделирования IDEFO, которая в 1993 году принята в качестве федерального стандарта США, а в 2000 году – в качестве руководящего документа по стандартизации в Российской Федерации. В соответствии с методологией IDEFO процесс представляется в виде функционального блока, который преобразует входы в выходы при наличии необходимых ресурсов (механизмов) в управляемых условиях [4].

3 этап

На каждый процесс были составлены документированные процедуры (ДП). ДП представляет собой текстовое описание каждого процесса так, как он реализуется в действительности. В ДП прописано:

- 1) как происходит процесс;
- 2) кто (должность) хозяин процесса;

3) кто (должности) ответственные исполнители процесса (матрица ответственности);

4) какие контрольные показатели регистрируются, какие формы используются для регистрации показателей;

5) кто (должность), в какие сроки проводит мониторинг показателей процесса и анализирует ход процесса;

6) какие документы регламентируют процесс.

ДП совместно с графической моделью являются документами, которые делают процесс полностью прозрачным как с точки зрения технологии, так и с точки зрения управления. Помимо ДП в НМБ разработаны общесистемные ДП, которые описывают управление процессами как системой:

- 1) Управление документацией.
- 2) Управление несоответствиями.
- 3) Корректирующие действия.
- 4) Предупреждающие действия.
- 5) Проведение внутренних аудитов.
- 6) Управление записями по качеству.

Рассмотрим на примере процесса комплектования, из каких показателей складывается оценка качества. Процесс могут характеризовать несколько групп показателей: **показатели процесса, показатели продукта процесса, показатели удовлетворенности клиентов процесса** [5].

Показатели процесса могут быть определены как числовые величины, характеризующие течение самого процесса и затраты на него. Показатели процесса могут быть абсолютными и относительными.

Показатели продукта (услуги) – числовые величины, характеризующие продукт (услугу) как результат выполнения процесса.

Показатели удовлетворенности клиентов процесса – числовые величины, характеризующие степень удовлетворенности потребителя результатами процесса (выходом, услугой и т. д.). При этом следует различать удовлетворенность потребителя выходом процесса и удовлетворенность конечного потребителя полученной продукцией или услугой.

Потребители процесса: студенты, аспиранты и другие категории читателей, которые получают литературу в библиотеке для учебных и научных целей. Формируют эти потребности сотрудники кафедр и подразделений вуза, то есть экспертные лица, в обязанность которых входит мониторинг информационных ресурсов, экспертная оценка библиотечного фонда вуза, создание собственных информационных ресурсов (учебные пособия, учебники, электронные документы и пр.). Эти потребности выражаются в рабочих программах; заявках на комплектование; заявках на издание документов.

Регламентирующие документы процесса

- ГОСТ 7.76-96 Комплектование фонда документов. Библиографирование. Каталогизация.

- Об утверждении минимальных нормативов обеспеченности высших учебных заведений учебной базой в части, касающейся библиотечно-информационных ресурсов. Приказ Минобразования РФ от 11.04.2001 г. № 1623.

- Примерное положение о формировании фондов библиотеки высшего учебного заведения. Приказ Минобразования России от 27.04.2000 г. № 1246. Об утверждении примерного положения о формировании фондов библиотеки высшего учебного заведения.

- Учебная литература, рекомендуемая к использованию в медицинских и фармацевтических вузах: сб. док. / УМО по мед. и фарм. образованию вузов России; МЗ РФ. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2006.

Входящие ресурсы процесса

- Рабочая программа с перечнем рекомендуемой литературы по каждой дисциплине.

- Картотека книгообеспеченности – перечень и количество основной и дополнительной литературы, имеющейся в фонде и рекомендованной для обеспечения учебного процесса по конкретной дисциплине.

- Заявки, которые поступают в библиотеку от подразделений

- Сводка отказов – документ, в котором анализируются причины отказов на документы, числящие в фонде.

Сотрудники кафедры делают экспертную оценку фонда, которая может быть выражена как рекомендации к списанию морально устаревшего документа, выдаче нового документа, приобретению документа. Сотрудники библиотеки делают общий анализ обеспеченности исходя из следующих данных:

- 1) экспертная оценка фонда сотрудниками кафедр;
- 2) анализ относительных показателей (обращаемость, книгообеспеченность, книговыдача, читаемость);
- 3) мониторинг состояния фонда (ветхость, износ);
- 4) учебное расписание;
- 5) новые специальности.

Результаты общего анализа обеспеченности вуза библиотечно-информационными ресурсами выражаются в Тематическом плане комплектования (ТПК). Формируется перспективный ТПК фонда, в котором указаны этапы обновления фонда по конкретным дисциплинам с учетом минимальных нормативов и степени новизны документов, и ТПК на год, который включает название, экзemplарность и общую стоимость доку-

ментов, необходимых для приобретения в фонд в текущем году. ТПК утверждается на центральном методическом совете вуза и является обоснованием статьи расходов на комплектование фонда в общей смете вуза.

Продукт процесса: партия документов, которая поступает в библиотеку по заказу.

Конечный продукт: библиотечный фонд.

Показатели процесса: количество:

- полученных заявок от кафедр университета;
- сформированных заказов для приобретения книг в фонд библиотеки;
- заключенных договоров на поставку литературы;
- выписанных и оформленных счетов на поставку литературы;
- полученных документов в фонд библиотеки;
- средств, затраченных на приобретение документов;
- принятых заявок по подписке на периодические документы;
- сформированных заказов по подписке на периодические документы;
- наименований периодических документов по подписке;
- наименований БД по подписке;
- средств, затраченных на периодические документы по подписке;
- средств, затраченных на БД по подписке;

а также

- цикл процесса (интервал времени от заказа документа до его получения).

Показатели продукта:

- степень новизны основных учебных документов по циклам дисциплин;
- коэффициент обеспеченности дисциплины.

Показатели удовлетворенности пользователей:

- процент удовлетворения заявок по комплектованию фонда.

Индикаторы процесса (оценочные показатели):

- цикл процесса (интервал времени от заказа документа до его получения);
- степень новизны основных учебных документов по циклам дисциплин;
- коэффициент обеспеченности дисциплины.

Выводы:

1. Методы менеджмента качества являются понятным и адекватным инструментом для комплексной оценки качества библиотечных процессов.

2. Методы менеджмента качества являются не только инструментом оценки, а также инструментом повышения качества процессов, соответственно повышения удовлетворенности пользователей.

3. Оценка качества библиотечных процессов – составляющая оценки эффективности работы библиотеки. Оценка качества библиотечных процессов способствует повышению эффективности работы библиотеки.

4. Оценка качества библиотечных процессов возможна при комплексной оценке всех составляющих процесс (ресурсы, потребности, исполнители, продукты, механизмы).

Литература

1. ГОСТ Р ИСО 9001-2001 Системы менеджмента качества. Требования [Текст]. – М.: ИПК Издательство стандартов, 2001. – 26 с.
2. ГОСТ Р ИСО 9004-2001. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности [Текст]. – М.: Госстандарт России, 2001. – 48 с.
3. Полл, Р. Измерение качества работы [Текст] / Р. Полл, П. Бокхорст // Международное руководство по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек. – М.: Логос, 2001. – 152 с.
4. Курьян, А. Г. Описание процессов в рамках системы менеджмента качества на основе методологии функционального моделирования IDEFO [Электронный ресурс] / А. Г. Курьян, П. С. Серенков ; Белорусская гос. политех. академия – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://quality.eup.ru/DOCUM/an_7.html
5. Репин, В. В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов [Текст] / В. В. Репин, В. Г. Елиферов. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2007. – 408 с.

Н. В. Молодцова

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ БИБЛИОТЕКОЙ

Документированная информация в системе управления

Организация работы с документами является важной составной частью процессов управления и принятия управленческих решений, существенно влияющей на оперативность и качество управления.

Документы и документная информация лежат в основе управленческих решений и являются их материальным воплощением, обеспечивают юридической силой и тем самым способствуют их исполнению.

Документы, входящие в систему управления библиотекой любого типа, вида, объема и профиля деятельности, включены в ее документооборот и входят в состав документационного обеспечения управле-

ния (ДОУ). При организации работы документационного обеспечения управления используют сложившуюся к настоящему времени систему руководящих документов – Государственную систему документационного обеспечения управления, ГОСТы, документные материалы типового и ведомственного характера, относящиеся к подзаконным актам. Унификация и стандартизация документов являются основным методом совершенствования содержания и формы документа [7; 9].

В зависимости от служебной роли, выполняемой документом в документообороте и документационном обеспечении управления, в библиотеке применяются почти все известные классификационные системы документации, которые принято называть управленческой документацией. Управленческая документация включает несколько унифицированных систем документации, в совокупности составляющих Общероссийский классификатор управленческой документации. Документы, входящие в одну систему документации, связаны единством целевого назначения и в комплексе обеспечивают документирование той или иной управленческой функции или вида деятельности [7].

Современная мировая библиотечная практика документационного обеспечения управления оперирует достаточно устойчивой системой документов, которые можно рассматривать как минимально и максимально допустимые по номенклатуре. Реально в процессе управления и в документационном обеспечении управления используются документы всех известных типов, видов и разновидностей. Номенклатура этих документов прямо зависит от объема деятельности библиотеки, отчасти от ее типа и вида, формы собственности, ведомственной принадлежности.

Существенный недостаток российских библиотек состоит в том, что библиотеки разных систем и ведомств недостаточно знают основополагающую законодательную и документную базу ДОУ. Также считается, что документационное обеспечение управления библиотеки строится в основном на материале, разработанном научно-методическими центрами соответствующего ведомства [9].

Следует заметить, что в настоящее время в библиотеках сложилось более упрощенное представление о составе типовых классификационных групп документации, применяемой в документационном обеспечении управления.

В управленческой деятельности документ выступает и как предмет труда, и как результат труда, так как принятое решение записывается, закрепляется в документе. Все виды управленческой деятельности выражаются посредством соответствующих документов: планирование – в подготовке различных планов, учет – в виде составления и обработки

статистической, бухгалтерской и технологической документации; руководство – изданием распорядительных документов; организация – организационных документах, инструктирование – в виде инструкций, методических указаний; контроль – путем сбора сведений в письменном виде. Кроме того, документирование во многих случаях является обязательным, предписывается законом и актами государственного управления.

Надежность и качество управления зависят от качества и достоверности, оперативности приема-передачи информации, правильной постановки делопроизводства, четкой организации поиска, хранения и использования документов.

Основными задачами ДООУ являются сокращение информационных потоков до оптимального минимума и упрощение процессов сбора, обработки и передачи информации с помощью новейших технологий автоматизации этих процессов. Документационное обеспечение управления в значительной степени позволяет использовать информационно-технологическую составляющую в работе с документами, при этом трактуется как обеспечивающая функция управления [3; 7].

Актуальность вопроса заключается в обеспечении процессов управления документированной информацией за счет более эффективных технологий ее обработки, при этом включая аналитические компоненты и связь управленческих функций с документами, их обслуживающими.

Регламентирующие документы библиотеки

Современная российская библиотека функционирует в многоаспектном правовом поле, являясь субъектом и объектом правовых отношений. Оптимальная система внутренней правовой регламентации позволяет успешно обеспечивать и предметно осуществлять локальное юридическое регулирование общих принципов деятельности, отдельных направлений и конкретных аспектов работы библиотеки.

Развитие традиционной и новых информационных технологий в библиотеке также требует надежного обеспечения регламентирующей информацией, которая определяет нормы, требования, правила и порядок осуществления библиотечных процессов [2].

Процесс создания, организации и использования регламентирующей информации, необходимой и достаточной для производства в библиотеке информационных продуктов и услуг требуемого ассортимента, качества и количества, определяется как документационное обеспечение библиотечной технологии. Оно осуществляется путем анализа теоретического и методического знания и практического опыта, формулировки требований, правил и рекомендаций и их последующего многократного использования для решения реальных и потенциальных задач.

Библиотеки, используя опыт производственных отраслей, сферы управления, вырабатывают собственную номенклатуру регламентирующих документов, требования к их структуре и содержанию, принципы создания и использования [6].

Формирующийся в каждой библиотеке комплекс внутренней регламентирующей документации объективно состоит из совокупности отдельных взаимосвязанных и взаимодополняющих блоков. Входящие в них документы отражают правовые, организационные и технологические стороны профессиональной деятельности, фиксируют цели, порядок и условия функционирования библиотеки как информационного, образовательного и культурного учреждения.

Совокупность документов, регламентирующих деятельность библиотеки, можно условно дифференцировать по назначению на: организационно-распорядительную документацию, научно-методическую документацию, нормативную документацию, технологическую документацию [2; 6].

Главной функциональной системой документации в документообороте библиотеки является унифицированная система **организационно-распорядительной документации** (ОРД), которая применяется при оформлении документов, обеспечивающих распорядительную и исполнительную деятельность аппарата управления.

Систему ОРД классифицируют на организационно-правовые документы, распорядительные и организационно-справочные документы. К ОРД относится также кадровая документация, государственные правовые акты, государственные стандарты [7].

Научно-методическая документация, в отличие от организационно-распорядительной, носит консультативный, рекомендательный характер, содержит советы по выполнению определенных видов работ, методические решения. Методические издания являются одной из форм воздействия библиотек – методических центров федерального, регионального или ведомственного уровней, – на библиотеки регионов, а также формой активного консультационно-методического влияния внутри отдельной библиотеки.

Нормативная документация также носит рекомендательный характер. Она устанавливает нормы и нормативы на производство информационных продуктов и услуг в библиотеке, то есть содержит заданные количественные параметры производства: его объемов, эффективности, расхода ресурсов, технической оснащенности и других подобных характеристик.

Технологическая документация определяет требования к технологическим процессам и операциям. Технологическую документацию объединяет четкость предписаний, использование формализованных алгоритмов, в ней фиксируются все принятые технологические решения.

В библиотечной сфере не распространено создание типовой технологической документации, основные формы документов заимствованы, поэтому библиотеки самостоятельно разрабатывают документацию в соответствии с принятой технологией в конкретной библиотеке.

Документирование системы менеджмента качества

В системе управления библиотекой в последние годы возрастает роль стандартизации как средства обеспечения качества продуктов и услуг, библиотечного обслуживания, единства измерений, экономии всех видов ресурсов.

Для повышения эффективности и качества предоставления новых услуг необходимо изменить организацию управления библиотекой, систему взаимоотношений между ее подразделениями, а также оптимизировать внутренние и внешние связи, систему ценностей работников, и, соответственно, повысить качество обслуживания пользователей.

Такой формой управления выступает система менеджмента качества (СМК), опирающаяся на основные принципы международного стандарта ИСО 9001:2000 и направленная на применение процессного подхода; для ее создания требуется стратегическое решение организации [1; 4]. Процессный подход предполагает непрерывность управления. Система управления качеством базируется на документировании существующих процессов и выполнении требований, заложенных в документации.

Документация СМК определяет построение, функционирование и улучшение системы; она объединяет все виды регламентирующей документации библиотеки, представленные в любой форме или на любом носителе. Управление документами в СМК – это планирование, обеспечение и управление адекватностью документов, применяемых в системе. Цель – обеспечить гарантированное применение на каждом рабочем месте только актуализированных документов.

Эффективно работающая система содержит несколько уровней документации. Различают: предписывающие документы, которые описывают план и порядок выполнения деятельности или процесса, либо содержат требования к продукции или технологии ее изготовления, испытания, контроля; подтверждающие документы, показывающие степень выполнения установленных требований.

Обязательными внутренними документами СМК являются Политика и цели в области качества, Руководство по качеству, планы качества,

документированные процедуры. Вспомогательные внутренние документы требуются для обеспечения и улучшения качества продукции; к ним относятся рабочие инструкции, технические условия, программы обучения. Документы внешнего происхождения представляют собой государственные и отраслевые стандарты, организационно-распорядительные документы, нормативную и правовую документацию [4].

В результате выстраивается так называемая *пирамида документов СМК*. Описание процессов и операций составляет основу для документирования системы менеджмента качества. Базовый уровень – ОРД, нормативная документация, законодательная база, документы по стратегическому и оперативному планированию. Главный документ системы менеджмента качества – Руководство по качеству, где описывается вся система, – разрабатывается последним и представляет собой описание взаимодействия процессов, включая карту процессов, что позволяет проверить полноту и выполнение всех требований ИСО и жизнестойкость перспективных идей руководства.

Вся документация управляется согласно документированной процедуре «Управление документацией», наличие которой подразумевает: постановку цели – для чего нужна документация, установление плана действий по управлению документами и распределение ответственности, выполнение этих действий, проверку результатов на предмет соответствия требованиям, проведение улучшающих действий [4].

Информационная модель системы управления

Технологический подход к управленческой деятельности позволяет рассматривать документационное обеспечение управления как подсистему управленческой деятельности, а саму деятельность – в качестве подсистемы единой технологической системы библиотеки. При этом управление библиотекой характеризуется как технологический процесс [6].

Процесс управления понимается как непрерывная серия взаимосвязанных управленческих функций. В качестве объекта управления выступают: библиотека и ее структурные подразделения, персонал, информационные ресурсы. Субъектом управления являются администрация библиотеки и коллективный орган управления.

Управление на основе процессов дает возможность точно знать, какое структурное подразделение библиотеки за что отвечает и как каждая операция влияет на конечный результат.

Несомненно, управленческая деятельность в библиотеке основана на переработке данных и производстве выходной информации, что предполагает наличие технологии преобразования исходных данных в результативную информацию. Рассмотрим на примере функции

учета как осуществляется его информационное обеспечение в управленческом процессе.

Система управленческого учета базируется на определенных принципах: непрерывность деятельности библиотеки, использование единых планово-учетных единиц измерения, комплексность, формирование показателей внутренней отчетности, полнота, анализ, периодичность. Управленческий учет как процесс включает: выявление, измерение, сбор, анализ, подготовку, интерпретацию, передачу и прием информации, необходимой руководству библиотеки для выполнения основных функций [8].

Документация, участвующая в процессе учета, здесь расценивается как управляющая информация в совокупности с другими ресурсами, реализующими и обеспечивающими процесс.

Входом может быть потребность в создании или изменении документа, статистические данные. На выходе возникает созданный или измененный, утвержденный и разосланный в должном порядке документ.

Сегодня есть все основания рассматривать информационные технологии как неотъемлемый компонент технологий управленческих. Использование вычислительной техники и информационных технологий в сфере управления открывает возможности более экономичной и рациональной организации информационных процессов, повышения их гибкости и динамичности, расширения диапазона анализируемых факторов при принятии решений и факторов их обоснований.

«Идеальная» информационная система управления должна автоматизировать все или большинство обеспечивающих видов деятельности в рамках единого информационного пространства и во взаимосвязях автоматизируемых функций [3; 5].

Наиболее оптимально использование системы, являющейся частью архитектуры системы комплексной автоматизации библиотеки, что подразумевает применение совместных технологий автоматизации управления и документооборота.

Внедрение такой системы в библиотеке позволит оптимизировать деятельность библиотеки в целом, получать аналитическую информацию для использования и принятия важных управленческих решений.

Литература

1. ГОСТ ИСО 9001-2001 Системы менеджмента качества. Требования [Текст]. – М.: Издательство стандартов, 2001. – 26 с.
2. Клюев, В. Система локальной правовой регламентации деятельности библиотеки [Текст] / В. Клюев // АиФ. Новая Библиотека. – 2004. – № 5. – С. 38–39.

3. Ларин, М. В. Проблемы совершенствования документационного обеспечения управления в современных условиях [Текст] / М. В. Ларин // Экономика и жизнь. – 2002. – № 11. – С. 6–9.
4. Маликова, М. В. Управление документацией системы менеджмента качества [Текст] / М. В. Маликова // Технологии качества жизни. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 45–64.
5. Моисеева, М. Документооборот: два в одном [Текст] / М. Моисеева // Открытые системы. – 2002. – № 10. – С. 33–35.
6. Пилко, И. С. Основы библиотечной технологии: учеб.-метод. пособие [Текст] / И. С. Пилко. – М.: Профиздат, 2003. – 175 с.
7. Санкина, Л. В. Делопроизводство [Текст]: практ. пособие / Л. В. Санкина. – М.: МЦФЭР, 2002. – 288 с.
8. Суслowa, И. М. Управленческий учет в библиотеке [Текст]: учеб. пособие / И. М. Суслowa, Т. Л. Манилова. – М.: Профиздат, 2001. – 128 с.
9. Управление библиотекой [Текст]: учеб.-практ. пособие / А. С. Аверьянов, А. Н. Ванеев, В. Г. Горев. – СПб.: Профессия, 2002. – 302 с.

Н. А. Мешечак

АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ «СВОДНОГО КАТАЛОГА ПЕРИОДИКИ И АНАЛИТИКИ ПО МЕДИЦИНЕ»

Введение

Корпоративный проект «Сводный каталог периодики и аналитической росписи по медицине» (сводный каталог) существует с марта 2003 года и объединяет 15 медицинских библиотек России и ближнего зарубежья различной ведомственной принадлежности (по состоянию на март 2008 года) [1].

Сводный каталог изначально строился как открытая система для всех категорий пользователей [2]. В Интернете сводный каталог размещен с сентября 2006 года. Доступ к нему организован через открытый поисковый интерфейс [3].

Для использования сводного каталога в локальном режиме с 2005 года реализуется коммерческое приложение проекта БД «MedArt». База данных выпускается на CD-ROM носителе и ориентирована на пользователей, не имеющих возможности работать с ресурсом в режиме удаленного доступа. Библиотекам – участникам проекта – база данных «MedArt» передается безвозмездно [1].

Поскольку основная цель проекта – обеспечить пользователей медицинской информацией, важным критерием эффективности работы библиотеки в проекте является *востребованность* его результатов у конечного пользователя.

В данной статье будут рассмотрены статистические отчеты, касающиеся востребованности сводного каталога в следующих аспектах:

- обращаемость к сайту сводного каталога через Интернет;
- обращаемость к БД «MedArt»;
- рейтинг сайта сводного каталога в сети Интернет;
- анализ статистики услуг МБА/ЭДД.

Обращаемость к сайту сводного каталога через Интернет

Для анализа обращаемости к сводному каталогу в удаленном режиме была использована статистика за год в период с 03.2007 по 02.2008, созданная с помощью программы *Awstats* [4]. Программа располагает множеством критериев для анализа. Рассмотрим лишь некоторые статистические данные, касающиеся темы статьи.

Так, общее количество визитов в течение заданного промежутка времени составило 247031. Таким образом, в среднем сайт посещают 676 пользователей в день. Количество уникальных посетителей – 187 682, что составляет 75 % от общего числа визитов. Общее количество просмотренных страниц составило 1 383 006, то есть в среднем за один визит просматривается около 5 страниц. Объем просмотренной информации за один год составил 10 Гб.

Статистика по доменам показывает, что самыми активными являются пользователи России (25,4 %) и русскоязычных стран: Беларуси, Украины, Узбекистана, Казахстана и т. д. Полный список составляет 40 стран.

Анализ статистики по времени суток показал, что обращения к сайту идут круглосуточно, активность посещений значительно снижается с 05.00–09.00 по местному времени. Из чего можно сделать вывод о том, что основные визиты на сайт приходятся на западную часть России. Возможно, это объясняется более высокой степенью компьютеризации этой части страны.

Анализ продолжительности визитов позволяет разбить всех пользователей на несколько категорий. Так, 59,2 % пользователей можно отнести к «случайным», их визит на сайт занимает от 0 до 30 секунд. К «заинтересованным» пользователям можно отнести тех, кто работает с сайтом от 30 секунд до 30 минут, – это 38,1 % от всех посещений. Работа со сводным каталогом свыше 30 минут вероятнее всего осуществляется «роботами», индексирующими сайт (2,7 %). Таким образом, данный статистический отчет позволяет оценить количество реальных пользователей сводного каталога.

Обращаемость к БД «MedArt»

На сегодняшний день БД «MedArt» установлена в 31 медицинской библиотеке России, 1 – Беларуси и 1 – Узбекистана. По типу ведомствен-

ной принадлежности это: 5 республиканских библиотек, 17 – вузовских, 6 – областных, 1 – краевая, 2 – больничных. Количество обращений к БД «MedArt» в этих библиотеках различно и зависит от уровня технического оснащения и статуса. Если принять за среднее количество обращений в год статистические данные НМБ СибГМУ (5000), то общая цифра по всем библиотекам составит 165000 обращений в год или 452 – в день.

Таким образом, общее число обращений к сводному каталогу в сети Интернет и к БД «MedArt» составляет **412031** – в год, или **1129** – в день.

Учитывая, что ресурс является библиографической базой данных, а не развлекательным порталом, и активно распространяется в течение двух лет, можно сказать, что он достаточно востребован у пользователей-медиков.

Рейтинг сайта сводного каталога в Интернет

Рейтинг сводного каталога в Интернет показывает, насколько активно его содержание индексируется поисковыми машинами, от чего напрямую зависит его посещаемость потенциальными пользователями. Для определения рейтинга также была использована статистика за год в период с 03.2007 по 02.2008, созданная с помощью программы *Awstats*.

Рейтинг страниц сайта

Анализ обращаемости к страницам сайта показал, что больше всего просмотров приходится на страницу «Результаты поиска» (84 %), это происходит в том случае, когда пользователь минует поисковые формы запроса сайта и выходит на «Результаты поиска» из поисковой машины Интернета. Этот факт также подтверждает и параметр «Вхождение» – в 98 % случаях вход на сайт осуществляется сразу на страницу «Результаты поиска». Лишь 14,4 % посетителей используют стандартные поисковые формы запроса сайта сводного каталога, авторитетный поиск – 0,8 %. Вхождения на сайт по прямому адресу (главная/поиск) составляют всего 1,5 %. Параметр «Выход» показывает, что в 95,7 % случаях пользователь уходит сайта также со страницы «Результаты поиска». Страницу со справочной информацией просмотрели 0,14 % посетителей.

Соединение с сайтом

Отчет «Соединение с сайтом» показал, что основная масса соединений идет из прямого адреса/закладок пользователей (64 %), 29,4 % – выход на страницы сайта по ссылкам из поисковых машин и в 6,6 % случаях соединение с сайтом происходит по ссылке с других сайтов (помимо поисковых систем).

На протяжении всего года самой активной поисковой машиной, индексирующей сводный каталог, является Yandex (около 95 % ссылок), что подтверждается и рейтингом сайта в Yandex, о котором написано ниже.

Поисковые ключевые фразы

Статистика по поисковым запросам и ключевым словам, показывает, в каком случае поисковые машины направляют пользователей к нашему сайту [5]. К самым популярным поисковым фразам и словам за рассматриваемый период можно отнести: «лямблии», «эозинофилы», «*medart*» и «сводный каталог». Из чего можно сделать вывод, что поисковыми машинами достаточно точно проиндексированы как содержание сайта, так и его описание (назначение).

Рейтинг в поисковых машинах

При определении рейтинга сводного каталога в поисковых машинах были проанализированы три поисковых запроса, определяющих назначение и контент сайта. Для анализа использовались поисковые машины: Google, Yandex, Rambler, Mail, YaHoo. На запрос «сводный каталог периодики» в Google, Yandex, Rambler, Mail сайт занимает 1-е место, в YaHoo – 4-е место. На запрос «*medart*» худший результат в Google – 18-е место, в YaHoo – 14-е место, в Yandex и Mail – 2-е место, в Rambler – 1-е место. На запрос «база данных *medart*», в Google первые 13 ссылок касаются данного проекта, в Yandex и Mail – первые 7 ссылок, Rambler – первые 16 ссылок, YaHoo – первые 8 ссылок (ссылки на сам ресурс, на публикации о нем и т. д., дата поиска 7 марта 2008 года).

Можно сказать, что рейтинг в рассмотренных поисковых машинах у сайта довольно высокий, учитывая, что по первому запросу идет конкуренция с библиотечными сайтами схожих проектов, а по второму и третьему – с медицинскими организациями и базами данных, имеющими такое же название. Все приведенные результаты были достигнуты за полгода работы сайта сводного каталога в Интернет.

Анализ статистики услуг МБА/ЭДД

Сводный каталог является «инструментом» для формирования заказа на полный текст статьи из медицинских сборников или журналов. Поэтому статистика работы сектора МБА/ЭДД (на примере НМБ СибГМУ) также является «индикатором спроса» на данный ресурс [6]. Рассмотрим основные показатели работы сектора в динамике за 2003–2007 годы.

За рассматриваемый период число библиотек-абонентов выросло на 50 %, а библиотек-фондодержателей увеличилось в 4,8 раза. Эти показатели напрямую зависят от роста числа партнеров проекта «Сводный каталог периодики и аналитики по медицине». Также, на 24 % выросло число индивидуальных пользователей – абонентов МБА/ЭДД, что объясняется оперативностью выполнения заказа, срок доставки полного текста статьи не более 1–2 дней. Соответственно в 3,3 раза выросло и количе-

ство поступивших запросов от всех категорий пользователей. Доля ЭДД от общего количества выполненных запросов возросла в 82 раза и составила в 2007 году – 56 %. За счет роста количества запросов доходы библиотеки, получаемые за услуги МБА/ЭДД, возросли примерно в 5 раз.

Заключение

Таким образом, анализ статистики обращаемости к сводному каталогу в удаленном и локальном режимах подтверждает, что он активно используется в научной медицинской среде.

Исследование рейтинга сайта сводного каталога показало, что за полтора года его работы были заняты высокие позиции в большинстве поисковых машин Интернета.

Многokратно возросший спрос на услуги МБА/ЭДД в отдельно взятой библиотеке проекта (НМБ СибГМУ) свидетельствует о высокой степени использования сводного каталога при обслуживании пользователей.

Литература

1. Мешечак, Н. А. Проект создания сводного каталога периодики и аналитической росписи по медицине [Электронный ресурс] / Н. А. Мешечак // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: доклады и тез. докладов. – М.: ГПНТБ России, 2005. – 1 CD-ROM.
2. Мешечак, Н. А. Сводный каталог периодики и аналитической росписи по медицине. Удаленный доступ в информационном режиме [Электронный ресурс] / Н. А. Мешечак, О. С. Колобов, Л. А. Шамардина // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек» «LIBCOM – 2005»: сборник трудов научно-практической конференции. – М.: ГПНТБ России, 2006. – 1 CD-ROM.
3. Сводный каталог аналитики и периодики по медицине [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://ucm.sibtechcenter.ru/> (10.03.2008)
4. AWStats official web site [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://awstats.sourceforge.net/> (10.03.2008)
5. Котова, И. В. Анализ использования ресурсов WWW-сервера Научно-технической библиотеки Томского политехнического университета [Электронный ресурс] / И. В. Котова, Н. Т. Чуприкова, Ф. Е. Татарский // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: доклады и тез. докладов. – М.: ГПНТБ России, 2004. – 1 CD-ROM
6. Сидорова, Е. В. МБАи ЭДД в проекте «Сводный каталог периодики и аналитики по медицине» [Электронный ресурс] / Е. В. Сидорова // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек: материалы конф. «LIBCOM-2007». – Электрон. текстовые дан. – М.: ГПНТБ России, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска. – ISBN 978-5-85638-120-6. – № гос. регистрации 0320702219.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ДЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ

Известно, что человечество шагнуло в эру информационных технологий, и общество приобрело статус информационного. Сегодня автоматизация затронула практически все стороны человеческой деятельности. Все чаще люди стали предпочитать использовать электронные носители информации. Это связано, прежде всего, с тем, что работа с такими носителями намного удобнее, нежели с традиционными. И для того, чтобы человек мог с ними свободно и профессионально работать, нужно уже с малых лет прививать ему это умение. Поэтому именно детские библиотеки должны оказывать положительное влияние на детей в освоении компьютерной грамотности и мотивировать у них интерес к изучению информационной культуры. Это становится первоочередной задачей работника детской библиотеки [9, с. 1].

«**Электронные ресурсы (ЭР)**, согласно ГОСТ 7.82–2001, определяются как электронные данные (информация в виде чисел, букв, символов или их комбинаций), электронные программы (наборы операторов и подпрограмм, обеспечивающих выполнение определенных задач, включая обработку данных) или сочетание этих видов в одном ЭР. В зависимости от режима доступа различают ЭР локального доступа и ЭР удаленного доступа» [2, с. 1].

Анализ читательских запросов пользователей позволяет наметить определенные требования, выдвигаемые к созданию ЭР: информативность, оперативность, доступность различным возрастным категориям читателей, многоаспектность поиска. Выполнение этих требований помогает направить процесс общения ребенка с компьютером в правильном русле. Работники библиотеки должны приложить все усилия, чтобы компьютер не был для ребенка лишь развлечением. Работа ребенка на компьютере должна быть связана с процессом мышления, поиском информации в образовательных целях.

Как показывает опыт, при работе с компьютером у современных детей проблемы технического характера отсутствуют. Задачей библиотеки является не только создание и обеспечение возможности доступа читателей к информационным ресурсам, но и воспитание информационной культуры, превращение библиотеки в центр интеллектуального развития ребенка.

В детских библиотеках России это достигается различными формами работы: от индивидуальных и групповых занятий по воспитанию библиографической компьютерной грамотности до внедрения целевых комплексных программ. Это и организация тематических полок («Компьютеризация: шаг за шагом»), проведение бесед («Как компьютер появился на свет», «Профессии компьютера»), осуществление комплекса мероприятий по реализации целевых программ («В мир книги – через компьютер», «Дети и компьютер»). Использование компьютерных технологий помогает также воспитанию у детей эстетического вкуса. Так, благодаря их внедрению, сотрудники детских библиотек вводят ребят в многоликий, чудесный мир искусства. Воспитание информационной культуры проходит на занятиях кружка «В мир искусства с компьютером», где с помощью мультимедийных средств можно получить информацию по изобразительному искусству, послушать классическую и современную музыку, просмотреть фрагменты театральных и киношедевров. Обучающим стимулом для участников занятий служат компьютерные тесты, которые дают возможность проверить полученные знания [1, с. 2].

Анализ эксплуатации ЭР проведен на базе детских библиотек города Кемерово: Кемеровской областной юношеской библиотеке, Областной детской библиотеке им. А. П. Гайдара, а также в библиотеках «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово.

В ходе изучения отчетной документации библиотек [3–8], «Тетради учета выполненных справок», опросов специалистов библиотек были получены следующие результаты.

Во-первых, фонды электронных изданий составляют на начало 2008 года: Кемеровская областная юношеская библиотека – 423 экземпляра; Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара – 511 экземпляров; библиотеки «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово – 763 экземпляра. При этом возросла книговыдача электронных ресурсов, которая составила: Кемеровская областная юношеская библиотека – 78 экземпляров; Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара – 184 экземпляра; библиотеки «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово – 360 экземпляров.

Во-вторых, количество посещений компьютерных читальных залов в 2007 году выросло по сравнению с 2006 годом в среднем по всем библиотекам на 60 % и составило: Кемеровская областная юношеская библиотека – 8814 посещений; Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара – 7939 посещений; библиотеки «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово – 9674 посещения.

Сегодня одним из основных направлений в развитии детских библиотек города является усовершенствование работы с ЭР. Так, например, в Кемеровской областной юношеской библиотеке, Областной детской библиотеке им. А. П. Гайдара и в пяти библиотеках «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово имеются компьютерные читальные залы с возможностью выхода в Интернет. В пяти филиалах «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово открыты компьютерные читальные залы, четыре из которых имеют выход в Интернет. До конца года предполагается открытие компьютерных читальных залов во всех десяти филиалах, а также подключение их к сети Интернет. В 2008 году намечено открытие молодежной электронной библиотеки в составе «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово, в фонде которой основное место займут электронные издания.

В-третьих, детские библиотеки используют следующие виды ЭР.

ЭР локального доступа, среди которых необходимо отметить:

1) библиографические:

- электронные каталоги;
- тематические базы данных, например, (Дети и право);
- базы данных новых поступлений;
- БД «Межрегиональная аналитическая роспись статей» (ведется в Кемеровской областной юношеской библиотеке и Детской центральной городской библиотеке им. А. М. Береснева).

2) фактографические:

- адресные («Улицы города Кемерово»);
- краеведческие («Календарь знаменательных и памятных дат», «Мой город»);
- словари («Словарь иностранных терминов», «Русский толковый словарь», «Словарь по информатике» и др.).

3) полнотекстовые:

- издания библиотеки (сценарии, программы, методические материалы);
- энциклопедии («Энциклопедия русской живописи», энциклопедия «Кошки», и т. д.);
- хрестоматии, подборки электронных библиотек («Библиотека в кармане»);
- электронные журналы («Вопросы психологии»);
- электронные учебники на CD-ROM (учебные пособия по различным предметам), азбуки («Азбука Интернет», «Азбука Windows XP»);
- правовые БД («Консультант Плюс», «Законодательство России»).

За 2007 год выполнено запросов по правовым базам данных: Кемеровская областная юношеская библиотека – 1567; Детская централизованная библиотечная система г. Кемерово – 1742, Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара – 2078 запросов.

4) игровые обучающие программы:

- игры на сообразительность («Учимся мыслить» «Учимся анализировать» и др.);

- интерактивные энциклопедии («Интерактивная энциклопедия по Химии»);

- тренажеры;

- анимированные репетиторы по иностранным языкам.

5) музыкальные и видеоматериалы на компакт-дисках:

- художественные фильмы;

- документальные фильмы;

- музыка;

- аудиокниги.

Анализ показал, что БД на CD-ROM не пользуются спросом у детей и подростков. При этом специалисты выделяют три основные причины невостребованности данного вида ЭР, а именно: недостаточная оперативность поиска по сравнению с аналогичным поиском в Интернет; слабое техническое оснащение библиотек, низкое качество информационных продуктов CD-ROM.

ЭР удаленного доступа

Особенной популярностью среди пользователей детских библиотек различных возрастных категорий пользуются ресурсы сети Интернет.

Интернет-ресурсы в детских библиотеках используются при:

- справочно-библиографическом обслуживании. Так, например, выполнение справок с помощью ресурсов Интернет за год возросло в среднем в 8 раз и составило 1500 запросов. Детские библиотеки являются участниками проекта «Всероссийская виртуальная справка». На сайтах Областной детской библиотеки им. А. П. Гайдара и Кемеровской областной юношеской библиотеки организована работа виртуальных справочных служб;

- комплектовании фондов библиотек;

- организации массовой работы библиотек (для подготовки массовых мероприятий);

- обучении и организации досуга детей и подростков.

Дети используют ресурсы сети, прежде всего, в учебных (скачивают информацию для рефератов и докладов) и развлекательных целях (чаты, клиенты обмена мгновенными сообщениями, сайты кумиров).

Детские библиотеки не только активно используют ресурсы Интернет, созданные другими учреждениями, но и являются сами создателями сетевых электронных ресурсов. На сайтах детских библиотек представлены следующие электронные ресурсы:

- электронный каталог (представлен только на сайте «Детской централизованной библиотечной системы» г. Кемерово);
- библиографические базы данных новых поступлений;
- архивы новостей;
- календари знаменательных и памятных дат;
- путеводители по ресурсам Интернет для детей и юношества и др.

При анализе использования ЭР детскими библиотеками г. Кемерово выявлен ряд проблем, а именно:

- недостаточный ассортимент электронных ресурсов для детей;
- низкое качество предлагаемой электронной продукции;
- при заказе электронных версий журналов приходится выписывать параллельно печатный вариант, так как электронная копия выходит намного позже печатной версии;
- невостребованность ресурсов на CD-ROM;
- слабое техническое оснащение библиотек;
- отсутствие единой виртуальной библиотечной сети детских библиотек, для более тесного сотрудничества;
- ограниченность состава электронных ресурсов, представленных на сайтах детских библиотек;
- низкое качество Интернет-ресурсов детской тематики;
- отсутствие правил безопасной работы в сети для детей и др.

Подводя итог всему вышесказанному, мы видим, что детские библиотеки активно используют в своей работе ЭР различных видов, при этом самыми востребованными на сегодняшний день являются ресурсы сети Интернет. Однако в библиотеках имеется ряд нерешенных проблем, связанных с комплектованием, созданием и использованием электронных ресурсов.

Дальнейшее исследование связано с анализом и определением основного состава электронных ресурсов, представленных на сайтах детских библиотек; с разработкой концепции безопасной работы во «Всемирной паутине», а также фильтрации доступа к нежелательным ресурсам; с формированием критериев отбора электронных ресурсов детской тематики.

Литература

1. Базиленко, И. И. Собственные электронные ресурсы детской библиотеки, как инструмент формирования информационной культуры читателей [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kemlib.ru/infocentre/infocentre.htm>

- ронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (162458 bytes). – М.: ГПНТБ РФ, 2007. – Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2007/cd/23.pdf>. Monday, 11 February 2008 15:26:17
2. Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (12065 bytes). – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/milchin/article/mil/mil-2481.htm>. Sunday, 10 February 2008 12:12:42
 3. Отчет Государственного учреждения культуры «Кемеровская областная юношеская библиотека» за 2006 год [Текст] / ГУК «Кемеровская областная юношеская библиотека». – Кемерово, 2006. – 186 с.
 4. Отчет Государственного учреждения культуры «Кемеровская областная юношеская библиотека» за 2007 год [Текст] / ГУК «Кемеровская областная юношеская библиотека». – Кемерово, 2007. – 217 с.
 5. Отчет Государственного учреждения культуры «Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара» за 2006 год [Текст] / ГУК «Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара». – Кемерово, 2006. – 234 с.
 6. Отчет Государственного учреждения культуры «Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара» за 2007 год [Текст] / ГУК «Областная детская библиотека им. А. П. Гайдара». – Кемерово, 2007. – 128 с.
 7. Отчет Муниципального учреждения культуры «Детская централизованная библиотечная система» г. Кемерово за 2006 год [Текст] / МУК «Детская ЦБС» г. Кемерово. – Кемерово, 2006. – 182 с.
 8. Отчет Муниципального учреждения культуры «Детская централизованная библиотечная система» г. Кемерово за 2007 год [Текст] / МУК «Детская ЦБС» г. Кемерово. – Кемерово, 2007. – 152 с.
 9. Щукина, Т. Г. Электронные продукты библиотеки для детей [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые данные (184320 bytes). – М.: ГПНТБ РФ, 2007. – Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2007/cd/88.pdf>. Monday, 12 February 2008 12:35:06

А. И. Васильева

САЙТЫ ШКОЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК В ЗЕРКАЛЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Становление информационного общества и общества знаний – один из важнейших процессов, протекающих в современном мире. И в природе, и в человеческом обществе с невероятной скоростью происходят изменения, которые превращают информацию в важнейший ресурс развития современной цивилизации [1, с. 23].

И в этом свете именно библиотеки, как общедоступные хранилища информации, выступают основной опорой и поддержкой в развитии информационной культуры и грамотности современного человека.

В эпоху динамического развития и повсеместного применения всемирной сети Интернет современная библиотека – это **информационный автоматизированный центр**, обслуживающий потребителей в локальном и удаленном режимах с использованием новых информационно-коммуникационных технологий, это генератор собственных баз данных и комплекса автоматизированных библиотечных услуг [4, с. 19].

Особая роль принадлежит библиотеке образовательного учреждения. Это структурное подразделение, которое помимо организации информационного обслуживания учащихся и педагогов, является культурно-просветительским и научно-вспомогательным социальным институтом, обеспечивающим аккумуляцию и общедоступность документально-информационных ресурсов, которые содержат и хранят знания, накопленные в процессе развития человечества, и содействует развитию интеллектуального и культурного потенциала.

И в условиях современного повсеместного распространения процессов информатизации и автоматизации главной целью школьной библиотеки становится: вооружение учащихся навыками работы с информацией с целью обеспечения возможности беспрепятственного поиска и использования такого рода ресурсов в дальнейшей жизни.

Необходимость формирования информационной культуры учащихся, участие в образовательном процессе обязывают школьную библиотеку выполнять следующие функции:

- *образовательную функцию*, заключающуюся в формировании библиотечного фонда школы в соответствии с образовательными программами общеобразовательного учреждения. Библиотека комплектует универсальный по отраслевому составу фонд: учебной, художественной, справочной, научно-популярной литературы, периодических изданий для учащихся; научно-педагогической, методической, справочной литературы, периодических изданий для педагогических работников;

- *культурную функцию*, которая заключается в библиотечно-информационном обслуживании с учетом специфики региона, района, учебного заведения и запросов читателей. Отдельные библиотеки могут выполнять функции специализированных центров: центров общения, релаксации, психологической поддержки и других; также школьная библиотека может проводить с учащимися занятия по воспитанию культуры и творческому чтению. И помимо всего этого, школьные библиотеки занимаются проведением факультативных занятий, уроков и кружков;

- *информационную функцию*. Фонд библиотеки состоит из книг, периодических изданий, брошюр, нетрадиционных носителей информации: аудио-, видео-, оптических дисков, микрофильмов и др. Состав

фонда, его экзemplярность варьируются в зависимости от типа общеобразовательного учреждения, контингента учащихся, специфики обучения (при необходимости фонд может комплектоваться литературой на языках народов Российской Федерации и даже на иностранных языках). И в связи с объемами информации и разнообразием источников, работники школьной библиотеки проводят консультирование читателей при поиске информации и выборе источника [4, с. 48].

Однако особенный статус школьной библиотеки (то есть работа с детьми и подростками) определяет ее специфические функции:

- *воспитательную и функцию формирования информационной культуры личности*, которые заключаются в положительном воздействии на становление индивидуальности юного читателя и привитие библиотечно-информационных знаний, навыков и умения поиска информации.

Для обеспечения данных функций школьная библиотека должна выполнять следующие задачи:

- **обеспечение учебно-воспитательного процесса и самообразования** путем библиотечного и информационно-библиографического обслуживания учащихся, педагогов и других категорий читателей;

- **формирование у читателей навыков независимого библиотечного пользователя:** обучение пользованию книгой и другими носителями информации, поиску, отбору и критической оценке информации;

- **совершенствование традиционных и освоение новых библиотечных технологий.** Расширение ассортимента библиотечно-информационных услуг, повышение их качества на основе использования оргтехники и компьютеризации библиотечно-информационных процессов.

Однако для выполнения функций и решения задач в настоящее время школьная библиотека должна использовать информационно-коммуникационные технологии, и в том числе собственные **web-сайты**.

Для получения общей картины представления ресурсов и услуг школьных библиотек различных регионов РФ в Интернет, нами был проведен анализ сайтов, результаты которого приведены ниже.

1. Первый этап исследования – отбор Интернет-ресурсов для анализа. Сейчас на информационно-справочном портале «Library. ru», который создан и ведется специалистами Межрегиональной ассоциации деловых библиотек и Российской государственной юношеской библиотеки при поддержке Министерства культуры, в разделе «Школьные библиотеки» представлено 29 ссылок, из которых полноценно работают – 18 (62,06 %) [3].

2. Определение позиционируемых видов средних образовательных заведений. К числу *образовательных учреждений*, выставивших свои

сайты в Интернет, относятся: 12 гимназий (66,6 %), 4 средних общеобразовательных школы (22,2 %), 2 лицея (11,1 %).

3. Далее территориальное сопоставление. *Территориально web-ресурсы* распределились следующим образом: 12 сайтов – Сибирский округ (66,6 %); Средняя полоса России представлена 3 сайтами (16,6 %); 2 сайта европейской части России (Москва, Санкт-Петербург) (11,1 %); 1 сайт представляет Юг России (5,5 %).

4. На данном этапе был проведен анализ *функциональных характеристик сайтов* с целью определения видов и уровня предоставляемых пользователю сервисов. Ниже приведены результаты анализа:

- информация для обеспечения обратной связи (это адреса, телефоны, факсы, а также форумы и гостевые книги) представлена практически на всех сайтах (83,3 %),

- 70 % сайтов предоставляют сведения о дополнительной информации (это различные ссылки на сайты, или традиционные источники),

- 4 сайта имеют копирайт (22,2 %),

- на 3 ресурсах представлена карта сайта, которая значительно упрощает навигацию пользователя по ресурсу (16,6 %),

- на одном сайте (5,5 %) дана информация о последнем обновлении, также только на одном ресурсе предоставлена возможность поиска по электронному каталогу.

- иноязычная версия и счетчик посещений не предусмотрены ни на одном из проанализированных сайтов школьных библиотек,

5. Следующим этапом стал анализ структуры сайтов, то есть *информационного наполнения*, с точки зрения целевого наличия той или иной рубрики относительно функций, выполняемых школьной библиотекой.

Всего при анализе сайтов, после устранения семантической синонимии в названиях рубрик, было выделено 89 различных по содержанию рубрик. Относительно функций они распределились следующим образом: значительный объем информации, представленной на сайтах школьных библиотек, относится к выполнению *организационной функции* (33,7 %). Эта функция была выделена в результате анализа по причине выявления определенной категории рубрик, представляющих официальную информацию о библиотеке, например рубрики «Гостевая книга», «Документы», «История», «Концепция», «Наша библиотека», «О работах», «Структура».

Примером осуществления *информационной функции* (23,5 %) служат такие рубрики, как «Издания библиотеки», «Обзоры учебной и справочной литературы» и другие.

Четверть рубрик можно отнести к *культурной* (15,7 %) и *воспитательной* (10,1 %) *функциям*, это такие рубрики, как «Мнения», «Изучаем родной край», «Мой любимый герой», «Моя любимая книга», «Уроки нравственности».

Около 9 % рубрик выполняют *образовательную функцию*, это рубрики «Проблемы детского чтения», «Уроки внеклассного чтения», «Методическая работа».

Наименьшее число рубрик посвящено *формированию информационной культуры личности* у учащихся средних образовательных учреждений, это чуть более 3 % рубрик, среди которых выделяются такие рубрики, как «Библиографические уроки», «Информационная культура», «Формирование информационной культуры у учащихся».

6. И на последнем этапе исследования нами были определены *основные категории пользователей* сайтов школьных библиотек, среди которых: учащиеся данного образовательного учреждения, педагоги, учебно-вспомогательный персонал библиотеки, родители учащихся, студенты – практиканты педагогических и других вузов, руководители районных и городских отделов образования, осуществляющие поддержку и контроль деятельности школьных библиотек.

7. Особого внимания заслуживают серьезные недостатки по некоторым другим характеристикам проанализированных сайтов.

Большинство сайтов не имеют хорошо организованной *структуры*, и поэтому на первый план выходит проблема нелогичности. Очень часто семантическое значение названия рубрики не соответствует информационному направлению включенного в нее материала. Также проявляют себя проблемы недостаточности и разнородности информационного наполнения. Контент более 70 % проанализированных сайтов представлен одноуровневой структурой, и при этом некоторые сайты имеют всего по четыре-пять главных рубрик, содержание которых априорно не может полноценно отразить всю деятельность данной школьной библиотеки.

Дизайн для сайта имеет не первостепенное, но достаточно важное значение. Оформление многих сайтов разработано некачественно, и это влечет за собой ряд проблем, как, например, нечитабельность (цветовое оформление, используемые гарнитуры шрифтов или расположение текста вызывают некоторые затруднения в восприятии информации), что иногда раздражает. Соответственно работа с ресурсами, оформленными некачественно, на протяжении необходимого времени может быть затруднительна для пользователя.

Также дизайн сайта может вызвать у пользователя проблемы и другого характера. Некоторые сайты для полноценной работы требуют за-

грузки дополнительного плагина **Macromedia Flash Player**. Также подобная проблема может возникнуть с Java-приложениями. Это потребует значительной загрузки входящего трафика пользователя, и соответственно здесь возникает временной и денежный вопрос.

Но для всех этих проблем, на наш взгляд, общей причиной является непрофессиональность и неопытность *авторов-разработчиков* существующих сайтов школьных библиотек. Из анализа представленной информации об авторах сайтов, можно сделать вывод, что очень редко подобные сайты разрабатываются профессионалами. Таких сайтов всего два, но даже они не имеют достаточно высоких показателей качества. Чаще сайты школьных библиотек разрабатываются учениками школы, структурным подразделением которой и является библиотека. Это ученики 9, 10 и 11-х классов, просто увлекающиеся разработкой **web-ресурсов** и, соответственно, не имеющие должного опыта и образования для создания качественного во всех отношениях сайта.

На основе проведенного анализа нами разработан эскизный вариант структуры контента сайта школьной библиотеки, в которой мы выделили несколько типов рубрик:

- 1) рубрики, которые могут встретиться на сайте любой организации:
 - «Новости»,
 - «О сайте»,
 - «Полезные ссылки»,
 - «Контакты»,
 - «Гостевая книга»,
- 2) рубрики, отражающие специфичность деятельности школьной библиотеки, это:
 - «О библиотеке»,
 - «Наши ресурсы»,
 - «Наш досуг»,
 - «Образование»,
 - «Растить гражданина».

Особое внимание стоит уделить именно специфическим рубрикам. Данные рубрики должны заполняться в индивидуальном порядке с учетом направлений деятельности конкретной школьной библиотеки.

Так, рубрика «О библиотеке» должна содержать сведения достаточно формального организационного характера, и здесь могут быть такие подрубрики, как «История», «Структуры», «Кадры» и тому подобное.

В рубрике «Наши ресурсы» должны размещаться сведения об источниках информации и фонде школьной библиотеки, причем как в традиционной форме, так и в цифровом формате. Также здесь библиотека может размещать собственные информационно-аналитические продукты.

Рубрика «Наш досуг» предназначена для отражения культурной деятельности библиотеки и читателей библиотеки в области изобразительного, художественного, музыкального искусства.

Вся деятельность школьной библиотеки, направленная на развитие у пользователей различных умений и навыков, может быть отражена в рубрике «Образование».

Раздел «Растить гражданина» предназначен для отражения специфической воспитательной функции школьной библиотеки, и здесь могут быть представлены такие рубрики, как «Мир и мы», «Патриотическое воспитание», «Изучаем край родной», «Профорентация» и другие.

На наш взгляд, сайт школьной библиотеки, в основе которого будет лежать подобная структура, способен соответствовать статусу современной библиотеки и полноценно реализовать все функции школьной библиотеки, как подразделения среднего образовательного учреждения, не только для ограниченного числа учеников и педагогов, а для всех пользователей глобальной сети Интернет.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данный момент в деятельности по проектированию сайтов в области библиотечного обслуживания средних учебных заведений по всей России не достигнуты идеалы сайтостроения, и представленные для общего пользования в сети Интернет ресурсы имеют большое число серьезных недостатков. Но при этом сам факт того, что и школьные библиотеки, имеющие ограниченные кадровые, материальные и информационные ресурсы относительно информационно-библиотечной сферы в целом, становятся объектами для позиционирования в мировом информационном пространстве, имеет важное значение.

Особую актуальность проблема приобретает в связи с тем, что встает вопрос позиционирования не только школьной библиотеки, но и непосредственно самого образовательного учреждения.

Литература

1. Гендина, Н. И. Миссия школьной библиотеки в условиях становления информационного общества и общества знаний [Текст] / Н. И. Гендина // Школьная библиотека. – 2007. – № 6–7. – С. 22–36.
2. Гендина, Н. И. Разработка теории проектирования контента сайтов объектов культуры как основа их создания и модернизации [Текст] / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, О. И. Алдохина // Информационное общество, культура, образование. 10 лет ежегодной международной конференции «EVA Москва»: сб. статей. – М.: Центр ПИК, 2007. – С. 176–192.
3. Информационно-справочный портал Library. ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ru/>

4. Старовойтова, О. Р. Краткий справочник школьного библиотекаря [Текст] / О. Р. Старовойтова, Т. И. Полякова, Ю. В. Лисовская. – СПб.: Профессия, 2001. – 352 с.
5. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины [Текст] / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.

Т. В. Ветошкина

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НЕЗРЯЧЕГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ СПЕЦБИБЛИОТЕКИ

Информация, реально доступная для всех, – это не только важнейшее гуманистическое требование, но и условие движения нашей страны к обществу знаний. Уровень доступа к информации и образованию для граждан с ограничениями жизнедеятельности становится сегодня ценностно-смысловой характеристикой современной жизни. В настоящее время назрела необходимость в развитии услуг оперативного информационно-библиотечного обеспечения потребностей этой категории граждан, их попечителей, помощников, а также многочисленных специалистов реабилитационной работы. Это прямое следствие нового этапа преобразований в нашей стране.

Право инвалидов на беспрепятственный доступ к информации закреплено, в частности, в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» в статье 14: «Государство гарантирует инвалиду право на получение необходимой информации...» [5].

Для построения общества, основанного на знаниях, ведущая роль новых информационных технологий и электронных ресурсов очевидна – они обеспечивают широкое распространение и доступность документов, информации и знаний для всех граждан. Однако особую роль они играют для людей, имеющих проблемы со здоровьем, в частности, для инвалидов по зрению.

В России растет число граждан, имеющих ограниченные возможности здоровья и по этой причине некомфортно ощущающих себя в современном мире. При этом многие из них обладают нормальным интеллектуальным потенциалом и имеют такие же глубокие и действенные интересы, как и граждане без сенсорных или физических ограничений. При условии правильного обучения и хорошего технического оснащения образ жизни таких людей может соответствовать принятым в обществе стандартам.

Огромную роль сегодня в воспитании образованных членов информационного общества могут и должны сыграть библиотеки, в первую очередь, библиотеки, обслуживающие инвалидов по зрению. Библиотеки для слепых во все времена являлись хранилищами информации и одновременно – основой для образования и просвещения незрячих людей. Роль современной библиотеки для слепых многократно возрастает: передать незрячим людям ранее накопленные знания и подготовить их к жизни в новых условиях, в условиях быстрого накопления информации в так называемом информационном веке. Выполнение этих задач возможно при условии использования современных компьютерных технологий в специальной библиотеке. Компьютеризированная библиотека для слепых сегодня выполняет особую миссию – обеспечивает оперативный доступ к информационным ресурсам незрячим читателям и одновременно является центром воспитания информационной культуры незрячего пользователя.

Эффективность информационно-библиотечного обслуживания сегодня напрямую зависит от совместного использования традиционных и электронных ресурсов.

Политика формирования и использования информационных ресурсов Кемеровской областной специальной библиотеки для незрячих основывается на следующих принципах:

- приобретение информационных ресурсов с учетом потребностей незрячих пользователей;

- создание собственных информационных ресурсов;

- полнота и сохранность краеведческой информации;

- организация доступа к отечественным и мировым ресурсам.

Крупнейшим информационным ресурсом библиотеки является ее фонд. В фондах Кемеровской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих, насчитывающих около двухсот тысяч экземпляров книг, можно найти издания на различных носителях и для любого возраста:

- книги, напечатанные рельефно-точечным шрифтом;

- крупнопечатные книги для слабовидящих;

- аудиокниги, записанные на кассетах и компакт-дисках в формате MP3;

- электронные издания.

Тем не менее, фонд библиотеки не в состоянии полностью удовлетворить растущие информационные потребности незрячих читателей, так как репродуцируется всего 2 % от общего информационного потока, доступного зрячим.

Ситуация изменилась благодаря широкому распространению компьютерных технологий и Интернет: инвалиды по зрению получили возможность оперативного доступа к информационным ресурсам и эффективный способ обмена информацией. В настоящее время обеспечение доступности электронных ресурсов людям, не способным читать печатные тексты, становится общемировой тенденцией. Законодательные акты многих стран мира требуют для инвалидов равных прав доступа к Интернет-ресурсам.

Развитие новых компьютерных технологий в последнее время открыло уникальные возможности для незрячих людей по предоставлению им информации. Новые адаптивные технологии открывают в этом отношении перед инвалидами по зрению широкие перспективы. Подключение к глобальной сети Интернет через АРМы, оснащенные устройствами, компенсирующими нарушения зрения, слуха, движения, предоставляет новые возможности специальным группам пользователей. Впервые для людей, испытывающих трудности в чтении печатной продукции, обеспечен доступ к той информации, которая точно соответствует их текущим потребностям и не зависит от решения и возможностей посредников. Книги, газеты и журналы теперь доступны в онлайн-режиме 24 часа в сутки. Благодаря специальному программному обеспечению экранного считывания и другим адаптивным технологиям обеспечивается широкий и разнообразный выбор информации, которая может быть получена пользователями с ограничением жизнедеятельности.

Слабовидящие могут считывать информацию с экрана посредством компьютерных программ увеличения изображения, самостоятельно менять размер шрифта и цвет текста. Тот же самый текст способны читать и незрячие – с помощью синтезатора речи или отображения его на брайлевском дисплее.

Наличие документов в цифровом формате и поисковых систем существенно расширяет возможности незрячих людей в получении образования, повышении уровня грамотности, овладении профессией, расширении кругозора, освоении мирового культурного наследия. Новые технологии позволяют снять многие ограничения, в первую очередь, связанные со сложностями перемещения инвалидов, физической недоступностью для них многих учреждений (в т. ч. информации и культуры), удаленностью проживания от региональных центров и др. В то же время существуют и проблемы:

а) для работы с электронными ресурсами необходима специальная техника и программное обеспечение (что, в силу высокой стоимости, не многие инвалиды могут приобрести в личное пользование),

б) пользователь должен получить специальную подготовку для работы на АРМе, а такая возможность есть далеко не во всех региональных центрах.

В данной ситуации специальной библиотеке отводится роль – выполнить две взаимосвязанные функции: информационного обслуживания и обучения. Итог ее деятельности – это подготовка квалифицированного пользователя, легко ориентирующегося в фонде, справочно-поисковом аппарате библиотеки, использующего услуги, предлагаемые в библиотечной и научно-информационной сфере, а в современную эпоху развития автоматизированных систем и информационных сетей связи – привитие навыков и умения получать необходимые сведения в интерактивном режиме.

Кемеровская областная специальная библиотека в полной мере оснащена специальным компьютерным оборудованием и программами для незрячих пользователей, и поэтому новым этапом в жизни библиотеки и ее читателей стало создание Центра открытого доступа к Интернет.

Цели и задачи создания Центра открытого доступа к Интернет:

- обеспечить права инвалидов по зрению на получение информации в сети Интернет;
- создать условия для бесплатного использования сети Интернет;
- оказывать помощь в подборе необходимой информации и ориентации в Интернет;
- обучать незрячих пользователей компьютерной грамотности;
- формировать у пользователей потребность в информации. Центр

открытого доступа к Интернет оснащен современной компьютерной тифлотехникой. Для самостоятельной работы пользователей на все компьютеры были установлены специальные программы экранного и речевого доступа «Max Reader», «Jaws for Windows». Деятельность Центра открытого доступа к Интернет для незрячих пользователей направлена на обучение незрячих читателей компьютерной грамотности и предоставление им бесплатного доступа к Интернет.

За полгода работы Центра было проведено 58 занятий по обучению компьютерной грамотности. Обучение в 2007 году проходили 16 пользователей. Существенной проблемой в обучении пользователей с ограниченными возможностями является почти полное отсутствие специальных методик, учебных пособий и подготовленных преподавателей. Положение дел в настоящий момент таково, что специалисты нашей библиотеки были вынуждены самостоятельно, методом проб и ошибок, разрабатывать соответствующие методики и учебные пособия.

Одно из важных наблюдений, которое было сделано в ходе обучения незрячих пользователей, – обучение должно быть индивидуальным или в группах не более трех человек.

При определении продолжительности обучения и скорости получения навыков работы на компьютере всех обучающихся следует разделять:

- а) по возрастным категориям;
- б) по образовательному уровню;
- в) по группе инвалидности.

Наиболее быстро обучаются работе на компьютере незрячие и слабовидящие до 40 лет с высшим, особенно с техническим, образованием. К следующей группе можно отнести лиц со средним образованием, но не старше 30 лет. Плохо поддаются обучению работе на компьютере незрячие и слабовидящие старше 45 лет и большим стажем работы на УПП ВОС, очевидно, сказываются стереотипы, выработанные в результате долгодетней монотонной работы на конвейере или механической сборки.

К выбору оборудования также необходимо подходить дифференцированно. Необходимо два разных типа оборудования:

- первый – для незрячих пользователей, работающих с брайлевой строкой, который оснащается брайлевскими дисплеями и звуковыми платами и колонками без особых требований к мониторам;

- второй – для слабовидящих, работающих с помощью зрения за экраном компьютера. Он оснащается мощными мониторами с большой диагональю и высокой частотой развертки, звуковыми платами и колонками.

Речевое сопровождение в обоих случаях является обязательным.

При построении плана занятий следует чередовать практическую работу за компьютером с получением новой информации на слух. Необходимо активное повторение материала предыдущих занятий в практической работе, следовательно, постепенное закрепление и выработка навыков и автоматизма в работе. Должны быть конкретные практические задания и упражнения для различных категорий обучаемых.

Для более успешного усвоения изучаемого материала необходимым условием является правильное распределение нагрузки при составлении плана проведения занятий. А при обучении слабовидящих, пользующихся во время обучения зрением, органом, который является больным, слабым, тем более важным становится чередование нагрузки на глаза и отдыха во время проведения занятий. Обязательно использование спе-

циальных упражнений для отдыха глаз. Во время занятий целесообразно чередовать: изучение нового материала на экране не более 10–15 минут, а затем лучше всего перейти к старому для закрепления и поработать по повторению пройденного, так как при повторении срабатывает механизм зрительной памяти по внешнему очертанию, отсутствует разглядывание объекта на экране, и тем самым слабовидящий работает в щадящем режиме, давая меньшую нагрузку на глаза.

Результатом обучения должно стать овладение компьютером на хорошем пользовательском уровне, а это означает, что выпускник должен быстро находить нужный ему объект на локальных дисках, и, по возможности, в Интернет, писать, печатать, читать и сканировать тексты, иметь общее представление о работе системы, уметь прослушивать музыку и переводить тексты с помощью программ-переводчиков.

Безусловно, каждому слепому человеку необходима компьютерная грамотность и опыт практического использования компьютеров. Ведь именно компьютерная технология призвана сыграть решающую роль в информационном равноправии со всеми инвалидов по зрению.

Одно из важных наблюдений, которое было сделано в ходе обучения незрячих пользователей, это то, что благодаря общению читателей с компьютерами в библиотеке, меняется их мировоззрение. Инвалиды по зрению приобретают знания и умения, которые характеризуют понятие информационной культуры незрячего пользователя.

В заключение хотелось бы отметить: необходимо не просто ликвидировать компьютерную неграмотность, а развивать информационную культуру личности незрячего пользователя, то есть обеспечивать социализацию инвалидов по зрению за счет приобщения к миру культуры и образования, за счет целенаправленного обучения поиску, анализу и синтезу ресурсов, ориентированных именно на эту категорию пользователей. Цель развития информационной культуры личности незрячего пользователя – формирование информационного мировоззрения; расширение, углубление и систематизация знаний и умений по работе с информацией как основы качественного информационного самообеспечения инвалида по зрению.

На данный момент проблема формирования информационной культуры незрячих пользователей практически совсем не изучена: нет теоретического обоснования, нет методических разработок. Следовательно, назрела необходимость проведения исследований, направленных на разработку методики формирования основ информационной культуры личности для незрячего пользователя.

Литература

1. Гендина, Н. И. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины [Текст] / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.
2. Захарова, Е. В. Продвижение электронных ресурсов в среду незрячих пользователей: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Е. В. Захарова. – Электронные текстовые данные (23000 bytes). – Режим доступа: <http://www.rgbs.ru/ru/std/info/zah07/>
3. Кальте, В. Г. Информация как средство реабилитации [Текст] / В. Г. Кальте // Детская и подростковая реабилитация. – 2007. – № 2. – С. 56–63.
4. Марусич, Ж. В. Библиотечное обслуживание инвалидов по зрению средствами новых информационных технологий [Текст] / Ж. В. Марусич. – М.: Либерия, 2004. – 96 с.
5. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.hro.org/docs/rlex/zakinv.htm>

М. Г. Ли

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БИБЛИОТЕЧНО- ИНФОРМАЦИОННЫХ КАДРОВ

В современной высшей школе ориентация на принципы личностно-ориентированного образования повлекла за собой стремление к обогащению учебного процесса инновационными образовательными технологиями. Переход к диалоговому общению педагога и обучающегося, развитие самостоятельности мышления и достижение высокого уровня личностной и профессиональной компетентности не могут более обеспечиваться традиционным типом образования.

К образовательным инновациям мы относим любые способы организации учебного процесса, выходящие за рамки традиционного знания-вого типа образования, для которого характерны:

- организация информации, предполагающая только репродуктивное восприятие и запоминание;
- ориентация на усвоение установленного программой объема информации;
- образовательные цели задает только педагог, без участия студента;
- учебно-практическая деятельность в основном построена на однотипных задачах, требующих поиска и воспроизведения заранее известных ответов.

Характеристика традиционного и инновационного типов образования

Традиционное образование	Инновационное образование
Образовательное взаимодействие	
<i>Объект – Субъект</i>	<i>Субъект – Субъект</i>
Образовательные цели	
<i>Формулируются педагогом</i>	<i>Значимы для субъекта</i>
Форма организации материала	
<i>Объяснительно-репродуктивная</i>	<i>Проблемная</i>

Инновационные образовательные технологии способны компенсировать недостатки традиционного образования: повысить уровень мотивации к обучению, активизировать мышление обучающихся, обеспечить высокий уровень интеллектуального и духовного развития личности.

В структуре образовательных технологий, которые принято относить к числу инновационных, выделим основные компоненты, обеспечивающие развитие личности:

- проблема;
- целеполагание;
- разработка альтернатив;
- принятие решения;
- рефлексия.

Эти компоненты являются базовыми составляющими процесса интеллектуального развития личности, важнейшим из которых, на наш взгляд, является проблема. Наличие проблемы в учебной задаче побуждает к действиям по ее решению и таким образом активизирует мышление. Целеполагание формирует мотивацию и развивает способность описывать конечный результат деятельности.

Образовательный процесс, основанный на принципе проблематизации, имеет ряд развивающих эффектов. Это качества, которые приобретает личность в результате инновационного образования:

- видение многозначности возможных решений проблемы;
- самостоятельность и критичность мышления;
- осознанное отношение к решению нестандартных проблем.

Образовательные технологии, основанные на принципе проблематизации, обеспечивают успешность личности в профессиональной сфере, готовность к действиям в нестандартных ситуациях и нацеленность на

саморазвитие, то есть формируют профессиональную компетентность, которая выражается в следующих качествах:

- успешность в профессии;
- готовность личности к действиям в нестандартных ситуациях;
- нацеленность на постоянное совершенствование профессиона-

лизма.

По результатам исследования, проведенного Лабораторией инновационных образовательных технологий, педагоги Института информационных и библиотечных технологий в период с 2001 до 2004 года наиболее активно использовали следующие образовательные технологии:

- информационные технологии;
- проблемное обучение;
- игровые технологии;
- проектные технологии.

Из этого перечня только информационные технологии могут не содержать принцип проблематизации и, следовательно, обеспечивать объяснительно-репродуктивный тип образования. Проблемное обучение, игровые и проектные технологии в своей основе содержат проблемность, целеполагание и рефлексию.

Чтобы библиотечное образование обеспечивало формирование профессиональной компетентности, выбор инновационных образовательных технологий должен быть обусловлен особенностями библиотечно-информационной деятельности. Одна из главных целей высшего образования, основанного на компетентностном подходе, – обеспечить конкурентоспособность выпускника на рынке труда. Образование, основанное на инновациях, способно обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки.

Для выбора образовательных технологий необходимо ориентироваться на содержание профессии, в структуре которой есть действия разного уровня.

Е. Г. Астапович предлагает различать три типа библиотечных технологических операций: элементарные, логические и творческие [см.: 1, с. 17–43].

Такая типизация библиотечных операций может быть соотнесена с предложенной академиком В. П. Беспалько логической структурой уровней усвоения, которые выражаются в способности использовать информацию при решении различного рода задач. В основе этой структуры лежат два возможных типа человеческой деятельности. При репродуктивном типе никакой новой информации не создается, происходит только повторение известного. На продуктивном – всегда создается новая информация.

Рис. 1. Соотношение уровней усвоения деятельности и типов библиотечных технологических операций

Эти уровни при соотнесении с типами библиотечных технологических операций могут быть представлены в виде лестницы профессионального мастерства, по которой восходит студент в процессе образования: от простейшего уровня исполнителя до высшей ступени профессионализма.

Рис. 2. Лестница мастерства (В. П. Беспалько)

На исполнительском уровне образовательный субъект только воспроизводит по памяти усвоенную ранее информацию и применяет известные алгоритмы деятельности для решения типовых задач. На этом уровне достаточно эффективным будет репродуктивный тип обучения: исходные условия выполнения задачи и конечный результат заранее известны, а ус-

ловия выполнения и способы решения задачи формулируются педагогом, и он контролирует прохождение всех этапов решения задачи.

Например, на занятиях по курсу «Методика преподавания дисциплин библиотечно-информационного цикла» студентам может быть предложен анализ структуры учебно-методического пособия по одному из курсов библиотечно-информационного профиля. Такой анализ проводится по плану, в котором все учебные действия определены заранее.

Логик должен уметь решать нетиповые задачи, требующие комбинирования известных алгоритмов деятельности и эвристического мышления. При выполнении логических технологических операций результат заранее известен, а исходные условия – различны. Для развития этого уровня важно использование продуктивных образовательных технологий, активизирующих мышление и формирующих интеллектуальную самостоятельность. Здесь педагог выполняет постановку задачи и формулирует конечный результат, а условия выполнения и способы решения выбирает студент в образовательном процессе.

Например, разработка плана занятия по любой библиотечной дисциплине. Такие планы, даже если они выполняются по одной теме, у всех студентов будут в итоге совершенно различны. Педагог только определяет критерии, которым должен соответствовать план, а его наполнение каждый студент осуществляет самостоятельно.

Для развития творческого начала в личности определяющее значение имеют эвристические образовательные технологии, так как это высший уровень профессиональной деятельности. При выполнении творческих технологических операций исходные условия определены, но конечный результат не известен. Здесь педагог выполняет контролирующую функцию только при постановке задачи, а в процессе ее выполнения он является только организатором и консультантом. Например, разработка инновационной формы занятия по библиотечной дисциплине и дальнейшая защита разработанного проекта.

Таблица 2

**Характеристика образовательного процесса
при репродуктивном/продуктивном типе образования**

Категории образовательного процесса	Репродуктивное обучение	Продуктивное обучение	
	Исполнитель	Логик	Творческая личность
Постановка задачи	Формулируется преподавателем	Формулируется преподавателем	Формулируется преподавателем

Категории образовательного процесса	Репродуктивное обучение	Продуктивное обучение	
	Исполнитель	Логик	Творческая личность
Условия выполнения	Формулируются преподавателем	Самостоятельно выполняется обучающимся	Самостоятельно выполняется обучающимся
Способы решения	Контролируются преподавателем		
Конечный результат	Заранее известен	Заранее известен	Неизвестен

Нередко внедрение инновационных образовательных технологий происходит спонтанно, без обоснования целесообразности их применения, а закрепление в практике основано только на успешном опыте использования. Подобный подход может привести к большим затратам усилий и личного времени педагога, не гарантируя при этом успешность выбранной технологии обучения.

Формирование профессиональной компетентности личности должно быть основано на специфике и уникальности библиотечно-информационной профессии и обеспечиваться корректным использованием образовательных инноваций. Знание принципов развития личности, компонентов инновационного процесса и типологии библиотечных технологических операций способно обеспечить максимальную эффективность развития в личности обучающегося осознанного отношения к выбранной профессии и самостоятельности мышления.

Литература

1. Астапович, Е. Г. Классификация библиотечных технологических процессов [Текст] / Е. Г. Астапович // НТБ. – 1994. – № 11. – С. 17–43.
2. Беспалько, В. П. Параметры и критерии диагностической цели [Текст] / В. П. Беспалько // Образовательные технологии. – 2006. – № 1. – С. 18–34.
3. Пилко, И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие [Текст] / И. С. Пилко. – СПб.: Профессия, 2006. – 342 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Баснина А. П.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», лаборант КемГУКИ.
2. **Бунякина С. Л.**, аспирантка по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», документовед КемГУКИ.
3. **Бычкова Е. Е.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, учитель гимназии № 71 «Радуга» г. Кемерово.
4. **Васильева А. И.**, соискатель по научной специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ.
5. **Василькова Н. С.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, ст. преподаватель Новосибирского государственного педагогического университета.
6. **Васькина О. Э.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, преподаватель Кемеровского технологического института пищевой промышленности.
7. **Ветошкина Т. В.**, соискатель по научной специальности 05.25.03 «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, зам. директора ГУК «Кемеровская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих».
8. **Громова О. Г.**, кандидат культурологии, доцент КемГУКИ.
9. **Думанский Д. В.**, аспирант по научной специальности 07.00.10 «История науки и техники», преподаватель КемГУКИ.
10. **Елин С. П.**, соискатель по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ, представитель в г. Кемерово ЗАО «Информационно-издательский Концерн “Российская газета”» (г. Москва).
11. **Захарова О. В.**, инженер по качеству отдела менеджмента качества КемГУКИ.
12. **Кара-Сал А. А.**, ст. преподаватель ТГУ.
13. **Киселева М. А.**, соискатель по научной специальности 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» КемГУКИ.
14. **Киштеева О. В.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, ассистент Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
15. **Клюев Ю. В.**, преподаватель КемГУКИ.
16. **Колногоров В. В.**, соискатель по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» КемГУКИ, начальник отдела ГИБДД УВД по г. Кемерово.
17. **Коняева Л. С.**, студентка культурологического факультета КемГУКИ.
18. **Кочеткова Я. Г.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, помощник руководителя отдела по церковной

благотворительности и социальному служению Кемеровской и Новокузнецкой Епархии Русской Православной Церкви.

19. **Коханова О. В.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, зав. вокальным отделением МОУ «Детская школа искусств № 46» г. Кемерово.
20. **Куликова М. В.**, соискатель по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ.
21. **Курбатов В. П.**, кандидат культурологии, зам. директора по научно-исследовательской работе Института искусств КемГУКИ.
22. **Лопатина Е. И.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
23. **Ли М. Г.**, аспирантка по научной специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение», преподаватель КемГУКИ.
24. **Лиханина Е. Н.**, преподаватель КемГУКИ.
25. **Лякин В. Е.**, аспирант по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ, адвокат адвокатского кабинета № 42/196 г. Кемерово.
26. **Маликова А. А.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, преподаватель Кызылского училища культуры.
27. **Матевосян А. Ж.**, аспирант по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, учитель МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 95» г. Кемерово.
28. **Медведев А. В.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ.
29. **Межова М. В.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ.
30. **Мигунова О. И.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
31. **Мешечак Н. А.**, соискатель по научной специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, зав. отделом научно-медицинской библиотеки Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).
32. **Молодцова Н. В.**, соискатель по научной специальности 05.25.03 «Библиотечноеведение, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, зам. директора научно-медицинской библиотеки Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).
33. **Найдина Е. Н.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», младший научный сотрудник КемГУКИ.
34. **Носова И. П.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.

35. **Осипенко Н. Н.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
36. **Пампура Ж. В.**, соискатель по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ, директор Кемеровского бюро «Интерфакс-Сибирь».
37. **Петрова Е. А.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, преподаватель МОУ «Детская школа искусств» п. Курагино Красноярского края.
38. **Петрова С. И.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ.
39. **Пивень И. А.**, аспирант по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ.
40. **Попова Н. С.**, аспирантка по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
41. **Протасова Н. Г.**, преподаватель КемГУКИ.
42. **Пушненкова С. А.**, соискатель по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания», преподаватель КемГУКИ.
43. **Редько О. В.**, аспирантка по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания», преподаватель КемГУКИ.
44. **Савельев В. В.**, аспирант по научной специальности 05.25.03 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, программист МУК «Детская централизованная библиотечная система» г. Кемерово.
45. **Секретова Л. В.**, ст. преподаватель Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.
46. **Соколова Т. Б.**, соискатель по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» КемГУКИ, методист МОУ ДОД «Городской центр детского технического творчества» г. Кемерово.
47. **Тарасова А. Н.**, аспирантка по научной специальности 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» КемГУКИ, секретарь ГУ «Областной центр мониторинга качества образования» г. Кемерово.
48. **Терехова М. В.**, соискатель по научной специальности 05.25.03 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, директор научно-медицинской библиотеки Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).
49. **Ткаченко Л. А.**, соискатель по научной специальности 17.00.04 «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура» Алтайского государственного университета, зав. кафедрой дизайна Российского государственного профессионально-педагогического университета (филиал г. Кемерово).

50. **Хавренко О. А.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
51. **Харламова Т. А.**, ст. преподаватель Омского государственного педагогического университета.
52. **Хижняк Н. Л.**, аспирантка по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» КемГУКИ, заместитель начальника Департамента культуры и национальной политики Администрации Кемеровской области.
53. **Цветус-Сальхова Т. Э.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры», преподаватель КемГУКИ.
54. **Чепурина В. В.**, кандидат культурологии, зав. кафедрой культуры и искусства речи КемГУКИ.
55. **Черняк М. В.**, соискатель по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», программист отдела PR КемГУКИ.
56. **Шаянова Е. П.**, соискатель по научной специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, специалист по культуре Администрации Убинского района Новосибирской области.
57. **Шерпаева А. Ю.**, соискатель по научной специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» КемГУКИ, зам. директора по культуре и спорту ООО «Санаторий “Рассветы над Бией”» Алтайского края.
58. **Югай И. Б.**, аспирант по научной специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Раздел 1. ПРАГМАТИКА СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	
<i>Петрова С. И.</i> Социальная среда: проблемы и суждения.....	7
<i>Лякин В. Е.</i> Место истины в человеческом бытии.....	11
<i>Харламова Т. А.</i> Идеал – устойчивый фактор культуры.....	17
<i>Редько О. В.</i> Аксиологический дискурс.....	24
<i>Куликова М. В.</i> Контуры новой идеологии для Новой России (к постановке проблемы).....	30
<i>Памтура Ж. В.</i> Инновационный лингвистический процесс в современном русском языке на рубеже XX и XXI веков.....	34
<i>Югай И. Б.</i> Специфика коммуникации в киберпространстве.....	40
<i>Пивень И. А.</i> Измененные состояния сознания в социокультурном контексте современности.....	46
<i>Пушненкова С. А.</i> Проблема отчаяния в экзистенциальной философии Серена Кьеркегора.....	52
<i>Елин С. П.</i> Особенность философского воззрения о космосе в Древнем Китае.....	56
Раздел 2. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Думанский Д. В.</i> Понятие научно-исследовательской программы: варианты интерпретации.....	62
<i>Межова М. В.</i> Толерантность как основа межкультурной коммуникации.....	68
<i>Громова О. Г.</i> Патриотизм и национализм как грани национальной самоидентификации.....	72
<i>Васькина О. Э.</i> Проблемные ситуации в исследованиях ценностей.....	78
<i>Медведев А. В.</i> Институт семьи: соотношение традиций и новаций.....	82
<i>Маликова А. А.</i> История русско-тувинских языковых контактов.....	89
<i>Матевосян А. Ж.</i> Роль армянской диаспоры в укреплении культурных взаимоотношений с Россией.....	94
<i>Кочеткова Я. Г.</i> Социальное служение Кемеровской епархии в российском социокультурном контексте.....	100
<i>Кара-Сал А. А.</i> Аксиологические компоненты культуры в исследовании традиционного общества.....	106
Раздел 3. ЭСТЕТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА	
<i>Хавренко О. А.</i> Опыт концертных организаций в решении современных социокультурных проблем молодежи.....	114
<i>Чепурина В. В.</i> Диалектика объективного и субъективного в интерпретации текстов.....	120
<i>Попова Н. С.</i> Культурные и художественные основы стиля Ар Деко.....	126

<i>Василькова Н. С.</i> Фотография как средство приобщения личности к художественной культуре в транзитивном обществе.....	132
<i>Цветус-Сальхова Т. Э.</i> Жестовый язык пантомимы в тетральной культуре...	138
<i>Коханова О. В.</i> Основные направления развития отечественной музыкальной эстетики XX века	144
<i>Лопатина Е. И.</i> Рождение электронной музыки в эпоху модерна.....	151
<i>Носова И. П.</i> К проблеме комплексного подхода в исследовании музыкального жанра в контексте художественной культуры.....	158
<i>Осипенко Н. Н.</i> Музыкальный текст: проблема прочтения и понимания.....	165
<i>Протасова Н. Г.</i> Некоторая специфика фигуративного письма в фортепианных концертах Р. Щедрина.....	171
<i>Ткаченко Л. А.</i> Искусство художественной керамики в Западной Сибири в 60–90-х годах XX века.....	177
Раздел 4. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОР	
<i>Курбатов В. П.</i> Обряд и псевдообряд в современной жизни общества.....	181
<i>Шаянова Е. П.</i> Духовная культура старожилов Западной Сибири.....	186
<i>Найдина Е. Н.</i> Постфольклор – фольклор в социокультурном пространстве	193
<i>Кишteeва О. В.</i> Магические функции хакасского костюма в народной культуре.....	200
<i>Петрова Е. А.</i> Сохранение традиционных элементов свадебного обряда у немцев, проживающих на территории Восточной Сибири (на примере жителей Минусинского края).....	207
<i>Баснина А. П.</i> Персонажи детского обряда «вызываний», восходящие к карточной символике.....	212
<i>Бычкова Е. Е.</i> Словесные формулы как способ структурирования и организации детской подвижной игры.....	218
<i>Мигунова О. И.</i> Паремииологические жанры современного детского фольклора.....	224
Раздел 5. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА	
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:	
ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ	
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Черняк М. В.</i> Информационное общество: некоторые особенности социокультурного развития.....	231
<i>Секретова Л. В.</i> Организационно-педагогические условия интеграции элитарных клубов в социально-культурную среду региона.....	242
<i>Буныкина С. Л.</i> Социально-культурная практика формирования игровых сообществ в сфере досуга.....	248
<i>Лиханина Е. Н.</i> Интеграция как инновационное средство монтажа праздничных форм культуры.....	258

<i>Шерпаева А. Ю.</i> Проблемы релаксации человека в сюжетно-ролевых играх.....	264
<i>Соколова Т. Б.</i> Актуальные проблемы системы дополнительного образования детей в условиях модернизации современного образования.....	269
<i>Хижняк Н. Л.</i> Социально-экономические исследования в сфере дополнительного художественного образования детей (на примере Кемеровской области).....	276
<i>Колногоров В. В.</i> Социально-педагогические основы формирования корпоративной культуры в государственной инспекции безопасности дорожного движения РФ.....	287
Раздел 6. МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	
<i>Захарова О. В.</i> Проблемы информатизации этнографических музеев Западной Сибири.....	291
<i>Киселева М. А.</i> К вопросу о периодизации отечественного экскурсионного дела.....	299
<i>Коняева Л. С.</i> Перспективы создания музея Кемеровской и Новокузнецкой епархии.....	306
<i>Тарасова А. Н.</i> Экология культуры и современные научно-педагогические подходы к организации и содержанию деятельности школьных музеев.....	310
<i>Клюев Ю. В.</i> Модели службы маркетинга для музейных учреждений Кемеровской области.....	315
Раздел 7. ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕХНОЛОГИИ: ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЙ	
<i>Терехова М. В.</i> Комплексная оценка качества библиотечных процессов.....	322
<i>Молодцова Н. В.</i> Документационное обеспечение системы управления библиотекой.....	328
<i>Мешечак Н. А.</i> Анализ востребованности «сводного каталога периодики и аналитики по медицине».....	335
<i>Савельев В. В.</i> Проблемы использования электронных ресурсов в детских библиотеках.....	340
<i>Васильева А. И.</i> Сайты школьных библиотек в зеркале сети Интернет.....	345
<i>Ветошкина Т. В.</i> Формирование информационной культуры незрячего пользователя в условиях спецбиблиотеки.....	352
<i>Ли М. Г.</i> Инновационные образовательные технологии как средство формирования профессиональных компетенций библиотечно-информационных кадров.....	358
Сведения об авторах.....	364

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 4

Редактор *В. А. Шамарданов*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати ??.09.08. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,0. Тираж ?? экз. Заказ № ??.

Издательство КемГУКИ:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 19.
Тел. 73-45-83

